Д. ОРТЕНБЕРГ

ИЮНЬ–ДЕКАБРЬ СОРОК ПЕРВОГО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Аннотация издательства: Предыдущие книги Д. Ортенберга "Время не властно" и "Это останется навсегда" были с интересом встречены читателем. На сей раз это не портреты писателей, а целостный рассказ о сорок первом годе, ведущийся как бы сквозь призму центральной военной газеты "Красная звезда", главным редактором которой Д. Ортенберг был во время войны. Перечитывая подшивки "Красной звезды", автор вспоминает, как создавался тот или иной материал, как формировался редакционный коллектив, показывает напряженный драматизм событий и нарастающую мощь народа и армии. Этот прием позволяет автору рассказать правду о войне, о самом трудном, трагическом ее периоде. Новая книга Д. Ортенберга является ценным источником для сегодняшних и будущих историков Великой Отечественной войны, содержит немало материалов, прежде нам неизвестных, и адресуется широкому кругу читателей. В книге опубликованы фотографии корреспондентов "Красной звезды": М. Бернштейна, А. Боровского, Г. Зельмы, А. Капустянского, О. Кнорринга, С. Лоскутова, Д. Минскера, А. Слуцкого, В. Темина, М. Трахмана, Я. Халипа.

- Ортенберг Давид Иосифович
  - От автора
  - Июнь
  - Июль
  - Август
  - Сентябрь
  - Октябрь
  - Ноябрь
  - Декабрь
- notes
  - 1

Ортенберг Давид Иосифович
Июнь-декабрь сорок первого
Рассказ-хроника

От автора

Это не военно-историческое исследование и не мемуары в прямом смысле этого слова. Это - документальный рассказ-хроника, своеобразный дневник редактора, где роль дневниковых записей играют военные номера газеты "Красная звезда".

Листаю и снова листаю страницы старого комплекта "Красной звезды" там протекала моя жизнь и жизнь многих писателей и журналистов в дни войны. Желтеет с годами бумага, но не тускнеют в нашей памяти события тех дней, каждый из которых решал судьбу страны, а значит, и судьбу каждого из нас.

Говорят, что газетный лист живет один день. Это и так и не так: многим материалам, опубликованным давным-давно, уготована долгая жизнь. Они слепок времени, насыщенного как никогда тревожными и как никогда героическими событиями, пропахшими порохом.

Во второй половине сорок первого года не было ни одного дня, о котором нечего рассказать. Но я следую не всем листкам календаря, а выбираю события, с моей точки зрения, наиболее примечательные и с наибольшей отчетливостью отраженные на страницах "Красной звезды".

Читатель найдет в этой книге знакомые имена известных писателей и журналистов, о которых я уже писал. Но, воссоздавая картину тех дней, я не мог не обратиться снова к их жизни на войне, их работе в "Красной звезде", их тогдашним статьям, очеркам, стихам, без которых она была бы неполной.

Константин Симонов, узнав о замысле моей книги, откликнулся на нее такими строками, написанными уже в больнице 30 июля 1979 года:

"Убежден, что задуманное документальное повествование, связанное с работой газеты и ее коллектива в июне - декабре 1941 года, обещает быть интересным. Я, например, вспоминаю те полгода моей работы в газете как едва ли не самое трудное и вместе с тем интересное время в моей жизни. Так это было и для многих других писателей...

Построение книги по принципу изо дня в день, думаю, позволит лучше, чем какое-либо другое, показать всю меру напряжения, в состоянии которого жила сражавшаяся с врагом страна..."

Удалось ли автору достигнуть этого, может сказать лишь мой высший судья - читатель.

Июнь

Иногда меня спрашивают:

- Ты на войну когда ушел?

- Двадцать первого июня.

- ?!

Да, это было так...

Осенью сорокового года был создан Народный Комиссариат государственного контроля СССР. Центральный Комитет партии направил в новый наркомат группу армейских политработников - начальников политуправлений округов, комиссаров центральных управлений. В числе их оказался и я заместитель редактора "Красной звезды". Меня назначили заведующим организационно-инструкторским отделом. По военным понятиям - вроде начальника штаба.

Наркомат разместился в большом здании, что напротив гостиницы "Москва". Мы, однако, не засиживались там. Сменив военную форму на гражданское одеяние, больше разъезжали по стране, осваивая новое, незнакомое для нас дело.

Настало 21 июня.

Утром меня вызвали в Наркомат Обороны и сказали, что группа работников наркомата во главе с маршалом С. К. Тимошенко выезжает в Минск. Предупредили, что и я поеду с ней. Предложили отправиться домой, переодеться в военную форму и явиться в наркомат.

Через час, а может быть, и меньше, оказываюсь в приемной наркома обороны. Там полным-полно военного народа. С папками, картами, заметно возбужденные. Говорят шепотом. Тимошенко уехал в Кремль. Зачем - не знаю. Ничего, кроме тревоги, мне не удается прочитать на его лице.

22 июня

Около пяти часов утра нарком вернулся из Кремля. Позвали меня:

- Немцы начали войну. Наша поездка в Минск отменяется. А вы поезжайте в "Красную звезду" и выпускайте газету...

И вот после полугодового перерыва я снова на Малой Дмитровке, 16, в знакомом трехэтажном здании, где до этого проработал три с лишним года.

Наша старенькая тихоходная ротация выдает последние тысячи очередного номера "Красной звезды", датированного 22

июня. Делали его накануне, до начала войны - делали обычно. Вполне мирный номер! Текущие армейские дела: минометный взвод на учениях... задачи оружейных мастеров... самообразование ротных политработников... окружная конференция рационализаторов... Спокойный, деловой тон. Ни одного слова о немецко-фашистских захватчиках, о гитлеровской агрессии. Даже на четвертой полосе, почти целиком посвященной международным событиям, в сообщениях об агрессивных действиях фашистской Германии и ее союзников в Европе, на Ближнем Востоке, в Африке - совершенно бесстрастная терминология: "противники", "войска Германии", "войска Италии"...

Давно исчезли со страниц наших газет такие стреляющие ненавистью выражения, как "фашистские звери", "фашистский разбой", "оккупанты". После 23 августа 1939 года, когда был заключен советско-германский договор о ненападении, печать стала проявлять сдержанность, в общем-то объяснимую.

Теперь требовался крутой поворот - надо делать совсем иную газету. Пока я прикидывал, с чего начинать, узкие редакционные коридоры уже заполнились людьми. Небольшой конференц-зал они завалили чемоданчиками, шинелями и прочими походными атрибутами. Все в редакции бурлило и гудело. День воскресный, выходной, но сотрудники явились на службу без вызова. Все - в полевом снаряжении, некоторые даже компас прихватили. Каждый рвался туда, где уже завязалась битва. После горячих споров - кому на какой фронт отправиться - явились ко мне с готовыми заявками. Однако кто-то же должен был делать газету в Москве, а кого-то следовало придержать пока в резерве, на случай непредвиденных выездов в действующую армию. Не обошлось без обид и даже пререканий: почему, мол, я должен остаться здесь, чем я хуже других, почему такая несправедливость? Пришлось незамедлительно напомнить, что порядки и дисциплина у нас военные...

Полетели телеграммы из тыловых военных округов. Тамошние наши собкоры тоже просились на фронт. Из Ташкента поступила совсем неожиданная депеша: наш корреспондент капитан Петр Назаренко, артиллерист по специальности, настойчиво просил откомандировать его в строй, в боевую часть. Я отпустил Назаренко - его единственного - лишь после третьего рапорта. Воевал он доблестно: был командиром артдивизиона, затем командовал артиллерией стрелковой дивизии, за форсирование Днепра удостоился звания Героя Советского Союза. Погиб в последующих боях - уже в 1944 году.

* * *

Остался в памяти и такой эпизод первого дня войны.

Ворвался ко мне давнишний сотрудник редакции Лев Соловейчик, ныне автор многих книг о войне. Он с детства хромал на левую ногу и обычно не без затруднений добирался на третий этаж редакции. И тут вдруг тоже требует:

- Пошлите меня на фронт.

Откровенно говоря, я даже растерялся в первый момент. Потом выпалил:

- Хорошо, пошлю. Но имейте в виду: на фронте надо уметь бегать. И не только вперед, иногда и назад. Иначе - попадете в плен. Вот уж обрадуется Геббельс! Он протрубит на весь мир: "Смотрите, кого Советы мобилизовали!"

В следующую минуту я, конечно, понял, что ответ мой не очень тактичен, но, как говорится, слово не воробей...

В тот же вечер или на другой день наши сотрудники разъехались по фронтам, а "обойденные" сели за подготовку первого военного номера "Красной звезды".

24 июня

Первый военный номер "Красной звезды". Как его делать? Трудная задача, хотя за плечами был уже опыт "Героической красноармейской" и "Героического похода" - фронтовых газет на Халхин-Голе и на войне с белофиннами. Таким опытом располагал не только я, а и многие другие краснозвездовцы, работавшие в редакциях тех же газет вместе со мной. Да ведь новая война отличается от тех, прошлых. Обстановка иная, и масштабы несравнимые.

Посланы телеграммы нашим окружным собкорам, сразу же переименованным во фронтовых корреспондентов: шлите материалы о первых боях. Увы! Таких материалов пока нет. Не успели еще добраться до сражающихся войск и те, кого мы направили туда из аппарата редакции: путь был нелегким. Впрочем, об этом мы узнали в подробностях несколько позже... Выехал на Западный фронт старший политрук Михаил Зотов. Мы выдали ему проездные документы до Минска. С Белорусского вокзала отправлялись еще пассажирские поезда, но уже со значительными отклонениями от расписания. Заняв место в вагоне, наш корреспондент ждал отправления с полудня до вечера. Наконец дождался поезд медленно двинулся от затемненного вокзала, стал набирать скорость и неожиданно остановился в Кунцеве. Затем были еще какие-то остановки, а к семи часам утра Зотов обнаружил, что поезд стоит в... Голицыне,

в полусотне километров от Москвы. Вышел корреспондент на платформу и там узнал, что стоять здесь придется долго: нужно пропустить несколько эшелонов с войсками и боевой техникой. Прошел один эшелон на хорошей скорости, за ним второй и почти впритык - третий. На семафоре еще не появился зеленый свет, и потому машинист третьего эшелона чуть притормозил. Воспользовавшись этим, Зотов, не раздумывая, прыгнул на одну из тормозных площадок, оставив в пассажирском поезде шинель и все свои пожитки.

Эшелон почти без остановок проследовал до Смоленска - точнее, до пригородной станции Колодня. Здесь началась разгрузка, и отсюда корреспондент зашагал по шпалам до Смоленска, рассчитывая пристроиться там на какую-нибудь попутную автомашину. Расчет оказался верным: из Смоленска в сторону фронта шли сотни машин. Однако в пути их все время штурмовала вражеская авиация. Зотову пришлось пересидеть в кюветах не одну бомбежку, прежде чем он добрался наконец до наших боевых соединений, оборонявшихся уже восточнее Минска.

Другой наш спецкор Николай Денисов, командированный в Одессу, достиг места назначения относительно быстро. Оттуда на мобилизованном для него такси отправился к реке Прут, в 9-ю армию. С армейского наблюдательного пункта, расположенного на прибрежной высотке, он увидел контратаку кавалерийских эскадронов генерала П. А. Белова, затем - воздушный бой безвестного тогда лейтенанта, ныне маршала авиации, трижды Героя Советского Союза Александра Покрышкина. В паре с другим летчиком Покрышкин одержал в тот день блестящую победу над пятью "мессершмиттами": одного зажег, а остальных обратил в бегство.

Было о чем написать в газету. Но как доставить написанное?

Денисов отправился в Кишинев. По пути его одесское такси застряло в хлябях размокшего после дождя молдавского чернозема. Пришлось впрячь в машину волов и двигаться с чумацкой скоростью. На одном из железнодорожных полустанков такси удалось погрузить в воинский эшелон, а сам корреспондент продолжал свой путь пешком. В пути его подхватила военная полуторка, но с нее то и дело надо было слезать, чтобы переждать очередную бомбежку то в придорожной канаве, то в каком-нибудь погребе. Потом корреспондента задержал комсомольский патруль, усомнившийся в подлинности его удостоверения - фотография показалась не очень-то схожей с оригиналом.

Наконец добрался до кишиневского телеграфа. А здесь - новое осложнение: не хватило у Денисова денег на оплату подготовленной им телеграммы. Добросердечная приемщица

телеграмм, посоветовавшись со своим начальством, сжалилась над корреспондентом - поверила в долг. Но этот долг так и остался неоплаченным: когда Денисов собрался вернуть его, Кишинев уже был оккупирован войсками противника...

А жизнь в редакции наполнялась новыми заботами. Вспоминаю такой эпизод.

Зашел я в комнату, где находились междугородные телефоны. Слышу, как стенографистка Женя Ельшанская надрывается, вытягивая фразу за фразой у нашего спецкора Сергея Сапиго. Он раньше всех добрался в передовые части.

Ельшанская кричит ему:

- Повторите, ничего не слышу!

- Я сам ничего не слышу, - отвечает Сапиго, - рядом рвутся снаряды. Постарайтесь записать хоть что-нибудь...

Так вот добывалась информация с фронтов, без которой в военное время никакая газета не газета. А уж "Красная звезда" - тем более!

Не представлял я ее и без вдохновенного писательского слова - хорошо помнил, как перо литераторов служило делу нашей победы на Халхин-Голе. И потому с первых же дней войны мы стали собирать в "Красную звезду" писательские силы.

Узнали, что в Москве находится Всеволод Вишневский. Человек военный, бывалый, эмоциональный. Разыскали его в Доме творчества "Переделкино". Попросили написать статью. Он спрашивает:

- Нет ли для статьи каких-либо сообщений с фронтов?

- Пока нет.

Вздохнул Вишневский и ответил:

- Ладно. Завтра утром буду в редакции...

Наутро явился с десятком листиков, исписанных бисерным, но довольно разборчивым, энергичным почерком. Статья называлась - "Уроки истории".

И вот, уже сверстанная в две колонки, она - у меня на столе. В ней речь - о многовековой борьбе нашего народа с немецкими агрессорами: в XIII веке - на Чудском озере, в XV веке - под Танненбергом, в XVI веке - в Ливонии. Биты русскими войсками немецкие легионы из наполеоновской армии в 1812 году. Биты кайзеровские войска в первую мировую войну. Биты они же под Нарвой и Псковом в феврале 1918 года...

Жирным шрифтом выделен в статье абзац:

"Не быть вольному русскому человеку - сыну победителей на Чудском озере, у Танненберга, сыну покорителей Берлина - под фашистской пятой. Не быть свободолюбивому украинцу - сыну запорожцев - под проклятой баронской пятой... Не быть никогда!

Не согнут свою шею белорус, гордый грузин, казах, смелый латыш".

В день выхода "Красной звезды" со статьей Вишневского, 24 июня, автор ее отбыл в Ленинград и надел привычную форму военного моряка. Вскоре мы стали получать от него боевые репортажи с Балтийского флота. Но не буду забегать вперед. Вернусь к тому, как делался первый военный номер нашей газеты.

* * *

Итак, мы добыли для него первую писательскую статью. Однако нужны еще стихи. Обязательно!

Во фронтовых газетах "Героическая красноармейская" и "Героический поход" не бывало, кажется, ни одного номера без стихов. В иных номерах печатали даже по нескольку стихотворений. На фронте стихи пользуются всеобщей любовью. Их не только читают, заучивают и декламируют потом в землянках и блиндажах. Их сами фронтовики превращают в боевые песни, используя готовые популярные мотивы. И сами же порой пробуют сочинять стихи, пусть несовершенные, зато искренние, по-своему трогательные. Во фронтовые газеты полевая почта доставляла такие стихи пачками. Удивительное дело: завтра идти в смертельный бой, кругом льется кровь, погибают один за другим товарищи, друзья, а человек думает о стихах, читает их и, как может, сам сочиняет.

Вспомнив все это, я вызвал Соловейчика и заговорил с ним уже не вчерашним, а совсем иным - мягким, пожалуй даже извиняющимся, тоном:

- На фронт вас послать невозможно, потому что вы здесь нужны. Добывайте срочно стихи.

Соловейчик действительно необходим был в редакции. До войны он работал в отделе культуры, через который шли тогда в газету и литературные материалы. Соловейчика знали многие писатели, и он знал достаточно хорошо, чем каждый из них может быть полезен "Красной звезде". Кроме того, как выяснилось позже, Соловейчик с успехом мог заменять начальника корреспондентской сети Александра Анохина, которому и в мирное-то время не сиделось в редакции, а в военное и подавно. Его невозможно было удержать в Москве. Он клещами вырывал у меня командировки на фронт: совершенно, мол, необходимо на месте посмотреть работу того или иного корреспондента, чем-то помочь ему, что-то посоветовать, поработать в паре с ним хотя бы денька три. Обычно эти "три денька" перерастали в недели, правда не без пользы для газеты: от Анохина мы получали интересную информацию, добытую в огне боев. Из одной такой командировки Анохин не вернулся. Случилось это в январе 1943

года, когда наши войска вели наступление на Великие Луки. Анохин погиб, участвуя в форсировании реки Ловать...

Однако я опять забегаю вперед. А как разрешился вопрос со стихами в номер от 24 июня?

Получив от меня задание - непременно добыть стихи, Соловейчик стал обзванивать по телефону всех более или менее близких "Красной звезде" поэтов. Как на грех, никто ему не отвечал: день был воскресный. Наконец удалось связаться с Лебедевым-Кумачом. Без каких-либо предисловий Соловейчик сказал ему:

- Василий Иванович, газете нужны стихи...

- Когда?

- Не позже завтрашнего утра.

- Ну, что ж, сделаю...

На следующий день заходит ко мне человек среднего роста, светлоглазый, с золотистой шевелюрой. Это и был Василий Лебедев-Кумач. Принесенное им стихотворение начиналось так:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная,
Священная война!

Стихи немедленно пошли в набор. А ночью, когда полосы уже были сверстаны, Соловейчик, испуганный, смущенный, вдруг докладывает:

- Только что звонил Лебедев-Кумач. "Известия" выпросили у него стихи, отданные нам... Не устоял... Что будем делать?

В иное время я, наверное, распорядился бы в назидание "неустойчивому" автору снять его стихи. Не любили мы печатать "дубликаты". Нам больше нравилось, когда другие газеты перепечатывали наши материалы со ссылкой на источник. Но в ту ночь было не до амбиций. Да и стихи - замечательные!

- Ничего, - ответил я. - Пусть идут в двух газетах.

Мог ли я и мои товарищи думать тогда, что стихотворение, напечатанное в первом военном номере, станет главной песней Великой Отечественной войны? Что миллионы советских людей пойдут с нею в бой! Что прозвучит она призывным набатом и торжественной клятвой по всем городам и весям страны! Что ее будут слушать стоя, как слушают гимн!

В сердце ударила строка, вынесенная поэтом в заголовок стихотворения: "Священная война". Да, именно священная! Эти слова жили в мыслях и чувствах нашего сражающегося народа. Но Лебедев-Кумач первым произнес их вслух. Они пронзили и нас, газетчиков. На следующий день мы повторили их в передовой статье "Красной звезды": "Советский народ поднял знамя священной Отечественной войны за Родину, за ее честь и свободу". А еще через два дня в "Красной звезде" появилась специальная передовица, которая так и называлась: "Священная Отечественная война советского народа". Написал ее наш литературный секретарь Марк Вистинецкий.

Как обычно, вычитывая текст этой статьи в присутствии автора, я, помнится, проявлял в тот раз повышенную придирчивость к формулировкам. Мы вместе что-то исправляли, что-то добавляли, пока не вылились на газетный лист такие строки:

"Красная Армия отстаивает свою Отчизну, которая является самым дорогим и самым любимым, что есть у советского человека. Она ведет священную Отечественную войну против самого злейшего врага человечества гитлеровских изуверов.

Это - священная война, ибо священен гнев народный против чванливых германо-фашистских насильников.

Это - священная война, ибо священна любовь народа к своей родине, к своей земле.

Это - священная война, ибо священны свобода и счастье, добытые в тяжких боях народами нашей страны..."

Любопытен и такой факт. Вторая страница "Красной звезды" за 24 июня открывается корреспонденцией с митинга в Военно-Воздушной академии имени Н. Е. Жуковского. Над корреспонденцией стоит заголовок: "Великая Отечественная война". Теперь невозможно, пожалуй, установить, кто именно дал корреспонденции такое название.

Война с фашистской Германией, вошедшая в историю советского народа как Великая Отечественная, в последующих номерах газеты, а тем паче в официальных документах, именовалась иначе. Ее называли Отечественной, называли Священной. А название "Великая Отечественная война" появилось гораздо позже; впервые в приказе Верховного главнокомандующего 7 ноября 1944 года.

25 июня

На всех фронтах завязались ожесточенные бои. Пограничные

отряды и полевые войска прикрытия сражаются героически. Однако общая картина неутешительна. Немцам удалось занять Кольно, Ломжу, Брест. 22 и 23 июня о положении на фронтах страну и весь мир информировали сводки Главного командования Красной Армии. С 24 июня эта обязанность возложена на Совинформбюро. Его сводки такие же тревожные. Идут бои за Гродно, Кобрин, Каунас, Вильнюс... Мы дополняем эти сведения лишь небольшими заметками о противовоздушной обороне, о самоотверженных действиях отдельных летчиков. Иной информацией пока не располагаем. Держали полосы неподписанными к печати почти до утра, ожидая вестей от наших фронтовых корреспондентов. На узле связи Генштаба неотлучно дежурил мой заместитель Григорий Шифрин, но под утро он возвратился с пустыми руками и доложил уныло:

- Ничего нет. Даже генштабисты не могут добиться бесперебойного поступления необходимой им информации из войск.

Объяснялось это многими причинами. А главным, пожалуй, было то, что в первые же часы войны фашистская авиация и заброшенные к нам в прифронтовую полосу диверсанты вывели из строя большое количество средств и линий связи.

Совершенно неожиданно редакцию выручил писатель Василий Ардаматский. За его подписью пришла обстоятельная корреспонденция из Прибалтики. Позже выяснилось, как и почему это произошло.

Ардаматский находился в Риге по командировке Московского радиовещания. Поселился он в гостинице вместе с Сергеем Михалковым. Часов в пять утра 22 июня Ардаматского разбудили и сказали, что какие-то объекты в городе подверглись бомбардировке. Ардаматский растолкал Михалкова, и между ними произошел приблизительно такой диалог:

- Вставай, Сергей. Началась война.

- Не может быть.

- Серьезно, без шуток.

- Какая война?

- Наверное, напали немцы.

- Если это правда - запасайся юмором... - все еще не верил Михалков.

Но на этом юмор и кончился.

Вскоре Ардаматский получил телеграмму за подписью секретаря редакции "Правды" Л. Ильичева. "Правда" рассчитывала на его репортаж. Писатель поспешил на ближайший военный аэродром, потом перебрался к артиллеристам. Записал все, что увидел там сам, и все, что услышал от людей, имевших уже

боевое соприкосновение с противником. Репортаж получился добротный. Дело оставалось за небольшим - передать в Москву.

На городском телеграфе Ардаматскому решительно отказали в этом: никогда, мол, таких материалов не передавали. Он кинулся на узел связи штаба Прибалтийского военного округа. Дежуривший там майор прочитал корреспонденцию и объявил:

- Передать в гражданскую газету не имею права. Могу только в военную.

Не успел писатель рта раскрыть, как на углу рукописи появилась пометка: "Передать в "Красную звезду". И бодистка сразу же застучала по клавишам своего аппарата.

Однако Ардаматский успел приписать в конце корреспонденции: "Копию прошу переслать в "Правду".

Мы, конечно, обрадовались такому подарку. Перепечатали телеграмму в двух экземплярах. Первый - отправили в набор, а копию - в "Правду".

26 июня

Сегодняшний номер "Красной звезды" выглядит уже по-иному. Наконец-то наши фронтовые корреспонденты подали голос. С одного юго-западного направления - три материала. Из них особенно интересна корреспонденция под заголовком "Рукопашный бой". В другой рассказывается о подвигах пограничного отряда. Третья - о допросе пленных немцев, на котором присутствовали наши спецкоры Павел Ризин и Александр Шуэр.

С Южного фронта пришло сообщение о разгроме вражеского десанта, пытавшегося перебраться через Прут. С Западного - о схватке наших артиллеристов с немецкими танками.

Появились сообщения о первых героях Отечественной войны, о первых раненых, отказавшихся уйти с поля боя, о первых заявлениях фронтовиков, тысячи раз повторявшихся на протяжении всех четырех лет войны: "Хочу идти в бой коммунистом..."

Между прочим, фронты в газете не назывались. Материалы корреспондентов печатались со ссылкой на несуществующие уже военные округа: Киевский особый военный округ, Западный особый военный округ, Прибалтийский, Ленинградский, Одесский. Исключение составлял Дальневосточный фронт - его называли своим именем, хотя он и не вел боевых действий. Так продолжалось до 1 июля.

Звоню начальнику Генерального штаба Г. К. Жукову, с

которым был хорошо знаком еще по Халхин-Голу:

- Георгий Константинович, смеяться будут над нами. Скажут, что "Красная звезда" совсем отстала от жизни.

Жуков отвечает:

- Да, пожалуй, это верно. Но не будем торопиться. Незачем раскрывать противнику границы наших фронтов. Пока пишите - "действующая армия", а там посмотрим...

Называть фронты в газете было разрешено лишь в середине октября. А до этого в лучшем случае разрешалось обозначать лишь направления: "западное", "юго-западное" и т. д.

* * *

Впервые с начала войны на страницах нашей газеты появились публикации за подписями Всеволода Иванова, Василия Ильенкова, Ильи Эренбурга.

О том, как стал сотрудником "Красной звезды" Всеволод Иванов, он сам написал в своем дневнике:

"Позвонил Соловейчик из "Красной звезды", попросил статью, а затем сказал: "Вас не забрали еще?" Я ответил, что нет. Тогда он сказал: "Может быть, разрешите вас взять". Я сказал, что с удовольствием. В 12 ч. 15 минут 25 июля я стал военным, причем корреспондентом "Красной звезды"..."

В тот же день, по нашей просьбе, Всеволод Вячеславович отправился на один из сборных пунктов призывников и вечером принес репортаж, по-своему колоритный:

"Двор мобилизационного пункта... Старик с длинными седыми усами привел трех сыновей. По говору слышу, что это сибиряк. Подхожу. Так оно и есть. Старик говорит окружающим его:

- Мы из-под Томска. Мы на этого немца в Восточной Пруссии шли. Хорошо шли, кабы...

- Вооружение у вас, сказывают, было плохое?

- Плохое, паря, шибко плохое. Винтовок и тех не хватало, не говоря об артиллерии. Вот идти мне в бой, прямо на проволоку. Спрашиваю у фельдфебеля: "Иван Максимыч, а как же, мне винтовки нету?" А тот на меня смотрит, у самого на глазах слезы... и отвечает: "Нету, Егор Егорыч, нету, дорогой мой. Вот умрет кто, так ты у того товарища бери и иди".

- Так и шли? - с удивлением и уважением спрашивают его.

- Так и шли в бой. У соседа винтовка, а у тебя ожидание. И все же, паря, били! И лихо мы их били. Ну, а теперь, вот смотри, я трех сыновей привел к советскому народу. Было бы еще тридцать - и тех бы отдал. Теперь я кто? Я теперь самый почетный человек в стране. Я теперь трудящийся, слесарь завода имени Сталина. А раньше кто я был? Кому я работал? В Омске на маслобойке

служил, за двенадцать рублей купцу масло делал. А теперь мне вся страна принадлежит, так что же: мы ли ее не защитим, товарищи, а?"

* * *

Василий Ильенков явился в редакцию без звонка. Он издавна печатал у нас свои рассказы, выезжал по заданию редакции на войсковые учения, был вместе со мной на финской войне - неутомимо работал в "Героическом походе", пока не свалила его тяжелая болезнь. Зимой 1946 года в заснеженной Ухте он слег в госпиталь, очень сокрушаясь, что "подвел" редакцию.

Теперь Василий Павлович вошел в мой кабинет, явно стараясь всем своим видом убедить меня, что впредь "не подведет". Как всегда сухощав, чуть сутул, с густой проседью, но держится молодцом и перво-наперво заявляет:

- С болезнями покончено, готов немедленно выехать на фронт. Спрашиваю: нет ли у него чего-нибудь готовенького в номер? "Есть", - отвечает...

В 1939 году Ильенков участвовал в освободительном походе наших войск в Западную Белоруссию. Когда подошли к Белостоку, оказалось, что его заняли немцы. Воровским порядком они пересекли демаркационную черту. Писатель видал этих надменных и нахальных "завоевателей", следы их бесчинства и кровавых злодеяний. До ниточки они ограбили население Ломжи, сожгли много деревень. В незарытых ямах, заполнившихся водой, лежали трупы истерзанных и убитых фашистами местных жителей; нацисты не разрешали их захоронить.

- Я еще в ту пору написал об этом, - сказал Василий Павлович. - Но тогда не напечатали. А теперь, наверное, следует обнародовать...

Так появилась в "Красной звезде" статья Ильенкова "Зверства фашистских разбойников". Она предупреждала советских людей о том, что несут с собой фашисты. И предупреждала своевременно.

В тот же день Василий Павлович попросил командировку на фронт. Не сразу мы пустили его туда - он нужен был здесь, в редакции, для дела очень важного, о чем будет сказано позже.

* * *

Отчетливо запечатлелся в моей памяти приход в "Красную звезду" Ильи Эренбурга - писателя, уже широко известного в нашей стране и за рубежом своими романами, повестями, стихами, а еще более - своей страстной публицистикой о борьбе испанского народа с темными силами фашизма. Мы пригласили Эренбурга в редакцию едва ли не первым.

И вот входит ко мне человек среднего роста, в мешковатом серо-коричневом пиджаке, с взлохмаченной седеющей головой.

Лицо его показалось мне суровым и усталым. Отрекомендовался с поразительной скромностью:

- Я - старый газетчик. Буду делать все, что нужно для газеты в военное время. Писать хочу прежде всего о нацистах. У нас еще не все по-настоящему знают их.

И после минутной заминки предупредил:

- Только имейте в виду - не дам себя корежить, как тогда...

Я понял, что он напоминает мне о двух отрывках из его романа "Падение Парижа", которые "Красная звезда" опубликовала в мае сорок первого года. По понятным соображениям пришлось тогда убрать из авторского текста слова "гитлеровцы", "фашисты" и кое-что еще.

- А ведь мы и сами, Илья Григорьевич, не были от этого в восторге, сказал я писателю.

Однако разговоры разговорами, а надо устраивать нового сотрудника на его рабочее место. Мы прошли в самый конец узкого коридора на третьем этаже нашего редакционного корпуса. Открываю дверь, помеченную номером 15.

- Вот ваш кабинет.

Илья Григорьевич оглядел тесную комнатенку с невзрачными обоями, скользнул взглядом по старенькому канцелярскому столу, узкому креслицу, диванчику с потертым сиденьем, полупустому книжному шкафчику и как-то странно улыбнулся.

- Если вам здесь не нравится, могу предложить другой кабинет. Но, увы, они все одинаковые, - поспешил я с разъяснением.

Эренбург рассеял мои сомнения неожиданной репликой:

- Не в этом дело... Просто до сего дня у меня никогда не было служебного кабинета. Это, считайте, первый...

Он попросил автомобиль, съездил домой и через час вернулся со своей видавшей виды портативной пишущей машинкой "Корона", которая имела только прописной шрифт. А поздно вечером принес мне свою первую статью. Она была напечатана прописными буквами (как для телеграфа), на полупрозрачной бумаге, привезенной писателем еще из Парижа. Буквы двоились, текст читался с трудом. Но времени на перепечатку не было.

Пока я читал статью, стоя у своей конторки, писатель молча сидел рядом в кресле, попыхивал трубкой, да так усердно, что скоро вся комната окуталась дымом.

С минимальными поправками статья пошла в набор. Илья Григорьевич дождался верстки, внимательно ее вычитал, сам внес еще кое-какие исправления и подписал в печать.

Если Василий Ильенков писал о фашистских зверствах в

одном районе Западной Белоруссии, то Илья Григорьевич своей статьей "Гитлеровская орда" просвечивал немецкий фашизм на всю его глубину. Он знал гитлеровцев, как говорится, вдоль и поперек. Статья так и начиналась: "Я видел немецких фашистов в Испании, видел их на улицах Парижа, видел их в Берлине".

Это был снаряд огромной взрывной силы.

А потом последовали один за другим новые, такие же и даже более мощные.

Илья Григорьевич, как самый старательный служака, приходил в редакцию ежедневно, по нескольку часов сряду клевал одним пальцем по клавишам своей старенькой "Короны". Изредка прерывая работу, он заглядывал в соседние комнаты "разжиться табачком" или просто перебросится дружескими словами с новыми товарищами. А поздним вечером, иногда и ночью заходил ко мне с негаснувшей трубкой, вечным пеплом на пиджаке и приносил обычно новую рукопись. Уезжал Илья Григорьевич из редакции лишь тогда, когда поступала верстка или готовые полосы. Мы условились, что свои статьи он будет приносить прямо ко мне, тем более что в редакции штатного отдела литературы и не было.

Писал он много. Каждый день и почти в каждый номер газеты. Трехколонники, подвальные статьи, небольшие заметки строк в 50-70. В те бурные и тревожные дни "Красная звезда" стала для Эренбурга главной трибуной, с которой он обращался с пламенным словом к советским воинам, ко всему советскому народу и нашим тогдашним союзникам. Эренбург сам заявил в одном из своих выступлений еще в дни войны:

"Писатели вошли в газету, как всходят на трибуну, - это не их рабочий стол, это не их место. Но и блиндаж не место сталевара или садовника.

Война переселяет людей и сердца... В дни войны газета - воздух. Люди раскрывают газету, прежде чем раскрыть письмо от близкого друга. Газета теперь письмо, адресованное тебе лично. От того, что стоит в газете, зависит твоя судьба".

Да, для Ильи Эренбурга "Красная звезда", так же как и для других советских писателей, была трибуной, необходимой как воздух!

Константин Симонов, состоявший во время войны в одном корреспондентском строю с Эренбургом, писал о нем:

"Он был принят в армии как воин... Он всегда делился своим сердцем с читателем, а читатель это всегда чувствует... Солдаты и офицеры принимали его вещи каждый день как духовную пищу, а эта духовная пища была необходима именно каждый день. Они любили Родину, они ненавидели фашистов, они шли в бой, и это

было каждый день. И очередная статья Эренбурга, необходимая для души, входила в этот день, воодушевляла, вооружала".

27 июня

На первой полосе опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР, дополняющий Закон о всеобщей воинской обязанности статьей 30 в. Она гласит:

"Военное обмундирование, выданное лицам рядового и младшего начальствующего состава, призванным в Красную Армию и Военно-Морской флот по мобилизации и по очередным призывам и отбывшим на фронт, переходит в их собственность и по окончании войны сдаче не подлежит".

В мирное время военнообязанные, призывавшиеся на учебные сборы или войсковые учения, такой привилегией не пользовались. Месяц ли, больше ли длился сбор - в каптерках подразделений хранилась их штатская одежда. После сборов она возвращалась человеку, а военная форма у него отбиралась, отправлялась на ремонт или стирку и под аббревиатурой "БУ", то есть "бывшая в употреблении", складировалась в ожидании следующего контингента призываемых на переподготовку.

А теперь вот новое положение: по окончании войны обмундирование сдаче не подлежит. Точно не знаю, но, вероятно, Указ был издан как поощрение фронтовикам, да и для того, быть может, чтобы берегли обмундирование. Вопрос этот был все же не первостепенной важности для пятого дня войны. Но сейчас глаз зацепился за фразу "по окончании войны"! Три слова, но сколько в них, подумал я нынче, было оптимизма и веры, что не гитлеровцы, а мы закончим войну!

Правда, кто из интендантов, готовивших этот документ, да, откровенно говоря, все мы могли предполагать, что война будет такой длительной. Сколько раз тем, кто дошел до победы, пришлось менять свою просоленную потом гимнастерку и истасканную шинель с подгоревшими у походных костров полами, протоптанные сапоги, прежде чем вернуться домой в обмундировании, ставшем их собственностью?

30 июня

Сегодня утром главных редакторов центральных газет собрали в ЦК партии. Секретарь ЦК А. С. Щербаков зачитал подписанную ночью директиву СНК СССР и ЦК ВКП(б). Читал ее

вслух, громко. Каждое слово отзывалось не только в сознании, но и в сердце каждого из нас. Пришли на память слова незабываемого ленинского декрета восемнадцатого года "Социалистическое отечество в опасности!", словно написанные и для этой войны.

Директива являлась программой советского народа в Великой Отечественной войне, основой боевой деятельности войск и перестройки народного хозяйства на военный лад. Мы, редакторы, тут же прикидываем в уме - что дать в газету, какие передовые, статьи...

Не буду скрывать. Были в директиве слова, которые, как говорится, не сразу дошли до меня, да и не только до меня. А именно: "Несмотря на создавшуюся серьезную угрозу для нашей страны, некоторые партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации и их руководители еще не осознали значение этой угрозы и не понимают, что война резко изменила положение, что наша Родина оказалась в величайшей опасности и что мы должны быстро и решительно перестроить всю свою работу на военный лад".

И вот кто же эти "некоторые" руководители и в чем они "еще не осознали значение угрозы..."? Объяснение пришло несколько позже. Людям с довоенными представлениями о будущей войне казалось, что враг будет сразу же остановлен, вышвырнут из нашей страны, разгромлен. Многие из нас, как ветрянкой, переболели этим в первые дни войны. Не все сразу поняли, что война будет тяжелой, кровавой, потребует огромных жертв и много времени...

* * *

Получено постановление Президиума Верховного Совета СССР, ЦК партии и Совнаркома о создании Государственного Комитета Обороны. В его руках сосредоточивается вся власть в государстве. В номер пошла передовая статья, посвященная этому акту.

Июль

1 июля

С этого номера я официально вступил в должность главного, или, как тогда говорилось и писалось, ответственного редактора "Красной звезды".

Сменил я корпусного комиссара Владимира Николаевича Богаткина милого, доброго, умного человека, с большим опытом практической работы в войсках, но, к сожалению, совершенно не искушенного в журналистике и тяготившегося своей редакторской должностью. Он оказался на ней по капризной воле случая.

В сентябре сорокового года, когда в "Красной звезде" открылась вакансия ответственного редактора, на эту должность, как бывало уже в прошлом, намеревались послать заместителя начальника Политуправления РККА. Этот пост занимал тогда Федор Федотович Кузнецов. Но он, как говорится, отбивался руками и ногами, мотивируя отказ тем, что недавно пришел в армию, в печати никогда не работал, за всю свою жизнь ни одной статьи не написал и не отредактировал. Тогда ему сказали: - Предложите другую кандидатуру.

Кузнецов назвал Богаткина - члена Военного совета Московского военного округа: Богаткин, мол, часто печатается в "Красной звезде". Да, действительно в нашей газете было напечатано несколько статей за подписью Владимира Николаевича. Только, строго говоря, во всех таких случаях он являлся не автором, а лишь соавтором: статьи писались журналистами на основе бесед с ним.

Едва ли Богаткин умолчал об этом при назначении его редактором "Красной звезды". Доподлинно знаю, что он тоже всячески "отбивался". Но так или иначе назначение состоялось. А в порядке компромисса за ним оставили и прежний пост - члена Военного совета округа. Таким образом, Владимир Николаевич имел основание считать свою работу в газете совместительством, не очень-то стремился постигнуть ее специфику и, когда началась война, стал упорно добиваться отправки на фронт.

Не забуду одну сценку у Мехлиса. В первые дни войны Лев Захарович стародавний редактор "Правды" - очень много занимался "Красной звездой". Перед подписанием полос в печать непременно сам прочитывал их, вычеркивал целые абзацы, делал вставки, порой менял заголовки. И вот, как обычно, Богаткин и я

являемся к Мехлису с влажными еще оттисками газетных полос поздно вечером 29 июня. Окинув критическим взглядом первую полосу, он повернулся к Богаткину, жестким голосом спросил:

- Что у вас за "Шпигель"?

Богаткин покраснел, замялся:

- А где "Шпигель", товарищ армейский комиссар?..

Мехлис прямо-таки вскипел:

- Как? Вы восемь месяцев редактируете газету и до сих пор не знаете, где "Шпигель"?

Перечеркнув старый текст в Шпигеле, начальник ГлавПУРа потребовал:

- Пишите другой

А сутки спустя, 30 июня, когда мы опять принесли начальнику ГлавПУРа готовые полосы "Красной звезды", он, еще не прикоснувшись к ним, объявил:

- Вот что, товарищ Богаткин, вы назначены членом Военного совета Северо-Западного фронта - Сталин дал согласие. А вы - кивок в мою сторону утверждены в должности редактора "Красной звезды"...

Откровенно скажу, я не очень обрадовался. Думалось, что новая должность будет держать меня вдалеке от боевой жизни войск. То ли дело на Халхин-Голе и под Ухтой - во фронтовых газетах. Их редакции находились в десятке километров от передовых позиций, а то и ближе. "Смотаться" в войска нетрудно было в любое время. Я не представлял себе, как можно без этого вести военную газету.

Мехлис, шагая по кабинету, долго объяснял мне, что и как надо делать. А я не удержался - стал упрашивать его послать меня в действующую армию. Он вначале терпеливо слушал мои доводы, а потом рассердился:

- Решение о вашем назначении принято Сталиным. Был при том и Жуков. Он тоже поддержал вашу кандидатуру. Я говорить со Сталиным на эту тему больше не буду. Пишите ему, если хотите, сами.

На такой шаг я не отважился.

* * *

В сообщениях Совинформбюро появились новые направления - минское, луцкое, новгород-волынское, шепетовское, барановическое.

Тревожная картина. Что сказать читателю по этому поводу? Как объяснить происходящее?

Дождались вечерней сводки Совинформбюро. В ней краткие итоги за первые восемь дней войны с таким важным выводом: "Молниеносная победа, на которую рассчитывало немецкое

командование, провалилась".

Решение пришло сразу - дать на эту тему передовую статью. Она весьма характерна - вполне отражает дух времени, накал страстей, и читатель, думаю, не посетует, если я приведу несколько длинную выдержку из нее:

"Гитлер и его свора рассчитывали на быструю, молниеносную победу. Их цель состояла в том, чтобы в несколько дней сорвать развертывание наших войск и молниеносным ударом в недельный срок занять Киев и Смоленск. В недельный срок! Чванливая фашистская военщина уподобилась той анекдотичной свинье, которая уверяла всех и каждого в своем свинарнике, что она может проглотить льва! Опьяненные легкими победами над плохо вооруженными и не подготовленными к войне малыми государствами Европы, фашистские вояки полагали, что они пожнут лавры также и в "походе на Восток". Более того, их продажная печать, их радио поспешили объявить на весь мир, что они уже победили...

С каждым часом рассеивается эта липкая фашистская пелена...

Правда состоит в том, что гитлеровская "молниеносная война" терпит крах...

Правда состоит в том, что цель германского командования - сорвать развертывание наших главных сил - не была достигнута, благодаря решительному отпору... К полю сражений подходят наши могучие полки...

Правда состоит в том, что уже за первые 7-8 дней фашистская армия понесла крупный урон...

Правда, наконец, состоит в том, что призрак победы, которая казалась Гитлеру и его генералам столь реальной и быстрой, растаял в пороховом дыму и в пламени, пожирающем их лучшие мотомехсоединения, отборные корпуса...

Гитлер навязал нашей стране эту войну. Он ее начал. Но не он ее закончит".

* * *

В разгар работы над номером газеты зашел ко мне поэт Семен Кирсанов. Несколько дней назад он был призван в кадры Красной Армии и зачислен корреспондентом "Красной звезды". С того часа Кирсанов ежедневно являлся в редакцию и с поразительной оперативностью "выдавал" нужные стихи. Обычно он буквально врывался ко мне и, не спрашивая, могу ли я слушать сейчас очередное его сочинение, начинал декламировать. Декламировал он на редкость темпераментно, и однажды я "попался" на этом.

Поэт в тот раз только что вернулся с Северо-Западного

фронта, явился в редакцию во всей боевой "красе": в каске, в запыленных сапогах, при полевой сумке и пистолете. Не успев даже поздороваться со мной, с порога стал читать новые свои стихи. Закончив чтение, спросил по обыкновению:

- Ну, как?

- Отлично, - ответил я. - Будем печатать.

А когда Кирсанов ушел и я сам стал перечитывать оставленные им листки, меня постигло разочарование: стихотворный текст был не так хорош, как показался мне на слух. Пригласил наших редакционных знатоков поэзии. Все они единодушно сошлись на том, что стихи, мягко говоря, не удались, печатать их нельзя.

Трудным было последовавшее за тем объяснение с автором. С тех пор я взял за правило: внимательно прослушав стихи, непременно просить автора дать мне возможность самому вчитаться в текст - "попробовать на зубок"...

Но вернусь к моей встрече с Кирсановым вечером 30 июня. Я ознакомил его с последней сводкой Совинформбюро, обратил внимание на гитлеровскую брехню об их потерях.

- Сможете откликнуться стихами?

- Попробую, - ответил поэт. - Только для этого мне нужно хотя бы два часа.

Получив мое согласие, он забрался в одну из свободных редакционных комнат, и вскоре оттуда по всему коридору загремел его зычный голос: так Кирсанов сочинял стихи. В полночь поэт принес мне свое сочинение. Мы напечатали его под заголовком "Насчет подсчета". Вот несколько строф из этого стихотворения:

Осоловелый глаз прищурив,
сел считать со свитой фюрер,
чтоб послать по радио
что-нибудь парадное.
Посмотрел насчет потерь,
подсчитал - и пропотел!
На бумагу смотрит кисло:
мол, откуда эти числа?
- Шнель, открыть мое бюро.
Шнель, подать мое перо!

...

Сеет фюрер нечистоты
ложью и подчистками.

Наши бомбы сводят счеты
с гадами фашистскими!
Бой идет одну неделю,
час настанет - все сочтем,
и фашистов
так разделим
что и корень
извлечем!

Стихотворные строки удачно состыковались и с передовой, и с сообщениями наших фронтовых корреспондентов, заверстанными на вторую полосу газеты. О содержании корреспонденции достаточно ясно говорят их заголовки: "Разгром танковой колонны неприятеля", "Истребитель Тирошкин сбил четыре самолета", "Части командира Егорова захватили 500 пленных", "Фашисты не выдержали штыкового удара"...

3 июля

Накануне поздно вечером мне позвонил секретарь ЦК партии А. С. Щербаков.

- Как газета?

- Заканчиваем. Скоро полосы пойдут под пресс, - доложил я бодро.

- Задержите первую полосу. Будет важный материал, - предупредил Александр Сергеевич.

Так бывало частенько. Это ныне центральные газеты, как правило, печатаются с вечера, чтобы к утру непременно поспеть к читателям. А в военное время сплошь да рядом утром только запускались ротационные машины.

Объяснялось это многими причинами. Одна из главных состояла в том, что Сталин работал почти всю ночь и к этому распорядку приспосабливались Генштаб, аппарат ЦК партии, ТАСС, Совинформбюро, а следовательно, и редакции газет. Поздно приходили и репортажи с фронтов.

Расскажи нам кто-нибудь тогда о сегодняшнем графике выпуска газет, мы, наверное, посчитали бы это фантастикой. Недаром ведь редакционные остряки смаковали анекдот о некой газете "Терек", которая якобы в стародавние времена не только делалась, но и распространялась за сутки вперед. Мальчишки, продававшие эту газету, носились будто бы по улицам с криком:

- "Терек" на завтра!.. Завтрашние новости!..

Но анекдоты анекдотами, а дело делом. В ожидании важного материала надо было освободить для него место на первой полосе. А там тоже стояло немаловажное. Во всяком случае - такое, что не хотелось откладывать на следующие номера газеты. Значит, неизбежна переверстка и других полос.

Особенно мне хотелось сохранить в номере сообщение с Ленинградского фронта о воздушных таранах летчиков-истребителей Здоровцева и Харитонова. На Халхин-Голе этим прославились Скобарихин и Машнин, смело рубившие винтами своих машин хвосты японских бомбардировщиков. Мы много писали о них в "Героической красноармейской". А теперь вот отличились младшие лейтенанты Здоровцев и Харитонов. Хотелось, чтобы их имена прогремели по всем фронтам, по всей стране.

Гвоздем номера я считал очерк о лейтенанте Викторе Жигове, занявший три колонки под рубрикой "Герои Отечественной войны". Этой рубрикой мы тоже как бы продолжали традиции "Героической красноармейской". Там она называлась: "Герои Халхин-Гола".

На необъятном фронте от Баренцева до Черного моря каждый час, каждую минуту совершались десятки, сотни, может быть даже тысячи, героических подвигов. Казалось бы, чего проще вести раздел "Герои Отечественной войны". Но в действительности это было делом нелегким. Попробуй доберись до героя, если он еще не вышел из боя, а если ранен и эвакуирован в глубокий тыл? А иной и голову сложил...

Я упоминал уже, что не сразу мы отпустили в действующую армию Ильенкова. Я тогда сказал, что есть для него важное дело в самой редакции. А имел в виду как раз этот раздел - "Герои Отечественной войны"; аналогичную рубрику Василий Павлович вел в "Героическом походе" зимой 1939-1940 года.

Зашел как-то Ильенков в секретариат редакции, увидел, как там мучаются над заголовками для очерков о героях, и высказал верную идею:

- Не надо мудрить. Нужно просто вынести в заголовок имя героя. В каждом подвиге главное - человек. И пусть все запомнят его имя...

Так и пошло с тех пор. Прежде всего очерки самого Ильенкова были напечатаны с такими заголовками: "Летчик-истребитель Кузнецов", "Батальонный комиссар Стафеев", "Артиллерист Евгений Золявин".

В рубрику "Герои Отечественной войны" вложили свой труд, свою душу и многие другие краснозвездовцы. Материалы, публиковавшиеся под этой рубрикой, как правило, принадлежали

перу писателей, чем, вероятно, и определялись устойчивые симпатии к ним читателей нашей газеты. Конечно, не все здесь отвечало высоким критериям, иные очерки были чересчур информативны, походили больше на расширенные корреспонденции - сказывалась газетная спешка. Но и они сыграли свою роль, прославляя мужество и доблесть фронтовиков.

Писатели работали тогда не на отдаленное будущее, а на потребу дня, для боя. Тем не менее многое выдержало проверку временем. В печатавшихся "Красной звездой" очерках, выхваченных, можно сказать, из огня боев, можно найти и тонко выписанный пейзаж, и батальные сцены, и характеры людей, колоритную речь. Такие произведения вошли потом в книги.

* * *

И опять я увлекся. Пора вернуться к событиям 3 июля.

Переверстав и подписав к печати три полосы газеты, я созвонился с Петром Поспеловым и Львом Ровинским - редакторами "Правды" и "Известий", спросил, не знают ли они чего о том важном материале, для которого зарезервирована первая полоса. Нет, они знали не больше, чем я.

Можно было только предполагать, что возможно выступление Сталина. Этого ждали все с первых дней войны и недоумевали, почему такое выступление откладывается.

Я съездил в ГлавПУР и подтвердил догадку. Надо было немедленно возвращаться в редакцию. Будут отклики. Обычно их собирали журналисты. Но журналистов в редакции оставалось мало - почти все на фронтах. Помогли писатели. Илья Эренбург, Лев Славин, Василий Ильенков, Борис Галин, Семен Кирсанов, Николай Богданов, Семен Трегуб помчались на подмосковные аэродромы, на огневые позиции зенитчиков, прикрывавших столицу, в запасные полки, на призывные пункты, в госпитали.

Хотелось послать телеграмму фронтовым корреспондентам - подключить и их к неотложному делу. Составил несколько вариантов такой телеграммы с туманными намеками. Однако не решился опережать события. Понадеялся, что опытные журналисты сами своевременно догадаются насчет откликов.

Ночь на исходе - скоро 5 часов утра, а ничего по-прежнему нет. Не откладывается ли предполагавшееся выступление Сталина? Позвонил директору ТАСС Я. С. Хавинсону. Он схитрил: не сказал ни "да", ни "нет". Ждите, мол.

Сталин выступил в 6 часов утра 30 минут. Не раз я слушал его выступления и по радио, и на совещаниях в Кремле. Но ни одно не взволновало меня так, как это. Уже первые сталинские слова буквально пронзали душу: "Товарищи! Граждане! Братья и

сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!.."

Он и сам заметно волновался, отчего явственнее слышался грузинский акцент, чаще и продолжительнее, чем всегда, были паузы.

Горькая правда звучала в его словах. Очень откровенно ответил он на жгучие вопросы, волновавшие тогда весь наш народ.

Конечно, позже, спустя десятилетия после войны, многое было раскрыто глубже, наши ошибки, просчеты и первые военные неудачи объяснены обстоятельнее. Но и то, что мы услышали тогда от Сталина, проливало ясный свет на происшедшее и происходящее, а главное - укрепляло у советских людей чувство оптимизма, веру в собственные силы.

Через час мы получили текст сталинской речи. Около девяти утра ротация выбросила первые тысячи экземпляров "Красной звезды" с этим очень важным документом.

5 июля

Газета продолжает печатать отклики на речь Сталина. Их много. Они поступают со всех фронтов.

Илья Эренбург выступил со статьей-призывом "Свобода или смерть!". Богданов прислал яркий, страстный репортаж из авиационного полка, патрулирующего небо Москвы. Ильенков написал о митинге бойцов, отправляющихся на фронт. Кирсанов дал в номер стихи. В этом же номере опубликовано письмо колхозного ветеринара из села Стрижаково, Винницкой области, Гордея Легедзовского, шести его сыновьям-фронтовикам. Каждому из сыновей дается персональный родительский наказ:

"Ты, мой дорогой сын Антон Гордеевич, веди свою стальную танковую часть за Родину, за советский народ на сокрушительный удар по фашистам!

Ты, дорогой мой сын Андрей Гордеевич, по примеру старшего брата Антона, бей немецких фашистов, как он бил их в 1918 году. Во сто крат сильнее бей немецких извергов, чем я бил их в 1916 году!

Ты, дорогой сын Иван Гордеевич, морской летчик, топи вражеские морские фашистские корабли!

Ты, сын дорогой Григорий Гордеевич, с винтовкой и гранатой в руках очищай путь на поле боя от немецко-фашистских псов!

Ты, сынок Николай Гордеевич, на своем советском самолете отомсти гитлеровским стервятникам за налет на наши мирные

советские города, бей их - и побольше - на их же земле!

И ты, наимладший мой дорогой сын Виталий, лейтенант-танкист, веди свою грозную машину на штурм озверелого врага, точно и метко втыкай в пасть извергам свои снаряды!.."

Вместе с отцом подписала это письмо и мать - Софья Легедзовская.

А к нам в редакцию оно было переслано старшим сыном Легедзовских

Антоном Гордеевичем. Он попросил опубликовать письмо в газете, потому что родителям, да и самому ему, неизвестны пока адреса пяти его братьев.

Конечно, очень хочется узнать, как сложились судьбы людей, имена которых появлялись на страницах "Красной звезды" в годы всенародного испытания. Но, увы, это невыполнимая задача. Однако, перечитав письмо Легедзовских, почти через сорок лет после опубликования, я решил обязательно разыскать хоть кого-нибудь из этой довольно большой семьи и выяснить, как воевали шесть братьев-фронтовиков и чем закончилась война для каждого из них. Много месяцев заняла моя переписка с районными, областными, республиканскими учреждениями и общественными организациями. И вот результат, которым я больше всего обязан ребятам из клуба "Поиск" при Киевском горкоме комсомола, особенно их политруку Стефании Цакун.

Выяснилось, что Антон Гордеевич закончил войну в звании полковника, в должности заместителя командира мотострелковой бригады. Награжден орденом Ленина и тремя орденами Красного Знамени.

Андрей Гордеевич воевал в должности командира батальона связи, а закончил войну в Праге, будучи уже начальником связи корпуса. Награжден орденами Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны I и II степени, орденом Красной Звезды.

Иван Гордеевич, морской летчик, начал войну лейтенантом, закончил старшим лейтенантом. Был ранен и дважды контужен.

Григорий Гордеевич служил старшиной в пехоте, затем получил звание лейтенанта. Многократно был ранен в боях и умер от ран.

Николай Гордеевич, летчик-бомбардировщик, в 1942 году был сбит над оккупированной противником территорией, контуженный, попал в плен, бежал из плена и вступил в партизанский отряд "Родина", действовавший в Ворошиловградской области. Когда эта область была освобождена от противника, опять был зачислен в кадры Советских Вооруженных Сил, но из-за контузии не получил допуска на

летную работу, а продолжал боевую службу в должности командира роты автоматчиков. Участвовал во взятии Риги, Штеттина, Кенигсберга. Трижды ранен при этом. Награжден орденом Отечественной войны и медалью "За отвагу", а также партизанской медалью.

Младший сын Легедзовских Виталий погиб смертью храбрых в 1943 году.

Глава семьи Легедзовский Гордей и его супруга Софья скончались в 50-е годы.

* * *

5 июля впервые выступил в "Красной звезде" Евгений Габрилович.

Он был призван на военную службу в первые дни войны. Главное политическое управление собиралось направить его в редакцию то ли фронтовой, то ли армейской газеты, но я выпросил Евгения Иосифовича для "Красной звезды", потому что знал еще по "Правде" как блестящего очеркиста.

До войны мы, кажется, не встречались, и не сразу я догадался, кто это такой, когда предстал передо мною худющий, сутулый, черноволосый человек в синем френче с карманами-клапанами. Мне надо было побыстрее вычитывать оттиск очередной газетной полосы, поэтому первая беседа с Габриловичем продолжалась всего несколько минут. Спрашиваю:

- Военное дело знаете?

- Нет.

- В армии не служили?

- Нет.

- Звание у вас какое?

- Интендант второго ранга.

- Ну, что ж, товарищ интендант второго ранга, сходите прежде всего в нашу каптерку и обмундируйтесь, примите подобающий воинский вид.

Начальник АХО выдал Габриловичу гимнастерку с зелеными интендантскими петлицами, хлопчатобумажные шаровары-"галифе", кирзовые сапоги, пилотку и наряд в оружейный склад, где ему полагалось получить пистолет. В таком виде он и обосновался в одной из редакционных комнат, где работали еще два или три литсотрудника.

Из всех писателей, прикомандированных к "Красной звезде", Габрилович был, пожалуй, самым "штатским". Поэтому я распорядился, чтобы он занялся пока литературной правкой корреспондентских материалов, а заодно хоть мало-мальски освоился с военной терминологией, с воинскими порядками. Попробовал однажды послать его с несложным заданием в

госпиталь. Через два часа оттуда последовал запрос по телефону:

- Корреспондент Габрилович числится у вас?

- Да, числится. А почему вы об этом спрашиваете? В трубке какое-то невнятное бормотание:

- Должен доложить... Прибыл не по форме. Решили проверить... Корреспондент будет допущен к раненым...

Оказывается, Евгений Иосифович отправился на задание в слишком уж странном виде: на гимнастерку с двумя шпалами на петлицах напялил шикарный заграничный плащ, а на голову вместо форменной фуражки надел шляпу, чем возбудил подозрение у бдительного госпитального вахтера. Тот вызвал в проходную дежурного офицера, а уж дежурный связался по телефону со мной. Когда Габрилович вернулся в редакцию, пришлось ему разъяснить воинские порядки.

Однако дело свое сделал: принес из госпиталя хорошую заметку, строк на сто, и сегодня она опубликована.

Не раз тихий и деликатный Габрилович приходил в редакторский кабинет и просился на фронт.

- Еще не время... - отвечал я.

Забегая вперед, скажу: вскоре он все же уговорил меня и получил командировку на Западный фронт. Под начало кадрового военного Михаила Зотова. Кстати, в паре с Зотовым работал бывший флотский главстаршина фоторепортер Давид Минскер. Этот тоже мог быть полезен "молодому, необученному" интенданту 2-го ранга своей опытностью в военных делах, своей старшинской вышколенностью.

У читателей может возникнуть вопрос: а почему, собственно, писатель Габрилович имел интендантское звание. Разъясняю: такие же звания присваивались и другим писателям, не являвшимся членами партии. В отличие от них, писатели-коммунисты числились в политсоставе и соответственно имели звания от политрука до бригадного комиссара.

В "Красную звезду" с интендантскими званиями пришли Лев Славин, Борис Лапин, Захар Хацревин, Семен Кирсанов и другие. У кого и почему возникла мысль породнить литературу с интендантством - не знаю. Зато хорошо знаю, что сами писатели тяготились этим званием. Они нередко подтрунивали друг над другом, вспоминая злую тираду Суворова о корыстолюбивых интендантах. Доставалось им и от солдат за перебои в снабжении табачком, за непорядки в пищеблоках. А иногда писателей принимали за военных врачей (петлицы у медиков были такого же темно-зеленого цвета) и требовали от них оказания помощи раненым. Что же касается Габриловича, то, вдобавок ко всему, над его званием потешался водитель редакционной автомашины,

на которой он ездил по фронту: величал его "майором с колесами", имея в виду интендантские эмблемы на петлицах гимнастерки писателя. Они и впрямь отдаленно напоминали колеса.

Вскоре мы заменили писателям "Красной звезды" если не звания, то интендантские петлицы на комиссарские или командирские. А когда произошла унификация военных званий, вопрос разрешился сам собой к вящему удовольствию наших "интендантов"...

Свое боевое крещение Евгений Габрилович получил под Витебском в танковом корпусе генерала В. И. Виноградова. Корпус этот вел тяжелые оборонительные бои. Корпусной КП располагался у шоссейной дороги, в лесу. Лес нещадно бомбила авиация противника и в нескольких местах сумела поджечь его. С тыла на КП надвигался страшный лесной пожар.

Генерал принял корреспондентов в щели, прикрытой сверху тяжелым танком "КВ". Беседа длилась лишь пять минут. В заключение генерал объявил, что он переносит свой командный пункт в другое место и рекомендовал спецкорам следовать за ним.

- А "эмку" вашу придется бросить, - кивнул Виноградов на довольно ветхую корреспондентскую машину. - На ней не выбраться: шоссе - под прицельным огнем артиллерии, по танковому следу она не пойдет, да если бы и пошла, самолеты ее доконают. Они за каждой легковушкой охотятся.

Но спецкоры все-таки не бросили машину. Она вынесла их из пылающего леса и долго еще продолжала свою боевую службу.

Некоторое время спустя я с пристрастием расспрашивал Зотова о работе Габриловича на фронте. И вот что услышал:

- О недюжинных литературных способностях Евгения Иосифовича у меня сложилось твердое мнение еще до войны. А вот в физических его силах, грешным делом, при первой нашей встрече засомневался: худ, бледен, голос тоненький. К тому же застенчив, как красная девица. Однако еще раз потвердилась истина, что внешность обманчива! Этот кабинетный с виду человек быстро приспособился работать в любых условиях - притулившись спиной к первому попавшемуся дереву, присев в придорожном кювете...

А еще мне рассказывали о таком эпизоде. Неподалеку от пылавшего Смоленска повернули наши спецкоры в сторону какого-то районного центра, надеясь оттуда связаться по телефону с редакцией.

- А зачем нам, собственно, связываться? - размышлял вслух Зотов. Ведь у нас ни строчки нет для газеты.

- Почему же "ни строчки"? - возразил Габрилович. - Кое-что имеется. Вот артиллеристы рассказали мне любопытную историю...

Когда он успел поговорить с артиллеристами - никто и не заметил. А ведь успел и все взял на карандаш.

Так случалось не раз. Пока другие корреспонденты носятся сломя голову в поисках нужного газете материала, Габрилович спокойно, тихонько, без суеты что-то где-то уже раздобыл и пишет очередной свой очерк...

При всем том Евгений Иосифович никогда не переоценивал своих познаний в военном деле, не рвался в заоблачные выси оперативного искусства. У него была своя излюбленная тема. Одним из первых он начал писать о людях так называемых "незаметных" военных профессий: о медсестре из эвакогоспиталя, об оружейном мастере, ремонтирующем пушку под огнем противника, о крохотном отряде военно-дорожной службы, прокладывающем гать по непроходимому болоту на виду у неприятеля. Темы были самые разнообразные. Писатель искал и находил истинных героев там, где, казалось бы, шла вовсе незаметная, негероическая работа.

А ведь на войне люди не только и не все время стреляют. Есть еще и так называемый фронтовой быт, фронтовой досуг, фронтовая дружба, даже фронтовая любовь. С пристальным вниманием истинного художника Габрилович примечал это. Его глубоко интересовали думы, чувства, судьбы солдата. В оглушающем грохоте войны он чутко прислушивался и слышал биение человеческих сердец.

Должен признаться, что мы и не заметили, как наш "самый штатский" корреспондент стал военным писателем в самом высоком смысле этого слова.

8 июля

В номере много писательского материала. Напечатан первый очерк Бориса Лапина и Захара Хацревина из серии "Письма с фронта".

Лапина и Хацревина я хорошо знал еще по Халхин-Голу; они работали с нами во фронтовой газете "Героическая красноармейская". Там я имел возможность присмотреться к ним.

Борис Лапин внешне выглядел хрупким, ничего воинственного и даже спортивного не было в его наружности. Типичный кабинетный работник. Очки с толстыми стеклами; когда их снимал, он беспомощно моргал невидящими глазами.

Сутулая спина, опущенные плечи - вероятно, от неумеренного чтения. Он всегда читал. Вряд ли он замечал, что он ел, потому что перед тарелкой всегда стояла книга. Между тем многие здоровяки могли позавидовать его неутомимости в трудных скитаниях и его бесстрашию на фронте.

В наружности Захара Хацревина тоже кое-что находилось в разительном противоречии с его истинной сутью. Его элегантность, "светскость" могли внушить представление о нем как о человеке, выросшем в тепличных условиях. Но на самом деле он был работник редкого трудолюбия: литератор, востоковед, блестящий военный журналист. Точно так же могла ввести в заблуждение мужественная внешность этого рослого человека. Его жизнерадостный смех, энергичность, постоянная готовность включиться в трудную, даже опасную экспедицию вроде бы свидетельствовали о его несокрушимом здоровье. Но, как потом мне стало известно, это было не так.

На Халхин-Голе я узнал их одаренность, безотказность, их мужество и хладнокровие под огнем.

Готовили мы специальный номер "Героической красноармейской" ко дню генерального наступления советско-монгольских войск. Лапину и Хацревину было поручено написать очерк о русском штыке. Они отправились на передовую и в батальон пришли под самый вечер. Командир сказал им: "Да, есть у нас мастера штыкового боя, сейчас я их вызову". Но Лапин ответил: "Зачем же, зачем, мы сами туда пойдем". И поползли. Добрались до взводной ячейки и там провели ветреную, тревожную, предбоевую ночь...

Был и такой случай - уже во время нашего наступления. Вместе с Павлом Трояновским Лапин и Хацревин отправились за реку Халхин-Гол, чтобы написать о героях штурма сопки Песчаная. Они совершили тот же путь, что и прежде, и явились в батальон. Комбат говорит им, что героев много, скоро должен вернуться инструктор политотдела, он все знает и подробно расскажет. И снова они заявили: "Почему же? Мы сами пойдем".

Трояновского я еще ранее предупредил: "Смотрите за ними внимательно, не пускайте куда не надо". Он их и не пускал. Но они не послушали его. Трояновский пригрозил, что пожалуется редактору: "Редактор приказал не пускать вас туда..."

Улыбнувшись, писатели сказали, что такого приказа не могло быть. И ушли. Вместе с Трояновским. Вернулись. Написали хорошо.

Весь их душевный строй, весь склад их характера и их внутреннее содержание говорили о том, что нельзя, например, вызывать солдата для беседы с журналистом, чтобы спасти жизнь

журналиста.

Как-то между делом я заговорил об этом с Лапиным и Хацревиным. Они ответили мне - не дословно, но смысл такой: надо делать газету чистыми и честными руками. Чтобы звать человека на подвиг, надо делить с ним опасности и трудности фронтовой жизни. И они, когда требовало дело, шли навстречу опасностям и невзгодам войны. Что ж, точка зрения у нас была одинаковая!

В начале Отечественной войны Лапин и Хацревин сразу же выехали на юго-западное направление, и в газете стали появляться день за днем их "Письма с фронта". Достаточно было прочитать даже первые их очерки, чтобы увидеть, что писатели и на большой войне, как и на Халхин-Голе, остались верными своим журналистским принципам: в походе и в бою - с бойцами, рядом с ними.

Ответственный секретарь редакции Александр Карпов однажды сказал мне, что наш кадровик, человек деловитый, но прямолинейный, сокрушается по поводу того, что Лапин и Хацревин пишут вместе один очерк, а занимают две штатные единицы.

- Что же ты ему ответил? - спросил я Карпова.

- А я ему сказал, что здесь нужна не арифметика, а алгебра. Для Лапина и Хацревина не жалко и четырех штатных единиц.

Да, лучшего ответа, пожалуй, и не придумаешь!

* * *

Действительно, я вспоминаю, что каждый их очерк вызывал в редакции истинную радость. Фронтовая спешка не мешала им оставаться настоящими художниками. Известно, что в то горячее время писать приходилось быстро, "на ходу" и на очерках могли быть следы и штампа, и схематизма, и декларативности. Но очерки Лапина и Хацревина всегда отличались глубиной размышлений, точными характеристиками, сочным языком, искрились солдатской мудростью. Вот и в их первом очерке, опубликованном в сегодняшней газете, есть такая сценка:

"Летчики шагают по полю, говорят громкими голосами, словно рядом еще гремят моторы.

- Я следил за тобой, ты точно работал. Как только командир сбросил бомбы, я тоже.

- С какой высоты?

- Низко, знаешь, кажется, что видел глаза гитлеровцев.

- Ну, и какого они цвета?

- Сволочного".

Или такие строки из других "Писем":

"Зарылись по уши в землю гады, - сказал он хриплым от

напряжения голосом, - но мы их откопаем..."

Еще одна сценка:

"Раненый красноармеец, с трудом припадая на простреленную правую ногу, появляется из мокрой глины и мрака. Его подхватывают санитары. Тут же, прикрывшись плащ-палаткой, они накладывают повязку. Его лица не видно. Лежа на подстилке, он старается без умолку говорить, преодолевая боль.

- Ничего, ничего, починю ногу и вернусь. Будем бить зверя. Все в порядке, ребята..."

Да, не раз Борис Лапин и Захар Хацревин за свою короткую фронтовую жизнь одарят нас своими выразительными и эмоциональными очерками, которые я назвал бы "путевыми очерками", и не только по содержанию, но и потому, что писатели действительно все время были в пути - из дивизии в дивизию, из полка в полк, из роты в роту, где, так сказать, в огне и пороховом дыму добывали материал о бое и о людях в бою.

* * *

Выступили в этом номере также Петр Павленко, Ванда Василевская, Борис Галин. Особенно хотелось бы отметить статью Павленко "Изверги и людоеды". Впервые мы заговорили о плене. Вопрос в те дни непростой, сложный, жгучий. Не раз нам придется возвращаться к нему. А ныне Петр Андреевич, встретившись с раненым младшим сержантом Тищенко и узнав, что он вырвался из фашистского плена, записал его безыскусственный рассказ о том, как гитлеровцы измываются над пленными и ранеными советскими воинами, мучают, убивают их. Впервые в газете прозвучали слова, которые многократно повторялись: "Лучше смерть, чем плен..."

9 июля

В сообщениях Совинформбюро появились еще более тревожные направления островское, полоцкое, лепельское, слуцко-бобруйское, могилев-подольское, борисовское...

Ко многому можно привыкнуть, но с такими сообщениями смириться было трудно.

Этот номер у нас особенный. Впервые выступает Алексей Толстой.

Накануне я позвонил Алексею Николаевичу на дачу, в подмосковную Барвиху. Он сразу же взял трубку, словно дежурил у аппарата. Я назвал себя и спросил, не сможет ли он приехать к нам в редакцию.

- Сейчас приеду.

Часа через полтора открылась дверь - и в мой кабинет вошел Толстой вместе с женой Людмилой Ильиничной. Большой, грузный, в светлом просторном костюме, в широкополой мягкой шляпе, с тяжелой палкой в руках. Едва переступив порог, сказал своим высоким баритоном:

- Я полностью в вашем распоряжении...

Нетрудно понять, как мы были рады согласию выдающегося советского писателя сотрудничать в "Красной звезде". Я усадил Алексея Николаевича и Людмилу Ильиничну в кресла, заказал для них чай с печеньем. Прежде чем начать деловой разговор, признался:

- А знаете, Алексей Николаевич, я человек не из трусливых, но звонить вам боялся.

Толстой с недоумением посмотрел на меня. Я напомнил ему случай двухлетней давности. Мы готовили тогда номер газеты, посвященный 21-й годовщине Красной Армии, и нам очень хотелось, чтобы в этом номере выступили большие писатели. Я набрал номер Толстого. Откликнулся секретарь. Я объяснил, зачем нам понадобился Алексей Николаевич, и попросил пригласить его к телефону. Через несколько минут последовал ответ секретаря:

- Алексей Николаевич занят. Он не сможет написать для вашей газеты.

Не скажу, чтобы это меня обидело, но какая-то заноза засела в душе. По тогдашней своей наивности, что ли, я не мог понять, что ничего шокирующего в таком ответе нет.

Выслушав теперь мое напоминание об этом, Толстой, как мне показалось, несколько смутился. Даже стал вроде бы оправдываться:

- Как раз в то время я работал над "Хождением по мукам". Людмила Ильинична "отрешила" меня ото всех других дел...

Алексей Николаевич попросил познакомить его с обстановкой на фронте.

- Вот в газете написано: идут ожесточенные бои на бобруйском, тернопольском, полоцком, борисовском направлениях. А все-таки где именно по ту или по эту сторону названных городов?

Конечно, мы в редакции знали несколько больше, чем сообщалось в сводках Совинформбюро. Я подвел Толстого к большой карте, висевшей в моем кабинете. На ней красными флажками была отмечена более точная линия фронта. По последним данным Генштаба, Бобруйск и Тернополь находились уже в руках противника, а за Полоцк и Борисов еще шли бои.

Постояв перед картой, Толстой снова уселся в кресло.

Помолчал. Потом заметил раздумчиво:

- Понимаю... Дела трудные... На войне нередко о сданных городах сообщают с опозданием, а об отбитых у противника - с опережением...

Алексей Николаевич подчеркнул, что он хорошо это знает: в первую мировую войну был военным корреспондентом и помнит, как кайзеровские военачальники всегда спешили объявить о захвате чужих городов еще до того, как овладевали ими. Наверное, и гитлеровские генералы, стараясь Выслужиться перед своим фюрером, спешат и будут спешить с победными реляциями.

- А нам торопиться не надо с объявлениями о сдаче наших городов, сурово заметил писатель. - Не мы начали эту войну...

Вспоминая тот разговор сейчас, сорок с лишним лет спустя, я невольно думаю о Брестской эпопее. В сводке Главного командования Красной Армии, опубликованной 24 июня, сообщалось, что "после ожесточенных боев противнику удалось потеснить наши части прикрытия и занять Кольно, Ломжу и Брест". А ведь Брестская крепость еще долго держалась после того. Почти месяц!

...Видно, еще по пути в редакцию Толстой обдумал, о чем следует написать в "Красную звезду", с каким словом обратиться к фронтовикам. Сразу предложил нам статью - "Армия героев". Начиналась она так: "Дорогие и любимые товарищи, воины Красной Армии!.."

С этого дня и началась многолетняя дружба "Красной звезды" с Толстым, о которой Николай Тихонов в одном своем письме из блокадного Ленинграда писал мне: "Если Алексей Николаевич в Москве, приветствуйте его сердечно от меня. Его сотрудничество в "Красной звезде" очень естественное, правильное, нужное".

Толстой часто приходил к нам в редакцию. И не только по приглашению, а и просто так, на правах постоянного сотрудника газеты. Писал он для нас безотказно, каждую просьбу "Красной звезды" воспринимал как боевой приказ...

* * *

В том же номере, за 9 июля, было и другое примечательное выступление стихи Михаила Голодного "Два Железняка". А предшествовало этому такое событие.

В субботу, 5 июля, поздно вечером пришло краткое сообщение: "Героический подвиг совершил командир эскадрильи капитан Гастелло. Снаряд вражеской зенитки попал в бензиновый бак его самолета. Бесстрашный командир направил охваченный пламенем самолет на скопление автомашин и бензоцистерн противника. Десятки германских машин и цистерн взорвались

вместе с самолетом героя".

Гастелло?.. Знакомая фамилия. Ведь это один из героев Халхин-Гола! Тот, что летал обычно с комиссаром Михаилом Ююкиным - его ведомым.

Бомбардировщик, пилотируемый Ююкиным, тоже был поражен зенитным снарядом и вспыхнул в воздухе над территорией, занятой противником. Не имея возможности перетянуть через линию фронта, Ююкин спикировал на скопление артиллерии и пехоты японцев. Выходит, Гастелло повторил подвиг своего боевого друга и партийного наставника!

Всех нас это взволновало. Но сообщение очень скупо. Никаких подробностей. Не названо даже имя героя.

Пытались разузнать хоть кое-что еще у нашего корреспондента по Западному фронту - не удалось с ним связаться, он в войсках. Позвонили в штаб ВВС - там не только нет подробностей, а и самый факт гибели Гастелло пока неизвестен. Удалось выяснить самую малость: звать его Николаем Францевичем, служил он в 207-м авиационном полку 42-й бомбардировочной, дивизии.

При переговорах со штабом ВВС были у меня в кабинете секретарь редакции Александр Карпов и еще несколько сотрудников. Не помню уж, кто из них подсказал: в редакции, мол, находится Михаил Голодный - может быть, он напишет стихи о Гастелло.

Пригласили поэта ко мне. Войдя, он почему-то остановился у двери. Переминается с ноги на ногу, шевелит тонкими, как у пианиста, пальцами, на лице какая-то грустная улыбка. Показали ему сообщение о Гастелло, объяснили, чего от него хотим.

Прихватил он гранку с этим сообщением и уединился в пустующем зале заседаний. Откровенно говоря, я сомневался, удастся ли поэту выполнить нашу просьбу. На всякий случай приказал подготовить что-нибудь на то место, какое зарезервировано для стихов. Однако через час-полтора стихи появились и службу свою сослужили. Читатель мог пропустить скупые строки о подвиге Гастелло, втиснутые в текст сводки Совинформбюро, а стихи, которые так и назывались - "Подвиг капитана Гастелло", не заметить было нельзя.

Уже глубокой ночью, дожидаясь сигнального экземпляра газеты, я не вытерпел - спустился в типографию поторопить печатников. Возвращаюсь обратно, с "сигналом" в руках, и неожиданно встречаюсь с Михаилом Голодным, медленно шагающим взад-вперед по полутемному коридору.

- Вы еще здесь? - удивился я. - Почему не спите?

Оказывается, он тоже дожидался первых оттисков газеты - не

терпелось взглянуть на первое свое стихотворение о герое Отечественной войны. Я затащил поэта к себе, распорядился, чтобы принесли для него несколько экземпляров свежей газеты. Разговорились.

- Вы не забыли своего Железняка? - спросил я.

- Нет, а что? - с удивлением уставился на меня поэт.

Я обратил его внимание на небольшую заметку, напечатанную в тот день. В ней сообщалось: "Стрелковый батальон капитана Рыбкина выдержал четырехчасовую артиллерийскую подготовку противника и отбил три атаки... В этом бою лейтенант Железняк заколол штыком семь фашистов".

Прочитал Голодный заметку и догадался, к чему я затеял этот разговор: нет ли, мол, желания написать о подвиге другого Железняка?

- Торопить на этот раз не будем, - пообещал я.

Вскоре Голодный принес нам свое стихотворение "Два Железняка". В очередной номер оно не попало - там уже были заверстаны стихи Кирсанова, а вот 9 июля было напечатано. Хочу воспроизвести эти строки здесь:

В степи под Херсоном
В одной из атак
Погиб в двадцать первом[1]
Матрос Железняк.
На мирном привале,
В походе ночном,
Мы песню с тобой
Запевали о нем.
Мы пели про бой,
Про удар штыковой,
Матрос Железняк
Приходил, как живой.
Врагам не давал он
Пощады, матрос,
И к нам свою славу
Сквозь время донес.
Былая пора,
Словно буря, прошла,
Иные герои,
Иные дела.
У Прута-реки
Лейтенант Железняк
Штыками встречает
Удары атак.

Шел трижды в атаку
Его батальон
(Героя ль матроса
Припомнил вдруг он?)

Семь раз отбивался
Штыком Железняк.
Семь трупов оставил
Разгромленный враг.
Так, значит, то правда
Герой не умрет,
Он, смерть попирая,
В народе живет.
Живые за павших
В атаку идут,
И мертвые к славе
Живого зовут.

После этого Михаил Голодный стал печататься в "Красной звезде" систематически. Были у него стихи сюжетные - например, "Баллада о лейтенанте Ульмане", были эпические - "Днепропетровск", были песенные. Одну из его песен - "Нет, никогда мы не будем рабами", сразу положенную на музыку композитором К. Листовым, - "Красная звезда" опубликовала вместе с нотами. В конце концов - смею думать, к обоюдному удовольствию - последовал мой приказ по редакции: "Голодного Михаила Семеновича зачислить корреспондентом "Красной звезды" с окладом в 1200 рублей в месяц".

* * *

Кроме уже названных выше "Красная звезда" опубликовала 9 июля еще два писательских материала: очерк Петра Павленко "Летный день" - о боевых делах одного авиационного полка - и фельетон Ильи Эренбурга - "Бедные музыканты". Последний перекликался с репортажем о контрударах наших войск на реке Прут. Писатель едко высмеивал претензии румынских фашистов, обнародованные в их газетенке "Универсул": "Необходимо утвердить румынизм в международном плане. Румыния - колыбель арийской расы. Румыния не просто народ, это единственный народ, унаследовавший дух Римской империи".

Убийственна реплика Эренбурга: "Каково Гитлеру это читать!.."

* * *

Всего несколько дней назад Ставка Главного командования

разослала за подписью генерала армии Г. К. Жукова телеграмму всем командующим фронтами. Краткую и категоричную:

"В боях за социалистическое Отечество против войск немецкого фашизма ряд лиц командного, начальствующего и младшего начальствующего и рядового состава - танкистов, артиллеристов, летчиков и других проявили исключительное мужество и отвагу. Срочно сделайте представление к награждению правительственной наградой в Ставку Главного командования на лиц, проявивших особые подвиги".

Первыми откликнулись авиаторы. В результате последовали два Указа Президиума Верховного Совета СССР.

Один - о присвоении звания Героя Советского Союза Здоровцеву, Жукову и Харитонову.

Другой - о награждении орденами еще восьмидесяти трех авиаторов.

А сегодня вот публикуются указы, отмечающие заслуги военных моряков. Двоим присвоено звание Героя и сорок пять человек награждены орденами Красного Знамени.

От этого, конечно, тревожные сводки Совинформбюро не становятся иными, но боль наших неудач в какой-то мере смягчается: массовое награждение советских воинов свидетельствует о массовом их героизме в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

10 июля

Жирным шрифтом напечатана заметка о редкой удаче войсковых разведчиков под командованием младшего лейтенанта Мелащенко. Они получили приказ добыть "языка". Вернувшись, Мелащенко доложил:

- Задание выполнено и даже перевыполнено: вместо одного "языка" захватили двенадцать.

Вот другое сообщение, которое ныне, по прошествии десятков лет, кой-кому может показаться неправдоподобным. Возвращаясь из тыла на огневые позиции своей батареи, тракторист Федюнин обнаружил, что она окружена немецкими автоматчиками. Не задумываясь, он двинул свой "Комсомолец" на залегших фашистов, стал давить их тяжелыми гусеницами трактора. Трижды Федюнин был ранен, но продолжал отвлекать на себя противника, пока не подоспела подмога. На войне чего не случается!

Еще пример: лейтенант Слонов на одноместном истребителе вывез из вражеского тыла своего ведомого, сбитого в воздушном

бою.

В иное время такие случаи назвали бы сенсационными. Но тогда никто из нас не употреблял этого слова. Какая уж тут "сенсация", когда льется кровь, гибнут люди?

Тогда в ходу было иное понятие - "будни войны". Потому, наверное, и в газете многие ярчайшие героические подвиги подаются подчас слишком уж буднично.

Впрочем, не только поэтому.

Вспоминаю, что на Халхин-Голе, когда мы узнали о подвиге Сергея Грицевца, первым получившего вторую звезду Героя Советского Союза, к нему помчались сразу три писателя - Лев Славин, Борис Лапин и Захар Хацревин. Теперь таких возможностей нет - другие масштабы войны. О Слонове, повторившем подвиг Грицевца в более сложных условиях, - всего десяток строк.

В Отечественную войну, особенно в начальный ее период, отличавшийся переменчивостью обстановки на фронтах, трудно, а порой и вовсе невозможно было угнаться за событиями. Они наплывали, наслаивались одно на другое. И притом все умножалось число героев. Чтобы хоть как-то скрасить скупую информацию о них, мы все чаще прибегали к помощи поэтов. Каковы бы ни были стихи, одни - лучше, другие - хуже, их эмоциональное воздействие на сердца и души фронтовика неоценимо.

Краткое сообщение о подвиге старшего лейтенанта Кузьмина дополнила и усилила баллада Михаила Светлова:

Патроны расстреляны, ранен Кузьмин,
У красного сокола выход один:
Нам родина больше, чем жизнь, дорога
Решился Кузьмин протаранить врага...
И город советский от вражеских сил
Он грудью, он жизнью своей заслонил.
И, падая, он услыхал над собой
Далекий воздушной тревоги отбой.

А сообщение об истребителе танков Долгове подкрепили стихи Семена Кирсанова:

Снаряды землю роют
у наших батарей...
Рождает бой героев,
творит богатырей.
В горячем вихре стали

колеблются холмы,
простые люди стали
могучими людьми!..
Со скрежетом и лязгом
несется танк врагов,
к нему с гранатной связкой
ползет боец Долгов.
Метнул. Вулкан осколков!
Осел фашистский танк...
Долгов подумал только:
"Со всеми будет так!"

11 июля

Вчера, вернувшись из Генштаба, я вновь переставлял флажки на моей карте. Враг еще дальше продвинулся в глубь страны: на северо-западном направлении - на пятьсот километров от нашей государственной границы, на западном - на шестьсот, на юго-западном - более трехсот. Латвия, Литва, Белоруссия, часть Украины и Молдавии оказались по ту сторону фронта. В обширном районе западнее Минска окружены три наших армии: 3-я, 10-я и часть сил 13-й. Эта весть прямо-таки оглушила. И не только меня. Подавленными выглядели вчера даже некоторые генштабисты, а уж они-то умеют не поддаваться эмоциям.

Окружение!.. Давно известный способ ведения войн. Кто изучал военную историю, помнит, конечно, знаменитые Канны. Мне же и моим товарищам, работавшим в "Героической красноармейской", довелось увидеть блестяще проведенную Г. К. Жуковым операцию по окружению и уничтожению группировки японских войск численностью в 50 тысяч человек. Достаточно мы наслышаны и об окружении немецко-фашистскими войсками вооруженных сил Бельгии, Голландии, Франции.

Но кто из нас мог подумать и реально себе представить, что во вражеское кольцо попадут три наших армии?!

Советская военная наука не отрицала, что оборона является необходимым видом вооруженной борьбы, однако теория ведения оборонительных операций была разработана еще недостаточно. Оборона считалась возможной и необходимой лишь на отдельных направлениях, а не на всем стратегическом фронте. Что же касается вывода крупных сил из-под угрозы окружения, боя в окружении и выхода из него, то эти вопросы вообще не разрабатывались. Я немало побывал в предвоенные годы на

войсковых и штабных учениях, на маневрах, а вот не помню, чтобы в ходе их были хотя бы условно окружены и выводились из окружения крупные силы "красных" или "синих" войск, как обозначались тогда противоборствующие стороны.

Теперь же, в военное время, это грозное слово "окружение" все чаще тревожит наш слух. Окружение советских полков, дивизий и даже армий стало горькой реальностью.

Перед "Красной звездой" возникла трудная дилемма. Нельзя в условиях войны открывать противнику наши карты. Но и молчать о том, к чему прикованы мысли и думы миллионов советских людей, в первую очередь наших воинов, тоже не годится. В дни суровых испытаний люди особенно нуждаются в слове истины. Мы обязаны нести им такое слово, если хотим, чтобы газету нашу читали, верили ей, прислушивались к ее голосу.

Кстати, из войск уже стали поступать сообщения о том, что и в обстановке окружения советские бойцы не складывают оружия, продолжают самоотверженную борьбу с врагом, наносят ему большие потери и выходят на соединение с главными силами Красной Армии. Надо сказать об этом в газете полным голосом. Сказать убедительно и авторитетно. Кому предоставить слово? Двух мнений на этот счет не было: конечно, Эренбургу, который приобрел уже большую популярность среди фронтовиков.

Собрали мы все материалы об окружении, какими располагала редакция, передали их Илье Григорьевичу. Заработала эренбурговская "Корона". И вот появилась в газете статья "Гитлер просчитался". Уже по заголовку можно судить, как автор повернул тему. Но стоит все-таки привести здесь некоторые выдержки.

"После польской и французской кампаний, - писал Эренбург, - Гитлеру показалось, что он открыл секрет победы. Тактика германских войск была построена на психологическом запугивании противника. Танковые колонны, прорывающиеся вперед, не только захватывали тот или иной город, они уничтожали волю к сопротивлению.

Особенно удалась эта тактика Гитлеру во Франции. Бросая вперед танковые колонны, он создавал видимость окружения и вызывал панику в штабах. Никто не упрекнет французского солдата в малодушии. Там, где были бои, французские части упорно сопротивлялись. Но в штабах сидели зачастую трусы и предатели: капитуляцию они предпочитали бою. Генералы сдавались в плен оптом. Оправдываясь, они говорили: "Ничего не поделаешь - мы окружены..."

Наполеон как-то сказал: "Мало знать рельеф местности, надо знать сердце противника". Гитлер тщательно обдумал план

коварного нападения на нашу страну. Он учел все шансы. Он надеялся повторить французскую кампанию. Его танковые соединения внезапно вклинились на нашу территорию. Гитлер ждал победы. Он не учел одного: сердца Красной Армии.

Отдельные наши воинские части попали в окружение врага... Неприятель думал, что он заполучит N-ю стрелковую дивизию. Окруженная со всех сторон, дивизия казалась обреченной. Однако бойцы пробились из кольца...

В Берлине сидит корреспондент шведской газеты "Стокгольм тиднинген" некто Крусенштерн. Политические симпатии человека, которому гитлеровцы разрешили сидеть в Берлине и посылать телеграммы в Стокгольм, совершенно ясны. Но вот что пишет Крусенштерн: "Во Франции если часть была окружена, она делала из этого логический вывод - она сдавалась. Русские сражаются, пока они еще могут шевельнуть хотя бы одним пальцем. Они не сдаются..." Легко себе представить раздражение немцев - все их планы перепутаны упрямыми русскими - они не хотят сделать "логического вывода" - они не сдаются. Они "шевелят пальцами", и от этого недопустимого движения немцы падают, сраженные пулеметным и ружейным огнем..."

* * *

Первое слово было сказано. А в дальнейшем пойдут более конкретные материалы: очерки Александра Полякова о героических боях в тылу врага и выходе из окружения дивизии генерала К. Н. Галицкого; очерк Петра Павленко "Дивизия, не боящаяся окружений"; статья генерала И. В. Болдина, который от самой границы вел и в конце концов вывел из вражеского кольца значительную группу советских войск, преодолев с боями сотни километров; еще одна статья боевого командира - полковника Т. Новикова - о том, как его дивизия, оказавшись в окружении, успешно громила врага в течение тридцати двух дней.

* * *

Вчера Соловейчик привел в редакцию поэта Иосифа Уткина. Высокий, красивый, с пышной шевелюрой. Сказал, что едет на фронт и, если будем печатать, готов присылать нам стихи.

- Когда их можно ожидать? - поинтересовался я.

- Ну, знаете ли... ни один поэт вам этого не скажет, - ответил Уткин с гордой улыбкой. - Впрочем, - продолжал он после небольшой паузы, - могу уже сейчас предложить вам кое-что готовое.

Вынув из кармана несколько листиков с рукописным текстом, Уткин положил их на мой стол. Это было его стихотворение "Прощание с бойцом", которое напечатано в сегодняшнем номере газеты. Вот оно:

Давай я тебя расцелую.
Но помни: с войной не балуют.
А впрочем, тебе не впервые
Шагать на дела боевые.
Ты к Бугу подходишь, и клены
Бойца принимают с поклоном.
Деревья еще не забыли
Легенды буденновской были.
Глубокие волны Дуная...
И снова картина родная:
Не этим ли волнам тобою
Свобода дарована с бою?
А воды и Рейна и Вислы?
Они, как народные мысли,
Они, как товарищи с речью,
К тебе устремятся навстречу.
И всюду, где быть ни придется,
Товарищ повсюду найдется.
И даже в Берлине, - пошаришь,
И там у тебя есть товарищ.
Мы в этой войне небывалой
Идем как бойцы-запевалы.
И песня народная скоро
Всемирным подхватится хором!
Давай я тебя расцелую.
Но помни: с войной не балуют.
А впрочем, тебе не впервые
Шагать на дела боевые.

Поэт заглянул далеко вперед! Тем эти стихи и примечательны.

* * *

Среди прочих материалов, напечатанных в том же номере, выделяется репортаж нашего спецкора Павла Трояновского "Удары с воздуха по вражеским базам". Еще бы! Геринг давно объявил об уничтожении советской авиации, а она, оказывается, совершает успешные боевые рейды далеко за линию фронта: летчики Черноморского флота бомбят немецко-фашистские базы в Констанце и Сулине, наносят удары по военным объектам в Плоешти.

Трояновского я знал еще с Халхин-Гола, по "Героической красноармейской". Он и тогда отличался обостренным чутьем газетчика: всегда угадывал, что требуется для газеты в данный

момент, и умел добыть нужный материал. Его настойчивость в достижении цели и отвага уже там были испытаны многократно.

Лишь однажды оплошал Трояновский.

Суть дела такова.

"Героическая красноармейская" ежедневно печатала обзоры военных действий. Составляли мы их в редакции, затем я или секретарь редакции Михаил Певзнер несли текст к Г. К. Жукову, и лишь с его одобрения очередной обзор на следующий день появлялся на первой полосе газеты. Случилось как-то, что и я и Певзнер, занятые какими-то неотложными делами, не смогли пойти к Жукову. Послали к нему с нашим обзором Трояновского. Прибыл он в блиндаж командующего. Адъютант усадил Трояновского возле входной двери, сказал, что нужно подождать. К Жукову и от Жукова непрерывно сновали командиры с ромбами и шпалами в петлицах. У Трояновского же было в ту пору всего два кубаря, и он никак не мог дождаться разрешения адъютанта на вход к командующему. Просидел в приемной до тех пор, пока туда не вошел зачем-то сам Жуков. Увидев Трояновского, он строго спросил адъютанта:

- А что здесь делает младший политрук?

Адъютант не успел ответить. Павел Иванович, вытянувшись в струнку, доложил, как положено по уставу:

- Младший политрук Трояновский, корреспондент "Героической красноармейской". Принес вам на визу обзор боевых действий.

Георгий Константинович кивком головы пригласил его к себе. Присев к столу, поинтересовался:

- Давно ждете?

- Два часа, - бодро отчеканил Трояновский, считая своей заслугой такую длительную выдержку.

- Два часа?! - возмутился Жуков. - Вот так-так... А вас ведь ждет газета. Какой же вы газетчик? Я слыхал, что газетчики - народ сметливый и настойчивый. Настоящий газетчик прорвался бы ко мне через все преграды, сам бы открыл дверь к командующему и уже вот у этого стола попросил разрешения войти... Давайте сюда ваш обзор.

Он прочитал подготовленный нами текст, кое-что поправил и, возвращая его Трояновскому, с напускной строгостью сказал:

- Передайте редактору, чтобы он больше не присылал вас ко мне. Вернулся Паша в редакцию в большом расстройстве. Рассказал все как было. Я постарался успокоить его, объяснив, что Жуков конечно же пошутил...

Давно отгремели бои на Халхин-Голе. Заканчивался первый год Великой Отечественной войны. Военный совет Западного

фронта наградил орденами нескольких корреспондентов "Красной звезды", принимавших участие в битве за Москву. Орденом Красного Знамени были отмечены заслуги Константина Симонова. Орден Красной Звезды должны были получить Яков Милецкий, Михаил Бернштейн и Павел Трояновский. Привез я награжденных в Перхушково, на КП Западного фронта. Жуков встретил нас приветливо, сердечно. Я представил всех по очереди. Назвал Трояновского.

- Трояновский? - переспросил Георгий Константинович. - Это не тот ли Трояновский, которого я пробрал на Халхин-Голе?

- Он самый, - ответил я.

- Помните? - улыбнулся ему командующий. Еще бы не помнить...

После завершения боевых действий на Халхин-Голе мы забрали Трояновского в "Красную звезду", назначили собкором по Забайкальскому военному округу. В середине июня сорок первого года он получил очередной отпуск и выехал в один из крымских санаториев. В пути его перехватила редакционная депеша. Трояновскому предписывалось следовать в Севастополь и приступить к исполнению обязанностей корреспондента по Черноморскому флоту. Такое назначение было для него совершенно неожиданным - флот он знал лишь по книгам да кинокартинам. На первых порах, как сам он потом признавался, "не знал, с чего начать".

Тем не менее начало было удачным. "Военно-морской флот - это ведь не только боевые корабли", - рассудил Трояновский и направился к флотским летчикам. С авиацией он породнился еще в 1936 году - комсомол послал его тогда на учебу в Челябинское военно-авиационное училище. Правда, закончить училище не удалось. Проучился всего год, после чего забрала его оттуда окружная военная газета. Но душой он остался верен авиации. В "Героическую красноармейскую" прибыл с голубыми петлицами, да и в "Красной звезде" долго не расставался с ними.

С черноморскими авиаторами Трояновский сразу же сошелся на короткую ногу. И вот мы получили отличный репортаж об их боевых делах.

Надо ли объяснять, какое впечатление произвело в те тяжкие дни на читателей "Красной звезды" сообщение о бомбардировках Констанцы, Сулина и Плоешти!

Вскоре, однако, редакция отозвала Трояновского с Черноморского флота. В Москве он задержался всего на два часа, после чего отправился спецкором на Северо-Западный фронт, потом на Западный...

За время Великой Отечественной войны Павел Иванович

вырос до подполковника и, что, пожалуй, еще важнее, стал видным советским журналистом.

18 июля

Центральный Комитет партии принял решение о реорганизации политорганов Красной Армии и введении института военных комиссаров. Этому большому событию посвящена передовая "За боевую самоотверженную работу, товарищи комиссары и политработники!".

Автор передовой - поэт Рувим Моран, наш литературный секретарь. Стихи Моран начал писать в 1932 году. К четырнадцатилетнему стихотворцу относился благосклонно Эдуард Багрицкий, можно даже сказать - опекал его. Земляки Морана - одесские литераторы - любовно называли его: "Наш вундеркинд". С этим связан один почти анекдотический случай. На каком-то поэтическом вечере председательствующий, представляя Морана публике, объявил:

- А сейчас перед вами выступит молодой поэт Ундервуд.

С тех пор к Морану прозвище Ундервуд прилепилось на все годы юности.

Стихи Морана охотно печатались в "Комсомольской правде", в "Октябре", в "Красной нови", а потом он как-то охладел к ним, стал журналистом: работал в многотиражке на Николаевском судостроительном заводе, в газете "Гудок", а с 1935 года - в "Красной звезде".

Словом, краснозвездовский ветеран.

Не помню, чтобы Моран когда-либо предлагал нам свои стихи. Зато его поэтическое вдохновение нашло выход в очерках и особенно в передовых статьях. Примером журналистского мастерства Морана была, по-моему, передовая, посвященная героям боев у озера Хасан в самый разгар этих событий - в 1938 году. Моран начал ее... с народной сказки. В те строгие времена это было слишком дерзновенно. Да, пожалуй, и ныне такие вольности в передовых не поощряются. Я было занес над сказкой красный карандаш, но автор с такой страстью убеждал меня оставить эти строки, что я в конце концов уступил ему. А на следующее утро раздался телефонный звонок из "Правды". Звонил Михаил Кольцов.

- Кто у вас писал сегодняшнюю передовую? - спросил он. Обычно мы этого не раскрывали. Но Кольцову отказать нельзя: я назвал автора.

- Какой молодец! - похвалил Кольцов.

Ему понравилось именно начало передовой.

Война застала Морана в Ленинграде. 22 июня он поспешил на Карельский перешеек. Боев там еще не было. Тем не менее на границе чувствовалась напряженность, и Моран передал об этом кое-какую информацию. Одновременно он позвонил мне и спросил, что делать дальше. Я ответил:

- Возвращайтесь в Москву - некому писать передовые!..

Утром Моран уже был в редакции, и сразу же мы усадили его за передовицу о первых героях воздушных боев. И вот он комментирует Указ Президиума Верховного Совета СССР о военных комиссарах. В статье изложена программа их боевой деятельности. Особо подчеркнуто, что теперь перед комиссарами стоят несколько иные задачи, чем в годы гражданской войны. Полностью исключается функция контроля за деятельностью командиров, что было главным тогда. Ныне на первый план выдвигается задача: повышать боевой дух войск, воспитывать у всех военнослужащих готовность сражаться с врагом до последней капли крови, отстаивая каждую пядь советской земли. В передовой воспроизведены суровые, но очень созвучные моменту слова Ленина: "Презрение к смерти должно распространиться в массах и обеспечить победу". Статья призывала всех бойцов, командиров, политработников:

- Стоять насмерть, без приказа не отходить!

- Сопротивляться до последнего дыхания, лучше смерть, чем плен! "...Какие бы силы ни бросал враг, как бы яростны ни были его атаки, никогда не сгибаться, не сдаваться! Даже если один против десяти, даже если горстка людей против танков, - бороться до конца, не отходить без приказа командования. Вот за это вместе с командиром отвечает военный комиссар и политический руководитель. Это - их самая главная, самая важная задача".

Когда передовая была подписана и отправлена в набор, Моран как-то застенчиво обратился ко мне с просьбой:

- Пошлите меня на фронт.

Такие просьбы следовали одна за другой от всех сотрудников редакции, оставленных в Москве. Я чаще всего отмалчивался. Промолчал и на сей раз. Моран понял, что вопреки известной пословице "молчание - знак согласия", в данном случае дело обстоит как раз наоборот. Через несколько дней он повторно "атаковал" меня, уже более решительно. Употребил даже такую неуместную фразу: "Не хочу быть тыловой крысой".

Москву в это время уже бомбили. Я знал, что в часы воздушных тревог Моран исправно дежурил на крыше редакционного здания. Сердито сказал ему:

- Считайте это вашим фронтом...

Тогда он предпринял обходный маневр. Познав в начале августа, что формируется редакция газеты для нового - Брянского - фронта и редактором туда уже назначен бывший краснозвездовец Воловец, вызвался ехать с ним. Тот с радостью принял это предложение. Все необходимые документы были оформлены в тот же день. Моран, числившийся у нас вольнонаемным, получил из военкомата мобилизационный листок. Оставалось только сходить за предписанием в Главное Политическое управление.

Но перед тем Моран зашел все же ко мне. Легко представить, как я вскипел. Тут же позвонил райвоенкому, на высоких тонах объяснился с ним, а Морану объявил, что идти в Главное Политическое управление не требуется.

Надо было видеть, как это огорчило его. Я сжалился:

- Ладно, поедете на фронт. И даже на Брянский фронт, только не в редакцию Воловца, а в качестве собкора "Красной звезды". Кому-то же нужно представлять нашу газету на новом фронте. Так уж куда ни шло, представляйте вы...

Моран собрался в дорогу немедленно. Перед отъездом зашел, конечно, попрощаться. Помнится, у меня сидели тогда Михаил Шолохов, Евгений Габрилович и еще кто-то из писателей. Я представил им Морана так:

- Перед вами - дезертир. Удирает на... фронт.

И рассказал, как он обвел меня вокруг пальца. Добрые улыбки всех присутствовавших были ему напутствием.

На новом фронте ощущался острый недостаток легковых автомашин, и потому в распоряжение корреспондента "Красной звезды" выделили полуторку с бравым водителем Сашей (фамилии его не знаю), преодолевшим до того нелегкий путь от госграницы до Брянска.

Поехали они в 13-ю армию. В дороге выяснилось, что не только у Морана, а и у водителя нет касок. На берегу какой-то речки Моран подобрал две каски и одну из них протянул Саше.

- На хрена она мне сдалась! - залихватски молвил тот. Размахнулся и пустил каску по реке, как все мы в детстве запускали плоские камешки - чей больше проскачет и дальше пролетит.

Прибыли на КП танковой бригады, завязавшей бой с немецкими танками. Притулились у сруба недостроенной крестьянской избы. Немцы засекли бригадный КП, открыли по нему минометный огонь. Не всем удалось укрыться в наспех отрытом окопчике. Корреспондент вместе с водителем и еще каким-то лейтенантом задержались наверху. Одна из мин

ударила прямо в сруб над их головами, за ней - вторая. Морана спасла каска, но рука была перебита, в бедре тоже жгучая боль. У лейтенанта перебиты ноги. А водитель Саша погиб осколок мины пришелся ему как раз в голову...

Вернулся Моран в строй лишь через полгода. И снова пошли его передовые. И опять они отличались эмоциональным накалом. Я легко отличаю их теперь даже по заголовкам: "Трагедия в деревне Дубовцы", "Русская девушка в Кельне", "Слава раненного в бою" и т. п. Кстати замечу, когда на редакционной летучке обсуждался вопрос, кому писать передовую, комментирующую постановление Государственного Комитета Обороны об отличительных знаках за ранения, почти всечутьли не хором закричали:

- Кому же еще, как не Морану?!

"Приоритет" действительно был за ним: он ведь первым из работников "Красной звезды" получил ранение на фронте.

А к стихам Моран вернулся уже после войны. Поэт и переводчик Моран одним из первых перевел знаменитые стихи Мусы Джалиля.

22 июля

Под утро поступило сообщение ТАСС:

"В 22 часа 10 минут 21 июля немецкие самолеты в количестве более 200 сделали попытку массового налета на Москву. Налет надо считать провалившимся. Заградительные отряды нашей авиации не допустили основные силы немецких самолетов к Москве. Через заградительные отряды к Москве прорвались лишь отдельные самолеты противника. В городе возникло лишь несколько пожаров жилых зданий. Имеется небольшое количество убитых и раненых, ни один из военных объектов не пострадал.

Нашей ночной авиацией и огнем зенитных батарей по неполным данным сбито 17 немецких самолетов. Воздушная тревога продолжалась 5 с половиной часов".

Эта ночь запомнилась. Воздушных тревог и до того было немало. Преимущественно - учебных, но случались и боевые - отдельные немецкие самолеты неоднократно пытались прорваться к Москве.

Противовоздушная оборона столицы усиленно готовилась к массированным налетам фашистской авиации. Готовилась к ним и редакция: заранее были разработаны маршруты следования наших корреспондентов на аэродромы истребительной авиации и огневые позиции зенитных батарей; расписаны дежурства на

постах ПВО в пределах самой редакции и типографии. В качестве главной задачи дежурным ставилось обезвреживание зажигательных бомб. Сотрудникам, свободным от дежурства, предписывалось: по сигналу воздушной тревоги непременно спускаться в полуподвальный этаж, бывшее складское помещение, которое считалось теперь бомбоубежищем, и продолжать там работу над очередным номером газеты.

Хлипкое редакционное здание - в прошлом чаеразвесочная фабрика - с годами хаотически обросло многочисленными пристройками "на живую нитку" и, казалось, только и ждало ветра похлеще, чтобы превратиться в развалины. Пребывание в нашем "бомбоубежище" Илья Эренбург назвал "презрением к смерти". С тех пор наш полуподвал так и называли.

Как вел себя наш в общем-то дисциплинированный коллектив в ночь на 22 июля, можно судить хотя бы отчасти по моему приказу от 22 июля. Там говорится:

"Во время налета немецких самолетов на Москву в редакции и типографии "Красной звезды" наблюдалась исключительная неорганизованность. Работники редакции и типографии, в том числе начсостав, который должен был показать пример выполнения правил ПВО, нарушали эти правила, выходили на улицу, лазили на крышу. Очевидно, эти товарищи не понимают, что идет не игра в бирюльки, а кровавая война с жестоким и коварным врагом..."

И если быть уж совсем откровенным, то должен признаться, что к тому начсоставу, который не показывал примера в выполнении правил ПВО относился и сам я.

Мало что изменилось и после моего приказа при последующих массовых налетах немецкой авиации на столицу. Илья Эренбург, с недовольством уступая настоянию редакционного коменданта, спускался в бомбоубежище не чаще как "через два раза на третий". Кое-как примостившись там с пишущей машинкой на коленях, он сосредоточенно достукивал очередную статью. Пушечная пальба над головой и грохот воздушных боев не отвлекали его от дела.

Туго приходилось коменданту и с Толстым, если тот тоже оказывался в редакции во время воздушной тревоги.

- Опять тащите меня в свое "презрение", - с улыбкой говорил он. И не шел в наше убежище.

Как-то в один из ночных налетов на Москву немецкой авиации Толстой вышел во двор редакции и, не обращая внимания на падающие сверху осколки зенитных снарядов, пристально наблюдал, как шарят по небу мощные прожекторы, как время от времени ловят они в перекрестье своих лучей

вражеский бомбардировщик.

В одну из таких минут позади редакционного корпуса, в парке "Эрмитаж", раздался взрыв бомбы, зазвенели стекла. Толстой обернулся неторопливо, довольно спокойно спросил: "Что там?" После чего опять погрузился в созерцание бесноватой пляски тысяч огней в растревоженном московском небе. Позже он напишет о том, как "огненная строчка" трассирующих пуль "прошила" немецкий бомбардировщик.

Так же мужественно вели себя в ту ночь - да и не только в ту, а и во все последующие тревожные ночи - наши типографские рабочие: линотописты, печатники, стереотиперы, цинкографы. Большинство из них оставалось в цехах, готовило газету к выходу - несмотря ни на что "Красная звезда" должна была выйти.

К утру вернулся с огневых позиций зенитной батареи Ильенков. Зашел ко мне, вдохновенно принялся рассказывать, как удачно эта батарея вела свой первый бой, какие там замечательные люди. Понравились ему командир батареи лейтенант Туркало, младший политрук Аксенов, командир приборного отделения Шапиро. Я прервал Ильенкова:

- Василий Павлович, не теряйте времени. Садитесь писать обо всем этом...

Прибыли с аэродрома Милецкий и Хирен. У них тоже много интересного: капитан Титенков сбил на подступах к Москве два немецких бомбардировщика; в обломках обоих самолетов среди трупов обнаружены офицеры с полковничьими погонами. В полевых сумках немецких летчиков оказалось много разных документов. Корреспонденты выпросили и привезли в редакцию карту с проложенным на ней маршрутом фашистского бомбардировщика. Долго пришлось петлять налетчикам при выходе на цель.

Не менее любопытно привезенное корреспондентами письмо некой Лотти тоже из числа трофейных бумаг со сбитого бомбардировщика. Эта Лотти делится своей радостью: "... достала две пачки сигарет и хлебные талоны - каждый талон на 100 граммов".

* * *

В тот же день приказом наркома обороны была объявлена благодарность участникам боев с вражеской авиацией, рвавшейся к Москве. А затем появился Указ о награждении орденами и медалями наиболее отличившихся защитников столицы. В их числе оказались и те, кем так восторгался Ильенков, о ком писали наши корреспонденты Хирен и Милецкий.

Среди награжденных орденом Красного Знамени был один летчик без воинского звания, вроде бы гражданский человек -

Галлай Марк Лазаревич. Тогда я лишь мельком отметил это, а сорок лет спустя, перечитывая Указ, невольно задержался на знакомом имени. Марка Лазаревича я знаю по Союзу писателей. Интересная личность! Он автор многих очень хороших книг о летчиках. Сам заслуженный летчик-испытатель, доктор технических наук, Герой Советского Союза. Позвонил ему, спросил на всякий случай:

- Кто такой Галлай, награжденный орденом Красного Знамени за отражение первого воздушного налета на Москву? Не однофамилец?

- Нет. Это я сам.

- Почему в Указе не названо ваше воинское звание?

Галлай объяснил. Он работал тогда летчиком-испытателем в ЦАГИ. Там был создан специальный отряд для борьбы с фашистской авиацией. В ночь на 22 июля Галлай в составе этого отряда принял участие в отражении налета немцев на Москву и лично сбил фашистский бомбардировщик. Лишь после того ему присвоили звание старшего лейтенанта. Теперь он полковник.

* * *

Фашистская авиация, прорывавшаяся 22 июля к Москве, получила мощный отпор. Мы не сомневались, что геббельсовская пропагандистская машина переврет все по-своему. Но как? Проследить за этим было поручено Ерусалимскому - начальнику иностранного отдела "Красной звезды".

Ерусалимского призвали в армию в первые же дни войны. Присвоили звание полкового комиссара. Но, как он ни старался, вполне армейским человеком стать не смог, штатское выпирало изо всех его пор: согбенная фигура, походка вразвалку, гимнастерка почему-то пузырится на спине, и кажется вот-вот подол ее выбьется из-за поясного ремня. С подчиненными запанибрата, со старшими по званию - подчеркнуто независим. Однако какое это имело значение, если человек знает, любит и хорошо исполняет порученное дело? Ерусалимский был видным международником, профессором.

Вообще я полагаю, что в газете - даже военной! - придерживаться строго табели о рангах трудно. Конечно, дисциплина есть дисциплина, без нее не обойтись нигде, а в военном учреждении - тем более. Но главное, самое главное в редакционном коллективе - творческое начало, творческая обстановка. Если редактор думает по-другому, он заранее обрекает свою газету на прозябание. Напомнить об этом я счел нужным потому, что наткнулся недавно в архиве одной военной газеты на удивительный документ: приказ, подписанный уже в конце войны, о наложении взыскания на одного из

корреспондентов... за пререкание. Заинтересовался я этим случаем. Поспрошал бывших сотрудников той газеты. И выяснилось следующее. Корреспондент написал статью. Редактору она не понравилась и была забракована. Автор попытался доказывать свою правоту. Это и было расценено как пререкание, за что тут же последовал выговор.

Вспоминаю наши ежедневные редакционные планерки, или, как их называли еще, летучки. На них перед планированием очередного номера всегда обсуждали только что вышедший. При этом критика была бескомпромиссной. Слабые материалы и даже частные погрешности в хороших материалах подвергались нелицеприятному обсуждению. Каково было при этом редактору? Скажем, директор завода в иных случаях вину за брак в том или ином цехе вправе отнести за счет начальника цеха, председатель колхоза за огрехи на вспаханном поле может винить бригадира. А у нас же в тогдашней "Красной звезде" сложилась совершенно иная ситуация. Дежурных редакторов не было. Не было и редколлегии. Ответственный редактор являлся единоначальником в самом полном смысле этого слова. Не мог я переложить вину за изъяны в газете ни на начальника отдела, ни на литературного сотрудника, ни на автора. Ведь каждый материал от заголовка до подписи я сам вычитывал. А поскольку проглядел какие-то ошибки, изволь и краснеть за них. На то ты и ответственный редактор.

Не скажу, что та критика доставляла мне большое удовольствие. Однако мне и в голову не приходило рассматривать это как пререкания. Во всяком случае, выговоров в таких случаях у нас не объявлялось никому.

Независимость мнений и суждений в нашем дружном коллективе, в творческой редакционной обстановке считалась естественным делом.

* * *

Каждый вечер, вернее - ночью, Ерусалимский приносил мне переводы из иностранных газет и радиопередач наших союзников и нейтральных стран, а также обзоры гитлеровской прессы и радио. После первого массированного налета вражеской авиации на Москву он явился с внушительной пачкой радиоперехватов из Берлина. В первом же из них сообщалось: "Пожары в Москве бушевали всю ночь, а наутро москвичи увидели руины Кремля, по которым бродили в поисках чего-то какие-то люди!"

В другой радиопередаче утверждалось, что полностью разрушена Центральная электростанция Москвы, прекратилось движение городского транспорта, население в панике бежит из разрушенного, пылающего города.

Об этом же кричали специальные листовки, сброшенные гитлеровскими летчиками над боевыми порядками наших войск. В редакцию полетели запросы из действующей армии: как там Москва?

Надо было ответить. Хорошо, если бы за это взялся Алексей Толстой. Два дня назад "Красная звезда" напечатала его большой очерк "Смельчаки" - о мужестве и прямо-таки необычайных подвигах двадцати пяти советских военнослужащих, прорвавшихся из немецкого окружения. Это был, пожалуй, его первый за войну истинно художественный очерк. Хотелось, чтобы и ответ берлинским брехунам отличался бы такою же яркостью и убедительностью.

* * *

Позвонил Алексею Николаевичу. Он, как обычно, немедленно прибыл в редакцию. Ничего я ему не сказал о причине приглашения, а отвел в свою комнатку, дал тексты радиоперехватов, попросил прочитать и вышел. Из приемной позвонил нашему хозяйственнику - сказал, чтобы дали Толстому перекусить что-нибудь получше. "Получше" означало: немного колбасы, тарелку винегрета да чай с печеньем.

Когда некоторое время спустя я вернулся в свою комнату и увидел, с каким аппетитом Алексей Николаевич уминает наше угощение, я понял, как скудно жилось в те дни большому писателю. Тут же узнал от него самого, что паек он получает более чем скромный. Я сразу же позвонил наркому торговли, попросил заменить этот паек, назвал другую - более высокую категорию снабжения.

- Та норма установлена для заместителей наркомов! - последовал ответ.

- Да, но заместителей-то наркомов сколько! А Толстой ведь один! возразил я.

- Это верно, - согласился нарком и отдал соответствующее распоряжение...

Алексей Николаевич успел тем временем прочитать врученные ему материалы и сам догадался, чего ждет от него "Красная звезда".

- Я им отвечу, - пообещал он.

И ответил, предварительно объездив на редакционной машине всю Москву и ближайшие московские пригороды. Об увиденном написал:

"Вот два обгорелых дома, на их крыши свалился фашистский бомбардировщик, сбитый высоко в небе прямым попаданием зенитного снаряда... Далеко от центра города разрушены здания детской больницы и клиники... Разрушено большое здание

школы... От прямого попадания бомбы обрушилось крыло драматического театра. Разрушений, в общем, так немного, что начинаешь не верить глазам, объезжая улицы огромной Москвы... По своим маршрутам ходят трамваи и троллейбусы. Позвольте, позвольте, Геббельс сообщил, что вдребезги разбита Центральная электростанция. Подъезжаю, но она стоит там же, где и стояла, даже стекла не разбиты в окнах..."

Писатель побывал также в Кремле и увидел, что "Кремль с тремя соборами хорошего древнего стиля, с высокими зубчатыми стенами и островерхими башнями, столько веков сторожившими русскую землю, и чудом архитектурного искусства псковских мастеров - Василием Блаженным - как стоял, так и стоит".

Репортаж Алексея Толстого мы напечатали под заголовком "Несколько поправок к реляции Геббельса".

23 июля

Довольно поздно, когда газета уже версталась, пришли Указы Президиума Верховного Совета СССР. Сразу четыре:

о награждении орденом Красного Знамени 99-й стрелковой дивизии (это было первое в Отечественную войну награждение войскового соединения);

о награждении Героя Советского Союза подполковника Супруна Степана Павловича второй медалью "Золотая Звезда" (тоже первый такой случай с начала войны);

о присвоении звания Героя Советского Союза полковнику Крейзеру Якову Григорьевичу (первый командир дивизии, получивший это высокое звание);

и, наконец, о награждении орденами и медалями свыше восьмисот военнослужащих (первое массовое награждение начальствующего и рядового состава сухопутных войск действующей армии).

Указы заняли и первую и вторую полосы. "Полетели" с готовых полос многие материалы наших собственных корреспондентов. В другом случае такой натиск "официального материала" мог бы, пожалуй, огорчить редакцию. А на этот раз все радовались. Опять по той же причине, о которой уже говорилось выше: одновременное и столь щедрое награждение личного состава действующей армии свидетельствовало о возрастающем сопротивлении врагу.

Я не хочу - это было бы неправильно - противопоставлять награды первых месяцев войны наградам последующего времени, когда наши войска вели победоносные наступательные операции.

Война на всех ее этапах была сопряжена с огромным напряжением и риском для жизни. А жизнь-то у человека одна. И все же награды тяжелейшего для нас лета сорок первого года имели свою особую значимость. Не только для самих награжденных, а для всей действующей армии, для всей страны. Это - символы всенародной надежды на лучшее будущее. Надежды, сбывшейся не так-то скоро, как хотелось, но все-таки сбывшейся!

Итак, указы ушли в набор. Среди награжденных опять мы увидели немало знакомых имен. Об этих людях уже писали наши корреспонденты.

Надо рассказать читателям "Красной звезды" и о других. Первым появился очерк о Супруне. Написал его Савва Дангулов, в ту пору совсем еще молодой человек с мягкими манерами, ласковыми иссиня-черными глазами и железной журналистской хваткой. Читатель, вероятно, догадывается, что это тот самый Савва Дангулов, который впоследствии громко заявил о себе многими повестями и романами о советских дипломатах.

Дангулов хорошо знал Супруна еще по довоенной поре. Часто встречались на Щелковском аэродроме. Там служили, там и подружили.

У Супруна было много привлекательных качеств: общительный, но твердый характер; честность в большом и малом, безграничная храбрость, подкрепленная, однако, точным расчетом и высоким уровнем профессиональной подготовки. Виртуозно владея техникой пилотирования, он умел заставить машину делать, казалось бы, невозможное. Это знали все, кому довелось наблюдать полеты знаменитой пятерки истребителей на довоенных воздушных парадах в Тушине.

Незаурядна и биография этого человека. Родился он в Канаде в семье рабочего-железнодорожника, переселившегося туда с Украины в начале века. Потом эта семья вернулась на родину, и молодые Супруны пошли служить в авиацию. В 1930 году Степан Супрун, будучи еще курсантом школы младших авиаспециалистов, вступил в партию. В следующем году окончил военную школу пилотов и стал летчиком-испытателем. В 1939-1940 годах, выполняя интернациональный долг коммуниста, Супрун воевал с японскими захватчиками в Китае, командовал там группой истребителей и за личную доблесть был удостоен звания Героя Советского Союза.

О таких людях говорят, что они сами просятся в легенду. И Дангулов давно мечтал написать о нем. Мечта эта окрепла еще более с началом войны, когда Степан Павлович и его истребительный полк вели жаркие воздушные бои над

территорией Белоруссии.

Высоко одаренный летчик, человек твердой воли, Супрун в первый же день показал, как надо громить врага. Не прошло и двух часов с момента посадки полка на полевой аэродром, как в разрывах облаков показался фашистский самолет-разведчик. Стремительно набрав высоту, Супрун пошел наперерез ему. Вражеский летчик пытался ретироваться - не удалось. С первого же захода Супрун поразил стрелка. Вторую очередь выпустил по мотору. И немецкий самолет рухнул на землю.

Приземлив свою машину, Супрун приказал техникам немедленно осмотреть ее и заправить. Он был уверен, что, не дождавшись возвращения своего разведчика, немцы пошлют второго. И действительно, вскоре раздался звонок с поста воздушного наблюдения - предупредили, что второй разведчик приближается. Супрун опять поднялся в воздух. Подождал непрошеного гостя чуть поодаль от аэродрома, маскируясь в облаках. Минута, две, пять... Мелькнул уже знакомый силуэт. Степан Павлович молниеносно обрушился на него и поджег. А ночью сам вылетел на разведку в тыл врага...

Последний раз Супрун поднялся в воздух 4 июля. В тот день ему пришлось в одиночку принять бой с шестью истребителями противника. Одного из них удалось сбить, но и сам он погиб в том неравном бою. Впрочем, тогда гибель его была взята под сомнение. В донесении значилось, что депутат Верховного Совета СССР Степан Павлович Супрун пропал без вести.

Гибель Супруна окончательно подтвердилась лишь в начале 60-х годов. В районе Витебска была найдена могила неизвестного летчика, которого похоронили местные жители втайне от немецких оккупантов. При вскрытии могилы обнаружились документы, из которых явствовало, что это и есть Степан Павлович Супрун. Тогда же останки героя были привезены в Москву и перезахоронены на Новодевичьем кладбище. Именем его названа одна из московских улиц...

* * *

Одновременно с очерком Дангулова о Супруне мы напечатали передовую статью "Пример героев зовет к новым подвигам". В ней были отмечены многие из награжденных, отдан долг и погибшим героям: летчику капитану Леониду Михайлову, повторившему подвиг Гастелло, и командиру танка младшему сержанту Александру Грязнову. Им обоим посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

А о командире дивизии Якове Крейзере, будущем командарме, написал Василий Ильенков. Правда, не так много и не так подробно - добраться к самому герою в тот день не

удалось. Ильенкову пришлось воспользоваться лишь скупыми реляциями Военного совета фронта.

Что же касается 99-й стрелковой дивизии, то туда были посланы спецкоры, в том числе и фотокорреспондент. Им вменялось в обязанность подготовить материал на целую полосу. Его мы смогли дать лишь в первых числах августа. Об этом я еще расскажу.

25 июля

Сегодня армия и страна узнали еще об одном Герое Советского Союза. Опубликован Указ о присвоении этого звания командиру танковой дивизии полковнику Мишулину Василию Александровичу. И рядом напечатано постановление Совета Народных Комиссаров СССР о присвоении ему звания генерал-лейтенанта танковых войск.

Мишулин - наш старый знакомый еще по боям на Халхин-Голе. Там он командовал 8-й мотострелковой бригадой. Корреспонденты "Героической красноармейской" Владимир Ставский и Константин Симонов не раз бывали в этой бригаде, видели ее в деле, писали о ее боевом командире и других героях.

Отечественную войну Мишулин встретил на Западном фронте в должности командира 57-й танковой дивизии. Воевал он успешно, громил врага, как сам любил говорить, по всем правилам халхин-гольского искусства.

На Указ Президиума Верховного Совета СССР и Постановление Совнаркома мы сразу же откликнулись очерком "Железная воля генерала Мишулина". Написали этот очерк наши корреспонденты Зигмунд Хирен и Яков Милецкий.

Пользуясь случаем, хочу сказать несколько слов о первом из них. Война застала Хирена в железноводском санатории. Как только радио сообщило о нападении фашистской Германии на СССР, Хирен без вызова примчался в Москву и заявил мне громогласно, в присутствии других сотрудников редакции, что в Москве не останется ни на один день. Все, кто был тогда у меня, удивленно переглянулись: как, мол, это бригадный комиссар разрешает политруку разговаривать с начальством таким категорическим тоном? По правде говоря, позволь подобный тон кто-либо иной, я, наверное, одернул бы его. А на Хирена у меня были свои особые виды, и я смолчал. Лишь когда мы остались вдвоем, ему было сказано, чтобы утихомирился, - нужно задержаться в редакции.

Хирен не соглашался. Волей-неволей пришлось открыть мои

карты: признался, что сам собираюсь во фронтовую газету.

- Мы вместе с вами были на Халхин-Голе, на финской войне. Разве вы не хотите и в дальнейшем со мной работать? - спросил я.

- Это другое дело. В таком случае можно и задержаться, - сразу же согласился Хирен.

Послал его на Центральный аэродром. Туда, как нам стало известно, прибыли летчики из пограничных районов, надо было с ними побеседовать и на этой основе подготовить для газеты материал о первых воздушных боях. Вернувшись, Хирен доложил:

- Материала нет. Эти летчики в воздушных боях не участвовали. Немцы напалм на их аэродром внезапно, когда там по случаю выходного дня летного состава не было. Фашисты безнаказанно сожгли все самолеты на земле.

Да, трагическая история! И, к сожалению, не единственная. То же самое имело место и на некоторых других наших аэродромах, располагавшихся вблизи границы.

На другой день Хирен был послан в Главный военный госпиталь. Там-то уж наверняка были участники боев, достойные рубрики "Герои Отечественной войны".

Хирен собрал материал для двух очерков - о пулеметчике старшем сержанте Федоренко и командире взвода противотанковой батареи лейтенанте Залявине. О Федоренко написал, а об артиллеристе - не успел: к тому времени окончательно решилась моя судьба, и я уступил настойчивым просьбам Хирена об отправке его на фронт. Он был назначен руководителем корреспондентской группы западного направления.

А очерк о лейтенанте Залявине мы все-таки напечатали. Написал его со слов Хирена Василий Павлович Ильенков. Сработала товарищеская взаимовыручка.

Хирен же тем временем держал уже путь в дивизию Мишулина. Вместе с ним выехал туда и Яков Милецкий.

Командира дивизии они разыскали на опушке леса, среди затаившихся танков. Встретил он корреспондентов неприветливо:

- Вы еще зачем сюда?! Видите, что делается?..

Все экипажи находились в своих танках, как в авиации при объявлении "готовности номер один". Обстановка была действительно очень напряженной. Противник открыл по опушке леса плотный артиллерийский огонь. С минуты на минуту ожидалось появление танков противника. Мишулину было не до разговоров с корреспондентами. Обстоятельно побеседовать с ним удалось лишь после боя, на КП дивизии.

Так появился в "Красной звезде" очерк о новом Герое Советского Союза. Хирен и Милецкий стремились и, по-моему,

сумели раскрыть "секрет" боевых успехов генерала Мишулина и его дивизии. Мишулин был обрисован как командир, хорошо освоивший природу современного боя и верно нащупавший слабину в действиях противника.

Противник использовал против нас те же тактические приемы, что и в Западной Европе: вел "атаку на нервы", пытался сеять панику в наших войсках, все время создавая видимость окружения их. Боевые приказы немецких военачальников всех степеней буквально пестрели устрашающими словами: "внезапно окружить и уничтожить". Мишулин противопоставил этому шаблону широкую инициативу. Внезапность немецких атак предотвращалась хорошо организованной непрерывной разведкой. Вражеские попытки окружить 57-ю танковую дивизию или хотя бы часть ее сил срывались упреждающими контратаками из засад.

Так было и в тот день, когда к Мишулину прибыли наши спецкоры. Тщательно замаскировав свои танки на лесной опушке, Мишулин терпеливо поджидал противника. Опираясь на сведения, добытые разведкой, он был убежден, что немцы непременно должны появиться здесь. И не ошибся. А враг, рассчитывавший на внезапность своего маневра, жестоко обманулся. Внезапным оказался разящий огонь, обрушившийся на него самого.

Мишулин не дал возможности немецким танкам развернуться из походной колонны в боевой порядок. Огневой удар из засады был нанесен сперва по головным машинам и хвосту колонны немцев. На дороге тотчас возник затор. А свернуть с нее не позволяло болото. На это и рассчитывал Мишулин. Скованную на месте фашистскую колонну удалось уничтожить полностью.

В одном из боев Мишулин был ранен. Его почти силком эвакуировали с поля боя, увезли в госпиталь. Но и на госпитальной койке он продолжал поддерживать связь со своей дивизией. Требовал, чтобы ему все время докладывали, что там происходит. И когда получил сообщение об угрожающем положении на флангах 57-й, тотчас поднялся с койки, незаметно вышел на улицу, словил там какую-то попутную машину и примчался на КП, взял управление боем в свои руки. Бой был жестоким, а все-таки выиграла его 57-я танковая дивизия.

Всех нас в редакции приятно удивило: как это Мишулин из полковника сразу стал генерал-лейтенантом, минуя промежуточное звание "генерал-майор"? В армейской практике так обычно не бывает.

Запросил я нашего корреспондента. И выяснилась забавная история. К новому званию Мишулина представлял генерал-

лейтенант А. И. Еременко. Текст телеграммы в Ставку первоначально выглядел так: "Прошу присвоить командиру 57-й танковой дивизии звание генерала. Генерал-лейтенант Еременко". А телеграфистка при передаче этого документа опустила слово "генерала" и не там, где надо, поставила точку. В Ставку телеграмма поступила в таком виде: "Прошу присвоить командиру 57-й танковой дивизии звание генерал-лейтенант. Еременко".

Позже мне рассказали, что о допущенной ошибке по-честному доложили Сталину. Верховный ничего не сказал в ответ, только улыбнулся. Значит, так тому и быть. Задний ход в подобных случаях давать не положено.

* * *

Именинником выглядит в том же номере газеты и еще один командир дивизии - Герой Советского Союза В. Шевченко. Боевой работе его соединения в первый месяц войны посвящена целая полоса. Она так и озаглавлена: "Тридцать дней авиасоединения Героя Советского Союза Шевченко".

Материалам, опубликованным на этой полосе, предпослана выдержка из сообщения Совинформбюро:

"Авиасоединение Героя Советского Союза Шевченко за месяц войны с фашистскими захватчиками разгромило несколько колонн вражеских танков, автомашин, пехоты и крупный войсковой штаб, вывело из строя много зенитных батарей. Летчики авиасоединения сбили в воздушных боях 71 самолет противника и 35 сожгли при нападении на фашистские аэродромы".

На этот раз редакция опять сработала синхронно с Совинформбюро, и этим мы больше всего обязаны нашему спецкору Николаю Денисову. Полоса подготовлена им.

Здесь все по-своему интересно. Примечательна статья командира дивизии.

Генерал-майор В. Шевченко тоже знаком нам еще с довоенных времен. Первая встреча с ним была у Саввы Дангулова летом тридцать восьмого года. Тогда вернулась из Испании довольно многочисленная группа наших летчиков. Появилась идея рассказать на страницах "Красной звезды" об их героизме в борьбе с фашистами, о новейшем опыте широкого применения воздушных сил в современной войне.

Я пригласил к себе Дангулова, поделился с ним своими замыслами и поручил взять у боевых летчиков два-три интервью. А перед тем у меня уже состоялся предварительный телефонный разговор с Анатолием Константиновичем Серовым, сбившим лично в испанском небе восемь самолетов противника. Он вроде

бы охотно согласился побеседовать с нашим корреспондентом и заодно сообщил, что рядом с ним находятся еще два наших летчика, воевавших в Испании, - Шевченко и Душкин, у которых тоже есть чем поделиться с читателями "Красной звезды".

Почему я командировал к ним именно Дангулова? Наверное, потому, что был наслышан о его давних товарищеских отношениях с Серовым. В данном случае это могло пойти - и действительно пошло - на пользу делу.

Как выяснилось потом, боевые друзья собрались в новой серовской квартире в проезде, носящем теперь имя Серова, отнюдь не для деловых бесед. Они просто пировали - то ли справляли новоселье, то ли еще по какому-то поводу - и были уже чуточку навеселе. Мой телефонный звонок застал Серова, что называется, врасплох. Сгоряча он дал согласие незамедлительно принять нашего корреспондента, но тут же и пожалел об этом: присутствие постороннего человека, да еще с деловыми намерениями, никак не могло скрасить дружеского застолья.

Во всяком случае, открыв дверь корреспонденту "Красной звезды" и неожиданно увидав перед собой Дангулова, Серов явно обрадовался. Это же не посторонний!

Сразу все опять вошло в свою уже накатанную колею. Пирушка продолжалась. И даже, по-видимому, характер застольной беседы не изменился существенно. Боевые друзья, так же как и до появления корреспондента, просто вспомнили недавно минувшие дни, пережитые радости и огорчения, роковые минуты между жизнью и смертью.

Расстались они уже в предрассветный час. Серов вызвался доставить корреспондента в редакцию. Сам сел за руль большого черного лимузина, подаренного ему премьером революционного правительства Испании. Всей компанией отправились на Малую Дмитровку. Постояли вчетвером на редакционном дворе. Серов взглянул на просветлевшее небо в том направлении, где находится Испания, и сказал с очевидной искренностью, что вовек не забудет эту многострадальную страну и ее свободолюбивый народ.

По свежим впечатлениям Дангулов продиктовал в то утро редакционной машинистке два подвала, и они сразу же, один за другим, появились в "Красной звезде". Правда, подлинные имена героев названы не были. По понятным соображениям автор интервью заменил их псевдонимами, звучавшими по-испански. Но наш догадливый читатель понял что к чему.

А вот теперь один из тогдашних собеседников Саввы Дангулова генерал-майор В. Шевченко - сам выступает на страницах газеты. Свою статью он назвал предельно просто: "Чему

учит первый месяц боев".

Начало у него тоже без каких бы то ни было ухищрений. Сразу - быка за рога: "Авиасоединение уничтожило в воздушных боях почти вчетверо больше самолетов, чем потеряло". И дальше - в том же духе, с такою же, может быть, несколько суховатой, но впечатляющей конкретностью:

"Наши последние системы самолетов не уступают в скорости, маневренности и огневой мощи самолетам противника".

"Советский летчик ищет боя... Лобовой атаки немцы вообще не принимают... Лично мне не известен ни один случай, когда бы фашистский летчик пошел на таран..."

"Справедливость требует отметить, что в первые дни войны еще давали себя чувствовать привычки мирного времени. Некоторые летчики, например, скучали по "Т", а какое может быть "Т" на войне?.. Теперь о "Т" никто не вспоминает. Взлетают против ветра и по ветру, садятся одновременно большими группами, иногда по тридцать самолетов, причем за все время не было ни одного случая столкновений".

"Быстрота доведена до предела. Что касается плохой погоды, то летчики считают ее не помехой, а помощником..."

Статью командира дивизии удачно дополняли выдержки из дневника летчика П. Прилепского. Наш спецкор Николай Денисов привез этот дневник и показал мне, как говорится, в натуральном виде. Обычная ученическая тетрадка с чернильными подтеками на многих страницах.

Нелегко боевому летчику вести дневник. Приходилось ведь вылетать с боевым заданием по пять-шесть раз в день.

"Было так некогда, что не успевал ничего записывать... Гоняли бомбардировщиков, летали в разведку, штурмовали фашистские моточасти. Погода - хуже не придумаешь. Все время под дождем. Вот и сейчас дождь моросит, точно осенью, так что химический карандаш расплывается на бумаге, сам не разбираешь, что пишешь".

Это - запись за 19 июля.

Кроме статьи Шевченко и дневника Прилепского опубликовали на той же полосе несколько кратких заметок об исключительных по своей неожиданности ситуациях. Дали крупноформатный снимок наших фотокорреспондентов Дмитрия Бальтерманца и Федора Левшина: "У самолета - Шевченко с летчиками, только что вернувшимися из боевого полета. Идет разбор воздушной операции".

И конечно, потребовались стихи. Без них полоса - не полоса. Их написал Михаил Светлов. Поначалу у стихотворения не было названия. А по тогдашним понятиям печатать в газете стихи без

названия не полагалось.

- Давайте, давайте название, - подгонял я автора.

- Есть подходящее название! - воскликнул наконец Светлов. - "Летчикам авиасоединения Шевченко". Правда, - добавил он, - слово "авиасоединение" не совсем поэтично, его даже не зарифмуешь, но зато оно созвучно всем другим материалам полосы.

С этим "непоэтичным" заголовком стихи и пошли в газету, отчего, по-моему, не утратили своего обаяния.

...Вы неслись за врагом.
Вас победные ветры качали,
Тридцать дней боевых,
Словно тридцать легенд, прозвучали!
И кого мне из вас
По фамилии раньше назвать,
Если все, как один,
Выполняют приказ: - Побеждать!
Разрешите же вас,
Вылетающих снова в бои,
Называть, как страна вас зовет:
- Дорогие мои!..

Поздно вечером, когда уже заканчивалась верстка газеты, ко мне зашел Эренбург, таинственно улыбаясь. По этой улыбке я понял, что у него припасен какой-то любопытный материал.

- Я принес вам обезьяньи деньги, - сообщил Илья Григорьевич и положил мне на стол пачку так называемых "реквизиционных квитанций", присланных в редакцию на его имя с Северо-Западного фронта. Они были найдены в штабе одной из разгромленных фашистских частей.

- Я напишу небольшую заметку, - сказал писатель. - Принесу через час. - И попросил оставить место в газете строк на восемьдесят.

Илье Григорьевичу отказа не было. Его материалы я тут же при нем вычитывал, и сразу же ставили в номер.

Эренбург словно с хронометром в руках работал. Ровно через час обещанная заметка была готова. Называлась она "Обезьяньи деньги". До этого Илья Григорьевич выступал в "Красной звезде" с крупномасштабными статьями. А этой суждено было положить начало циклу его так называемых "веселых" заметок. Ее невозможно пересказать. Рискну воспроизвести с некоторыми сокращениями:

"Когда во Франции заставляют человека работать задарма

или берут вещь, не заплатив за нее, ему говорят: "Он заплатил обезьяньими деньгами". Гитлеровцы набили себе руку на изготовлении обезьяньей монеты.

В Париж они пришли, стараясь сохранить галантность, - они, дескать, не грабят, а покупают. В обозе ехали грузовики, набитые новенькими красивыми ассигнациями. На кредитках значилось - "пять марок", "десять марок", "пятьдесят марок". Французы думали, что это - немецкие деньги.

Было официально объявлено, что одна марка равняется двадцати франкам. Это были обезьяньи деньги - специально напечатанные для захваченных стран. В Германии они не имели хождения. Официально их называли "оккупационными марками"...

Направившись на восток, Гитлер решил соблюдать во всем экономию. Герр Розенберг к тому же сказал, что русские - "примитивные люди". Зачем на них тратиться? Зачем печатать кредитки, хотя бы и фальшивые? И гитлеровцы вторглись к нам с реквизиционными квитанциями. От этих "денег" даже обезьяны отвернутся. На обрывке бумаги напечатано: "Расписка эта недействительна без польного обозначения поливого почтового нумера. Мною (поставить имя) принято у кристьянина (имя) хлеба (цифра) - килограммов, коров (цифра) штук, сала (цифра) - килограмм. Оплачено будет после войны. Неповиновение будет строжайше наказано. Верховное командование армии".

Они даже не потрудились нанять русского корректора из белогвардейцев, чтобы он поправил орфографические ошибки...

Трогательное обещание: "Оплачено будет после войны". Можно предложить этим господам другую, более выразительную редакцию: "Я, Адольф Гитлер, уплачу на том свете гоголевскому пузатому пацюку за сто мисок с галушками".

Гитлеровская армия - это дивизии грабителей. Они не на шутку встревожены тем, что у нас их не ждали ни коровы, ни хлеб, ни сало. Коров угнали, сало увезли, хлеб убрали или сожгли. Разбойникам не пришлось поживиться чужим добром, напрасно они каждый день раскидывают листовки: "Дорогие братцы! Ничего не уничтожайте! Мы за все заплатим! А кто уничтожит, того мы убьем. С революцьонным приветом". Уговаривают, грозят. Не видать им нашего сала.

Зря они напечатали свои обезьяньи расписки..."

* * *

Такие заметки Эренбурга, выставляющие немецких "завоевателей" в карикатурном виде, стали появляться в нашей газете все чаще и чаще. Однажды, вычитывая в присутствии Ильи Григорьевича очередную его миниатюру, называвшуюся

"Мотомехмешочники" (о записной книжке бывшего лавочника, обершарфюрера СС Ганса Газет, в которой записано все, что награбил он в Париже, Брюсселе, Афинах, Софии и Каунасе), я спросил писателя:

- Быть может, поставим подзаголовок "Маленький фельетон"?

Илья Григорьевич возразил:

- В фельетоне, по законам этого жанра, допускается домысел, а все, что здесь написано, абсолютно точно, взято с натуры. Неопровержимые факты и документы. Зачем же вводить читателя в сомнение? Оставим, как есть.

Что ж, резонное замечание. Я согласился.

"Веселые" заметки Эренбурга действительно веселили бойцов. Однако помню я один телефонный звонок, за которым последовали сомнения и назидания:

- Так ли надо писать о немецких захватчиках? Не расслабляет ли наших людей такое пренебрежительное, смешное изображение врага? Не до смеха теперь, когда немцы захватили огромную часть нашей территории. Нужны другие слова - суровые, строгие...

Я рассказал об этом звонке Эренбургу. Он выслушал меня внимательно, помолчал, очевидно обдумывая услышанное, и ответил твердо:

- Уверен, что такие сомнения беспочвенны. Наши фронтовики понимают что к чему...

И правда была на его стороне. Об этом свидетельствовали отклики, стекавшиеся в редакцию со всех фронтов, со всех концов страны. В этом убеждали меня и личные беседы с бойцами, с командирами, с политработниками всех степеней во время моих поездок на фронт.

"Веселые" заметки Эренбурга несли в себе не только сарказм. Они вызывали не только смех, но и гнев, презрение к захватчикам, внушали читателям веру в нравственное превосходство наших воинов над фашистскими выродками.

Эренбург "помог разоблачить "непобедимого" германского фашиста, помог распознать в хвастливом немецком нахале первых месяцев войны жадного, вороватого фрица, тупого и кровожадного. Эренбург убивал страх перед немцем, он представлял гитлеровцев в их настоящем виде".

Так оценил Николай Тихонов выступления Ильи Григорьевича в "Красной звезде".

27 июля

Среди других материалов этого номера газеты выделялся очерк Николая Богданова "Гроза "хейнкелей" Арсений Дмитриев".

Богданов пришел в "Красную звезду", можно сказать, прямо с курсантской скамьи. Летом сорокового года по инициативе Всеволода Вишневского Политуправление РККА организовало курсы военных корреспондентов. Была там и писательская группа, в которую зачислили Богданова.

Сначала занимались только по вечерам. Изучали боевую технику, топографию, тактику. Приобрели некоторые знания и в области оперативного искусства.

В конце апреля сорок первого года выехали на полтора месяца в лагеря для практических занятий на местности. К прежним предметам обучения прибавились новые. В том числе - огневая подготовка. Писатели учились стрелять из винтовки, метать гранату.

По окончании курсов всем были присвоены воинские звания. Николай Богданов прибыл к нам в звании батальонного комиссара.

Война только начиналась. Для большинства писателей, назначенных военными корреспондентами, была характерна некая "штатскость" и в манере держаться, и в одежде. Богданов заметно выделялся среди них воинской подтянутостью. На нем ладно сидела военная форма. На груди поблескивала медаль "За боевые заслуги" - редкая тогда награда.

- Где порох нюхали, батальонный комиссар? - спросил я.

- Там же, где и вы, товарищ бригадный комиссар, в снегах Финляндии.

Четкий ответ сопровождала приветливая улыбка. Невольно подумалось: "Этот зря не пропадет и редакцию не подведет".

Богданов был послан на Северо-Западный фронт, где в то время сложилась трудная обстановка: тесня наши войска, фашисты продвигались к Порхову, Пскову, Новгороду. Напарником Богданова туда же поехал Семен Кирсанов, человек сугубо штатский, "обстрелянный" лишь в литературных баталиях. Мы всегда старались ставить таких рядом с людьми, имеющими боевой опыт.

- Держитесь Богданова, он вас от многих ошибок избавит и в лихую минуту выручит, - напутствовал я поэта.

Подтвердилось это скорее, чем можно было предполагать.

Первая воздушная тревога застала наших корреспондентов на Новгородском вокзале в офицерском буфете. Едва открыли огонь зенитки, все кинулись в бомбоубежище. Богданов придержал Кирсанова:

- Спокойно, бомбежки не будет. По гулу слышу - идет один

самолет. Это разведчик.

И не спеша направился к буфетной стойке, где у горячего "титана" высилась груда пирожков. Из-за поспешного исчезновения буфетчиц пришлось заняться "самообслуживанием". Вернувшись на свое место после отбоя, буфетчицы застали корреспондентов за чаепитием.

А вот когда фашистские бомбовозы прицельно бомбили новгородский Дом офицеров, где располагалось политуправление Северо-Западного фронта и при нем корреспондентский пункт "Красной звезды", Богданов увлек своего напарника в старинную каменную церквушку со стенами метровой толщины. В церквушке при бомбежке даже свечи не погасли, а в Доме офицеров были и раненые, и контуженные, и убитые.

Сразу же Богданов показал и высокий класс корреспондентской оперативности. Накануне в вечерней сводке Информбюро было несколько строк о летчике-истребителе Дмитриеве, который сбил уже одиннадцать немецких бомбардировщиков. На следующий день, просматривая материалы, только что поступившие от наших спецкоров, я увидел среди них очерк Богданова об этом же летчике. В очерке объяснялась одна из причин боевых успехов Дмитриева. Впрочем, не буду пересказывать очерк. Приведу лучше выдержку из него:

"Когда Дмитриев отрабатывал с майором Ловковым наведение истребителя на цель при помощи радирования с земли, кто-то недоверчиво сказал:

- Неужели ты будешь дожидаться того, чтобы тебе по радио указали цель? Да мы десять раз собьем противника, пока ты советуешься с землей...

Дмитриев настаивал на своем. И вот однажды, когда к аэродрому, пользуясь туманной дымкой жаркого летнего дня, подкрались фашистские бомбардировщики, Дмитриев вылетел, как всегда, спокойно, не суетясь. Поднявшись, он внимательно всматривался в небесное марево и вместе с тем прислушивался к тому, что скажет ему "земля".

И вот знакомый, спокойный голос майора Ловкова произнес с земли:

- Дмитриев, Дмитриев, левее, левее, выше... Дмитриев взял левее и выше.

- Еще левее, еще, - доносился басок Ловкова, - смотри вперед, немец перед тобой...

Дмитриев замер - перед ним вражеский самолет, камуфлированный настолько, что даже вблизи терял обычные очертания.

- Дай ему! - напутственно произнес Ловков.

Дмитриев не замедлил привести этот совет в исполнение. Атака была неукротимой... Немецкий самолет повалился вниз столь стремительно, что его экипаж погиб, не успел выброситься на парашютах.

- Готов гад, - комментировал с земли Ловков.

Пользуясь радионаведением, Дмитриев сбил еще несколько самолетов того же типа "Хейнкель-111".

И теперь нет летчика в авиачасти, который не равнялся бы на Дмитриева..."

Отличался Богданов и своей исполнительностью. Вспоминаю мои с ним переговоры по военному проводу в связи с введением института военных комиссаров.

- Узнайте в политуправлении, кого там считают лучшим военкомом полка, и сразу же отправляйтесь к нему, - потребовал я. - Очень нужен очерк о боевом комиссаре.

- Понял. К выполнению задания приступаю немедленно, - ответил мне Богданов.

В политуправлении фронта ему посоветовали ехать под Сольцы к старшему политруку Александру Онькову. Выехал. Благополучно добрался до деревушки Вашково. Там мирное спокойствие. У околицы на бревне сидит старушка и пасет козу.

Вдруг в небе загудело - появились немецкие самолеты. Богданов насчитал их шестьдесят. "Это на Новгород!" - решил он. Но едва успела промелькнуть такая мысль, как от воздушной армады отделились несколько "Ю-87" и начали пикировать.

Богданов увлек старушку и шофера в придорожную канаву. Все трое уцелели. А вот коза была убита, машина корреспондента сгорела. Дальше пришлось ехать на попутных.

Наконец добрался писатель в полк. Командовал этим полком Герой Советского Союза капитан А. Краснов, прославившийся еще в финскую войну. И Оньков, как выяснилось, тоже воевал в Финляндии. Встретились, в общем, давние боевые товарищи.

Вместе с Оньковым прошелся Богданов по ротам. Там шла подготовка к очередной контратаке. Корреспондент имел возможность проследить за действиями комиссара в такой ответственный момент, прислушаться, о чем и как он разговаривает с бойцами. Эти впечатления и послужили основой для очерка.

"Вот зоркий глаз комиссара замечает, что какой-то боец торопливо пишет письмо при свете догорающей летней зари. Что он переживает перед боем? Может быть, слишком нервничает?

- Прощальное письмо? - полушутливо спрашивает комиссар.

- На всякий случай, - отвечает красноармеец.

- У меня был один боец, на финском фронте... Каждую

неделю письмо писал, прощался, а сам жив остался...

- Конечно, не каждая пуля в голову, - отозвался красноармеец, оторвавшись от письма. - Вот вы на финской были, товарищ комиссар, скажите, как в бою действовать, чтобы и врага победить и самому в живых остаться?

- В бою о своей жизни не надо думать. В бою надо думать о вражеской смерти. Бей, гони, уничтожай - вот и жив останешься.

- Это верно, - добавляет голос из темноты, - в бою самое безопасное быть храбрым...

Говоривший подходит ближе. На груди его медаль "За отвагу". Комиссар отходит, пусть бойцы поговорят между собой по душам. Опытный, обстрелянный боец лучше всего подготовит к бою молодого..."

Из таких вот запоминающихся деталей, из таких частностей и состоял весь очерк Богданова. А на большее мы, по правде говоря, и не рассчитывали: трудно, пожалуй даже невозможно, в кратком газетном очерке отразить все многообразие работы комиссара.

Редакция осталась довольна поездкой Богданова в полк Краснова. А вот сам Богданов - не очень: машины-то он лишился. Как без нее работать дальше?

После упорных поисков ему удалось все же добыть очень старую, дребезжащую полуторку с облысевшими покрышками. К тому же - без шофера. А где его взять? В автобатах и авторотах водителей и без того "некомплект".

Кто-то подсказал:

- Наведайся-ка в городскую тюрьму...

Там действительно в одной из камер сидело несколько шоферов, осужденных на разные сроки еще в мирное время: кто за наезд, кто машину разбил по пьяной лавочке. Богданов обратился к ним:

- Кому, ребята, сидеть надоело и немец не страшен? Мне нужен шофер на полуторку.

Раньше всех откликнулся коренастый большеглазый парень:

- Возьмите меня. Не пожалеете. В армии служил, порядки армейские знаю, воевать хочу. Фамилия моя Щелканов...

Начальник тюрьмы, переговорив с прокурором, отпустил Щелканова без лишних формальностей. И тот в первой же фронтовой передряге проявил себя с самой лучшей стороны.

Оставил его Богданов с машиной на каком-то лесном кордоне, в тылах дивизии, а сам отправился на передовую. Вернулся не скоро и без всякой надежды найти свою машину: там, где она была оставлена, успели побывать немецкие танки. При поспешной эвакуации тылов под огнем противника конечно же и Щелканов, если только уцелел, убрался оттуда.

Каково же было удивление корреспондента, когда увидел полуторку в нескольких десятках метров от кордона, под крутым берегом лесной речушки. Щелканов мужественно дожидался своего начальника и встретил его с радостной улыбкой.

- Шуму было много, а мне хоть бы что: я берегом прикрылся, - доложил он.

- Ну а если бы фашисты?..

- А для них у меня вот что припасено. - Щелканов показал ручной пулемет, добытый у какого-то раненого бойца...

Перечитывая теперь военные очерки Богданова, в них нередко замечаешь следы торопливости, неизбежные в журналистике вообще, а во фронтовой - тем более. Но в очерках Богданова этот недостаток компенсируется, пожалуй, тем, что принято называть теперь "эффектом авторского присутствия". В таком эффекте - огромная сила воздействия на читателей. Однако сам собою он не возникает. Чтобы читатель почувствовал твое присутствие на месте описываемых событий, надо действительно присутствовать там.

Если не всегда, то уж, наверное, почти всегда Богданов придерживался этого правила. А значит, частенько оказывался в драматических ситуациях.

Об одной из таких ситуаций убедительно свидетельствует письмо бывшего командира батареи гвардии майора Новика. Вот оно:

"Уважаемый тов. Богданов! В августе 1941 года вы, как я помню, в звании майора были на огневой позиции моей батареи. Было это во время боев под Старой Руссой, если память мне не изменяет - у села Дубовцы... Попали вы к нам во время горячих боев, и, как я помню, наш обед был прерван атакой немецких автоматчиков на нашу огневую позицию..."

Нет, память не изменила тов. Новику: все так и было. Умолчал автор письма лишь об одном смешном эпизоде - о том, как корреспондент "Красной звезды" пытался усилить огонь пушек, перешедших на картечь, пальбой из пистолета.

После того как была отбита атака немецких автоматчиков, на батарею обрушилась вражеская артиллерия. Пришлось менять огневую позицию. А Богданову командир сказал при этом:

- Мы, товарищ корреспондент, и без вашего пистолета справимся. Берите-ка моего коня, поезжайте в свою редакцию и напишите о наших ребятах...

С Богдановым послали ординарца, который должен был привести обратно командирского коня. Однако не привел и сам не возвратился, потому что батарея Новика попала в окружение.

Долго, мучительно долго, неся потери, пробивалась она к

своим. А очерк Богданова о подвигах батарейцев, напечатанный в "Красной звезде", командир прочитал только после войны, вернувшись на родной завод.

Не дай он вовремя своего коня писателю, кто знает, мог бы, вероятно, и Николай Богданов оказаться в списке тех корреспондентов, что в редакцию не вернулись.

Или вот еще один случай. Когда достигли своей критической точки бои за Новгород, я связался с подполковником Викентием Дерманом и попросил, чтобы репортажи об этих боях поступали в редакцию ежедневно. Дерман объяснил, что в войсках, обороняющих Новгород, все время находился Богданов, а сейчас он вернулся оттуда. Я попросил передать трубку Богданову. Мой тогдашний диалог с ним забыт мною начисто. А Богданов помнит. Я будто бы приказал ему снова ехать в Новгород и возложил на него персональную ответственность за освещение в газете усилий наших войск на этом очень важном участке фронта.

- Сколько там быть? - спросил он.

- До последнего солдата.

- Там, наверное, и солдат уже нет.

- Тогда - до последнего генерала...

Богданов возвратился в Новгород 19 августа, где и впрямь не видно было наших солдат. Вдруг появляется "виллис", а в нем генерал с адъютантом. Генерал спросил Богданова:

- Где твое войско, комиссар?

- У меня нет войска. Я корреспондент "Красной звезды", - ответил Богданов.

- Тогда садись ко мне в машину и поедем в Валдай. Без войска здесь делать нечего.

Вот и уехал писатель с "последним генералом"...

В те дни создавалась газета Военно-Воздушных Сил "Сталинский сокол". Богданов и в финскую войну, и в эту много писал о людях нашей авиации, подружился с многими из них. Редактор новой газеты, не без помощи ГлавПУРа, упросил меня отдать ему Богданова. "Торг" был долгим, однако в конце концов я вынужден был уступить.

30 июля

Исчезли из сообщений Информбюро полоцкое, псковское, новоград-волынское и бобруйское направления. Эти города уже захвачены немцами. Продолжают пока фигурировать смоленское, житомирское, невельское направления, но я-то знаю, что наши войска обороняются уже восточнее этих городов. И Смоленск, и

Житомир, и Невель тоже заняты фашистами. Враг все ближе к Москве, Ленинграду, Киеву...

Газете надо откликнуться на это, хотя бы передовицами. Забить в набат. Еще раз напомнить ленинские слова о презрении к смерти.

Одна из передовиц так и называлась: "Презрение к смерти рождает героев и обеспечивает победу". Автор ее извлек из глубин отечественной истории впечатляющие примеры, поразительно злободневные:

"Стефан Баторий, осаждавший в 1581 году Псков, с отчаянием говорил, что "русские в защите своих городов не думают о жизни, хладнокровно становятся на место убитых или взорванных действием подкопа, заграждая проломы грудью, день и ночь сражаясь, умирают от голода, но не сдаются".

Напомнила эта передовая и о доблести русских солдат на Бородинском поле, на бастионах Севастопольской обороны, в борьбе с иностранными интервентами, пытавшимися задушить молодую Советскую республику. Нашлось что сказать и о первых героях Отечественной войны. Обнадеживающе прозвучали однажды уже сбывшиеся слова Владимира Ильича: "Мы гораздо сильнее врага. Бейтесь до последней капли крови, товарищи, деритесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца... Победа будет за нами!"

* * *

Принес стихи Михаил Голодный. Уселся на диван и молча ждал, пока я прочту их. Человеком он был веселым, но сегодня как-то притих. Его выразительные карие глаза отражали общую тревогу. Тревогой были проникнуты и его стихи, вполне созвучные передовой статье:

Смерть иль победа - пароль наш военный,
Доблести нас обучила борьба.
Жизнь на коленях - позорней измены,
Смерти страшнее нам участь раба.

А два дня назад побывал у меня Алексей Толстой. Не успев поздороваться, шагнул к карте. Внимательно разглядывал флажки на ней, обозначавшие линию фронта. Увидев, что Смоленск, не столь уж далекий от Москвы, и Житомир, совсем близкий к Киеву, остались западнее флажков, покачал головой, грузно опустился в кресло, задумался. Потом встрепенулся и стал выспрашивать у меня подробности последних фронтовых событий. Я, конечно, рассказал ему все, что знал, и заодно посетовал: следовало бы, мол, военной газете дать обстоятельный

обзор этих событий, сказать прямо, что обстановка складывается опасная, хотя и не безнадежная, да ведь как такое сделать, если фронты называть нельзя, города обозначены загадочными буквами "С", "К"? Толстой слушал меня, сочувственно кивал своей большой головой, а сам, оказывается, все мотал на ус. И через два дня привез готовую статью, на восьми, кажется, страничках.

- Вот написал... Может, сойдет за обзор?..

Я обрадовался несказанно. Умело избегнув таинственных "С" и "К", Толстой ясно нарисовал, что же происходит на фронтах, сказал все как есть, дал оценку сложившейся боевой обстановке, приоткрыл перспективы. И все это настолько по-военному грамотно, что даже наши специалисты - знатоки оперативного искусства и ревнители военной терминологии - не смогли ни к чему придраться.

И заголовок своей статьи Алексей Николаевич дал удачный, оптимистичный: "Почему Гитлер должен потерпеть поражение". Твердая вера в наши силы, в нашу победу нужны были в те дни как никогда.

Со статьей Толстого вполне, как сказали бы теперь, состыковалась заметка Ильи Эренбурга. Наш корреспондент по Юго-Западному фронту прислал ему приказ немецкого генерала фон Клейста, командующего 1-й танковой группой. Документ этот начинается для немцев совсем невесело: "Слухи о прорвавшихся советских танках вызвали панику..."

И за этим признанием следуют категорические требования:

"1. Необходимо путем разъяснения, а также наказания искоренить панику.

2. Зачинщиков и паникеров предать суду.

3. Офицеры при возникновении паники обязаны применить строжайшие меры, а в случае необходимости оружие...

Запрещаю... панические крики "танки прорвались!".

Эренбург не замедлил откликнуться на эти "требования" и запреты. Комментарии его были прямо-таки разящие. Писатель сослался на книгу Гудериана "Внимание, танки!". В ней, как известно, излагались взгляды немецко-фашистских захватчиков на роль танков в современной войне (разумеется, прежде всего их танков). И в какой-то мере эти взгляды подтверждались, пока тот же фон Клейст воевал в Западной Европе. А на советской земле вдруг вышел конфуз.

"Непобедимые" немецкие танкисты, - пишет Илья Эренбург, - увидев советские машины, панически кричат: "Танки прорвались!" Да, это не название книги генерала Гудериана, это, что называется, крик души... Нашлась на них управа... Они вопят: "Это дни ужаса!" И напрасно генерал фон Клейст грозит оружием

навести порядок. С каждым днем у них будет все больше "зачинщиков и паникеров". Они спешили на восток. Им не поспеть к себе, на запад".

* * *

Очевидно, надо упомянуть и еще об одной публикации в этом же номере. При всей ее кажущейся незначительности, она стоит того.

Речь идет о полуподвальной статье командира части С. Кутаева "Преследование и уничтожение отходящего врага". Под такими или подобными заголовками у нас печатались статьи с войсковых учений в мирное время. И текст тоже схож с довоенным: "...после того как выбитый с занимаемых позиций враг начинает отступать, нужно без промедления организовать преследование... Но преследовать - это значить не просто гнать... Наиболее правильный способ действий - обход врага, окружение его и уничтожение по частям..."

Вычитывая эту статью уже поздно ночью в сверстанной полосе, я засомневался: не прозвучит ли она диссонансом рядом с другими материалами, совсем иной тональности? Вызывал начальника фронтового отдела полковника Хитрова и секретаря редакции полкового комиссара Карпова.

Низкого роста, сухощавый, несколько медлительный, но отлично знающий свое дело Иван Хитров порой оставался в своем отделе за всех; его сотрудники разъехались по фронтам спецкорами. Все же он успевал подготовить для очередного номера уйму материалов, и я не помню, чтобы на летучках его подвергали резкой критике. Если его в чем-либо и можно было упрекнуть, так в том, что он своей правкой порой засушивал материал, беспощадно изгоняя из текста всякий намек на лирику, пейзаж и другие, как он считал, литературные "красоты".

Александр Карпов ростом под стать Хитрову, но поплотнее и поэтому казался еще более низкорослым. Подвижной, быстрый, Карпов - человек большой работоспособности, исполнительный. Никто не знал, когда он отдыхал или спал. Во время воздушных тревог он, как правило, не спускался в бомбоубежище. "А газета?" - оправдывался он. Любил иногда побрюзжать, но его прощали за трудолюбие...

Так вот, оба они явились. Спрашиваю:

- Другого у вас ничего нет? Поактуальнее, поострее?

Дело это обычное в редакционной жизни: не раз, бывало, ломались полосы, вылетали из них и статьи и корреспонденции.

- Есть-то есть, - сказал Хитров, - но надо готовить...

А более темпераментный Карпов моментально встал на дыбы:

- Газета и без того задержалась! В конце концов, вреда от этой

статьи не будет.

Поддался я их уговорам - подписал полосу. А потом и сам убедился, что не понравившаяся мне статья Кутаева была отнюдь не лишней. Она по-своему отражала дух того грозного времени, умонастроения наших людей.

Да, советские войска вели в те дни тяжелейшие оборонительные бои, отходили под натиском превосходящих сил противника, некоторые армии попали в окружение. Казалось бы, в таких обстоятельствах ни о чем другом, кроме обороны, и думать нельзя. А в действительности дело обстояло иначе: командиры боевых частей думали, оказывается, о грядущих днях, о "преследовании и уничтожении отходящего врага"!

Возможно ли себе представить что-либо подобное при вторжении гитлеровцев в страны Западной Европы? Могли ли думать о наступлении и преследовании командиры и солдаты, скажем, в Бельгии или Франции?..

31 июля

Опубликован очерк Михаила Шолохова "В казачьих колхозах".

За неделю до этого меня вызвали в Главное Политуправление, спросили, нужны ли нам еще корреспонденты, и показали телеграмму Шолохова на имя наркома обороны СССР:

"В любой момент готов стать в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии и до последней капли крови защищать социалистическую Родину. Полковой комиссар запаса РККА писатель Михаил Шолохов".

В то время на сотрудничество с Шолоховым наша редакция, откровенно говоря, не рассчитывала. Он был вдали от Москвы, у себя на Дону. В одной из центральных газет уже появилась его статья о войне, и мне казалось - нет никакой надежды увидеть писателя корреспондентом "Красной звезды". Понятно, что предложение ГлавПУРа было для меня и неожиданным и отрадным.

Словом, я не ушел до тех пор, пока не был подписан приказ о призыве Шолохова из запаса в кадры РККА и назначении его спецкором "Красной звезды". В тот же день в Вешенскую была отправлена телеграмма с сообщением о приказе и просьбой прибыть "к месту нового назначения", а заодно привезти очерк о жизни казачьих колхозов в дни войны.

Шолохов явился в редакцию раньше, чем мы ожидали. Выглядел он молодцевато. Он успел уже экипироваться. На нем была летняя, защитного цвета гимнастерка, бриджи, сапоги, пояс

с командирской бляхой и пистолет. Он был по-казачьи строен: не писатель - боевой командир. Я был рад его приезду вдвойне: Шолохов привез с собой очерк "В казачьих колхозах".

После краткой беседы я сразу же при нем стал читать очерк, чтобы поставить его в номер. Написан он был с хорошо известным шолоховским мастерством, отличался глубиной характеристик и точностью деталей. И хотя речь в нем шла о людях самой мирной профессии - хлебопашцах, в целом очерк дышал войной.

В этом очерке был ответ на жгучие вопросы дня. Писатель точно уловил настроение своих земляков. В народе понимают, что враг жесток и неумолим, трезво оценивают опасность, нависшую над родиной, но вера в нашу победу непоколебима. В очерке рассказывалось, как, увидев писателя, колхозник Василий Солдатов спустился со скирды, выжал мокрую от пота рубашку и вступил в разговор. Шолохов высказал свое одобрение самоотверженному труду Солдатова, выполнявшего по две нормы. Колхозник ответил:

- Враг у нас жестокий и упорный, потому и мы работаем жестоко и упорно. А норма что ж... Норму надо тут перевыполнять, а вот пойдем на фронт, там уже будем бить врагов без нормы.

Украшала очерк своего рода маленькая вставная новелла. Восьмидесятитрехлетний казак Исай Маркович Евлантьев рассказывал:

" - Дед мой с Наполеоном воевал и мне, мальчонке, бывало, рассказывал. Перед тем как войной на нас идтить, собрал Наполеон ясным днем в чистом поле своих Мюратов и генералов и говорит: "Думаю Россию покорять. Что вы на это скажете, господа генералы?" А те в один голос: "Никак невозможно, ваше императорское величество, держава дюже серьезная, не покорим". Наполеон на небо указывает, спрашивает: "Видите в небе звезду?" - "Нет, - говорят, - не видим, днем их невозможно узрить". - "А я, - говорит, - вижу. Она нам победу предсказывает". И с тем тронул на нас свое войско. В широкие ворота вошел, а выходил через узкие, насилушки проскочил. И провожали его до самой парижской столицы. Думаю своим стариковским умом, что такая же глупая звезда и этому германскому начальнику привиделась, и как к выходу его наладят - узкие ему будут ворота сделаны, ох, узкие! Проскочит, нет ли? Дай бог, чтобы не проскочил! Чтобы другим отныне и довеку неповадно было!"

Эта параллель - Наполеон - Гитлер - не раз потом приводилась в нашей печати. Были и статьи, и фельетоны, и карикатуры. Это сравнение мы услышали и в докладе Верховного главнокомандующего Сталина на торжественном заседании

Московского Совета 6 ноября 1941 года. Но об этом речь впереди.

Были в очерке Шолохова и строки, особенно обрадовавшие меня. В них колхозник, узнав, что писатель стал сотрудником нашей газеты, просил:

- Пропишите через "Красную звезду" моим ребятам и всем бойцам, какие на фронте, что тыл не подкачает! Пущай они там не дают спуску этим фашистам, пущай вгоняют их в гроб, чтобы наша земля стала им темной могилой.

Мы в редакции еще не знали, как отнесся Шолохов к своему новому назначению. До приказа с ним, как обычно принято, не говорили, и сейчас я об этом не спрашивал его. Но писатель сам тактично и недвусмысленно высказал свое отношение к "месту новой службы". Красным карандашом я поставил против понравившихся мне строк пометку.

Шолохов увидел ее, видно, понял меня и, улыбнувшись, сказал:

- Я сам объявил, что стал вашим корреспондентом...

Очерк был напечатан, и вскоре Михаил Александрович отправился в действующую армию...

Август

1 августа

В сводке Советского Информбюро сообщается: "Особенно упорные бои развернулись на смоленском направлении, где наши войска контрударами отбрасывали противника с занимаемых им позиций, наносили ему тяжелые потери, захватывали пленных и трофеи". Упорное сопротивление, стойкость в обороне, переход в контратаки, нанесение контрударов... Этим и разрушался план гитлеровского блицкрига. Нетрудно себе представить, как постепенно менялось настроение у немецких солдат и всяких там унтеров и оберов, которым Гитлер обещал приятную увеселительную прогулку по Советскому Союзу и которым пришлось захлебываться в собственной крови.

Еще не пришло время, когда немцы начнут добровольно сдаваться в плен, и не скоро оно придет. Но и в первые недели войны отдельные такие случаи бывали. Например, на Ленинградском фронте вышел с белыми платками навстречу нашим бойцам весь 428-й отряд связи 28-го армейского корпуса. Об этом рассказал в первом своем выступлении в "Красной звезде" Николай Тихонов.

Все полосы газеты заполнены статьями и корреспонденциями, созвучными сообщению Информбюро, о чем можно судить даже по заголовкам: "Как была разгромлена 5-я немецкая дивизия";

"Стремительный удар с тыла";

"Блестящая операция N-й стрелковой дивизии";

"Разгром 253-й немецкой пехотной дивизии";

"Ночные контратаки советской пехоты";

"Гибель двух немецких полков"...

Конечно, сорок лет спустя этим никого не удивишь. Что значит разгром одной какой-то дивизии или гибель двух немецких полков в сравнении с масштабами Сталинградской битвы, Курской битвы, Корсунь-Шевченковской операции... Но всему свое время. В то горестное лето и такие частные успехи наших войск имели большое значение. Сообщения о них воспринимались тогдашними читателями "Красной звезды" совсем по-иному.

Радовало нас, что в газете стали выступать боевые командиры сухопутных войск. До того нам удалось напечатать, кажется, только одну статью командира из сухопутных войск да две-три

статьи авиационных командиров. А в первом августовском номере появились статьи командиров стрелковых и танковых соединений, артиллеристов. Затем в числе наших авторов окажутся и такие крупные военачальники, как Рокоссовский, Ватутин, Говоров, Еременко, Москаленко, Петров, Федюнинский, Ротмистров.

Вот только Г. К. Жукова привлечь не удалось, хотя попытка такая была. В первые же недели войны я позвонил Георгию Константиновичу, напомнил, с каким интересом была встречена когда-то его статья о Халхин-Голе, и попросил написать для "Красной звезды" статью об активной обороне. Жуков согласился, обещал, что статья будет через пару дней. А спустя два дня позвонил мне и объявил:

- Статьи не будет. Нет ни одной свободной минуты. - И тут же добавил: - Но тема важная, ищите другого автора...

Несколько позже я узнал истинную причину отказа Жукова от своего обещания. О нашей просьбе Георгий Константинович как-то сказал Сталину. Верховный тут же заметил, что писание статей не самое главное для начальника Генштаба. Затем добавил нечто более резкое: дескать, ему, Жукову, надо заниматься фронтами, а не сочинительством. Эта реплика Верховного, брошенная, видимо, под горячую руку, лишила "Красную звезду" очень нужного ей автора. Насколько мне известно, за всю войну Жуков так ни разу и не выступил в печати. Очевидно, по той же причине не печатался и новый начальник Генштаба маршал А. М. Василевский...

* * *

Статьи командного состава из войск появлялись в газете по-разному. В одних случаях мы получали от авторов готовый текст, в других - более, пожалуй, частых - автору требовалась квалифицированная журналистская помощь на месте. И надо отдать должное нашим спецкорам: они шли на это безотказно, ни на что не претендуя.

В этой связи не могу не вспомнить опять о Савве Дангулове. Он еще в предвоенные годы, представляя "Красную звезду" на Щелковском аэродроме, накопил богатый опыт работы с авторами из числа выдающихся авиационных специалистов и летчиков; в ту пору этот аэродром был одним из центров передовой авиационной мысли и средоточием самых именитых наших авиаторов.

Незадолго до войны, вопреки нашему желанию, Дангулова перевели в отдел печати Наркомата иностранных дел. А когда началась война, мы, уже вопреки желанию наркоминдельцев, призвали Дангулова на военную службу и вернули в "Красную

звезду".

Он облачился, конечно, в авиационную форму, с голубыми петлицами, отлично сидевшую на его плотной фигуре. Заметно было, что рад возвращению в родные "пенаты".

- Чем намерены заниматься? - спросил я его. - На раздумья могу дать день, от силы - два...

- Уже подумал, - неожиданно ответил он и тут же принялся излагать свою ближайшую программу: - У немцев пока превосходство в воздухе. Чтобы ослабить его, надо нащупать в их технике наиболее уязвимые места.

Кому такое дело по плечу? Прежде всего, мне думается, испытателям нашей авиационной техники. Надо привлечь их к сотрудничеству в "Красной звезде". Готов заняться этим немедленно.

Я одобрил его намерения. И очень скоро на страницах "Красной звезды" появились одна за другой статьи М. Громова, П. Стефановского, И. Петрова, В, Шевченко. Каждой из них сопутствовал необыкновенно широкий резонанс.

* * *

Но вернемся к текущему номеру "Красной звезды".

Где была разгромлена 5-я немецкая дивизия? А, как раз на смоленском направлении. Разгром этот учинила наша танковая дивизия под командованием подполковника Шемякина. Он же и в "Красной звезде" описал тот нелегкий, но победоносный бой. Поделился опытом, попытался сформулировать некоторые общие выводы о действиях танков против пехоты противника.

Столь же поучительна статья начальника штаба стрелковой дивизии майора И. Даниловича - "Ночные контратаки советской пехоты". Между прочим, именно в этой статье впервые мелькнуло на страницах "Красной звезды" имя Александра Утвенко, которое многократно повторялось потом разными нашими авторами на протяжении всей войны.

"Блестяще сражается ночью полк, которым командует тов. Утвенко, писал Данилович. - Он часто идет в штыковые атаки, заканчивающиеся, как правило, вытеснением немцев. Кроме того, командир полка широко практикует засылку в тыл врага мелких групп танков и пехоты, а также конных разъездов..."

Позже в газете будет рассказано, как полк Утвенко отличился при разгроме ельнинской группировки врага. Читатели "Красной звезды" узнают, что после боев за Ельню Утвенко был назначен командиром дивизии. Узнают также, что ему, тогда майору, сразу было присвоено звание "полковник" через одну ступень, и не по вине телеграфистки, как Мишулину, а вполне преднамеренно.

Забегая вперед, укажу, что в сентябре сорок второго года мы с

Константином Симоновым встретили полковника Утвенко в Сталинграде. Газета посвятила его гвардейской дивизии целую полосу. Затем уже в звании генерала Утвенко командовал стрелковым корпусом и, хоть весь был иссечен осколками и пулями в результате шести ранений, все же дошел до Берлина.

Он подружился со многими журналистами и писателями, работавшими в "Красной звезде". Но особенно большая дружба установилась у него с Симоновым. Можно сказать, что Симонов с первого взгляда влюбился в этого рослого, круглолицего украинца. Константину Михайловичу нравился его живой ум, веселый характер, солдатская прямота в отношениях с людьми. Еще в Сталинграде Симонов сказал мне, что Утвенко - прекрасный прототип для героя романа - "прямо хоть с натуры пиши". Так оно и получилось впоследствии: черты характера Утвенко нашли свое отражение в образе генерала Проценко из повести Симонова "Дни и ночи".

До самого конца войны при любой возможности Симонов старался завернуть к Утвенко. Два письма, сохранившиеся в архиве писателя, написанные ввиду цензурных ограничений военного времени эзоповским языком, - убедительное тому подтверждение. Вот небольшие выдержки из них.

Константин Симонов - Александру Утвенко:

"...В последнее время я работал над романом о войне, главным образом, на материалах о Сталинграде. Должен тебе сказать, что в этом романе хотя и нет прямых фотографий, но в значительной степени участвуешь ты и некоторые из твоей части, как прообразы героев романа. Думаю, со временем тебе будет интересно это прочитать. На фронт я, наверное, поеду, кончив роман, примерно через месяц. Хочу попасть к тебе. Поэтому прошу сообщить мне в том виде, в каком это можно сделать по почте, работаешь ли ты теперь севернее, чем раньше, или южнее? Если севернее, то на одного хозяина севернее или через одного?.."

Александр Утвенко - Константину Симонову:

"В самый разгар боя получил от тебя письмо. Работаю в распоряжении того самого товарища, квартира которого была в том городе, куда возил тебя мой Вася. Не привык говорить о себе, но тебе, как другу, скажу: гвардейцы воюют хорошо. Ехать ко мне так: сначала доедешь к тому товарищу, о котором я сказал выше, а он покажет тебе мою хату..."

Непосвященному никак не разобраться, где обитал в ту пору Утвенко. Но Симонов разобрался безошибочно.

* * *

Что еще обращает на себя внимание в этом номере "Красной звезды"? Это - "Обращение к воинам Красной Армии личного

состава Краснознаменной 99-й дивизии". Помню, прибежал ко мне с этим обращением Карпов, показывает строку "Презрение к смерти рождает героев и обеспечивает победу!".

- Это ведь из нашей передовой!

Я понимаю и разделяю его радость. Подумал: значит, на фронте читают наши передовые, значит, они оставляют свой след в умах и сердцах защитников Родины. Но ему сказал, пожалуй, несколько суховато:

- Так уж из нашей передовой! Эти слова жили и живут в сердцах наших воинов и без этой передовой...

Опубликовано стихотворение Лебедева-Кумача:

Провожала сына мать
На святое дело.
По-геройски защищать
Родину велела.
- Я наказ тебе даю:
Не жалея жизни,
Послужи, сынок, в бою
Матери-отчизне.
...
- Ты врага земли родной
Бей до истребленья!
Вот тебе наказ святой
И благословенье!

В последний момент мы заверстали на вторую полосу короткий репортаж из одной авиачасти. Шестерка наших истребителей под командованием капитана Каштанова штурмовала колонну немецкой мотопехоты и, когда уже легла на обратный курс, попала в зону плотного зенитного огня. Получил повреждение самолет старшего лейтенанта Гришина и резко пошел на снижение. Из облаков вынырнул немецкий истребитель. Еще мгновение - и он добьет Гришина. Но на выручку вовремя подоспел капитан Каштанов - атаковал и уничтожил фашиста. Затем он же проследил, где сядет Гришин. Тому не удалось перетянуть через линию фронта. Приземлился на территории, оккупированной противником. Из самолета не вылез. "Очевидно, ранен", - догадался Каштанов.

Вернувшись на свою базу, он пересел на "У-2" и уже в темноте стартовал к месту посадки Гришина.

Гришин действительно оказался раненным в обе руки и ногу. Много потерял крови, ослаб. Этим еще больше осложнялась и без того нелегкая задача по спасению товарища. Тем не менее

Каштанов блестяще выполнил ее.

* * *

Обзор этого, с моей точки зрения, очень удачного номера газеты был бы неполным, если бы я умолчал об очередной миниатюре Ильи Эренбурга. Называется она "Индюк".

Позволю себе воспроизвести ее здесь целиком, поскольку нам еще придется вернуться к ней.

Итак, "Индюк".

"Индюк, как известно, птица чванливая. Она надменно надувается перед индюшкой. В конечном счете, это его птичье дело. Хуже, когда индюк командует танковым корпусом. А у командующего 47-м танковым корпусом генерала Лемельзена характер индюка. Генерал Лемельзен хвастливо говорил, что его корпус лучший в мире, что он, генерал Лемельзен, всем генералам генерал и что солдаты его обожают. Но индюка разозлили - оказывается, солдаты его попросту не замечают. Генерал издал "Дневной приказ No 2 по корпусу". Вот что мы находим в этом приказе:

"Я видел войсковые части, которые совершенно не считали нужным обратить на меня внимание, хотя меня легко было узнать на моем командирском танке со штабфлагом".

Ведь до чего обидели беднягу! Он говорил, что солдаты его боготворят. А они и глядеть не хотят на пышного генерала. Индюк надулся. Но здесь его ждало горшее испытание: он вдруг увидел своих солдат с красными шарфами на шее. Индюки не выносят красного цвета, и генерал Лемельзен завопил: "Крамола!" Он в ярости дописал свой приказ No 2:

"Я неоднократно запрещал носить красные шарфы. Однако мой запрет не возымел действия. Вчера я снова видел в большом количестве красные шарфы. Я был вынужден констатировать, что даже офицеры данных соединений не проявляют воинского отношения к этому делу. Могло быть понятным и без моего приказа, что нужно вмешаться и пресечь такую безнравственность, ибо красный шарф является в известной степени символом большевизма. Теперь, когда мы воюем с нашим смертельным врагом, красный шарф никак не подобает национал-социалистскому солдату. В будущем я буду привлекать к ответственности командиров соответствующих рот".

Я не изменил ни одного слова в этом примечательном документе, признаюсь - такого и не придумаешь...

Генерал Лемельзен долго гневался. Потом, несколько успокоившись, он сообщил, что скоро возьмет Москву. Читатели, наверное, догадываются, чем кончилась эта поучительная история. Вояки 47-го танкового корпуса получили по шеям. Они

оставили на поле брани приказ No 2, танки и другие безделушки. А генерал Лемельзен мечтал об одном - чтобы никто его не узнал. Он даже снял штабфлаг со своего командирского танка".

* * *

Читатель, порывшись в комплекте "Красной звезды" и перечитав ее номер за 1 августа 1941 года, может недоумевать: как же так, мол, - "разгром", "контратаки", "блестящая операция", а Красная Армия отходит, оставляя все новые города? Противоречия здесь нет. Если бы наши войска не громили противника, не наносили ему чувствительных ударов, иначе говоря, если бы оборона Красной Армии не была активной, неизвестно, как далеко могли бы продвинуться немецко-фашистские захватчики, нацелившиеся на Москву!

3 августа

К порховскому и смоленскому направлениям прибавились два новых: коростеньское и белоцерковское. Это уже совсем близко к Киеву...

В "Красной звезде" напечатана очередная статья Алексея Толстого. Обычно Алексей Николаевич присылал статьи без названий, давая нам право самим "помучиться" над заголовком.

- У вас это получается лучше, чем у меня, - говорил он.

Наверное, лукавил, хотя иногда нам действительно удавались "стреляющие" заголовки. Но чего это стоило! В редакции как-то сама собой возникла группа "специалистов по заголовкам". В нее входили: мой заместитель Григорий Шифрин, заместитель секретаря редакции Герман Копылев, несколько литературных работников. Принесут, бывало, торжественно вариантов 10-12 названий для одной какой-нибудь статьи, и начинается привычная процедура. Один вариант вычеркивается, за ним летят другой, пятый, десятый... Все!

- Давайте еще!..

Приносят еще десяток. Снова колдуем, пока не "прижмет" время.

Признаюсь, нас грызла ревность, если в других газетах появлялись не только "гвоздевые" материалы, но и отличные заголовки. Отголоски этой ревности я ощущаю в себе и поныне. Смотрю на теперешние газеты - и завидки берут. Эксцентричная со всевозможными выдумками верстка полос, огромные даже, кажется, чересчур - заголовки и подзаголовки, много "воздуха"... У нас было поскромнее. Надо было экономить газетную площадь.

Дефицит бумаги не позволял роскошествовать. Даже тиражи

газет урезались немилосердно. Теперь они миллионные, а тогда "Красная звезда" выходила тиражом в 300 тысяч экземпляров. Наркомы присылали в редакцию письма, прося выделить для них лично хотя бы один экземпляр газеты.

Не могу забыть такого случая. Получили мы однажды телеграмму секретаря Ленинградского обкома партии члена Политбюро А. А. Жданова с настоятельной просьбой: выделить дополнительно для блокадного города 20 тысяч экземпляров "Красной звезды". Сам я этого вопроса решить не мог. И никто не смог. Позвонил Сталину, доложил о просьбе Жданова. Ответ последовал категоричный:

- Бумаги нет. Пусть перепечатывают, что им надо, в своих газетах...

* * *

Вернусь, однако, к статье Толстого. На этот раз он сам дал ей название - "Русские воины". Главная мысль - стойкость, непоколебимость в борьбе с врагами Отечества, решимость стоять насмерть!

Мы уже немало публиковали на эту тему статей, очерков, стихов. Но Толстой нашел свою грань в той же теме, свою интонацию, свои убедительные слова:

"Англичанин Флетчер, ездивший в Россию в конце XIV века, говорил о русских воинах, что они жестоко бьются на поле брани и, окруженные врагом или раненые, не сдаются в плен и никогда не молят о пощаде, но умирают молча, как бы покоряясь судьбе.

Так англичанин объясняет свойство русского воина мужественно принимать смерть. Но мы знаем, что не покорность судьбе заставила русского воина рубить мечом по насевшим врагам, покуда смертельная тьма не застелет глаза. Не смерть страшна ему в бою, но стыд. Держава русская велика, и не годится русскому человеку, если послали его оборонять честь державы, пятиться ради своего живота. Умирать никому не хочется, но что ж поделаешь! - вышел на бранное поле не для того, чтобы петь песни. Надо биться, и биться надо жестоко".

О подвиге Николая Гастелло он писал: "Стыдно ему было бы перед своей чистой совестью зашагать, подгоняемому концами фашистских штыков, в германский плен..."

Словом, это был прямой, откровенный, честный разговор большого писателя с защитниками Родины.

Днем явился в редакцию Толстой, увидел газету со своей статьей и сказал:

- Заголовок-то хороший, но, пожалуй, можно было бы дать и другой "Стыд хуже смерти"...

Летом 1942 года, в дни нашего отступления, когда тема

стойкости вновь выдвинулась на передний план, статья Толстого была выпущена отдельным изданием именно с этим названием. Кроме того, Алексей Николаевич дописал концовку и завершил статью былинными строками:

Горят очи его соколиные...
...
Боевые рукавицы натягивает,
Могутные плечи распрямливает.
...
Не шутку шутить, не людей смешить
К тебе вышел я теперь, басурманский сын,
Вышел я на страшный бой, на последний бой...

В таком виде вошла эта статья и в Собрание сочинений Толстого.

* * *

С Юго-Западного фронта получили наконец долгожданные материалы о 99-й Краснознаменной стрелковой дивизии: статью ее командира полковника П. Опякина, репортаж "Новые победы дивизии", пачку фотографий особо отличившихся в боях красноармейцев, командиров, политработников.

Дивизия эта еще перед войной считалась одною из лучших в Красной Армии. Не уронила она своей высокой репутации и в военное время - с честью выдержала суровое испытание в боях за Перемышль.

В этом городе были зимние квартиры 99-й. А когда началась война, полки ее находились в лагерях. Захватив Перемышль, немцы двинулись на Львовское шоссе, стремясь отрезать группировку советских войск, действовавшую северо-западнее. Полковник Опякин получил приказ: отбить Перемышль. На другой день, предприняв мощную контратаку, дивизия изгнала фашистов из города и заняла оборону по берегу реки Сан. Как ни старался враг сбить ее с этих позиций, успеха он не достиг. Дивизия оставила город лишь по приказу, когда этого неумолимо потребовала осложнившаяся обстановка на других участках фронта.

Много интересного содержится в статье командира 99-й. И не просто интересного, а и практически важного. Особенно в отношении тактики противника. Очень важны такие, например, наблюдения и выводы:

"Ночью немцы не проявляют активности. У них даже заведено определенное расписание: в 10 часов вечера они заканчивают действия и отдыхают, с тем чтобы наутро вступить в бой с

новыми силами. Может быть, им удавалось выдерживать это расписание в боях на Западе и Балканах. Здесь же их расписание срывается. Советская артиллерия нарушает их сон беспокоящим огнем, а стрелковые подразделения совершают частые ночные налеты на неприятеля. Недавно, во время одного из таких налетов, батальон старшего лейтенанта Валеулина разгромил штаб немецкой части".

* * *

В этом же номере опубликовано восьмое по счету сообщение о налетах немецкой авиации на Москву. Существовало два варианта таких сообщений: "попытка налета" (это означало, что вражеские самолеты были рассеяны на подступах к столице) или такие: "...в город на большой высоте прорвалось несколько одиночных самолетов... Несколько возникших небольших пожаров жилых зданий были быстро потушены..."

Воздушные налеты противника на столицу совершались обычно в ночные часы. Пока лишь однажды - 25 июля - немцы пытались бомбить Москву в дневное время. Это был так называемый "звездный налет" - вражеские бомбардировщики ринулись к Москве со всех сторон. За 20-30 километров от столицы они были атакованы нашими истребителями, понесли потери, сбросили свои бомбы где пришлось и повернули обратно.

К воздушным тревогам и налетам мы уже как-то привыкли. Все меньше и меньше сотрудников редакции спускалось в бомбоубежище. И даже наш дотошный комендант смотрел теперь на это сквозь пальцы.

Обычно каждое сообщение о налетах немецкой авиации на Москву "Красная звезда" дополняла корреспондентским репортажем. А на этот раз под сообщением появилась обстоятельная статья подполковника П. Стефановского "Заметки о тактических приемах фашистской бомбардировочной авиации". Добыта она стараниями Саввы Дангулова.

Выжимать ее он начал еще в ночь на 22 июля. Всю эту памятную ночь Дангулов провел на Центральном аэродроме, рядом со Стефановским, на его стартовом командном пункте (СКП). Видел, как подполковник управлял своей группой истребителей, слушал его команды. И сразу после отбоя воздушной тревоги завел речь о статье.

- Подождем, - ответил Стефановский. - Налеты будут повторяться. Присмотримся к ним хорошенько, тогда и выступим со статьей.

И вот она напечатана. О чем в ней речь? О многом. О действиях немецких разведчиков перед массированным налетом. О типах боевых машин противника, летающих бомбить Москву,

их скорости, их высотности. О его излюбленных маршрутах при подходе к столице. Не без юмора рассказывается о тактических приемах - вражеских и наших - в облачную погоду:

"В том случае, если небо покрыто облаками, немецкие самолеты предпочитают лететь в Москву вне видимости земли и лишь при сбрасывании бомб выходят в так называемые "окна". А мы стараемся держать своих воздушных часовых ближе к таким "окнам". Как раз при попытке вломиться в "окно" уложил фашистского полковника капитан Титенков... Лазать в наши "окна", даже в поднебесье, становится все опасней..."

Стефановский - крупный авторитет в нашей авиации. Лично испытал в небе свыше 300 моделей самолетов. И в группе истребителей, над которой он принял командование с началом войны, тоже виднейшие летчики-испытатели. Появление в "Красной звезде" статьи такого автора было в своем роде событием. К его голосу не могли не прислушаться защитники московского неба.

* * *

На четвертой полосе скромно прилепился очерк Александра Полякова "В тылу врага. (Дневник корреспондента "Красной звезды")". В конце - пометка: "Продолжение следует". Тогда мы, в том числе и сам автор, не знали еще, что продолжение растянется на двадцать номеров газеты; очерки шли в набор прямо из-под авторского пера. И, откровенно говоря, мы никак не предполагали, что они вызовут такой резонанс не только в армии и стране, а и за рубежом.

Вспоминаю, что Евгений Петров, сотрудничавший тогда в Совинформбюро, почти каждый день передавал для иностранной прессы содержание очередного очерка Полякова. Вначале он делал это по публикациям в нашей газете, а потом стал приходить в редакцию за гранками и даже иногда составлял свои передачи по листкам оригинала, выхваченным прямо из рук автора. Дневники Полякова были изданы за рубежом на 14 языках. Печать союзных и нейтральных стран отзывалась о них так: "Сильная книга, неслыханные события"; "Одна из наиболее волнующих книг об этой войне, написанная очевидцем и явившая нам замечательную картину величия духа у наших русских союзников".

Высокую оценку получили очерки Полякова и в нашей литературной периодике. "Литературная газета", например, в одной из передовиц характеризовала их автора как замечательного военного писателя.

Александр Поляков - человек героической и трагической судьбы. Можно сказать, парень из песни "Комсомольцы

двадцатого года". В свой срок пошел служить в армию, стал командиром артиллерийской батареи. Был влюблен в эту свою профессию. Но при одном несчастном случае на артполигоне его контузило, он был признан непригодным к военной службе и уволен из армии, как говорится, "под чистую". Пошел учиться в "Свердловку", окончил факультет журналистики, вместе с Михаилом Кольцовым принимал участие в полетах агитэскадрильи имени Горького. В 1938 году поступил в "Красную звезду" на скромную должность репортера. Для журналиста талант важнее должности, а талант Полякова проявился в полной мере уже на финской войне.

Работая тогда вместе со мной в газете "Героический поход", Поляков проявил себя не только как боевой газетчик, но и как мужественный командир. В одном из батальонов 420-го стрелкового полка он заменил в бою погибшего комбата, лично повел роты в атаку и был награжден орденом Красного Знамени.

Начало Отечественной войны застало Полякова за Минском, недалеко от границы, куда он выехал на войсковые учения. Ему было рукой подать до района боевых действий, и мы не сомневались, что уж Поляков-то обеспечит редакцию материалами со своего участка фронта. Действительно, 24 июня от него поступила первая корреспонденция. Но прошли неделя, вторая, третья нет вестей от Полякова. Запрашиваем нашего собкора по Западному фронту, что он знает о Полякове? Отвечает: ничего. Неизвестно, где находится. Неизвестно, жив ли. В таких случаях по законам военного времени считается, что человек пропал без вести".

Вдруг, уже в конце июля, раздается радостный крик редакционной стенографистки Жени Ельшанской:

- Звонят из Гомеля! У телефона Поляков!..

Бегу на наш узел связи. За мной целый хвост редакционных сотрудников. Хватаю трубку. Да, и впрямь Поляков. Не успел его спросить, где он пропадал, как здоровье. Слышу, докладывает:

- У меня много материалов...

Ни словом не обмолвился, что ранен, что еле ходит. Об этом мы узнали, когда его доставили самолетом в Москву. Предстал передо мной, опираясь на суковатую палку, вырубленную где-то в белорусском Полесье. Худющий, с воспаленными глазами, безмерно уставший. Не человек, а тень. Но с аэродрома явился прямо в редакцию, иначе не мог. И опять - ни жалоб, ни просьб. От госпиталя категорически отказался.

Выяснилось, что с момента исчезновения он все время находился в 24-й Железной Самаро-Ульяновской дважды Краснознаменной дивизии генерала К. Н. Галицкого. Той самой,

которая в 1918 году послала Ленину широко известную телеграмму: "Дорогой Владимир Ильич! Взятие вашего города - это ответ на вашу одну рану, а за вторую - будет Самара!" Той, которой Ильич отвечал: "Взятие Симбирска - моего родного города - есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все жертвы. Ленин".

26 июня передовые части этой дивизии столкнулись с 19-й танковой дивизией из армейской группы генерала Гота. Поляков оказался в 300 метрах от гаубичной батареи лейтенанта Попова. Свыше тридцати фашистских танков атаковали ее. Батарейцы повели огонь прямой наводкой. Поляков пробрался к ним. Насчитал перед огневой позицией батарей 18 уничтоженных танков. Спрашивает:

- Чья работа? Кто столько подбил?

Командир батареи, не спуская глаз с недалекой опушки леса, ответил:

- Счет у нас общий...

Два дня длился почти непрерывный бой. Не сумев сокрушить нашу действительно железную дивизию, немцы решили обойти ее и продолжать свое движение вперед.

Вскоре с вражеского самолета посыпались листовки: "Вы окружены со всех сторон. Ваше положение безнадежное. Сдавайтесь в плен..." На обороте каждой листовки имелась схема окружения.

- Ну, что ж, за ориентировку спасибо, - сказал спокойно Галицкий и поставил задачу разведчикам: - Проверить правильность схемы.

А ночью он собрал начальствующий состав дивизии и объявил:

- Мы оказались во вражеском тылу. Надо прямо и открыто сказать это всем бойцам. Да, в тылу - и никакой паники! Будем с боями отходить в сторону фронта, чтобы соединиться с главными силами Красной Армии! Сегодня мы переходим на положение войск, действующих в тылу врага. Будем бить фашистов, не давая им покоя ни днем, ни ночью...

Комдив тут же изложил законы боя и жизни в тылу врага, "законы генерала Галицкого", как их окрестили в дивизии.

- Вот так и воевали, - сказал Поляков, - и это главное, о чем я хочу написать.

Писать свои очерки он взялся немедленно. И вот - первый из них, сверстанный подвалом на шесть колонок. Прочитал я его в присутствии автора. Понравились. Но редактор есть редактор.

Ему положено не столько восторгаться хорошим материалом, сколько с максимальной строгостью вчитываться в каждую строку и "вырубать" все лишнее. Лишними мне показались и были тут же "зарублены" начальные строки очерка. Начинался он так:

"С утра я прямо направился к палатке генерала. Он сидел за картой, продумывая донесения начальника разведки...

Вот удобный момент. Сейчас сразу узнаю все на свете...

- Доброе утро, товарищ генерал-майор!

- Доброе утро! - хмуро ответил генерал, не глядя на меня.

- Можно около вас немного поориентироваться?

- Оставьте меня! Мне надо воевать, а не корреспондентов ориентировать. Ступайте!

Ошеломленный, я пробормотал, что хочу поближе познакомиться с обстановкой...

- Я повторяю: ступайте! - грозно взглянув на меня, отрезал генерал.

Я решил немедленно уехать от Галицкого. Я чувствовал себя несправедливо обиженным... Нет, ни минуты больше не останусь здесь! Поеду к Закутному..."

А спустя час-два развернулся встречный бой дивизии Галицкого с немецкими танками. Поляков увидел людей в бою и сказал: "Нет, никуда я отсюда, от Галицкого, от этих чудесных людей, не поеду!.."

Как раз эти строки я снял, сказав автору:

- Вот что, товарищ старший политрук: это, конечно, интересно, так сказать "конфликтная" ситуация. Но сейчас она ни ко времени, ни к месту. Сохраните, когда-нибудь напечатаете...

Я предполагал, что всего будет пять, от силы - шесть очерков. Но с каждым новым очерком все шире разворачивалась одиссея героического похода дивизии по тылам врага. Интерес читателей к этим очеркам нарастал, как снежный ком. Когда случались перерывы, немедленно раздавались нетерпеливые телефонные звонки: читатели торопили автора, сетовали на редакцию.

Однажды позвонил мне М. И. Калинин, вручавший Полякову орден Красного Знамени за подвиг на финской войне:

- Я помню вашего Полякова... Почему нет продолжения его очерков?..

- Не успевает писать, еле держится на ногах, - объяснил я и рассказал Михаилу Ивановичу о состоянии здоровья корреспондента.

Помолчав минуту, Калинин сказал:

- Хорошие очерки, очень нужные... Передайте это Полякову.

После звонка всесоюзного старосты я сказал Полякову, чтобы он не комкал, не ужимал материал, которым располагает.

- Будем печатать ваши очерки хоть месяц, - пообещал я.

Так и получилось. Лишь 6 сентября был опубликован последний трехколонник. В него мы заверстали и портрет автора.

Очень мне нравится этот портрет. Столько невзгод пережил человек, а взирает на мир с пожелтевшего газетного листа таким добрым, таким спокойным взглядом. Прекрасно его молодое лицо, с тонкими, удивительно правильными чертами. И во всем остальном такая же правильность. Строго соответствует тогдашним армейским требованиям короткая стрижка густой, темной шевелюры. На гимнастерке - ни единой морщинки, как влитые лежат на обоих плечах ремни.

Просто не верилось, как мог Кузьма Никитович Галицкий, обожавший бравых, подтянутых командиров, так нелюбезно обойтись с Поляковым при первой встрече в окружении. Впрочем, чего не случается в лихую минуту. Потом-то генерал сменил гнев на милость. Они искренне полюбили друг друга. А после ранения Полякова даже, можно сказать, подружились.

Ранило его на одной из переправ. Осколком немецкой бомбы вырвало вместе с куском сапога кусок мышцы. Когда ему делали первую перевязку, он еще нашел в себе силы для шутки: вот, мол, и под Ухтой и здесь в одну и ту же ногу ранение получил, а говорят, что по законам баллистики двух попаданий в одно место не бывает.

Но вскоре стало не до шуток: на раненую ногу ступить нельзя. Разволновался, конечно, начала одолевать тревога: оставят где-нибудь в деревне лечиться, а там, глядишь, немцы и вылечат...

В такую минуту горестного раздумья и подошел к нему Галицкий. Спросил участливо:

- Ну, как, товарищ старший политрук? Теперь, надеюсь, вы и без моей помощи прекрасно ориентируетесь в обстановке?

Поляков сидел на стволе упавшего дерева. Извинился, что не может встать.

- Сидите, сидите, - сказал генерал, сам подсаживаясь к нему. - И тревожиться не надо. Я ведь чую, о чем вы думаете. Так вот знайте: любая машина, любой конь - для вас. Вы очень нужный нам человек...

И действительно, как бы тяжело ни складывалась обстановка, Галицкий не забывал о Полякове.

Однажды корреспондент с другими тремя командирами ехал из полка на командный пункт дивизии. По пути напоролись на немцев. А тут, как назло, иссякли в машине остатки горючего. Надо скорее уходить пешком. Поляков же и шага ступить не может. Товарищи предложили вынести его на руках. Он наотрез

отказался:

- Проваландаетесь со мной и сами пропадете. Не теряйте времени, идите. Если будет возможность, вернетесь за мной ночью...

И, запасшись гранатами, залег в кустах.

Когда об этом доложили генералу Галицкому, он тотчас организовал поиски корреспондента и спас его.

- Было такое дело, - подтвердил Кузьма Никитович много лет спустя после войны, на одной из встреч с московскими литераторами.

Мы тогда искренне поблагодарили его за это, на что последовал такой ответ:

- Но и Поляков много сделал для нашей Железной...

И, наверное, Галицкий прав. Повествование Полякова увековечило подвиг дивизии, многих его бойцов, командиров и политработников.

* * *

Наша печать в ту пору отмечала, что очерки Полякова останутся историко-художественным документом целого этапа войны с гитлеровцами. Следует отметить, что это была первая документальная повесть о войне. Написана она была мастерски. Немногословно и точно донес Поляков суровую правду войны, четкими штрихами рисовал людей, товарищей по боям, красочно писал живые сценки, колоритные диалоги, точно подмечал детали фронтовой жизни и быта:

"Ездовые забрались с передками в сторону от дороги, в густой осинник. Человека три охраняли, человек тридцать спали. Но как спали? В обнимку с лошадьми. Бойцы говорят, что это для большей боевой готовности: вскочил по тревоге - и уже на коне, можно мчаться к орудиям. Некоторые откровенно признаются: с конем на земле спать теплее..."

Или такой эпизод:

"Дед походил на сказочного водяного, только что вылезшего из своего омута. С косматой непокрытой головы и с плеч свисали клочья мха и длинные водоросли. Насквозь мокрая полотняная рубаха и штаны плотно облегали его еще довольно крепкое тело. На лице, обросшем негустой окладистой бородкой, даже в ночной темноте выделялись живые с хитрецой глаза.

Корпяк - тоже мокрый до нитки, но и в этом виде не терял своего командирского облика.

- Где так вымокли?

- Пришлось в одном месте вести наблюдение из... пруда, - ответил комиссар".

Иные словечки, шутки были подслушаны в самые

драматические моменты:

"Каждый избрал себе дерево или куст... Одному лишь Вайниловичу нет дерева по его росту - так высок этот самый длинный человек в нашей дивизии. Над ним шутят:

- Ты во время бомбежки становись во весь рост и замри - сверху трудно будет отличить тебя от дерева. Сам - сосна!"

Очерки Полякова сыграли также в своем роде роль "науки побеждать" врага в условиях окружения. Они учили войска в труднейшей обстановке чувствовать себя не обреченными, беспомощными "окруженцами", а "боевой частью, действующей в тылу врага", как правильно сформулировал командир легендарной дивизии.

Воинский и литературный подвиг Александра Полякова был отмечен вторым орденом Красного Знамени. И этот орден вручал ему опять-таки Михаил Иванович Калинин.

6 августа

Напечатаны стихи Константина Симонова "Секрет победы". Это было уже второе его стихотворение на страницах "Красной звезды". Первое - "Презрение к смерти" - было опубликовано 24 июля. А вообще-то он появился в нашей газете, как я считал, с опозданием на месяц.

Симонов работал с нами на Халхин-Голе. О нашей первой встрече и совместной работе в "Героической красноармейской" уже писалось - и самим Симоновым, и мною. Тем не менее кое-что нужно, по-видимому, напомнить. Для прояснения последующего.

Каждый день боев с японскими захватчиками рождал новых героев. Наша фронтовая газета рассказывала о них, используя все формы журналистики: информативные заметки и корреспонденции, очерки и статьи. Но многие подвиги халхингольцев прямо-таки просились в стихи, в поэмы. А писать их некому; в составе редакции не было ни одного поэта. Я и послал телеграмму в ПУР с просьбой прислать одного поэта.

Спустя несколько дней, в жаркое монгольское утро приподнялся полог юрты, в которой я работал и жил вдвоем с Владимиром Ставским. Вошел высокий, стройный парень в танкистском обмундировании, с чемоданчиком в руках. Поздоровался на гражданский манер и молча предъявил командировочное предписание ПУРа - обычное по форме, но несколько таинственное по содержанию: "Интенданту 2-го ранга Константину Михайловичу Симонову предлагается отбыть в

распоряжение редактора "Героической красноармейской" для выполнения возложенного на него особого задания".

Тут же, однако, выяснилось, что Симонов никакой не танкист и не интендант, а поэт. Утром его вызвали в ПУР, а днем он уже сидел в вагоне транссибирского экспресса и мчался в Монголию. Не успел даже экипироваться в Москве. Сменил свой гражданский костюм на военную форму уже там, где размещались фронтовые тылы. Не нашлось по его росту общевойскового обмундирования, и его облачили в танкистское. А интендантское звание он получил по той же причине, что и некоторые другие писатели, о чем я уже рассказывал.

Прочитал я предписание и уставился на поэта оценивающим взглядом. Этот мой, вероятно, чересчур пристальный взгляд Симонов истолковал не в мою пользу. Потом в своих воспоминаниях о Халхин-Голе он написал: "Человек, с которым мне потом пришлось не один год вместе работать и дружить... в первую минуту мне очень не понравился: показался сухим и желчным". Не скажу, чтобы и я сразу пришел в восторг от нашего нового сотрудника. Мы все считали, что командировка на Халхин-Гол - большая честь, выражение большого доверия; не каждому дано удостоиться этого. Думалось, что к нам пришлют именитого поэта, а о Симонове я в ту пору ничего не слыхал: ни хорошего, ни плохого.

Дальше, по свидетельству Симонова, события развертывались так:

"Редактор быстро и отрывисто со мной поздоровался.

- Приехали? Очень хорошо. Будете спать в соседней юрте, вместе с писателями. А теперь надо ехать на фронт. Володя, ты возьмешь его на фронт?

Ставский сказал, что возьмет.

- Ну вот и поедете на фронт сейчас. Пойдите поставьте свой чемодан..."

Все так и было. Прежде чем познакомиться с поэтическим талантом Симонова, я решил проверить, что он стоит в боевом деле, и сделал это безотлагательно. Спустя двое суток Ставский и его напарник вернулись в наш "городок Героической". Первым вошел ко мне в юрту Симонов - запыленный, с горящими глазами, с какой-то торжественно-светлой улыбкой. За ним показалась мощная фигура Владимира Петровича. Ставский подмигнул мне и за спиной новичка показал большой палец. Ясно: окунул он парня в огненную купель, и тот оказался мужественным, храбрым человеком, с честью выдержал первое испытание огнем. Это меня очень обрадовало.

Газета была уже сверстана, но я снял с полосы какую-то

заметку и сказал Симонову:

- Надо писать стихи. В номер. Шестьдесят строк...

Как признался поэт впоследствии, такой моей категоричностью он был огорошен вторично. Не приходилось ему никогда писать стихи в номер, да еще шестьдесят или сколько там строк. И все же он это сделал. На второй день весь фронт узнал, что в редакции появился поэт.

На Халхин-Голе Симонов сочинил походную песню, несколько частушек, но преимущественно он писал рассказы в стихах, посвященные фронтовикам, с подлинными фамилиями. В этом и состояло "особое задание", с которым его командировали к нам.

Что же касается первого впечатления друг о друге, и Симонова и моего, оно быстро и незаметно для нас обоих переросло в дружбу - долговечную, непоколебимую, никогда ничем не омраченную.

* * *

Я не мог не вспомнить о Константине Симонове в первые же дни Великой Отечественной войны. Почему же не забрал его сразу в "Красную звезду"? Неужто не было такой возможности? Теперь я уже могу открыто признаться, что в первые дни войны я сознательно не взял Симонова в "Красную звезду", хотя мог бы это легко сделать. Я уже писал, что надеялся недолго задержаться в Москве, уехать во фронтовую печать и для этого случая и "приберег" Симонова, да и других своих однополчан по Халхин-Голу и финской войне. Так, собственно, мы с Симоновым и договорились тогда, 22 июня, в первые же часы войны.

А 30 июня, когда меня официально утвердили редактором "Красной звезды" и мечты о фронтовой газете пришлось оставить, я сразу же бросился разыскивать Симонова. Узнал в ГлавПУРе, что его назначили корреспондентом в газету 3-й армии. Послал туда телеграмму. Ответа не последовало. Послал вторую - ответа снова нет. Удивляться этому не приходилось - армия вела тяжелые бои, связь с ней была неустойчивой.

Тем временем корреспонденции Симонова стали появляться в "Известиях". Что бы это значило?..

Я заготовил телеграммы во все армии Западного фронта, но вдруг появляется сам Симонов. Прибыл он в Москву за машиной для фронтовой газеты, завтра утром должен снова отбыть на фронт. Телеграмм моих не получал, да и не мог их получить, потому что ему не удалось найти редакцию армейской газеты. Не раз обращался за содействием в Политуправление фронта, однако там тоже не знали, где находится эта редакция, и до выяснения временно прикомандировали Симонова к фронтовой газете. А

свою связь с "Известиями", к которым, как он понял, я его приревновал, Симонов объяснил так:

- Не знал, что ты останешься в "Красной звезде". А потом корреспонденции мои были уж слишком гражданскими, и я, признаться, постеснялся послать их в центральную военную газету...

Когда я спросил, почему же он не уведомил меня о своем отъезде в действующую армию, Симонов ответил так:

- Нарочно не заходил к тебе. Не хотел, чтобы хоть кто-нибудь подумал, будто я стараюсь "пригреться" в Москве...

Ответ этот, по-моему, отражает одну из прекрасных черт симоновского характера: его щепетильность, чувство собственного достоинства. Именно поэтому, ничего не объясняя, я попросил его задержаться в Москве на одни сутки. А сам тут же написал проект приказа, в котором были всего три строки: "Писатель Симонов К. М. назначается с 20.VII.41 г. специальным корреспондентом "Красной звезды". С этим проектом я поехал к заместителю наркома обороны. Он сразу же подписал его. А уже под утро мой заместитель разыскал по телефону Симонова, известил о приказе и сказал, что редактор ждет его к полудню. Однако вновь назначенный спецкор не стал дожидаться полудня, явился немедленно.

Приказ лежал передо мной на столе. Я вполне официальным тоном зачитал его Симонову. Он стоял, вытянувшись в струнку, руки - по швам. По окончании чтения неумело приложил руку к козырьку и произнес какую-то совсем уж неуставную фразу. Мы дружески рассмеялись, отбросили официальный тон, обнялись и присели поговорить.

- Однако козыряешь ты совсем не по-военному, - сказал я.

- На курсах многое усвоил, а вот это так и не одолел.

- Ну, поэту совсем не обязательно...

А вообще-то, у нас в редакции не принято было "козыряние" друг перед другом, и, признаюсь, вопреки всем правилам строевого устава я этого и не требовал.

Продолжая разговор с Симоновым, я сказал, что он недельки две поработает в аппарате редакции, напишет стихи, а уж потом отправится на фронт. Но Симонов стал уговаривать меня разрешить ему выезд на фронт немедленно, сейчас же. Он должен выполнить поручение редактора фронтовой газеты, а также написать одну-две корреспонденции, обещанные "Известиям". Вот рассчитается с ними и тогда уже приступит к исполнению своей новой должности. Неужели я хочу, чтобы на него легло пятно?

Знал он слабую струнку редактора!

Словом, своего Симонов добился: согласие на немедленный

отъезд получил. С одним обязательным условием: прислать нам с фронта стихи. И вот два стихотворения уже напечатаны. Первое - "Презрение к смерти" - было посвящено памяти артиллериста-наводчика Сергея Полякова; он отстреливался до последнего снаряда, подбил три танка, а в предсмертный свой час подпустил еще одну вражескую машину на 20 метров, уничтожил ее, но и сам погиб.

Второе стихотворение - "Секрет победы" - о летчике-истребителе Николае Терехине, уничтожившем в одном бою три немецких бомбардировщика.

Много героического, а вместе с тем и трагического повидал Симонов на Западном фронте в первый месяц войны: бесчисленные бомбежки немецкой авиацией наших войск, наших городов и сел; гибель наших бомбардировщиков, вынужденных порой летать на выполнение боевых заданий без прикрытия истребителей; отступление измотанной боями пехоты, не всегда достаточно организованное; толпы беженцев на дорогах, стариков, женщин и детей. Но особенно потрясла его душу уходившая из горящего города колонна слепых детей и взрослых...

Об этом Симонов напишет и тоже опубликует в "Красной звезде" свое знаменитое стихотворение "Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...".

Неизгладимое впечатление оставила у него июльская поездка под Могилев, в 388-й полк 127-й стрелковой дивизии. Десятый день этот полк вел бои с фашистскими танками, но не отступил ни на шаг. Перед его окопами громоздились подбитые и сгоревшие вражеские машины. Симонов пересчитал их 39 единиц!

Запомнилась Симонову беседа с командиром полка полковником Кутеповым, о которой в дневнике писателя есть такая запись:

"Мы рассказали ему, что когда проезжали через мост, то не заметили там ни одной счетверенной установки и ни одной зенитки. Кутепов усмехнулся:

- Во-первых, если бы вы, проезжая через мост, сразу заметили пулеметы и зенитки, то это значило бы, что они плохо поставлены. А во-вторых... Тон, которым он сказал это "во-вторых", я, наверное, запомнил на всю жизнь. - Во-вторых, они действительно там не стоят. Зачем нам этот мост?

- Как зачем? А если придется через него обратно?

- Не придется, - сказал Кутепов. - Мы так уж решили между собой: что бы там кругом ни было, кто бы там ни отступал, а мы стоим вот тут, у Могилева, и будем стоять, пока живы..."

* * *

Отзвук той беседы отчетливо прослушивается в стихотворениях Симонова, опубликованных в "Красной звезде". Тот же мотив, те же мысли и чувства, какие овладели их автором при посещении кутеповского полка:

Был Николай Терехин
Одним из таких ребят,
Которым легче погибнуть,
Чем отступать назад...
Учись, как нужно презирать
Опасности в бою.
И если надо - умирать
За родину свою.

И еще были здесь две строки, ставшие крылатыми:

У храбрых есть только бессмертие,
Смерти у храбрых нет...

Да, на всю жизнь запомнил Константин Симонов те трудные июльские дни сорок первого года в 388-м полку и его мужественного командира Семена Федоровича Кутепова. Некоторые черты духовного облика этого замечательного героя Великой Отечественной войны, и что особенно важно - героя ее первого, особенно тяжкого периода, нетрудно узнать в образе генерала Серпилина, главного героя столь полюбившейся нашему народу трилогии "Живые и мертвые".

И видимо, должно было так случиться, что спустя почти сорок лет, осенью 1979 года, прах Константина Михайловича Симонова, согласно его завещанию, был развеян именно на том самом бранном поле под Могилевом, где бесстрашно сражался и лег полк вместе со своим командиром Кутеповым и где молодой в ту пору писатель дал себе и времени клятву писать правду и только правду об этой войне с фашистами, войне, которая принесла так много страданий нашему народу и которая завершилась его великой, на все века, победой.

* * *

Наши корреспонденты прислали с Юго-Западного фронта пачку документов, принадлежавших некоему барону Куно фон Ольдергаузену, немецкому помещику, владельцу трех имений. Здесь и почтительные донесения управляющего имениями - о посевах, приплоде скота, откорме свиней. Здесь и личный дневник барона с разнообразными записями, сделанными во

Франции, Венгрии, Румынии. Запись от 23 июня: "Выступил в поход". Надо понимать, что в этот день барон отправился в Советский Союз. А 30 июня он получил письмо от матери. Баронесса писала сыну:

"Какие замечательные успехи в России! Вы молодцы! Вы теперь вступили в плодоносные края, где, может быть, не встретите никакого сопротивления".

Все это легло в основу очередного выступления в "Красной звезде" Эренбурга с выразительным заголовком "Барон в поход собрался...".

Илья Григорьевич прокомментировал эти документы так:

"Барон думал, как его мамаша. Он ехал в автомобиле и прикидывал: здесь он выпустит своего гениального жеребца, здесь построит контору, здесь поселит батраков... Случилась небольшая заминка - 25 июля автомобиль, в котором ехал барон Куно фон Ольдергаузен, был замечен советскими стрелками. Барона застрелили, как простого смертного... Владелец трех поместий искал советской земли. Что ж, он получил свой надел!"

7 августа

Ночью был новый налет немецких бомбардировщиков на Москву. В сводке Совинформбюро указывается: "В ночь с 6 на 7 августа немецкие самолеты пытались совершить налет на Москву. Несколько эшелонов самолетов противника были рассеяны ночными истребителями и огнем зенитных батарей далеко от Москвы. Прорвавшиеся к городу одиночные самолеты сбросили зажигательные и фугасные бомбы. Возникшие пожары зданий быстро ликвидированы. Есть убитые и раненые. Военные объекты не пострадали.

По неполным данным сбито 8 немецких самолетов. Наши потери - один самолет. Летчик, протаранивший этим самолетом бомбардировщик противника, спасся на парашюте".

Налет ночной - значит, и таран ночной. К этому времени было уже несколько сообщений о воздушных таранах. Вчера, например, у нас напечатан репортаж о подвиге капитана Лебединского. На него напали три "хейнкеля". Он принял вызов - сам пошел в атаку и сбил одного. Но и его самолет получил повреждение. Была у Лебединского возможность спуститься на парашюте. Не спустился, потому что внизу - войска противника. Решил, что лучше погибнуть, нежели оказаться в плену у фашистов. Вновь пошел в атаку, протаранил второго "хейнкеля". Третий отвалил прочь. А Лебединский "потянул" свой

поврежденный самолет к линии фронта и благополучно пересек ее, приземлился в расположении наших войск...

Да, таран становится почти обыденным явлением. Только не в ночное время. Этот ночной таран - первый. Кто же совершил его? Стали разыскивать героя. Нашли на подмосковном аэродроме в 67-м истребительном полку. Привезли в редакцию.

Вошел ко мне ясноглазый молодой человек. Тонкая и гибкая фигура; легкая, едва ли не мальчишеская походка. И еще, что отметил я про себя: он был спокоен. Совершенно спокоен! Ничто в его внешности и поведении не выдавало потрясения от пережитого минувшей ночью, когда он разрубил чуть ли не пополам немецкий бомбардировщик, отправив к праотцам экипаж - летчика, штурмана, стрелка-радиста и бортмеханика.

Браво вскинул руку к козырьку фуражки с голубым околышем. Доложил:

- Младший лейтенант Талалихин...

Усадив его в кресло, я спросил: давно ли он получил орден Красной Звезды, сверкавший на гимнастерке?

- В начале прошлого года, в Финляндии, - ответил Талалихин.

- Что ж, теперь колите дырочку еще для одного ордена.

Можно сказать, угадал! "Дырочек" потребовалось две: для ордена Ленина и для новой "Звезды". Только уже не темно-малиновой, а "Золотой Звезды" Героя Советского Союза.

О событиях минувшей ночи Талалихин рассказывал так:

- Немецкий бомбардировщик был замечен на высоте четырех с половиною тысяч метров. Получил задание перехватить его. Вылетел. Догнал. Зашел в хвост, дал очередь и повредил ему правый мотор. Немец наутек. Я за ним. В погоне не заметил, как израсходовал все боеприпасы. Принимаю решение: таранить! Приблизился. Рубанул по фюзеляжу. Мой самолет тоже перевернулся. Приземлялся я на парашюте. На аэродром доставили колхозники...

- Ну а "крестника" своего видели?

- Видел. Специально ездил посмотреть. Среди обломков четыре трупа. Один из них - подполковник, на груди железный крест и значок аса...

Я уже хорошо знал, что истинные герои не словоохотливы. Летчики, пожалуй, в особенности. Мучились с ними наши корреспонденты. Все отделывались какими-то бесцветными словами и односложными фразами: "Ну, вылетели... Поразили цель... Уходили от зениток... Благополучно вернулись на базу..."

Почти так же было и с Талалихиным.

Пригласил я Савву Дангулова.

- Вот, - говорю, - младший лейтенант ночью таранил

немецкий бомбардировщик. Подготовьте в номер беседу с ним строк на сто.

Дангулов увел Талалихина в комнату, где обычно работал Илья Эренбург. Ему все же удалось разговорить летчика. Беседа напечатана под заголовком "Как я протаранил немецкий самолет". В текст мы заверстали фотографию этого молодого, красивого парня. Отвозил его на аэродром наш фотокорреспондент Сергей Лоскутов. Там он сфотографировал Талалихина в кругу друзей. И этот снимок тоже поспел в номер.

За пределами ста строк, напечатанных в газете, осталось немало интересного материала. Дангулов кое-что пересказал мне, а потом и записал свои размышления над тем, что услышал от Талалихина. Воспроизвожу здесь некоторые выдержки из этих записей:

"Лимит беседы был определен точно - сто строк. Всего сто!

Я начал беседу издали... Талалихин поведал мне об отчем доме в Вольске, о цементном заводе, едва ли не старейшем в России, который дал жизнь городу, о Волге - ее просторной и спокойной глади... При этом я вспомнил другого волжанина, которого слушал однажды, - Чкалова. Но Чкалов был по натуре иным - вихревой, неодолимый в своем порыве... Наверное, эти качества были и у Талалихина, но он их не выказывал - в нем была стыдливость юноши. Да и говор его, как я заметил, был отличен от чкаловского - верхневолжского. Всесильное "о" у Чкалова было очень заметно. Этот говорил по-иному.

- Детство кончилось с приездом в Москву?

- Да, когда приехал в Москву, мне было уже пятнадцать, а это, согласитесь, конец детства... - Он задумался, в его красивые глаза втекла печаль. - Волга была далеко, а детство еще дальше, - он вздохнул - ему было жаль, что так скоро отлетело детство. - То, что разрешал Вольск, Москва не разрешала, Москва требовала ума и дела...

Вот так-то: Москва требовала ума и дела, а следовательно, взрослости. Взрослость с ее умудрением, с ее заботами пришла рано.

- Финляндия... в двадцать один?

- Даже в двадцать... Всё говорил себе: вот это и есть испытание на прочность - впервые увидел, что такое война: кровь, много крови... Летчики иногда зовут воздушный бой "сечей"... Да, именно "сеча", как в рукопашной... Рубка...

- Срубил ты ночью фашиста, Виктор?

Он внимательно посмотрел на меня:

- Срубил...

Когда расставались, я все пытался уточнить: "Сколько все-

таки ему лет: двадцать два или двадцать три?" А потом решил: да важно ли это?

Важнее иное: как стремительно следовали у него циклы жизни - Волга, Москва, Финляндия, опять Москва, теперь - фронтовая... И вот это мужание..."

* * *

...Виктор Талалихин погиб в воздушном бою за Подольском 27 октября 1941 года...

9 августа

Из сводок Совинформбюро исчезли невельское, новоржевское, житомирское и коростеньское направления. Упоминается еще белоцерковское, но мы-то знаем, что Белая Церковь уже сдана. Появились новые направления кексгольмское и эстонский участок фронта... С большой статьей "Опыт борьбы против фашистских танковых частей" выступил генерал-майор К. С. Москаленко. В те дни не было, пожалуй, более важной темы, чем эта. Пользуясь численным превосходством в живой силе и технике, особенно в танках, враг продолжал теснить наши войска.

Статья Москаленко имеет свою предысторию. Ровно месяц назад, 9 июля, в "Красной звезде" была напечатана корреспонденция нашего спецкора по Юго-Западному фронту капитана Сергея Сапиго об отражении атаки танков артиллерийской батареей младшего лейтенанта Логвиненко. В корреспонденции сообщалось:

"Храбро сражались все бойцы и командиры батареи... Наводчик Панфиленок сумел уничтожить 17 танков. Наводчик Павлов был дважды ранен, но до конца боя не покинул своего орудия. Несколько раз раненный младший лейтенант Полищук продолжал командовать орудийными расчетами. В результате из 48 фашистских танков, участвовавших в бою, 42 были уничтожены, и только шести машинам удалось улизнуть".

Помню, возникли у меня сомнения относительно 42 подбитых танков. Не ошиблась ли стенографистка, принимая эту корреспонденцию? Пытались проверить, но разыскать Сапиго не смогли. Не удалось также установить, в какое соединение входит эта батарея, где и когда одержала она такую блистательную победу в поединке с фашистскими танками?

Посудили мы, порядили и в конце концов все-таки напечатали сообщение Сапиго. Поступили в данном случае так, как советовал в свое время Суворов Багратиону, усомнившемуся в точности донесения о потерях противника: "Они басурмане, чего

их жалеть..."

Через некоторое время Сапиго опять связался с нами по телефону. Я решил хотя бы задним числом уточнить - нет ли какой ошибки в напечатанной нами заметке о батарее Логвиненко. Автор заверил меня, что все правильно, назвал соединение, в состав которого входит батарея: это 1-я артиллерийская противотанковая бригада; командует ею генерал Москаленко.

Москаленко? Фамилия показалась мне знакомой. Что-то я уже слышал или читал об этом командире весьма похвальное. Попросил Сапиго повторно съездить в бригаду, написать о ней пошире, а еще лучше прислать статью самого Москаленко о борьбе с вражескими танками.

И вот статья у меня. Начал ее читать и тут только вспомнил, что генерал Москаленко был в числе награжденных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 июля. Проверил по публикации этого Указа в нашей газете. Так точно: К. С. Москаленко награжден орденом Ленина. Надо вспомнить то время, чтобы оценить значение этой награды. Значит, заслуженный, боевой генерал! Мы рады были напечатать его статью.

Лично же познакомиться с Москаленко мне довелось лишь в сентябре сорок второго года. Вместе с Константином Симоновым мы были у него на НП под Сталинградом. Он командовал там 1-й гвардейской армией. А с сорок четвертого года переменчивая военная судьба надолго свела меня с Кириллом Семеновичем в 38-й армии. Москаленко командовал ею, а я был назначен туда начальником политического отдела и, таким образом, получал возможность увидеть и оценить незаурядные боевые качества будущего маршала с близкого расстояния в дружной совместной работе при освобождении нашими войсками Правобережной Украины, Польши и Чехословакии, вплоть до вступления в Прагу.

Тогда же я узнал от самого Москаленко и некоторые небезынтересные подробности о его действиях в самом начале Великой Отечественной войны.

Командиром противотанковой бригады он стал несколько неожиданно.

- Готовили из меня танкиста, а пришлось делать совсем противоположное - истреблять танки, - рассказывал Кирилл Семенович.

Правда, он еще в боях с белогвардейцами в годы гражданской войны командовал артиллерийским взводом. А в 1940 году под его командованием сокрушала доты на линии Маннергейма артиллерия легендарной 51-й Перекопской стрелковой дивизии.

С той войны Москаленко вернулся с орденом Ленина и вскоре был аттестован на командира танковой бригады.

Но в первой половине 1941 года началось формирование десяти артиллерийских противотанковых бригад. Москаленко назначили командиром одной из них. Размещалась она в областном украинском городе Луцке, в 80 километрах от государственной границы, где и застала Кирилла Семеновича Великая Отечественная война.

На рассвете 22 июня раздался резкий звонок. Москаленко взял трубку и услышал голос командующего 5-й армией генерала М. И. Потапова:

- Война!

В четыре часа тридцать минут Москаленко был уже в Киверских лагерях. Туда он предусмотрительно вывел бригаду за два дня до вторжения гитлеровцев на нашу землю.

Еще несколько минут - и полки были подняты по тревоге. Строились они под гул "юнкерсов", безнадежно искавших бригаду на прежнем месте.

Генерал верил в боевую мощь своего соединения. Шесть тысяч личного состава, 136 пушек, преимущественно 76- и 85-миллиметровых, 72 крупнокалиберных пулемета, минносаперный батальон. Сила!

Далеко не каждую из десяти формировавшихся противотанковых бригад удалось к началу войны укомплектовать и оснастить полностью. Но бригада Москаленко, может, потому, что числилась под первым номером и стояла на особо опасном направлении, успела получить все, что ей полагалось по штатам и табелям. Потом Кириллу Семеновичу придется не раз бросать в бой части и соединения, не располагавшие и половиной, даже четвертью штатной численности и норм материального обеспечения. Но к началу войны его бригада имела все необходимое для решительного отпора врагу.

Боевой приказ командарма-5 гласил: 1-й противотанковой бригаде следовать на Владимир-Волынский и во взаимодействии с 22-м механизированным корпусом генерала С. М. Кондрусева разбить противника, перешедшего границу, и восстановить положение.

Первую встречу с врагом Москаленко и ожидал на границе. Но произошла она раньше. Бригада наскочила на немецкие танки уже в пути к Владимиру-Волынскому, а соединения Кондрусева еще не подошли.

Завязался встречный бой. Самый трудный вид боя, когда обстановка недостаточно ясна и командир располагает для принятия необходимого решения буквально минутами, а то и

секундами. До войны считалось, что артиллерия не может успешно вести боевые действия без пехоты и танков. Но Москаленко отлично понимал, что, если его бригада уклонится от самостоятельного боя с немецкими танками, перед ними откроется путь на Луцк, на Житомир, а там и на Киев. Командир 1-й противотанковой принимает бой. Под ударами его батарей горят вражеские танки, несут значительные потери сопровождающие их автоматчики. Гибнут и наши люди, выходят из строя пушки. Атака следует за атакой, однако все усилия противника тщетны.

К вечеру враг вынужден был прекратить атаки. Бригада выстояла. Перед ее огневыми позициями чернело около семидесяти сожженных и подбитых танков и бронетранспортеров.

В своей статье К. С. Москаленко точно обрисовал принципиальную схему немецкого танкового клина и рассказал, как его бригаде удалось его срезать.

"В голове следовали углом вперед тяжелые танки, за ними - легкие и средние, далее - мотоциклисты с автоматами, пулеметами и минометами. Замыкался боевой порядок мотопехотой и артиллерией. Выгодность такого построения очевидна. Тяжелые танки своей мощной броней прикрывают весь боевой порядок и, двигаясь на замедленной скорости, прощупывают ударную силу противотанковой обороны. При встрече с малокалиберной артиллерией или при обстреле осколочными снарядами, которые не могут нанести вред тяжелой броне, головные танки атакуют оборону на высшей скорости, стремясь ее прорвать. Если же на них обрушиваются 76-мм бронебойные снаряды, пробивающие насквозь броню немецких тяжелых танков, то боевой порядок и тактика действий немедленно меняются..."

Здесь не место углубляться в тактику противника. Для сегодняшнего да, пожалуй, и завтрашнего читателя гораздо больший интерес представляет, мне думается, тогдашняя оценка действий наших артиллеристов военными советами армии и фронта. Она зафиксирована уже на пятнадцатый день войны в представлении соединения к награде орденом Красного Знамени. Вот краткая выдержка из этого документа:

"Там, где находились подразделения 1-й противотанковой бригады, танкам противника не удалось прорвать огневую противотанковую оборону... Своими героическими действиями бригада сдержала натиск противника и не дала возможности захвата немцами города Луцка к утру 25.6.41 г., как это значилось в приказе по 14-й бронетанковой дивизии противника... Бригада несла потери, личный состав не щадил

своей жизни, но поставленную задачу выполнял..."

12 августа

Предыдущий номер "Красной звезды" почти полностью был занят официальным материалом - новыми указами о награждении военнослужащих, отличившихся в боях. Среди них, как всегда, много знакомых имен, о которых газета уже писала, и не однажды. С трудом удалось втиснуть на четвертую полосу продолжение очерка А. Полякова "В тылу врага". Для этого пришлось снять часть информации иностранного отдела, несмотря на бурные протесты Ерусалимского.

Этот номер газеты тоже занят преимущественно тассовскими сообщениями. Самое объемистое из них - отчет о Всеславянском митинге в Москве. Опять пришлось потеснить наших корреспондентов: на все про все им достались лишь две колонки. Здесь - главным образом документы о зверствах фашистов. С каждым днем таких материалов все больше и больше. Один за другим поступают в редакцию акты, подписанные военврачами. В актах этих сообщается о гибели детей и женщин в результате обстрела немецкими самолетами толп беженцев на шоссе, о бомбардировке санитарных поездов, на которых "был отчетливо виден знак Красного Креста".

В статье Петра Павленко "Бешеные звери" - выдержка из письма ефрейтора Грубера обер-ефрейтору Лейнцгинеру: "Как ты себе можешь представить, всех, кто нам мешает в пути, мы расстреливаем..."

В газете воспроизводится рассказ красноармейца Васильева, вырвавшегося из немецкого плена. Четырех наших бойцов, захваченных в плен вместе с ним, гитлеровцы убили сразу же после допроса. Васильева тоже собирались расстрелять - повели на окраину села, заставили копать себе могилу. Выручила пятерка советских истребителей, неожиданно появившаяся над оккупированным селом. Увидев их, палачи разбежались, а красноармеец, воспользовавшись этим, скрылся в недалеком лесу и затем выбрался к своим...

Принесли оттиск небольшой заметки под заголовком "Отомстить!". В текст заверстана фотокопия паспорта Екатерины Михайловны Михайловой, девушки-акушерки из деревни Большое Панкратове. На паспорте пятна крови. Тут же выдержка из протокола допроса пленного немца, признавшегося, что девушка была изнасилована и убита в его роте. Под этими обличительными документами несколько гневных строк:

"Вот история Екатерины Михайловны Михайловой, русской девушки, которой было от роду восемнадцать лет. Эту историю должны узнать все люди нашей страны... Страшные, подлые существа. Они ее обесчестили и убили - нашу дочь, сестру... Есть чувства, для которых нет слов. Да и слова здесь не нужны - пули. Отомстим за товарища Михайлову! Отомстим за все!"

Я сразу угадал, чьи это строки. Пригласил Эренбурга.

- Илья Григорьевич, это вы писали?

- Я.

- А почему нет вашей подписи?

Илья Григорьевич повел плечами:

- Какое это имеет значение?..

С молчаливого согласия писателя я поставил под заметкой его имя и фамилию. Авторитет Эренбурга в войсках растет день ото дня. И хотелось, чтобы его имя чаще появлялось на страницах газеты.

Евгений Габрилович прислал корреспонденцию "Кровавые убийцы". Он был на допросе сбитого немецкого летчика Конрада Лейдерлинга.

В полевой сумке у него обнаружили ворох фотографий. Гитлеровские молодчики любили фотографироваться даже при свершении самых гнусных поступков. Габрилович отобрал из фотоколлекции Лейдерлинга четыре снимка. На первом - торжественный выпуск школы летчиков. Горделивые, самодовольные рожи. Дата - декабрь 1937 года. Вторая фотография сделана из кабины самолета, расстреливающего беззащитную толпу. Под снимком подпись: "Смерть полякам! Сентябрь 1939 года". Третье фото - тоже из кабины самолета бомбежка города. Пожары. Клубы дыма. Подпись на обратной стороне: "Смерть англичанам! Декабрь 1940 года". На четвертой фотографии - кривая улица в бедной деревне. Вдоль нее тянутся телеграфные столбы. К одному из них привязан человек, обнаженный до пояса. В нескольких шагах от него стоит с револьвером в руках сам Лейдерлинг. Он зажмурил левый глаз, целясь в свою беспомощную жертву. Его же рукой сделана подпись: "Смерть сербам". Дата не обозначена.

У этого летчика-изувера отобрали фотоаппарат, заряженный не початой еще кассетой. Он намеревался запечатлеть свои злодеяния и на советской земле. Не успел. Его сбили как раз в те минуты, когда он расстреливал с воздуха женщин и детей одного нашего колхоза.

14 августа

Начали печатать цикл статей начальника танкового отдела редакции Петра Илларионовича Коломейцева. С этим автором редакция связывала большие надежды. Почему?

Не только потому, что Коломейцев досконально знал тактико-технические данные и способы боевого применения своего рода войск, игравшего такую видную роль в развернувшихся сражениях. И даже не потому, что к этому добавлялась основательная подготовка общевойскового командира. Коломейцев выделялся еще особым, я бы сказал - глубоко аналитическим складом ума. О том свидетельствовал сам приход его в "Красную звезду", далеко не обычный.

В разгар гражданской войны в Испании наша газета, естественно, публиковала немало материалов о тех сложных и грозных событиях, предвещавших схватку с фашизмом в мировом масштабе. Материалы эти стекались в редакцию со всего света и из самых разных источников. Но никто, конечно, не рассчитывал получить капитальный обзор боевых действий в Испании из небольшого в то время украинского городка Проскурова, от какого-то безвестного капитана П. Коломейцева.

Редакция заинтересовалась автором. Он оказался командиром танкового батальона. Сам в Испании не был. Никакими особыми источниками о происходивших там событиях не располагал. Пользовался только доступными всем газетными и журнальными публикациями, но сумел глубоко осмыслить общеизвестные факты, профессионально оценить их и высказать по ним свои далеко не ординарные соображения.

Обзор напечатали. Затем последовали другая, третья не менее интересные статьи того же автора, после чего Коломейцев и был переведен в "Красную звезду".

Талант Коломейцева как военного журналиста с особой силой проявился в годы Великой Отечественной войны. Уже в самом ее начале Коломейцеву было сказано:

- У нас есть кому писать корреспонденции. Очерки - тоже. С этим мы как-нибудь справимся. Перед вами же ставится иная задача: поездите по фронтам, пообщайтесь с боевыми офицерами и генералами, вникните в работу штабов, внимательно присмотритесь к тактике противника, к опыту наших войск и напишите статьи на самые животрепещущие темы. А таких тем много.

Сказать откровенно, эта мысль была навеяна одной из бесед с

Георгием Константиновичем Жуковым. Однажды он, не знаю даже почему, горячо стал убеждать меня, редактора, какими широкими возможностями, какими преимуществами располагает в этом отношении газета:

- Нельзя рассчитывать, что наши операторы или другие штабные офицеры, перегруженные повседневными заботами по управлению войсками, смогут быстро "переварить" все новое, что выявляется на поле боя, обобщить эти новинки и сделать достоянием каждого бойца и командира. А вот "Красная звезда" может здесь многое сделать...

Вспоминаю также аналогичные высказывания командующего артиллерией Красной Армии Н. Н. Воронова.

- Когда мои офицеры, - как-то объяснил он мне, - бывая в действующей армии, подмечают что-то новое или какие-то недостатки, они сначала обсуждают их между собой, потом докладывают свои выводы и предложения "по команде". Начинаются новые обсуждения... Это неплохо. Но сколько уходит времени! И мне сплошь да рядом случается принимать решения по этим предложениям уже тогда, когда обстановка существенно изменилась. Военным журналистам проще: передал в редакцию материал, на второй день он опубликован и его уже читают на фронте...

Я, конечно, согласился с Николаем Николаевичем. К тому времени нас окончательно убедили в этом выступления Коломейцева. Более месяца пробыл Петр Илларионович на Центральном и Брянском фронтах. Писать не спешил. Да и мы не торопили его - набрались терпения. По крупицам, по зернышку накапливал он интересный материал. Накопил немало. А когда вернулся в редакцию, рассказал много важного и любопытного.

Особенно запомнился его рассказ о так называемых "психических" атаках немецких автоматчиков.

- В основе тактики немецкой пехоты, - говорил он, - лежит огонь и движение, причем пехота всегда стремится завершить бой с помощью огня, не прибегая к рукопашной схватке. И днем и ночью немцы с дальних расстояний открывают бешеный огонь из автоматов. Двигаясь по дороге, они строчат из автоматов по кустарникам, по пшеничному или ржаному полю, а то и просто в воздух. Немцы исходят из таких соображений: путь пехоте проложат танки, а ей придется лишь очищать захваченную местность, расстреливая из автоматов деморализованного неприятеля. Так они и воевали на Западе. Но на нашем фронте получилось иное. Части Красной Армии отрезают пехоту от танков, и она вынуждена действовать лицом к лицу с советскими стрелками...

На Западе немцы часто делали ставку на "психические" атаки. А что получилось на советско-германском фронте, хорошо известно.

Коломейцев был свидетелем такого эпизода. Прибыл он в батальон капитана Богдарина, державшего переправу на реке. Как раз в тот день, когда там разгорелся жаркий бой. Противник не раз пытался захватить переправу, но все его атаки были отбиты. Вот и в этой очередной атаке появились три грузовика с пехотой. Из кузовов машин выскочили солдаты.

Построившись в шеренгу, локоть к локтю, они тут же, выставив вперед автоматы, открыли огонь, пытаясь продвинуться вперед. Весь этот спектакль проходил на глазах наших пулеметчиков, и те, естественно, пустили в ход свое оружие. Шеренга немцев быстро поредела, и они повернули назад. Вскоре из леса примчалось еще шесть машин с пехотой. Вражеские солдаты двигались вперед в таком же плотном построении, стреляя на ходу "с бедра". И эта атака была отбита. Так что, как говорили наши бойцы, "психическая" не прошла...

Стоит также привести рассказ Коломейцева о так называемых кочующих минометах.

- Минометный огонь, - объяснял Коломейцев, - у немцев используется широко. В течение нескольких дней я наблюдал за действием минометной группы противника. В первое время казалось, что на фронте действует огромное количество минометов. Вот разрывы мин видны на участке одной из рот, спустя полчаса минный шквал уже бушует в другом месте. Затем следует пауза, и минометный огонь вспыхнул на третьем участке. Присмотрелись мы внимательно и поняли, что стреляют всего лишь одна или две группы минометов, но они кочуют по фронту с одной позиции на другую. Делается это не только в целях маскировки, а главным образом для того, чтобы создать впечатление массовости огня.

Рассказал также Петр Илларионович о том, какую тактику применяют артиллеристы, чтобы накрыть эти кочующие минометы... Словом, было о чем написать. Коломейцев сразу же уселся за статьи. И вот сегодня на страницах газеты под рубрикой "Заметки о тактике врага" появилась его первая статья "Слабые стороны фашистской пехоты". За ней будут напечатаны "Некоторые приемы немецкой артиллерии", "Как ликвидировать танковый прорыв" и другие.

Статьям этим было несколько тесновато в рамках определенной для них рубрики. Они не только раскрывали тактические приемы врага, но одновременно на конкретных примерах показывали, что и как противопоставляли вражеской

тактике наши командиры. Эти публикации "Красной звезды" получали широкий отклик. Их перепечатывали фронтовые и армейские газеты. Они обсуждались в войсках. И порой их даже называли "школой боевого опыта", хотя автор скромно именовал их только заметками...

Словом, относительно долгое молчание Коломейцева полностью окупилось.

* * *

В несколько необычной роли выступает Илья Эренбург. Он проделал кропотливую работу: выбрал из сообщений Информбюро, репортажей наших корреспондентов и других источников названия разгромленных и уничтоженных дивизий и полков вермахта на Западном и Юго-Западном фронтах. Эти выборки, сведенные в таблицу, производят внушительное впечатление. Мы их опубликовали под заголовком "Мертвые дивизии".

Комментариев к такой таблице вроде бы и не требовалось. Но Эренбург все же сопроводил ее несколькими едкими строками:

"Это далеко не полный список - в него не вошли многие дивизии, уничтоженные на севере, на северо-западном направлении и в Бессарабии. Да и не все воинские части Гитлера, разгромленные на западном и юго-западном направлениях, перечислены мною: хоронят гитлеровцев, даже СС, не в фамильных склепах с обозначением части, а в безымянных могилах. Легко сосчитать живых фельдмаршалов, труднее сосчитать убитых немецких солдат не хватит у Гитлера писцов для этой переписи.

Припадочный ефрейтор Гитлер вопит: "Я двину в бой новые дивизии!" Что же, мы можем вспомнить стихи Пушкина:

Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов.
Есть место им в полях России
Среди нечуждых им гробов".

15 августа

В газете напечатан разнообразный материал почти со всех фронтов Отечественной войны.

Получен репортаж "По приказу Главкома". Наши спецкоры сообщают, что главнокомандующий войсками западного направления маршал С. К. Тимошенко вызвал к себе капитанов

Лосовского и Картавенко, подвел их к карте и показал рукой:

- Здесь нужны снаряды. Неприятель бомбит дороги, обстреливает их из дальнобойной артиллерии. Но снаряды надо подвезти...

Сквозь густой огонь, потеряв в пути несколько зажженных немцами машин, офицеры привели колонну грузовиков с боеприпасами в самые кризисные минуты боя и этим помогли выиграть бой. Главком высоко оценил подвиг Лосовского и Картавенко и тут же наградил их орденами Красного Знамени.

Напечатана также статья капитана Е. Мишука с юго-западного направления о ночных атаках его батальона. А остальной репортаж из района боев обозначен пресловутыми буквами и знаками "Щ", "N" и т. п. Никак нельзя было привыкнуть к этим условным обозначениям. Но ничего не поделаешь, они, эти буквы и номера, прочно обосновались на газетных полосах.

* * *

"Гвоздем" номера является, несомненно, статья генерал-лейтенанта, будущего маршала А. И. Еременко "Месяц упорных боев под Смоленском". Она даже объемом подавляет все остальное - заняла в газете полполосы. Хотя главное, разумеется, не в объеме. Главное - в злободневности темы.

Только вчера Совинформбюро сообщало: "Несколько дней тому назад наши войска оставили город Смоленск". Сообщение, конечно, запоздалое. Из Смоленска наши войска ушли не вчера. Немцам удалось еще 15 июля захватить там железнодорожный мост через Днепр, а на второй день овладеть городом. С потерей такой серьезной водной преграды, как Днепр, и такого важного стратегического пункта, как Смоленск, резко возрастала угроза прорыва немецко-фашистских войск к Москве. Поэтому делалось все, чтобы вернуть Смоленск и задержать гитлеровцев на днепровских рубежах. В частности, 27 июля предпринимался довольно мощный контрудар силами 16-й армии. В результате был захвачен смоленский вокзал. Но ненадолго.

Маршал Василевский потом напишет: "Смоленское сражение продолжалось два месяца и включало в себя целую серию ожесточенных операций, проходивших с переменным успехом для обеих сторон..."

А в ту пору, понятно, никто из нас не мог знать, сколько оно продлится и чем будет завершено. Однако миновал месяц, и уже стало ясно, что это одно из самых больших сражений начального периода войны. Впервые здесь удалось остановить немецкое наступление на сплошном и относительно широком фронте.

Естественным было наше стремление рассказать об этом сражении. Тем более что берлинская печать подняла трезвон,

будто оно уже выиграно Гитлером.

Мы связались с нашим корреспондентом по Западному фронту Зигмундом Хиреном и поручили написать статью о Смоленской битве. Да как можно быстрее!

Опытный газетчик встретился с генералом А. И. Еременко и попросил его выступить в газете с такой статьей. Андрей Иванович согласился. Незамедлительно поручил операторам и разведчикам выбрать из оперативных и разведывательных сводок все, что касается боев за Смоленск, подготовить данные о потерях с той и другой стороны, трофейные документы, протоколы допроса пленных. При участии Хирена вся эта кропотливая работа была проделана очень быстро. Еременко писал статью урывками в течение двух дней. 14 августа она поступила в редакцию, а 15-го появилась в газете.

"Тридцать суток длятся бои на смоленском и невельском направлениях, писал генерал. - Они свидетельствуют о решающих переменах в положении воюющих сторон... Немцы целый месяц вели наступление, бросаясь с одного участка на другой, и нередко вынуждены были, понеся большие потери, переходить к обороне под ударами частей Красной Армии... Уже это одно показывает, что расчеты фашистов на молниеносную войну потерпели крах, что у немцев иссякает наступательный порыв. Заранее заготовленные догмы войны против Советского Союза пришли в явную негодность".

Автор приводит характерную выдержку из приказа немецкого командования: "2-я танковая группа без остановки продвигается в район Смоленска и путем уничтожения русских войск, действующих по эту сторону Днепра, откроет путь в Москву... Решающее значение будет иметь наступление с полным введением в действие моторов. Невзирая на угрозы с флангов, без передышки и отдыха, в дневных и ночных боях продвигаться, насколько позволит запас горючего".

Но не тут-то было. Все эти "заранее заготовленные догмы" действительно полетели вверх тормашками. Андрей Иванович назвал цифры немецких потерь в танках, самолетах, людях. Рассказал о вынужденных изменениях в тактике противника, о заметных переменах в настроении фашистских солдат и офицеров. Вот, например, одно из донесений командира вражеского батальона: "За последние четыре дня положение стало напряженным. Необходимо пополнение. Сообщаю о потерях в эти дни... Боеспособность - трагическая... Эта напряженная обстановка привела к тому, что батальон можно заставить идти в наступление только принудительно, силой оружия..."

Андрей Иванович отмечает стойкость и мужество советских

воинов, сражающихся под Смоленском: "Раненые не уходят с поля боя и, цепко держа в своих руках оружие, до последней капли крови бьются с фашистами..."

"Среди наших командиров, - продолжает Андрей Иванович, - мне довелось встретить сыновей героев гражданской войны. Они не уступают отцам в героизме. На одной батарее, громившей немцев прямой наводкой, я встретил капитана - сына легендарного Чапаева. На этом же участке фронта я видел сына Пархоменко - старшего лейтенанта, который храбростью напомнил отца. Изумительный пример подлинного героизма и преданности Родине показал в боях под Витебском командир батареи Яков Джугашвили. В ожесточенном бою он до последнего снаряда не оставлял своего боевого поста..."

Перечитывая эту статью теперь, вижу, что совершенно преждевременно было в ту пору утверждать, будто "у немцев иссякает наступательный порыв". Если бы это произошло в августе, не оказались бы они в ноябре в московских пригородах. И о "решающих переменах в положении воюющих сторон" говорить было рано. Ведь в том же номере газеты публиковалось сообщение о захвате врагом Кировограда и Первомайска. А утром я узнал в Генштабе и другие печальные новости: сданы Гомель и Кривой Рог, враг приближался к Херсону и Новгороду...

Но преждевременные оптимистические прогнозы появлялись не только на страницах нашей газеты, а и в официальных документах первого полугодия войны. Конечно, с вышки времени легче судить, что было правильно, а что нет. Но тогда... Понятно, что это и нас, редакторов, подстегивало к излишне оптимистическим оценкам положения на фронте.

Но, чтобы справедливо оценить выступление генерала Еременко, надо сказать, что он не преуменьшал опасности, звал к напряжению всех сил в борьбе с врагом. "Немцы упорствуют, напрягают все свои силы, снова подбрасывают резервы... Упорные бои не прекращаются... По-прежнему идет яростная борьба за каждую пядь советской земли..."

Такова была концовка статьи "Месяц упорных боев под Смоленском". Главное же, самое важное в этой статье - мысль о провале расчетов Гитлера на молниеносную войну. Следует напомнить о резонансе, вызванном этой статьей, не только у нас в стране, но и в союзных с нами и нейтральных странах. Там ее перепечатали многие влиятельные газеты, передавали по радио. У миллионов наших зарубежных друзей она укрепила веру в силу Советского государства и Красной Армии, в нашу способность отстоять Родину.

Еременко мне говорил, что ему звонил Сталин и

одобрительно отозвался о его выступлении в "Красной звезде".

* * *

В газете за 15 августа была и другая публикация, которая не могла не обратить на себя внимания читателей, - большой трехколонный снимок. На полянке, у самолетов, замаскированных еловыми ветками, полукругом расположилась большая группа молодых парней в пилотках. Кто сидя, кто полулежа, а кто и стоя "окружили" грузного, широкоплечего человека в берете, хорошо знакомого всему миру. Он сидит в центре этой группы, по-восточному поджав под себя ноги, с записной книжкой в руках. Под снимком подпись: "Председатель Всеславянского митинга в г. Москве А. Н. Толстой беседует с бойцами и командирами N-й авиачасти".

У этого снимка и краткого репортажа о встрече писателя с летчиками своя предыстория.

Накануне Алексей Толстой был в редакции. Как обычно, за чашкою чая шел разговор о наиболее значительных событиях дня. Алексей Николаевич рассказал мне о только что закончившемся Всеславянском митинге, где он председательствовал. Я же объяснил ему обстановку на фронтах и, в частности, рассказал об успехах и неудачах нашей авиации. Коснулись воздушных таранов. Толстой преклонялся перед мужеством и самопожертвованием наших летчиков, отваживающихся таранить противника, восхищался не только "соколиной их удалью", а и профессиональным искусством.

- Ведь этому делу их не учили, - говорил он. - Героизм героизмом, но какие нужны точность, расчет, выдержка! Как это получается?

- Знаете что, - сказал я, - как раз перед вашим приходом мне сообщили о летчике из подмосковного истребительного полка Викторе Киселеве. Он вчера таранил немецкий бомбардировщик. Если хотите, мы вас отвезем в полк. Здесь - недалеко. Там и узнаете, как все это происходит. И, может быть, напишете. А при встрече с летчиками заодно расскажете им о Всеславянском митинге.

Алексей Николаевич с энтузиазмом принял мое предложение. Тут же при нем я позвонил комиссару полка. Тот ответил, что с радостью встретят писателя. Мы усадили Толстого в редакционную машину и в сопровождении репортера Дмитрия Медведовского и фоторепортеров Сергея Лоскутова и Якова Халипа отправили в полк.

И вот все собрались на зеленом поле аэродрома. Летчики с глубоким интересом слушали Алексея Толстого. А потом Алексей Николаевич сам слушал их рассказы о боевых делах. До этого ему

не раз доводилось наблюдать стремительные атаки стражей московского неба и даже писать о них. Но тогда это были для него безымянные герои. А вот сейчас он увидел их рядом с собой, услышал живые голоса.

Беседа Толстого с Виктором Киселевым продолжалась более часа. Этот смуглый от солнца и ветра парень сидел за столом, сколоченным из грубых досок, застенчиво поглядывал на писателя своими серыми веселыми глазами и рассказывал ему "все, как было". Притом вроде бы оправдывался: сбить-то, мол, фашиста сбил, но малость погорячился, не рассчитал - свой самолет тоже "угробил" и сам еле успел выпрыгнуть с парашютом. Киселев был убежден, что, тараня противника, можно сохранить свою машину.

- Получилось не как хотел, - сожалел он. - Практики не было. А тут еще пробило мне масляный бак и радиатор; мотор вот-вот должен был заклиниться. Ну, конечно, и азарт. Не хотелось упустить наглеца, а патроны-то у меня уже кончились. Подхожу к нему снизу, чтобы царапнуть винтом по хвостовому оперению. Рассчитать это можно правильно. Так, чтобы только чуть-чуть задеть кончиками винта. Да ведь струя масла залила у меня козырек, плохо вижу. К тому же воздушной струей от его винта бросило мою машину кверху. Тут я и погорячился. Таранил сверху, врезался ему в левый бок...

Алексей Николаевич записал слово в слово все, что рассказывал ему летчик. Постарался успокоить его, все еще терзаемого "промашкой". Прощаясь, спросил: можно ли все то, что рассказал ему Киселев с такою откровенностью, напечатать в газете?

- А чего же нельзя? Другим польза будет, - деловито рассудил его собеседник.

На память о встрече летчик подарил Толстому найденный в сбитом немецком бомбардировщике портсигар-зажигалку с секретом и на листке бумаги написал: "Вам, Алексей Николаевич, в мой знаменательный день. Л-т Киселев". Толстой долго крутил-вертел этот подарок в руках - никак не мог разгадать его секрет. Попытался открыть портсигар кто-то еще, но и у него ничего не получилось.

- Дайте-ка сюда, - попросил Киселев и показал, как надо обращаться с его подарком.

- А ларчик-то, оказывается, просто открывается, - рассмеялся Алексей Николаевич. И стал открывать и закрывать портсигар.

Вечером Толстой опять был у меня. Делясь впечатлениями о поездке, все повторял:

- Какие люди!.. Какие люди!..

- А как насчет статьи о таране? - перевел я разговор на деловую почву.

- Статью напишу. Киселев много интересного рассказал, но его случай не классический. Есть у меня еще рассказ другого летчика, Катрича. Он тоже срезал бомбардировщик противника и свой самолет сохранил. Я и о нем напишу. Постараюсь как можно скорее - дня через два-три.

А на второй день положил мне на стол страничек восемь текста с готовым заголовком - "Таран"...

19 августа

Различные передовицы печатались в "Красной звезде" в военное время: и общеполитические, и сугубо военные, и даже на такие узкие, чисто тактического характера темы: "Ни шагу без разведки", "Оборона населенного пункта" и т. п. Но ни разу не было, чтобы передовая посвящалась одному какому-то человеку. Первая такая передовица появилась 19 августа. Называется она: "Герой Советского Союза заместитель политрука Мери".

В районе станции Дно располагался штаб 22-го стрелкового корпуса. К штабу прорвались фашисты и наткнулись здесь на радиороту 415-го отдельного батальона связи. В роте в тот миг старшим и по званию, и по должности оказался заместитель политрука Арнольд Мери. Он и взял на себя командование. Фашисты пошли в атаку при поддержке минометного огня. Осколком мины ранило Мери, но он продолжал руководить боем и сам вел пулеметный огонь. Пал в бою второй номер его расчета. Замполитрука стал управляться с пулеметом один. Его еще раз ранило. Обливаясь кровью, он не сбавил огня, не оставил свою роту. С поля боя Мери увели после третьего ранения, когда подоспела уже подмога. Немцы были отброшены, штаб корпуса спасен.

Я не сразу вспомнил, кто писал передовицу о Мери. Но, перечитав ее через много лет, определил автора безошибочно. У каждого из наших литературных секретарей, которые писали передовицы, были свой стиль, свой язык. У Морана, как уже отмечалось выше, преобладало эмоциональное начало. У Кривицкого - яркопублицистическое. У Вистинецкого передовые были посуше, отличались деловитостью. Передовица о Мери принадлежала его перу.

У нас сложилась определенная система работы над передовицами. Предварительно редактор обсуждал с автором содержание будущей статьи, основную ее направленность. Затем

автор разрабатывал тему в деталях, формулировал уже обговоренные мысли, дополняя и углубляя их. Потом начиналось редактирование подготовленного текста. На этом этапе бывало по-разному. В одних случаях если и возникали какие-то заминки, то ненадолго. В других - вносились в текст существенные поправки. А порой приходилось и переписывать статью заново или почти заново, конечно, работали, обычно, вместе с автором, "артельным способом", как подшучивали редакционные острословы.

Наша тогдашняя работа над передовыми нашла свое отражение даже на страницах воспоминаний сотрудников "Красной звезды" военного времени.

"...Я писал очередную статью в номер, - рассказывает Александр Кривицкий. - Закончил ее поздно ночью. Поставил точку и, вернувшись к первой страничке, написал заглавие "Не Москва ль за нами...". Редактор, дивизионный комиссар Ортенберг-Вадимов, уже несколько раз нетерпеливо звонил, и я направился к нему. Коридоры редакции были странно пустынны.

Редактор хмурился, но прочитал передовую так быстро, что я не успел даже переступить с ноги на ногу. Мне всегда казалось, что он не читает рукописи, а перелистывает их. Но это не так. Мы долго правили передовую по "адской" системе - читая ее вслух. На заголовке редактор долго не задерживался. Он зачеркнул его и написал: "Во что бы то ни стало!" Это сказано куда лучше, чем раньше, - точно, энергично. Речь шла о необходимости во что бы то ни стало выстоять, выиграть время, задержать наступление немцев в Подмосковье".

Иногда авторами передовиц были писатели. Чаще других - Петр Павленко. А вот Эренбурга привлечь не удалось. Единственная такая попытка не увенчалась успехом. Было это, помнится, осенью сорок первого года, когда почти все работники редакции выехали на фронт. Получилось так, что некому было написать передовую в очередной номер газеты. Попросил я сделать это Илью Григорьевича. Он согласился безоговорочно и через час принес статью. А о том, что произошло дальше, рассказал сам писатель в своих мемуарах.

Редактор прочитал его передовую, рассмеялся и сказал:

- Илья Григорьевич! Передовая - статья редакционная, безымянная. А всякий, кто прочитает вашу передовую, сразу же скажет: это ведь Эренбург писал!

Словом, как свидетельствует Эренбург, редактор поставил под статьей его имя и фамилию и сказал, чтобы ее переместили на третью полосу.

Больше Илье Григорьевичу писать передовые не поручалось...

Что касается стиля и содержания наших передовиц, то я должен высказать некоторые свои замечания. Естественным было наше стремление, чтобы передовицы отражали мнение высшего военного руководства, чьим органом и являлась "Красная звезда". В войсках, считали мы, их и должны воспринимать не как взгляд, суждение кого-либо из сотрудников редакции, а как точку зрения именно руководства армии - Ставки, наркома обороны...

Не хочу преувеличивать, но не погрешу против истины, если скажу, что передовые "Красной звезды" действительно читались в действующей армии и в тылу. Объяснялось это, кроме всего, и тем, что в них освещалось положение на фронтах, что далеко не всегда читатель мог найти в других материалах. Газета не уклонялась от самых злободневных, самых острых вопросов, созревавших в огне боев и требовавших откровенного ответа. Их прежде всего и давали передовицы.

Такой была передовая, посвященная подвигу Мери. До беседы с Вистинецким я побывал в Генштабе, узнал, что наши войска оставили Кривой Рог, Никополь, Кингисепп. Хорошо известно, что на любой войне города и села оставляются по-разному. Одни по приказу. Другие под давлением превосходящих сил противника. А случалось, что иная часть, иное подразделение отступали и вопреки приказу. В те дни сказать правду о существовании трусов и предателей было гораздо труднее, чем умолчать о них. Но уходить от этой горькой правды было нельзя. О том и состоялся у меня обстоятельный разговор с Вистинецким, прежде чем он засел за передовую. И в конечном счете в полный голос сказали то, что обязаны были сказать: о доблести и трусости, о стойкости и панике, о мужестве и шкурничестве. Подвиг Мери был поставлен в пример всем. Так должен вести себя каждый воин в критические минуты.

Между прочим, эта передовая - еще одно доказательство того, что не всегда газетный номер живет только один день. О ней я вспомнил спустя почти четверть века, когда я готовил для Политиздата сборник очерков "Во имя Родины" - о национальных героях всех республик нашей страны. Переговорил я тогда с секретарем ЦК партии Эстонии, рассказал о замысле книги, спросил о Мери. Ответ последовал незамедлительный: подвиг Мери хорошо известен в республике, этот человек - гордость Эстонии, он вполне достоин представлять ее в будущей книге.

Тогда же я узнал о последующей судьбе Арнольда Мери: войну он закончил помощником начальника политотдела корпуса по комсомольской работе, после войны был избран секретарем ЦК комсомола Эстонии, затем его выдвинули на пост заместителя министра просвещения республики. Продолжает трудиться и

теперь, он председатель Эстонского общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами.

В книге упоминается та передовая. Так продолжалась ее жизнь и после войны...

21 августа

Обычно стенографистка, принимавшая по телефону сообщения наших корреспондентов, относила расшифрованную стенограмму батальонному комиссару Анохину - начальнику корсети. Но на этот раз субординация была нарушена. Минуя все промежуточные должностные ступени, стенографистка примчалась прямо ко мне.

- Прочитайте, что они передали!

- Кто?

- Шуэр и Сапиго.

Это наши корреспонденты по Юго-Западному фронту - дружная, хорошо сработавшаяся пара. Материалы их всегда интересны. Но об этом репортаже мало сказать, что он интересен. Он удивителен!

Судите сами. Вот он в том виде, как напечатан в газете:

"ДЕСЯТЬ ДНЕЙ В ОСАЖДЕННОМ ДОТЕ

РАЗГОВОР КОРРЕСПОНДЕНТОВ "КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ" ПО ПОДЗЕМНОМУ ПРОВОДУ С ГЕРОИЧЕСКИМ ГАРНИЗОНОМ

На одном из участков обороны города К. превосходящие силы немцев окружили N-й дот. Гарнизон дота не оставил своей боевой вахты и, будучи в полном окружении, продолжал отражать яростные атаки фашистов. Находясь в этот период на командном пункте пулеметного батальона капитана Кипаренко, наши корреспонденты А. Шуэр и С. Сапиго связались по подземному проводу с комендантом окруженного дота лейтенантом Ветровым и имели с ним следующую беседу.

Корреспонденты "Красной звезды". Здравствуйте, товарищ лейтенант. С вами говорят корреспонденты "Красной звезды".

Лейтенант Ветров. Здравствуйте, товарищи.

Корреспонденты "Красной звезды". Сколько дней вы находились в окружении?

Лейтенант Ветров. Сегодня минуло пять суток.

Корреспонденты "Красной звезды". Расскажите об обстановке.

Лейтенант Ветров. Враг не прекращает попыток атаковать дот. За эти дни мы уже отбили несколько атак. Наиболее сильная атака состоялась в первый день окружения. Враг подошел к доту с двух сторон. Подпустив фашистов на близкую дистанцию, мы

открыли пулеметный огонь, от которого немцы понесли большие потери. Несколько часов они подбирали убитых и раненых. Потерпев неудачу, фашисты выслали лазутчиков, которые предложили нам сдаться. Двух лазутчиков я лично пристрелил из винтовки. Тогда немцы повели по доту артиллерийский огонь прямой наводкой. До сих пор не прекращается артиллерийская стрельба. За все время немцам удалось вывести из строя только одну амбразуру, и ту мы быстро отремонтировали. С тыла фашисты ведут пулеметный огонь по двери дота, бросают гранаты. Древесно-земляное укрытие у входа разрушено. Прямым попаданием в дот оглушены три бойца, но они не вышли из строя.

Корреспонденты "Красной звезды". Как чувствует себя гарнизон дота?

Лейтенант Ветров. Настроение у всех твердое. Будем драться до последнего патрона и дот не сдадим. А вообще-то у нас весело. В гарнизоне есть замечательный запевала пулеметчик Нетунский. Сегодня мы пели хором: "Раскинулось море широко". Но мы немного изменили песню. Слова "Товарищ, не в силах я вахту держать" мы переделали так: "Товарищи, в силах мы вахту держать"... Вчера по инициативе заместителя политрука Рыбакова был выпущен гарнизонный "Боевой листок".

Корреспонденты "Красной звезды". Расскажите о его содержании.

Лейтенант Ветров. Я вам прочитаю несколько строк из статьи "Дот не сдадим": "Мы окружены врагом, мы внешне оторваны ото всех, но внутренне чувствуем неразрывную связь со всем близким нам, дорогим. Верим в победу над врагом и дот не сдадим. Будем биться до конца". Скажу от себя лично, что боеприпасов у нас хватит надолго.

Корреспонденты "Красной звезды". Как же у вас обстоит дело с питанием?

Лейтенант Ветров. С питанием мы тоже протянем. Сейчас экономим продовольствие, каждый получает по одному сухарю в день.

Корреспонденты "Красной звезды". Кто особенно отличился при обороне дота?

Лейтенант Ветров. У нас не оказалось колеблющихся и маловеров. Все хорошо выполняют свой долг перед Родиной и дерутся с врагом так, как учит нарком обороны товарищ Сталин.

Корреспонденты "Красной звезды". До свидания, товарищ лейтенант. Передайте привет гарнизону от редакции "Красной звезды".

Лейтенант Ветров. Большое спасибо. Гарнизон выполнит свою задачу до конца".

Прочитав эту запись, я связался по телефону с Киевом, разыскал там Шуэра и Сапиго, спросил: когда состоялась беседа с лейтенантом Ветровым. Они ответили, что это было три дня назад. Передать материал сразу же не смогли из-за отсутствия на месте прямой связи с Москвой - пришлось ехать в Киев.

Я попросил выяснить: продолжается ли осада дота, держится ли его гарнизон? На выяснение этого ушло еще двое суток. Комиссар пулеметного батальона старший политрук Сафонов сообщил нашим корреспондентам следующее:

"На другой день после вашего разговора с лейтенантом Ветровым группа смельчаков вызвалась поднести через вражескую линию продовольствие осажденному гарнизону. Эта трудная задача благодаря храбрости бойцов была выполнена удачно. Гарнизон получил продукты. Оставался он в окружении десять дней, вплоть до того момента, когда подразделения полевых частей, взаимодействуя с гарнизоном дота, оттеснили немцев. Теперь положение восстановлено. Немцы отброшены от дота. Героический гарнизон с честью нес свою вахту в окружении и теперь остается на своем посту. Настроение людей прекрасное. Перенесенное испытание еще больше закалило и сдружило их. Комендант дота лейтенант Ветров подал заявление о приеме в ВКП(б)".

С этим дополнительным сообщением и появилось в газете далеко не обычное интервью. Я попросил Шуэра и Сапиго не терять лейтенанта Ветрова из виду, при первой возможности написать о нем и его боевых товарищах очерк. Это задание осталось невыполненным. Оба корреспондента погибли.

Именами Саши Шуэра и Сережи Сапиго открывается горестный список безвозвратных боевых потерь в коллективе "Красной звезды".

* * *

Не сразу мы об этом узнали. 27 августа Шуэр и Сапиго передали из Киева еще одну корреспонденцию - "Поражение 132-й немецкой пехотной дивизии". Она была последней. Связь с ними оборвалась. Наши тревожные запросы об их судьбе оказались безрезультатными. А потом и запрашивать стало некого: и войска и штаб фронта попали в окружение. Вместе с ними очутились во вражеском кольце и спецкоры "Красной звезды". Живы ли они? Пробиваются ли из окружения? Ответа на эти вопросы не было, но надежда не покидала нас. Хотелось верить, что будет так же, как с Александром Поляковым: нет-нет да и появятся.

Однако появились далеко не все.

Александр Шуэр был у нас общим любимцем и по своим

профессиональным качествам занимал в коллективе "Красной звезды", можно сказать, особое место. У него было великолепное перо. Когда в газете появлялся материал, подписанный Шуэром или его псевдонимом "П. Огин", мы радовались. И уверен, что вместе с нами также радовались читатели газеты. Чувствовалось, что в талантливом газетчике вызревает талантливый писатель.

Было у Шуэра и еще одно качество, определявшее симпатии к нему всех, кто его знал; это был необыкновенно обаятельный человек - ровный в отношениях с каждым, доброжелательный, открытый. О нем шла молва: "Вот человек, у которого слово никогда не расходится с делом..."

Он и сейчас как живой стоит перед моими глазами в сорочке лилейной белизны, с чуть расстегнутым воротом или в солдатской форме, стройный, подтянутый, буквально осиянный своей несравненной улыбкой, в которой и полная мера радости, и свойственная ему застенчивость.

Говорят, что образ жизни человека является точным его портретом. Очевидно, не только образ жизни, но в каких-то случаях и смерть тоже. Саша Шуэр погиб в бою, борясь до последнего дыхания, пробиваясь из окружения вместе с небольшим отрядом красноармейцев и командиров. Прошли с боями Дарницкий лес, вырвались километров на пятьдесят в сторону фронта. Еще рывок - и там свои. В последнюю минуту его сразила вражеская пуля.

Другой наш корреспондент Борис Абрамов, находившийся рядом с Шуэром, рассказывал нам:

- Было нас восемьдесят человек. Подошли к селу Барышевка. Издали увидели фермы железнодорожного моста, по которому можно было переправиться на противоположный берег, где еще держали оборону наши войска, избежавшие окружения. Гитлеровцы, засевшие на окраине села, встретили нас огнем из пулеметов. Обойти село нельзя - кругом болота. Выход один - прорываться с боем через село. Около одиннадцати часов дня мы пошли в атаку. Впереди с наганом в руке побежал Саша, и все мы кинулись за ним. Забросали гранатами дома, где засели гитлеровцы. Они не выдержали, разбежались кто куда. Мы расстреливали их из трофейных автоматов и отечественных винтовок, расчищая себе путь к переправе. Уже миновав село, нарвались на засаду - нас обстреляли справа и слева. Пришлось залечь в болоте, прямо в грязь. Но как быть дальше? Решение принял Шуэр.

- Товарищи, наше спасение только там, за мостом. Вперед, товарищи!..

С этими словами он поднялся первым, мы последовали за

ним. Немцы усилили огонь, но мы не останавливались. Под нашим отчаянным натиском немцы снова разбежались. Мы уже торжествовали - мост был в нескольких метрах. Вдруг выскакивает откуда-то вражеский автоматчик и пускает навстречу нам длинную очередь. Саша пошатнулся, схватился рукой за живот и со стоном повалился на правый бок. Когда я подбежал к нему, глаза его закрылись:

- Конец, Борис.

Это были его последние слова...

Навеки остался наш добрый товарищ под Барышевкой. И нет даже могильного холмика над его останками. Последний свой долг мы отдали ему в некрологе, опубликованном в "Красной звезде". А некоторое время спустя в нашей же газете был напечатан Указ Президиума Верховного Совета СССР о посмертном награждении Александра Шуэра орденом Ленина.

Не вернулся в редакцию и Сергей Сапиго, капитан по званию, артиллерист по образованию, молодой военный журналист по профессии. Он отличился еще в финскую войну: заменил в критическую минуту погибшего командира батальона, взял на себя управление боем, выиграл его и был награжден орденом Красной Звезды. Уже тогда он работал в паре с Шуэром, которого считал не только своим наставником, но и другом.

При выходе из киевского окружения Сапиго был тяжело ранен. Попал в плен. Бежал из немецкого госпиталя. Долечивался в подпольной больнице, созданной нашими врачами в оккупированном гитлеровцами селе Большие Круполы. Не долечившись, пробрался в родную Полтаву. Стал там начальником штаба подпольной комсомольской организации "Непокоренная полтавчанка". Подпольщики героически сражались с оккупантами, но позже были выслежены и схвачены. В мае сорок третьего года вожаки "Непокоренной полтавчанки" Ляля Убийвовк, Сергей Сапиго - и еще несколько товарищей по подполью были расстреляны гестаповцами. О судьбе Сапиго и его подвиге мы узнали спустя двадцать лет...

* * *

Ныне у меня был "крупный" разговор с одним из наших спецкоров.

Вернулся с Южного фронта Николай Денисов. Прямо с дороги, не сбросив с себя запыленный реглан, зашел ко мне и "с места в карьер" попросил:

- Отпустите меня в строй. Мои товарищи воюют, а я все езжу по фронтам и никакой пользы не приношу...

"Вот тебе, - подумал я, - и "доездился"!"

Я хорошо знал его приверженность к журналистскому труду,

и эта просьба была для меня совершенно неожиданной.

Выходец из флотской семьи, семнадцатилетним парнем Денисов в двадцать шестом году добровольно вступил в Красную Армию, вначале закончил артиллерийскую школу, служил взводным командиром, начальником разведки дивизиона, но вскоре его потянуло с "грешной" земли ввысь - он стал учиться в Оренбургском авиационном училище. Затем служил в Ленинградском военном округе, прошел путь от младшего летчика-наблюдателя до флаг-штурмана и командира отряда воздушных разведчиков. Позже военная судьба занесла его на Дальний Восток, где он работал начальником оперативного отдела в авиационных войсках.

В конце 30-х годов был старшим преподавателем кафедры тактики в Мелитопольском авиационном училище штурманов.

На этом его чисто военная деятельность закончилась, и началась журналистская.

К журналистике Денисов приобщился, как и многие из нас, через стенгазету. Писал поначалу на довольно прозаические темы еще в те годы, когда учился в артиллерийской школе: о курсантской учебе, дневальстве на конюшне, об орудийных стрельбах на полигоне. А потом его все более и более содержательные заметки и корреспонденции стали появляться в "Красной звезде". Редакция не раз отмечала активного военкора грамотами и подарками, в том числе даже оружием - пистолетом "Коровин", что считалось немалой наградой.

Начал Денисов пробовать свое перо и на литературной стезе - написал немудреный рассказ "Смерть, которой не было" - об авиаторе: пилот мог бы погибнуть, если бы все рассказанное происходило в боевой обстановке. Послал рукопись в журнал "Залп". Рассказ прочитал Леонид Соболев и отозвался теплым письмом. Писателю понравилась работа. Он признался автору: "Даже я "накололся" на Ваш сюжет. Считал, что это действительный случай". Соболев приблизил ленинградского автора к журналу; с делегацией "Залпа" Денисов побывал в Москве на I съезде ЛОКАФа (организация, объединявшая писателей и поэтов, выступавших на темы, связанные с Красной Армией, с флотом, с обороной страны).

В сороковом году Денисов получил предписание заместителя наркома обороны СССР Е. А. Щаденко прибыть в Москву в распоряжение "Красной звезды" для стажировки - решили поближе присмотреться к военкору, взять его в газету. Месяца через три Денисова спросили:

- Хотите остаться в "Красной звезде"?

- А подхожу ли я?

Да, ему хотелось работать в центральной военной газете, в "Красной звезде", но он все еще сомневался: потянет ли? Назначили Денисова, можно сказать, на рядовую должность - литературным сотрудником, или, как это тогда именовалось, инструктором отдела боевой подготовки. Конечно, по его более чем десятилетнему командному стажу это было весьма скромно, но, когда кто-то сказал ему об этом, он без рисовки, самым серьезным образом объяснил:

- Для меня самая большая должность - работа в газете...

И вот с этой "должности" он хотел "удрать". Мне было понятно желание Денисова, познавшего горечь наших поражений, охваченного ненавистью к немецко-фашистским захватчикам, лично уничтожать врага. В авиации, когда Денисов служил там, он ходил в "отличных штурманах" и "отличных огневиках". На свои силы и командирские способности мог вполне надеяться. Но все же я перевел разговор на другую тему.

Материал, который присылал Денисов с фронта, порой носил информационный характер и "погоды" в газете не делал. Как раз перед нашим разговором в редакции "зарубили" две его корреспонденции. Я сказал Денисову прямо и откровенно:

- Мы могли бы их напечатать. Но для вас это было бы хуже. Надо так писать, чтобы летчики искали ваши статьи в "Красной звезде", изучали их. Ведь вы можете хорошо писать...

На этом разговор наш и кончился. Прошло немного времени, и в газете стали появляться яркие и выразительные, написанные с большим тактическим кругозором корреспонденции и статьи Денисова. А чуть позже произошел эпизод, который окончательно убедил его, что ездит он по фронтам с пользой, воюет с фашистами тоже грозным для врага оружием - пером журналиста.

По неписаному правилу, каждый корреспондент, выезжая на фронт, захватывал с собой свежие номера "Красной звезды". В одну из своих поездок Денисов взял пачку газет, где как раз была напечатана его большая статья о новых тактических приемах немецких летчиков, прилетел в одну из дивизий, действовавших на Юго-Западном фронте. Газеты он передал в политотдел, и они были разосланы по полкам и эскадрильям. Утром, когда корреспондент направился к стоянкам самолетов, в лесочке он увидел группу летчиков и услышал, как командир авиаполка давал указания комэскам: "... а потом прочитаете всем летчикам статью Денисова в "Красной звезде" о воздушной тактике. Это пригодится..."

Не без гордости, вполне законной, рассказывал мне об этом Денисов. В ответ я лишь улыбнулся, даже не напомнив ему тот самый рапорт. Но он понял меня и без слов...

22 августа

Вот уже несколько дней в сводках Совинформбюро сообщается об упорных боях на кингисеппском и новгородском направлениях. Не надо быть стратегом, чтобы понять, какая угроза нависла над городом Ленина. В "Красной звезде" публикуется передовая "Отстоим наши города и села от нашествия гитлеровских войск". Она посвящена Ленинграду.

Теперь-то мне ясно, да и тогда было очевидно, что правильнее бы дать ей более точный заголовок - "Отстоять Ленинград!" Не дали. Не потому, что не догадались. Такой вариант предлагался. Но, откровенно говоря, сердце не мирилось с тем, что враг уже на подступах к городу Ленина.

В тексте же передовицы говорилось об этом прямо: "Ныне непосредственная опасность нависла над Ленинградом - колыбелью пролетарской революции".

А затем следовало:

"Не впервые к стенам этого прекрасного города рвутся враги. Когда в октябре 1919 года белые банды Юденича находились у ворот красного Питера, великий Ленин писал его доблестным защитникам: "Товарищи! Решается судьба Петрограда! Враг старается взять нас врасплох... Он силен быстротой, наглостью офицеров, техникой снабжения и вооружения. Помощь Питеру близка, мы двинули ее. Мы гораздо сильнее врага. Бейтесь до последней капли крови, товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца..."

С передовой соседствует репортаж о том, как ленинградцы поднимаются на защиту родного города. На первую полосу вынесена также заметка о митинге в танковой части, где прозвучали такие слова: "Все мы, если нужно, умрем под Ленинградом, но город не сдадим".

А на второй полосе - статья генерал-майора М. Процветкина "Воздушная оборона города". В ней сообщается, что в ленинградском небе за одну только декаду фашистская авиация потеряла свыше ста машин. Именно здесь - в воздушных боях над Ленинградом - отличились летчики Здоровцев, Харитонов и Жуков, первыми удостоенные звания Героя Советского Союза за боевые подвиги в Отечественной войне.

Среди сбитых над Ленинградом и взятых в плен немецких летчиков немало таких, которые бомбили города Франции, Англии, Польши. Один из них признался, что он бомбил там 17 месяцев подряд, а воздушный бой ему впервые навязали здесь, над Ленинградом, и сразу же "приземлили". Та же участь постигла и другого фашистского аса - командира полка. Не

доверяя своим подчиненным, он решил лично попытать счастья и полетел на Ленинград. В первом же воздушном бою был сбит и захвачен в плен.

* * *

В Ленинграде у нас работал тогда опытный собкор Валентин Хейстер. Всеволод Вишневский писал мне о нем: "Работает он здорово, часто выезжает в дивизии, полки, лазит под огонь..."

Все же мы решили послать на подмогу ему писателя. Выбор пал на Льва Славина.

С Львом Исаевичем Славиным я познакомился и подружился на Халхин-Голе, в "Героической красноармейской". Там он пользовался высоким авторитетом не только как писатель, а и как бывалый воин. Славин ведь был солдатом, а затем прапорщиком в первую мировую войну. Правда, на Халхин-Голе он выглядел не таким бравым, как в те времена. Годы сказывались. Да и служба была иной - не так уж требовалась в редакции безукоризненная строевая выправка. Выцветшая под беспощадным монгольским солнцем военная форма сидела на Славине далеко не щегольски. Но он был подвижен и вынослив в походной жизни, удивительно спокоен под огнем противника, темпераментен в работе. У этого мудрого человека таился неиссякаемый запас юмора.

В первые дни Отечественной войны, когда я начал собирать в "Красную звезду" моих добрых боевых товарищей-халхингольцев, кинулся, конечно, искать и Славина. А он, оказывается, уже работал в "Известиях". С этим я примириться не мог. 7 июля пригласил его к себе, спрашиваю:

- Как вы попали в "Известия"?

Лев Исаевич, видимо, уловил в моем вопросе оттенок упрека, стал оправдываться:

- Боялся опоздать на войну. А тут подвернулось предложение "Известий" стать их корреспондентом, я сразу же и согласился...

- Ладно, - прервал я Льва Исаевича, - вот прочитайте и распишитесь, и протянул ему, как говорили в старину, "казенную" бумагу. Это был приказ, датированный тем же днем - 7 июля. Он гласил: "Интендант 2-го ранга Славин Лев Исаевич призывается в кадры РККА и назначается корреспондентом газеты "Красная звезда". Заместитель наркома обороны армейский комиссар 1-го ранга Л. Мехлис".

Не знаю, обиделся ли Лев Исаевич за то, что я не переговорил с ним предварительно об его перемещении? Я почему-то был убежден, что все, кто работал в "Героической красноармейской", не откажутся работать со мной в "Красной звезде". В молодости многим свойственна чрезмерная самонадеянность. Как видно, и у меня был некоторый избыток ее. Однако Славина это не

шокировало. Позже он сам писал: "Я согласился работать в "Известиях" не без сожаления. Я предпочел бы "Красную звезду": там вся наша халхингольская компания. Но "Известия" опередили. Как же я был обрадован, когда наш фронтовой халхингольский, а ныне редактор "Красной звезды" добился в ПУРе моего перевода в "Звездочку", как мы интимно-ласково называли "Красную звезду".

Уже 10 июля у нас был напечатан очерк Славина "Лейтенант Сотников" - о подвиге командира артиллерийской батареи. Материал был добыт в военном госпитале, что для опытного в прошлом газетчика не являлось делом трудным. Затем последовал новый его очерк о связисте. Это далось Славину еще легче тема знакомая. На Халхин-Голе он часто писал о связистах.

Однако надо было поспешать в Ленинград. Уехал туда Славин не один. За день до отъезда он сказал мне:

- Узнал о моей командировке Светлов и стал умолять: "Похлопочи перед редактором, чтобы и меня с тобой послали". Вот я и прошу за него.

Я внял этой просьбе, о чем жалеть потом не пришлось. И в Ленинграде, и на других фронтах Отечественной войны Михаил Светлов проявил себя с самой лучшей стороны.

Машина, на которой наши спецкоры выехали из Москвы, свободно прошла в Ленинград, пожалуй, одной из последних. Лев Исаевич рассказывал мне потом, с привычным юмором:

- Мы гнали вовсю. Сняли даже глушитель, чтобы увеличить скорость. Затем полетела одна из банок аккумулятора. Если машина не заводилась, приподнимали ее задок и принимались вертеть задние колеса... Невдалеке от Ленинграда проскочили через минное поле. Когда нам сказали об этом, мы только пожали плечами: переживать не было времени.

Поселились Славин и Светлов в полупустой гостинице "Астория". Выбрали себе не "люкс", хотя можно было занять любые апартаменты, а полутемную, тесную комнатушку. Она имела одно очень важное преимущество: ее прикрывала (если не от вражеских бомб и снарядов, то от их осколков) глухая кирпичная стена соседнего дома.

Впрочем, наши спецкоры не засиживались в "Астории". Они ежедневно бывали в войсках, на передовых позициях. Путь туда был уже совсем недалеким.

- К боевым участкам подвозил трамвай, - рассказывал Лев Исаевич. - За пятнадцать копеек... У ворот Кировского завода кондуктор объявлял: "Конечный пункт, дальше фронт". Немецкие позиции были всего в шести километрах от завода. "Оскорбительно близко", - как отметил однажды Александр Штейн...

Бесконечные тревоги, бомбежки и артобстрелы в самом городе бывалый солдат Славин переносил, конечно, легче, чем Светлов, но и поэт проявлял должную выдержку и бодрость духа. Как всегда, острословил. Узнав, что на квартире у одного знакомого журналиста, жившего на Московском шоссе, расположился ротный патронный пункт, Михаил Светлов спросил его:

- Старик, когда приглашаешь нас к себе на патроны?

В штабе фронта нашим спецкорам показали перехват гитлеровского радио: "Немецкие войска проникли в Ленинград". Светлов добавил от себя:

- Передачу ведет барон Мюнхгаузен.

Однажды, как свидетельствует Славин, его друг вернулся с передовых позиций преисполненный какой-то необыкновенной бодрости.

- Знаешь, что я видел на Пулковской высоте? - воскликнул он. - Орудие с "Авроры". Да, да, то самое, которое грохнуло по Зимнему дворцу в семнадцатом году. Так вот, оно сейчас стоит на огневой позиции и грохает по немцам. Здорово, а? Нет, ты только вдумайся! Сама Октябрьская революция бьет по фашистам!

* * *

Напечатали очерк Янки Купалы "Народная война" с таким примечательным авторским вступлением:

"Белоруссию во все века звали многострадальной землей. Стоя на рубеже между славянскими народами и германскими, тевтонскими ордами, она не раз грудью своей отражала нападение псов-рыцарей, напудренных фридриховских солдат и полков кайзеровской Германии. Всегда мы шли с русским народом, всегда побеждали вместе".

В очерке воспроизведена старая белорусская легенда, утверждающая силу коллективной солидарности и дружбы:

"Наступило однажды время, когда высохли реки и родники и не стало в мире воды. Все люди, звери и птицы собрались тогда вместе и стали копать озера. Только птица чибис не приняла участия в общей работе и была наказана великой карой: всегда летать над водой и вечно просить "пить"... Народная сказка, сложенная белорусами, как бы учит людей: быть вместе, работать и сражаться вместе. Слава дружбе, горе - измене!

...Наше горе, наши слезы,
Жалобы глухие
Встанут силой, встанут грозной
За права людские.
Верьте песне - выйдут зори!

Время наступает:
На волнах людского горя
Правда выплывает".

Много в номере и других писательских материалов. Очерк Василия Ильенкова о воентехнике Бузоверове, собравшем под бомбежкой из двух аварийных самолетов одну вполне боеспособную машину, притом выполнил эту работу втрое быстрее, чем положено по самым сжатым нормам. Борис Галин написал о санитарном поезде, обслуживающем западное направление. Писатель провел там день и ночь и нарисовал впечатляющую картину борьбы за спасение человеческих жизней в этом госпитале на колесах.

28 августа

Этот день мне запомнился... Но предварительно необходимо рассказать о событиях, предшествовавших ему.

Недели за две до того мне стало известно, что войска Западного и Резервного фронтов пытаются перехватить у противника инициативу на главном стратегическом направлении - московском. С этой целью шесть наших армий перешли в наступление против духовщинской и ельнинской группировок немецко-фашистских войск. Наибольший успех обозначился в полосе 19-й армии генерал-лейтенанта И. С. Конева. Я решил выехать в эту армию вместе с Зигмундом Хиреном.

Тронулись мы в путь рано утром, еще до рассвета. На карте-километровке мне прочертили в Генштабе маршрут до командного пункта Конева. И наша самая быстроходная тогда машина "ЗИС-101" уверенно мчала нас по не очень оживленным в этот предрассветный час дорогам Подмосковья, а затем и Смоленщины в сторону Духовщины.

Командарма мы застали на его КП. Но он уже был одет в свое любимое кожаное пальто (с которым не расставался, кажется, всю войну) приготовился к отъезду на наблюдательный пункт. Пригласил и нас туда.

У деревушки Лескове мы поднялись на высотку с топографической отметкой "208,0" - и перед нами открылась грозная панорама сражения. Наши войска упорно шаг за шагом продвигались вперед, буквально "прогрызая" оборону врага. Командарм сокрушался:

- Сил не хватает. Люди геройские, но мало танков и совсем

скупо с авиацией. Нам бы сейчас пять-шесть ударов с воздуха по скоплению немецких танков, по их артпозициям...

Если бы кто-нибудь сказал тогда Ивану Степановичу, что настанет время, когда его 1-й Украинский и соседний с ним 1-й Белорусский фронты получат для совместных наступательных действий в Висло-Одерской операции свыше тридцати тысяч ствольной артиллерии, две тысячи "катюш", более шести тысяч танков и около пяти тысяч самолетов, он, пожалуй, и не поверил бы. Конев не сомневался, конечно, что будем мы в тех краях и до Берлина дойдем. Но по сравнению с теми скудными средствами боевого обеспечения тоже двух фронтов - Западного и Резервного, осуществлявших совместную наступательную операцию летом сорок первого года, это показалось бы сказкой...

С армейского НП мы перебрались в 229-ю стрелковую дивизию. Впервые я увидал здесь вещественные признаки поражения гитлеровцев: не убранные еще трупы вражеских солдат и офицеров, пленных, разбросанные где попало и как попало немецкие винтовки, автоматы, пулеметы, накренившийся набок броневик, два подбитых танка. С бруствера окопа командир дивизии М. И. Козлов пожилой с седыми висками генерал - показал на местности, что его полками сделано и что еще предстоит сделать. Конев тут же дал ему точные дополнительные указания. Обещал "подбросить силенок", но предупредил, что на многое рассчитывать не следует.

Впервые я видел освобожденные деревни и села, услышал рассказы местных жителей о зверствах немецких оккупантов. Впервые на поле боя наблюдал наших бойцов, доблестно сражавшихся с немецко-фашистскими захватчиками. Радостно было сознавать, что мы не отступаем, а наступаем...

Я оставил в 19-й армии Хирена, вызвал туда еще и Милецкого, а сам вернулся в Москву. Газета не позволяла отлучаться надолго.

К следующему утру я уже был в редакции и перво-наперво пригласил Шолохова. Я рассказал ему о своей поездке в армию Конева, обо всем, что увидел и услышал, и предложил поехать туда. Шолохов оживился, потом сдвинул брови, тяжело вздохнул:

- Горько читать сводки...

Разумеется, ему тоже хотелось увидеть не отступающие, а наступающие наши войска. Выехать он готов был немедленно. Договорились обо всем. Посоветовал побывать в 229-й дивизии у генерала Козлова, там он увидит много интересного.

Сборы были недолги. Михаил Шолохов вместе с секретарем редакции Александром Карповым уехал в 19-ю армию, по-моему, сутки спустя после моего возвращения оттуда. К нему

присоединились Александр Фадеев и Евгений Петров.

Пробыл Шолохов там несколько дней. Конев был рад ему, даже гордился, что известный всему миру писатель приехал именно в его войска.

На ночлег Шолохова и его спутников устроили в палатке, устланной еловыми ветками. Вокруг стояли такие же палатки и тихо шептался замшелый лес. А совсем недалеко - за речкой - гремела артиллерийская канонада.

Михаил Александрович побывал во многих частях, в том числе и в 229-й дивизии. Беседовал с.генералом Козловым, с молодым сероглазым лейтенантом Наумовым из противотанковой батареи, с разведчиком сержантом Беловым. Этот сутуловатый, длиннорукий сержант шестнадцать раз ходил в тыл врага за "языками". Шолохов был искренне взволнован встречей с таким боевым трудягой. Но и Белов был взволнован не менее. Разглядывая Шолохова своими карими внимательными глазами, сказал:

- Первый раз вижу живого писателя. Читал ваши книги, видел портреты и ваши, и разных других писателей, а вот живого писателя вижу впервые...

Шолохов присутствовал на допросе обер-ефрейтора Гольдкампа. Тот предстал перед писателем в жалком виде: мундир замусолен, сапоги сбиты, лицо грязное - трое суток не умывался. После допроса писатель долго разговаривал с ним в неофициальном порядке и узнал много интересного. Потом Шолохов расскажет на страницах "Красной звезды", как под ударами советских войск, особенно нашей артиллерии, слетает спесь с завоевателей.

Уезжая из 19-й армии, Михаил Александрович записал: "Мы покидаем этот лес с одной твердой верой: какие бы тяжелые испытания ни пришлось перенести нашей Родине, она непобедима. Непобедима потому, что на защиту ее встали миллионы простых, скромных и мужественных сынов, не щадящих в борьбе с коричневым врагом ни крови, ни самой жизни".

* * *

А редакционная машина крутилась тем временем своим чередом. Начиная с 20 августа в газете каждый день появлялись обширные корреспонденции под такими, например, заголовками:. "Успешные бои частей командира Конева"; "Новые успехи частей командира Конева"; "Части командира Конева продолжают развивать успех"...

23 августа пришла корреспонденция Хирена и Милецкого - "Части командира Конева продолжают громить врага". Ее

заверстали на самом видном месте. В два часа ночи готовые газетные полосы пошли в стереотипный цех под пресс. И как раз в этот момент прибегают ко мне из секретариата, докладывают, что спецкоры передают новое важное сообщение и просят поставить его в номер. Оно было озаглавлено "Славные коневцы разгромили вражескую дивизию". Что ж, действительно важное и радостное сообщение. Я сказал, чтобы задержали матрицирование полос. Новый репортаж из 19-й армии набрали жирным шрифтом и поставили рядом с первой корреспонденцией этих же авторов. Начальный абзац репортажа выглядел так:

"ЗАПАДНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ, 24 августа, 2 часа. (По телеграфу от наш. спец. кор.) Части командира Конева продолжают наносить немецким войскам серьезное поражение. Уже сейчас разгромлена фашистская пехотная дивизия. Нашими частями захвачена артиллерия дивизии, уничтожено 130 танков, разгромлен штаб..."

Необычный факт: вся другая информация в газете датирована 23 августа, а эта - 24 августа, то есть днем выхода газеты, и даже обозначен час получения репортажа. Хотелось помимо всего прочего продемонстрировать оперативность наших спецкоров и к тому же объяснить, почему задержался выход газеты.

Все это, надо полагать, было понятно читателю. Если что и было неясным, так эти самые "командир Конев", "части командира Конева". Что это? Дивизия, корпус, армия, фронт? И кто такой этот самый таинственный командир Конев? Майор, полковник, генерал? Зашифровывали Конева и его армию, понятно, в целях сохранения военной тайны, хотя я не очень был уверен, что немецкая разведка не знала, кто именно воюет под Духовщиной. Но зачем помогать ей? Зачем давать возможность фашистским разведчикам явиться к своим генералам и, показывая сообщения "Красной звезды", сказать: вот, мол, какие у нас точные данные, их даже газета подтверждает. А за "Красной звездой" они усиленно охотились, и хотя не всегда удавалось ее достать, все равно знали, что печатается в каждом ее номере: обзор газеты передавался по радио. О ее содержании сообщали иностранные корреспонденты.

Кстати, сам Конев, конечно, знал, почему мы не обозначали его чин, армию, и все же спустя некоторое время, когда мы вновь встретились, он в шутливой форме мне напомнил, поздоровавшись: "Командир Конев!" Больше того, в середине 1944 года, когда я служил начальником политотдела 38-й армии, входившей в состав 1-го Украинского фронта, и вновь встретился с командующим фронтом Коневым, теперь уже маршалом, он, вспомнив, вероятно, мой приезд к нему в 19-ю армию и

публикации "Красной звезды", не без подначки весело сказал:

- Что, будем вместе служить в частях командира Конева?..

Вернусь, однако, к событиям августа сорок первого года. Итак, мы продолжали день за днем освещать ход сражения 19-й армии. В числе прочих сообщений промелькнуло и такое: "Весть об успехах частей командира Конева разнеслась по всему фронту. Главнокомандующий войсками западного направления маршал Советского Союза С. Тимошенко и член Военного совета Н. Булганин издали специальный приказ, в котором поздравляют бойцов и командиров, нанесших крупное поражение врагу". В приказе была такая концовка: "Товарищи! Следуйте примеру 19-й армии! Смело и решительно развивайте наступление!" Кстати, номер армии мы вновь заменили "частями командира Конева".

Все как будто правильно. Но 28 августа на моем редакторском столе зазвонил кремлевский телефон. Меня предупредили:

- Сейчас с вами будет говорить Сталин.

И тут же я услышал его голос, со знакомым акцентом. Поздоровавшись, Сталин произнес всего одну фразу:

- Довольно печатать о Коневе.

И повесил трубку.

Можно представить себе мое изумление. Почему довольно? Что случилось? Я помчался в Генштаб. Там сказали, что у Конева "все в порядке". Кинулся в ГлавПУР. Там сразу не смогли сказать ничего. Только ночью начглавпура позвонил и все объяснил: оказывается, иностранные корреспонденты, ссылаясь на "Красную звезду", чрезмерно раздули эту операцию, стали выдавать ее за генеральное контрнаступление Красной Армии, а, как показали события, условий для перехвата нами стратегической инициативы тогда еще не было. В то время когда мы восторгались успехами Конева, на других фронтах наши войска оставили Днепропетровск, Новгород, Таллин, Гомель...

* * *

В тот же день мы получили первый очерк Михаила Шолохова. Напечатали его уже под нейтральным заголовком - "На смоленском направлении". Имя Конева, естественно, пришлось опустить. Вернувшись в Москву и прочитав в газете свой очерк, Михаил Александрович был очень раздосадован. Мои объяснения мало успокоили его, хотя он, конечно, понял, что поступить иначе мы не могли. Не скрывая своего огорчения, сказал:

- А я ведь пообещал Коневу, что напишу об его армии...

Между прочим, это обещание Шолохова Конев помнил долго. Спустя много лет после войны, в мемуарах своих, он высказал сожаление, что намерение писателя осталось неосуществленным.

Пришлось мне объясняться с маршалом и при послевоенных наших встречах, убеждать его, что Шолохов в том неповинен.

19-я армия вместе с другими армиями Западного и Резервного фронтов в течение месяца с перерывами продолжала наносить удары по флангу немецкой группировки, сковывая ее и не позволяя развивать наступление на Москву. В газете мы, конечно, освещали боевые действия и героизм воинов армии, но не упоминая, однако, что это "части командира Конева".

Психологически все, что произошло в газете, нетрудно объяснить. Минуло уже два месяца войны. Положение на фронтах все осложняется, советские войска оставляют город за городом. Каждому и на фронте и в тылу думалось, что вот-вот будет последний рубеж: здесь армия остановится и перейдет в наступление. Все так жаждали и ждали победных сводок! И любое сообщение о наших успехах воспринималось с затаенной надеждой на перелом. Сыграли свою роль, вероятно, мои переживания после возвращения из-под Духовщины и радужное настроение некоторых работников Генштаба. Подстегнул и приказ Тимошенко и Булганина, - их мнение не так уж мало значило тогда.

Так что звонок из Кремля прозвучал вовремя.

После этой истории мы старались более трезво оценивать общую обстановку на фронте и каждую операцию...

30 августа

Опубликована первая фронтовая корреспонденция Константина Симонова из осажденной Одессы.

Одесское направление появилось в сводках Информбюро еще 19 августа. После оставления Николаева и Херсона отрезанная от Южного фронта Одесса оказалась в глубоком тылу врага. Ставка отдала приказ: Одессу не сдавать, оборонять до последней возможности. Шла героическая битва за город, а наши корреспонденты по Южному фронту в Одессу не попали. Они писали о боях за Николаев, Херсон, а об Одессе - ни слова.

Решили послать в Одессу специального корреспондента. Выбор пал на Симонова, недавно вернувшегося с Западного фронта. В спутники ему дали фоторепортера Якова Халипа. Понимая, в какой сложной обстановке им придется работать, я выхлопотал для Симонова командировочное предписание ГлавПУРа.

Выделенную для них же из редакционного автопарка самую надежную "эмку" Симонов сразу переоборудовал по-своему:

вырезал крышу и заменил ее брезентовым тентом на "барашках". Для того якобы, чтобы в жаркую пору "продувало ветром". Истинная причина была, понятно, в другом - так легче наблюдать за воздухом. Немецкие самолеты гонялись за каждой машиной. Симонов хорошо знал это по Западному фронту.

Однако с отъездом в Одессу произошла заминка: Симонов неожиданно заболел. Посылать другого корреспондента не хотелось. Решили ждать. Через четверо суток поздно вечером Симонов зашел ко мне и, хоть выглядел все еще нездоровым, объявил, что готов к отъезду.

Утром наши корреспонденты отправились в путь-дорогу. Добирались они в Одессу уже морским путем. Из Севастополя их доставил к месту назначения минный тральщик.

Высадились в Одесском порту, отыскали штаб Приморской группы войск, сориентировались там в обстановке и отправились на самый горячий участок фронта - в 25-ю дивизию. Симонову очень понравился ее командир Иван Ефимович Петров, незаурядный, умный человек. Позже они подружатся, не раз на протяжении войны встретятся, и многими чертами характера Петрова наделит Симонов главного героя своей трилогии Серпилина.

За три дня пребывания в осажденной Одессе Симонов исписал несколько блокнотов, запасся материалами не на одну корреспонденцию. И Халип сделал немало снимков. Но как передать это в Москву? Одесса держала связь с Москвой только по радио и только шифром. А это означало, что через здешний узел связи можно в лучшем случае отправить лишь куцую заметку на десяток строк, но отнюдь не корреспонденции, каких ждала от Симонова "Красная звезда". О фотографиях же и говорить нечего.

Оставались две возможности: либо предпринять обратный, не лишенный опасностей вояж в Севастополь на каком-нибудь попутном корабле, либо передать на этот корабль готовые материалы и просить там кого-то переправить их в Москву, с первой подвернувшейся "оказией". Второй вариант был долог и очень ненадежен. Корреспонденты приняли правильное решение: самим отправиться в Севастополь, оттуда - в Симферополь, а уж из Симферополя лично связаться с редакцией.

Кажется, 27 августа поздно вечером в редакции раздался звонок из Симферополя. Слышимость скверная. Оказывается, там тоже не было прямой связи с Москвой. Симонова соединили со мной кружным путем, через Керчь Краснодар - Воронеж. Я едва узнал его голос. Естественно, первое, о чем спросил его:

- Есть ли материалы из Одессы?

- Есть, - обрадовал он меня. - На четыре или даже на пять

очерков. Сейчас начну диктовать и послезавтра вышлю самолетом. Имеются и снимки...

Получили мы все это раньше, чем было обещано. За ночь Симонов продиктовал свои корреспонденции машинистке областной газеты, а утром посадил Халипа на самолет. И вот напечатана первая - я бы сказал, самая важная - корреспонденция Симонова "На защиту Одессы".

Не буду пересказывать ее, хотя она очень интересна с двух точек зрения: это первое живое слово о положении в осажденной Одессе, это и начало журналистской деятельности Симонова в "Красной звезде". Ограничусь относительно небольшой выдержкой:

"Враг близок, бои жестоки. Но всех находящихся в неприятельском кольце окрыляет сознание, что страна помнит о них и всеми силами оказывает им помощь.

Одесса - в кольце, - но в ней еще ни разу не ощущали недостатка орудий и пулеметов.

Одесса - в кольце, - но страна находит возможность доставлять ее героическим защитникам столько патронов и снарядов, сколько им нужно, чтобы громить фашистские банды.

Одесса - в кольце, - но не испытывает недостатка ни в питании, ни в чем другом, что нужно ее защитникам для упорной обороны города.

На днях в город пришли моряки. Они шли через Одессу в своих бескозырках, с автоматами на плечах и касками у пояса. На улицах была слышна гармонь, плясали "Яблочко", и дети обнимали краснофлотцев. Среди них было много одесситов. Из домов выходили седые женщины - их матери. Стараясь не плакать, торопливо целовали они своих спешивших на фронт сыновей.

"Лучше быть вдовой героя, чем женой труса" - эти слова Пасионарии повторены в воззвании к одесскому населению. И эти слова доходят до сердца. Так думает весь город, так думают женщины, которые вместе с мужьями отважно обороняют героический город.

На защиту родной Одессы! - вот слова, которыми живет теперь население города. В этих словах - воля к победе, решимость победить или умереть".

* * *

В корреспонденции нет имен, нет цифр, нет батальных сцен. Об этом Симонов еще напишет. Но главное уже сказано: Одесса живет, борется, не сдается, защитники ее готовы биться до последнего дыхания.

Корреспонденцию прекрасно дополняет фотография,

сделанная Халипом: пленные, захваченные в Одессе. Не двоетрое, а, можно сказать, целый батальон.

Любопытно происхождение этого снимка. Халип узнал, что на окраине Одессы в бараках скопилось много пленных. Он сразу же помчался туда. Действительно, там их было человек двести. По его просьбе, всех пленных вывели во двор, построили в две шеренги. Строй растянулся настолько, что не уместился в кадр. Пришлось перестраивать в четыре шеренги. Но и при таком их построении снимок занял в газете все шесть колонок по нижнему обрезу первой полосы.

В следующий номер "Красной звезды" запланирована вторая корреспонденция Симонова - "Полк, героически защищающий Одессу". Это рассказ о встречах писателя с бойцами, командирами и комиссаром 287-го полка Никитой Сергеевичем Балашовым, прототипом Левашова в одноименной повести Константина Михайловича. В этой корреспонденции уже немало конкретных имен и боевых эпизодов. Полк подняли по тревоге 22 июня, и с тех пор он воюет непрерывно - днем и ночью. В течение целого месяца держал оборону на Дунае, в том самом месте, где стоит чугунный памятник с надписью: "Здесь в 1828 году переправлялась через Дунай русская армия, указав русскому народу путь славы и побед". Полк отразил там все многочисленные попытки вражеских войск форсировать реку и только по приказу отошел на новый рубеж - к Днестру. Здесь он сражался не менее доблестно: сорвал десять попыток врага навести переправы.

"Сейчас полк обороняет Одессу. Обороняет твердо, бесстрашно!" - так закончил свой очерк Симонов. Кстати, из тех пленных, которых сфотографировал Халип, ровно половина - 100 человек - захвачена 287-м полком.

Снимки Халипа для второй корреспонденции Симонова сделаны на полковом командном пункте; здесь - командир полка А. Ковтун и военком Н. Балашов. На другом снимке - минометный расчет младшего сержанта Холдарева в огневом поединке с врагом. Эта фотография по-своему примечательна. В дневниках Симонова есть такая запись:

"...когда мы подошли к минометчикам, румыны пустили несколько залпов явно не по нас, куда-то влево и вправо, но все-таки довольно близко. Халип, посмотрев в абсолютно серое дождливое небо, довольно спокойно сказал, что из снимка все равно ничего хорошего не выйдет, но раз это непременно надо к моей корреспонденции, ну что ж, он будет снимать, недаром же, в конце концов, мы шли сюда. Он вынул под дождем свой аппарат и стал примериваться к минометчикам. Они в это время вели

ответный огонь... Румыны снова начали бить из минометов. Наше положение было довольно глупое. Минометчики сидели в окопах, а снимать их приходилось сверху, стоя в чистом поле. Однако делать было нечего, и Яша, ворча, стал снимать их, переходя с места на место.

Мне хотелось или лечь на землю, или забраться в окоп к минометчикам. Думаю, что в эти минуты такое желание было и у Балашова, несмотря на весь его боевой опыт. Но сделать это, оставив на поверхности одного занятого своей работой Халипа, ни Балашов, ни я не могли. В ответ на ворчание Яши, что при такой погоде вообще неизвестно, какая нужна выдержка, я довольно нервно, потому что мне было не по себе, сказал ему, чтобы он снимал на тик-так.

- Я на тик-так не могу, у меня руки дрожат, - сказал Халип.

Но и после этого откровенного признания продолжал отвратительно долго и тщательно, с разных позиций, снимать минометчиков, несмотря на свои дрожащие руки.

- Молодец, - сказал мне Балашов, слышавший этот разговор.

Я сначала подумал, что он иронизирует, но оказалось, что это не так.

- Молодец, - повторил он. - Вот ведь как боится, а все-таки снимает. Так и все мы. В этом все дело на войне. А больше ничего особенного на войне нет".

Да, достойного партнера подобрали мы для Симонова. Несмотря на все сложности боевой обстановки в осажденной Одессе, он поработал там усердно, самоотверженно и привез оттуда прямо-таки уникальные снимки.

Вот встреча пехотинцев с моряками, прибывшими на защиту Одессы, теми самыми, о которых Симонов писал в первой своей корреспонденции. Угощают пехоту табачком. Добрые, жизнерадостные лица.

Вот снимок заводской бригады, ремонтирующей танк. На лицах спокойная сосредоточенность. Будто весь век только тем и занимались что ремонтировали поврежденные в боях танки.

А вот еще один - совсем уж из ряда вон: военфельдшер Таисия Котова... у фаэтона с откидным верхом. В былые времена одесские извозчики возили в таких колясках курортников. А Таисия возит в фаэтоне раненых - из батальона на ПМП. Наши спецкоры встретили ее на обратном пути - она везла "своим ребятам" отремонтированные пулеметы. Халипу почему-то захотелось снять эту славную девушку непременно с Симоновым. Но Симонов решил, что такой снимок не будет напечатан в газете и в последний момент отвернулся от фотокамеры. На снимке видна лишь его спина. В таком виде и появилось фото в "Красной

звезде".

Вместе со своими корреспонденциями Симонов прислал дневник румынского юнкера. Документ - тоже красноречивый. К нему Симоновым написано краткое вступление: "Эти записки найдены у юнкера румынской офицерской школы Михаила Оптяну, командира взвода 3-го пехотного полка, убитого 23 августа 1941 года на подступах к Одессе. Записки дают яркую картину состояния румынской армии, используемой фашистской Германией в качестве пушечного мяса".

В одном месте на полях дневника Симонов сделал пометку: "Тов. див. комиссар! Важно!" - и подчеркнул цветным карандашом такие строки: "С русскими пленными немцы обращаются по-варварски, раздевают их и, когда раненые умоляют о помощи, их расстреливают. Никто не спасается от подобного обращения". Это действительно было очень важное свидетельство злодейского обращения фашистских извергов с нашими бойцами, предупреждавшее, что ожидает советского человека в плену у гитлеровцев. Подчеркнутые Симоновым строки мы и в газете выделили жирным шрифтом.

Не могу не упомянуть еще об одной детали, характеризующей Симонова как газетчика. Проводив в Москву Халипа, он прямо с аэродрома заскочил на ближайший узел связи и отправил мне такую телеграмму: "Выслал самолетом пять материалов. И Халипа со снимками. Не замедлите печатанием. "Известия" выехали Одессу делать полосу". Телеграмма меня рассмешила. Совсем недавно у нас с Симоновым был разговор о том, что между редакциями газет всегда идет негласное соревнование: каждая газета стремится опередить другую, раньше всех напечатать интересный материал. "Самолюбивое мальчишеское желание", сказал мне Симонов тогда. А теперь вот сам втянулся в состязание с "Известиями". Позже он пошутит на эту тему в известной своей песенке "Застольная корреспондентская":

И чтоб, между прочим,
Был фитиль всем прочим...

Начиная с 30 августа Одесса долго не сходила со страниц "Красной звезды". Корреспонденции Симонова и снимки Халипа печатались из номера в номер. Один очерк они подписали вдвоем. Назывался он "Батарея под Одессой". Речь шла о людях и боевых делах 42-й артиллерийской береговой батареи капитана А. Деннинбурга. Сам капитан, беседуя с корреспондентами, сказал: "Наряду со мной воюют три моих брата и сестра. Все на

фронте. Не знаю только, где жена и сын. Связь трудная. Сами видите. - И шутки ради обронил такую фразу: - Вы, газетчики, все можете. Вот написали бы в газете: так и так, мол, воюющий под Одессой командир Деннинбург передает свой боевой привет родным и друзьям, особенно жене Таисии Федоровне и сыну Алексею..."

К этой реплике наши спецкоры отнеслись очень серьезно и втиснули ее в свою корреспонденцию, добавив от себя: "И на его обветренном лице появляется застенчивая грустная улыбка человека, давно не видевшего свою семью". У какого редактора поднялась бы рука вычеркнуть этот абзац? Не вычеркнул его и я, хотя он как будто прямого отношения к обороне Одессы и не имел.

Много лет спустя, после войны, Халип разыскал Деннинбурга уже в звании полковника. Вспомнили тот номер "Красной звезды". Оказывается, привет, посланный через газету из осажденной Одессы, дошел до жены артиллериста и доставил ей, а также сыну несказанную радость...

Симонов быстро осваивал газетное дело. Уже в ту его первую командировку в качестве корреспондента "Красной звезды" к нему пришло понимание, что военный журналист должен не только писать сам, но и организовывать выступления на газетных страницах тех, кто непосредственно ведет бой. Мы получили интересную статью командующего войсками Одесского оборонительного района контр-адмирала Г. В. Жукова, заказанную Симоновым и написанную не без его участия.

* * *

Кроме одесских материалов в номере от 30 августа заметно выделяется очерк Лапина и Хацревина об ополченце Зинченко - старом рабочем с Киевского вагоноремонтного завода. Обильна и разнообразна так называемая фронтовая хроника. Любопытна, в частности, заметка о действенности наших листовок, адресуемых солдатам противника. Войсковые разведчики разбрасывали одну из таких листовок в ближайшем тылу врага, а при повторном проникновении туда нашли ответную записку: "Рус карош, Тавай пробуск". Случай редкий...

Иностранный отдел напечатал интересную статью об англо-германской воздушной войне. С удовлетворением восприняли наши читатели сообщение об усилении ударов английской авиации по германскому тылу. Однако в той же статье было и такое справедливое замечание: "Не подлежит сомнению, что за последний год воздушной войны английская авиация нанесла военным объектам Германии чувствительные удары. Между тем потенциальные возможности английских военно-воздушных сил

используются еще далеко не полностью".

Вспоминаю, какой шум подняли по поводу этой статьи корреспонденты английских газет: -центральная военная газета, мол, критикует правительство Англии, "Красная звезда" недовольна действиями военного руководства Великобритании, считает, что мы должны больше сделать, чем делаем...

Нас эти депеши не смутили. Откровенно говоря, мы-то на них и рассчитывали...

* * *

Из номера в номер "Красная звезда" публикует материалы о героизме и самоотверженности коммунистов в боях с фашистскими полчищами. Партия послала на фронт миллионы своих лучших сынов. В статьях, корреспонденциях, очерках названы многие из них - героев нашей партии. Рассказано об их подвигах, которых не счесть.

А вот сегодня подготовлена передовая, посвященная задачам коммунистов на фронте. В ней есть такое важное место:

"В 1919 году Ленин писал, что наши войска творят чудеса, когда видят, что партия отправляет на поля сражений своих представителей, "где они берут на себя самые трудные, самые ответственные и самые тяжелые обязанности и где им придется в первых рядах понести больше всего жертв и гибнуть в отчаянных боях".

Славные традиции гражданской войны воскресают сейчас в частях Красной Армии, ведущей ожесточенные бои с гитлеровскими бандитами..."

Напечатана также подборка: "В час грозной опасности для нашей Родины лучшие фронтовики идут в партию". Среди документов, опубликованных в подборке, читаем волнующие заявления:

"Я хочу стать коммунистом. За Родину, если потребуется, не пожалею отдать жизнь. Красноармеец Бабик".

"Прошу принять меня в кандидаты ВКП(б). Я буду драться с фашистами до тех пор, пока в моей груди бьется сердце. Сержант Сафронов"...

Сентябрь

3 сентября

Каждый день приносит новые сообщения о доблести наших танкистов. Единоборство с немецкими танками. Танковые засады. Рейды в тыл противника. Танковый таран...

Неисчислимы их подвиги.

Разговорились мы однажды на эту тему с поэтом Лебедевым-Кумачом. Я предложил ему:

- Вы бы, Василий Иванович, сочинили хорошую песню для наших танкистов. Право, они заслужили.

Перед войной очень популярной была песня "Три танкиста" из фильма "Трактористы", слова которой написал Борис Ласкин сразу же после боев на Халхин-Голе. Я напомнил ее Лебедеву-Кумачу:

- Может быть, что-нибудь в этом духе?..

На следующий день он принес стихотворение, которое также озаглавил "Три танкиста". А текст был такой:

Расскажи-ка, песенка-подруга,
Как дерутся с черною ордой
Три танкиста, три веселых друга,
Экипаж машины боевой.
...
И не раз врагу придется туго
Там, где водят танк геройский свой
Три танкиста, три веселых друга,
Экипаж машины боевой.

Прочитал я и уставился на поэта:

- Василий Иванович, а припев-то из "Трактористов"...

- Оттуда, - согласно кивнул он. - Припев старый, Бориса Ласкина. Думаю, в обиде не будет. Я сделал это для того, чтобы не ждать новую музыку. Пусть поют на старый, всем знакомый мотив. Хороший же мотив!..

И вот она, эта новая песня на старый мотив, напечатана. Ласкин в шутку сказал мне, что припев, по правилу, полагалось заключить в кавычки.

- Кавычки были, но мы их сняли, - отшутился я. - Долго объяснять читателю, зачем они и почему. Лишняя канитель!

А расчет Лебедева-Кумача оказался верным - песню его фронтовики запели сразу же.

Между прочим, позже, в 1942 году, Ласкин в новой своей песне о танкистах тоже повторил прежний припев:

От озер Карелии до Юга
Обогреты славой огневой
Три танкиста, три веселых друга,
Экипаж машины боевой.

На этот раз у меня появилась возможность "упрекнуть" его:

- Дорогой Борис Савельевич, а ведь следовало бы дать пояснительную сноску к припеву, сослаться на удачный прием Лебедева-Кумача...

На том "дело о кавычках" и было "закрыто"...

* * *

Чем еще примечательна газета, вышедшая 3 сентября?

Как всегда, в ней немало материалов из боевой практики: об опыте действий батальона в подвижной обороне, об организации дальней разведки, о работе штаба механизированного соединения, о тактике врага в условиях севера... А вдобавок ко всему этому напечатан еще и очередной памфлет Ильи Эренбурга.

Третий месяц работает в "Красной звезде" Илья Григорьевич, поражая всех нас своей неутомимостью. Ведь только на днях напечатали мы большую его статью "Ложь". Хорошо аргументированная, щедро насыщенная примерами и фактами, она показывает, что вся гитлеровская система покоится на лжи:

"Они выросли на лжи, это - их материнское молоко. Они лгут подчиненным. Они лгут начальникам. Они лгут за границей. Они лгут у себя дома. Они не могут не лгать. Когда они подписывают договор о мире, они думают о войне. Когда они жмут руку, они прикидывают, куда бы кинуть бомбу. Когда они говорят о культуре, это значит, что через час они будут грабить, а через два вешать.

Спорить с ними? Да, штыками. Опровергать их ложь? Пулями".

Через день появилась другая боевая статья Эренбурга - "Два года". Она рассказывала о том, к чему стремилась и чего достигла гитлеровская Германия, начавшая в 1939 году войну за мировое господство.

Кроме таких, я бы сказал, капитальных выступлений все время публикуются его небольшие искрометные заметки, реплики, фельетоны. В их числе и то, что появилось 3 сентября,

"Волк в чепчике".

"Обычно гитлеровцы, - пишет Эренбург, - скидывают на наши деревни зажигалки и фугаски. Но на одну деревню немцы скинули несколько колбас, фунт конфет и пачку листовок. Эсэсовцы пишут: "У нас много всего - колбасы и сладостей. Мы желаем вам добра. Не сопротивляйтесь..."

Эренбург напоминает читателям о волке из "Красной шапочки" и заканчивает это свое выступление так:

"Мы не красные шапочки. Мы не примем Гитлера ни за бабушку, ни за внучку. Мы видим его волчьи зубы.

Он стучится: "Тук-тук". Внимание! Надо стрелять в волчью морду!"

Меня и сейчас, сорок лет спустя, после первого прочтения этих строк не оставляет чувство преклонения перед огневым талантом "нашего Ильюши", как любовно называли Эренбурга фронтовики. Да, прав был Михаил Иванович Калинин, сказав при вручении Илье Григорьевичу ордена Красного Знамени, что он, Эренбург, сражался с фашистами, как гвардейская армия.

5 сентября

С незапамятных времен работал в "Красной звезде" на скромной должности литправщика Михаил Головин. Был он и по возрасту едва ли не старше всех в нашем коллективе. Но не только и даже не столько эти два обстоятельства заставляли всех нас относиться к Головину с подчеркнутым уважением, безропотно выслушивать его очень резкие подчас суждения на редакционных летучках, проявлять повышенное внимание к его советам.

Авторитет этого внешне хилого, прихрамывавшего и все время покашливавшего, довольно угрюмого человека определялся прежде всего его виртуозным профессиональным мастерством и чудовищной работоспособностью. До войны он правил материалы главным образом общевойскового отдела. Это было немало. Общевойсковому отделу отводилась обычно вся вторая полоса, то есть четвертая часть газетной площади. В военное же время на Головина легло дополнительное бремя - он правил теперь добрую половину статей и корреспонденции, поступавших с фронтов. Писал он и передовые.

В номере за 5 сентября опубликована его передовица "Песня - друг и товарищ бойца". В ней - богатая документальная основа. В числе прочих воспроизведен, в частности, такой документ, датированный 1919 годом:

"При сем препровождаю оперативные сводки Главного штаба советских войск Северо-Восточного фронта от 14 и 17 сего ноября, а также песню о боях под Усть-Кутом и песню героям, погибшим под Усть-Кутом, сложенные на месте бойцом Ребровым..."

А вспомнил я это вот почему. Как раз в день выхода газеты с головинской передовицей наш ленинградский корреспондент Валентин Хейстер принес на фронтовой телеграф стихи Михаила Светлова. Начальник узла связи взглянул на листки с необычным текстом и вернул их корреспонденту:

- Сейчас не до стихов!.. Мы тут с оперативными сводками запорolись...

Хейстер молча достал из полевой сумки свежий номер "Красной звезды", не спеша очертил красным карандашом один из абзацев в передовой статье, где был приведен цитированный мною документ, и положил на стол "запарившегося" майора.

- Это еще что? - удивился тот.

Хейстер только передернул плечами: прочтите, мол, сами. Майор прочитал, улыбнулся и сменил гнев на милость: стихи Светлова тут же были переданы в Москву.

6 сентября

В газете имена новых авторов - военачальников, писателей, новые острые темы, разнообразная хроника. Но главное, что выделяло ее, была передовая "Бессмертный подвиг трех русских воинов".

Начиналась она строго информационно: "Вчера "Красная звезда" опубликовала сообщение о героическом подвиге летчиков Сковородина, Ветлужских и Черкашина..."

Не хочу задним числом придираться к мелкой неточности. Летчиком-то был только один - сержант Сковородин. Двое других - члены его экипажа - штурман и стрелок-радист. А суть их подвига такова.

"К пункту N двигалась колонна вражеской пехоты. Экипаж советского бомбардировщика в составе Сковородина, Ветлужских и Черкашина получили задание разгромить фашистскую колонну.

Искусно маневрируя, сержант Сковородин привел свой самолет к цели. На головы фашистов полетели одна за другой тяжелые бомбы. Первая атака оказалась удачной. Дорога была устлана трупами немецких солдат, исковерканными обозными повозками.

По самолету открыли огонь вражеские зенитки, но командир

экипажа сделал боевой разворот для второй атаки. Частыми пулеметными очередями летчики метко разили врага.

Вдруг самолет загорелся и, объятый пламенем, стал снижаться. Экипаж имел возможность выброситься с парашютами, "о это означало оказаться в фашистском плену. Советские летчики знают, как нужно поступать в таких случаях. Они дерутся с врагом до последнего дыхания и дорого продают свою жизнь. В эти трагические минуты их вдохновил пример Героя Советского Союза бесстрашного капитана Гастелло.

Увидев в стороне большую группу фашистской пехоты, сержант Сковородин сделал последний разворот и на горящей машине врезался в обезумевшую толпу немецких солдат.

Отважные советские патриоты, гордые соколы страны, коммунист Николай Сковородин, комсомольцы Леонид Ветлужских и Василий Черкашин геройски погибли за Родину и смертью своей нанесли врагу большой урон".

Такое сообщение передали наши корреспонденты из Гомеля. Пришло оно поздно ночью, но все же мы успели заверстать его в номер, на вторую полосу, набрав крупным, жирным шрифтом. А над полосой на все шесть колонок дали "шапку": "Родина никогда не забудет бессмертного подвига летчиков Сковородина, Ветлужских и Черкашина".

Сообщение это исключительное, но все же краткое. И снова, как и в те дни, когда мы узнали о подвиге Гастелло, применили испытанный способ привлечь внимание читателей к этому событию: напечатали передовую статью и под передовицей - стихи Михаила Голодного "Богатыри":

На новый подвиг родина
Шлет трех богатырей.
Сержанта Сковородина
И двух его друзей.
У пункта N и около
Немецкие войска.
Приказ - закон. Три сокола
Взмывают в облака.
Вот ими цель отмечена,
И бомбы мечет высь.
То огненную речь они
Заводят сверху вниз.
От этой речи огненной,
Глядят богатыри,
Колонны две разогнаны
И вверх взлетают три.

Противник ошарашенный
Заметил самолет.
В Ветлужских и в Черкашина
Его зенитка бьет.
И вдруг машина в пламени,
На землю тянет крен.
Но есть слова на знамени:
Страшнее смерти - плен!
И, курс меняя, соколы
Вдруг камнем вниз летят.
Ни рядышком, ни около
На головы солдат.
Припомнили Гастелло ли
Иль сами по себе
Бессмертный подвиг сделали,
Как песню о борьбе?
Но не забудет родина
Своих богатырей
Сержанта Сковородина
И двух его друзей!

Передовица была посвящена подвигу трех богатырей. Опираясь на их подвиг, на самопожертвование Гастелло, в передовой со всей остротой был поднят вопрос, о котором до сих пор упоминали глухо, - о плене, отношении к нему советских воинов.

История не знает войны без пленных. Война - дело жестокое. Однако никто не скажет, что война не имеет своих законов этики и милосердия. Издевательство над безоружным всегда считалось позором. Раненый противник достоин такой же медицинской помощи, что и свой. Таким издавна был закон войны, и сражавшиеся войска всегда придерживались его, считая бесчестием глумление над пленным, а тем более раненым противником. Существовали международные конвенции, регламентирующие обращение с пленными и ранеными, и, как правило, они грубо не нарушались. Иногда даже в ходе войны происходил обмен пленными.

Но не зря мы называем фашистов убийцами, варварами, людоедами.

Война с фашистской Германией была не обычной. Заклятые враги социализма - нацисты поставили своей целью уничтожение нашего государства, порабощение и истребление советских людей. Не было у них пощады ни к кому ни к старикам, ни к

женщинам, ни к детям, ни к пленным. Как в таких условиях должны вести себя советские воины перед угрозой плена? Ответ на этот вопрос мы и пытались дать в той же передовице. И ответили так:

"...Сдача в плен немецко-фашистским мерзавцам - позор перед народом, перед своими товарищами, своими женами и детьми, преступление перед родиной".

"...Сдаться в плен фашистам - означает предать дело наших отцов, самоотверженно боровшихся за новую счастливую жизнь, предать наш народ, предать родину..."

Перечитывая эту передовицу теперь и размышляя над тогдашними нашими попытками дать исчерпывающий ответ на один из острейших вопросов тех тяжких дней, я понимаю, что мы были слишком уж категоричны в своих суждениях. Плен плену рознь. Одно дело, скажем, когда человек еще может сражаться, но бросает оружие и, чтобы уберечься от смерти - иначе говоря, спасти свою шкуру, подымает перед врагом руки, переходит на его сторону, другое когда, отбиваясь до последнего патрона, он оказался безоружным, раненый, контуженый, потерявший сознание.

Придет время - и мы узнаем, что и герои, истинные герои попадали иногда в плен и вели там себя тоже геройски. Узнаем о восстаниях в фашистских лагерях смерти. Узнаем имена тех, кто вырвался из плена и доблестно сражался в подполье и партизанских отрядах. Узнаем о беспримерном мужестве генерала Дмитрия Карбышева и поэта Мусы Джалиля. Узнаем о летчике Михаиле Девятаеве, бежавшем со своими друзьями из плена на захваченном ими немецком бомбардировщике. И среди корреспондентов "Красной звезды" оказался такой же герой из героев - капитан Сергей Сапиго, о котором я уже рассказывал...

Рассуждать на эту тему теперь, разумеется, куда.легче, чем тогда. Когда шла война не на жизнь, а на смерть и над нашей родиной нависла грозная опасность, труднее было все разложить по полочкам. Должен, однако, сказать, что позже "Красная звезда" внесла некоторые поправки в свои суждения относительно плена, сформулированные в передовице от 6 сентября.

На Северо-Западный фронт выезжал Петр Павленко. Я и попросил его написать для газеты статью о плене. С многими побеседовал писатель. Многое услышал и запомнил. Но особое впечатление произвели на него суждения командира стрелковой роты старшего лейтенанта Н. Багрова, мужественного, высокообразованного офицера, историка. Петр Андреевич и решил, что лучше будет, если прозвучит на страницах газеты голос фронтовика.

Так появилась в "Красной звезде" большая статья Багрова "Мысли о плене". Острая и ясная статья, обращенная, главным образом, к командирам.

Автор вполне резонно предательством, изменой, заслуживающими бескомпромиссного осуждения, считает "отказ от борьбы с врагом", "переход на сторону противника", то есть сдачу в плен, когда борьба с врагом еще возможна. Здесь его суждения непоколебимы.

Все это, казалось, и так было ясно. Да и невесело было выступать в открытой, широкой печати на эту тему. Но в те дни наша армия еще отступала, вопрос о плене был одним из жгучих, и обходить его мы не имели права, ни, так сказать, "служебного", ни морального...

Не буду ни пересказывать эту примечательную статью, ни цитировать ее. Сражаться до последней капли крови! Сражаться до тех пор, пока видят глаза и не потеряно сознание, дорого отдавать свою жизнь! Такова позиция старшего лейтенанта.

Правильность этой позиции не вызывает сомнений и поныне.

* * *

Были в передовой статье того номера газеты строки, над которыми я было занес карандаш, чтобы их вычеркнуть:

"Кто не знал в нашей армии, в нашей стране славного командира Героя Советского Союза Ф., снискавшего себе на войне с белофиннами славу отважного и хладнокровного командира? Его сейчас нет в живых. В одном из боев он был окружен. Он стрелял до последнего патрона. Последний оставил для себя. Раненый, истекающий кровью, чувствуя, что он уже не в силах будет душить врага руками, Ф. застрелился на глазах подступавших к нему фашистов. Это была не победа врага, а победа советского командира над врагом".

А задумался я потому, что не это, считали мы, должно было быть правилом поведения советского воина в тот трагический момент, когда перед ним встала угроза плена. Если оставить последний патрон, так не для себя, а для врага! Что бы с тобой потом ни случилось - последнюю пулю в фашиста. Одним будет меньше.

Конечно, кто взял бы на себя смелость сказать, как должен был поступить тот командир? Для этого надо было знать и обстановку, и мысли, и чувства человека, его характер, его переживания и многое-многое другое... В конце концов, это дело совести человека. Нельзя было не склонить голову перед его сверхчеловеческим мужеством. Но все же это был исключительный эпизод. И если я его тогда не вычеркнул, так только потому, помнится, что он какой-то своей гранью

соприкасался с тем, что мы все время писали: плен - хуже смерти!

Единожды мы о таком эпизоде рассказали и больше к нему не возвращались. Писали мы больше о том, какая страшная участь ждет советского воина в фашистских лапах. А к этому времени уже было немало неопровержимых свидетельств, фактов, документов об издевательствах, истязаниях и массовых убийствах пленных...

* * *

Впервые выступил в "Красной звезде" Вадим Кожевников. Мы напечатали под рубрикой "Герои Отечественной войны" его очерк "Павел Филиппович Трошкин". Обычно под этой рубрикой рассказывается о тех, кто с оружием в руках уничтожает живую силу и технику врага. А Кожевников написал о фронтовом санитаре, который, конечно, сам в атаку не ходил, может быть, и даже наверное, с самого начала войны не выстрелил ни разу. И все-таки это бесстрашный боец переднего края: под вражеским огнем, рискуя жизнью, он спасал раненых.

Я с волнением читал этот очерк. Встретившись потом с автором, поинтересовался: почему для первого своего очерка в "Красной звезде" он выбрал в герои именно санитара?

Вадим Михайлович ответил не вдруг.

- Простая случайность? - допытывался я.

- Нет, не простая... И вовсе даже не случайность...

Собеседник мой начал издалека. Мол, каждый человек, идя в бой, знает, что не всем суждено вернуться. Он готов стоять насмерть ради святого дела защиты Родины. И все же у каждого теплится надежда, что судьба прикроет его своим крылом. На худой конец, ранят... И с первой же мыслью о ранении возникает тревога: а вынесут ли с поля боя, успеют ли, не истечь бы кровью?

- Откровенно говоря, - признался писатель, - я сам, бывало, примерял на себя эти настроения. Жизнь ведь у каждого одна... А между тем мало кто по доброй воле идет в санитары: считается, что на войне это далеко не главное дело. Даже девушки хотят "воевать по-настоящему": рвутся в снайперские команды, в разведчицы. Вот почему я задался целью возвысить эту неприметную, но очень важную, совершенно необходимую военную специальность. Начал искать героя-санитара. И вот нашел Павла Филипповича Трошкина, надежнейшего человека в опасном боевом деле...

* * *

Еще один новый автор "Красной звезды" - генерал-майор И. И. Федюнинский, будущий генерал армии.

В моем понимании трудновато укладывается рядышком слово "новый" и имя этого даровитого военачальника. Мы с

Иваном Ивановичем соратники по Халхин-Голу. Там он командовал 24-м мотострелковым полком. Хорошо командовал!

Я узнал его именно в этой должности. Да не только я - весь фронт знал Федюнинского как командира полка. А ведь прибыл он в Монголию в ином качестве - занимал куда более скромный пост в 149-м мотострелковом полку. Был там помощником командира по хозяйственной части. И, конечно, находился в безвестности.

"Открыл" его Жуков. Почему Федюнинский приглянулся Георгию Константиновичу - не знаю. То ли потому, что в хозяйстве 149-го полка был образцовый порядок. То ли довелось командующему услышать здравые суждения Федюнинского по чисто тактическим вопросам. То ли бросились в глаза два боевых ордена на груди Ивана Ивановича, которому довелось пройти хорошую армейскую школу - начал он ее красноармейцем в гражданскую войну, потом командовал взводом, ротой, батальоном.

Очевидно, одно дополнялось другим, другое - третьим, и когда потребовался командир для 24-го мехполка, Георгий Константинович остановил свой выбор на подполковнике Федюнинском.

Полк Федюнинского на Халхин-Голе считался одним из лучших. Мы часто писали о нем в "Героической красноармейской". Воевал он успешно. Все там делалось основательно и надежно. Маскировка - безупречная. Организация огня - четкая. Окопы, отрытые в сыпучих песках, достаточно глубоки, потому что стенки их обязательно заплетены прутьями из прибрежного лозняка. Блиндаж самого командира полка с бревенчатыми накатами вызывал удивление и всеобщую зависть в этой безлесной местности. Даже у Жукова на первых порах такого блиндажа не было. Поговаривали, что, рейдируя по тылам японцев, монгольские разведчики-конники спилили там несколько телеграфных столбов и волоком притащили на нашу сторону. А как эти столбы попали к Федюнинскому осталось тайной.

За успешные боевые действия на Халхин-Голе 24-й мехполк был награжден орденом Ленина, а его командиру присвоено звание Героя Советского Союза.

Вполне естественно, что мы, газетчики, и после возвращения из Монголии старались не выпускать Федюнинского из поля зрения. Вскоре узнали, что он, уже в звании полковника, назначен командиром 82-й стрелковой дивизии. А Отечественную войну Иван Иванович встретил на Юго-Западном фронте в должности командира 15-го стрелкового корпуса. Выезжавшие на это

направление спецкоры "Красной звезды" Борис Лапин и Захар Хацревин - тоже халхингольцы, - конечно, побывали в корпусе Федюнинского и рассказали в газете о его боевых делах.

Вдруг я узнаю, что Федюнинский в Москве. Его вызвали в Ставку и назначили заместителем командующего войсками Ленинградского фронта. Мне удалось заманить Ивана Ивановича в редакцию. Встреча была трогательной. Долго мы тискали друг друга в объятиях, осматривали с ног до головы. Он мало изменился: такой же подтянутый. Только волевые складки на лбу стали вроде поглубже.

- Весело живете, - пошутил Иван Иванович, как бы прощупывая своим профессиональным взглядом потолок и стены нашего легкого трехэтажного домика, совершенно беззащитного при бомбежках.

- Да, - в тон ему ответил я, - таких накатов, какие были у тебя на Халхе, у нас нет...

Федюнинский рассказал о приграничном сражении, в котором его корпус участвовал с первого часа войны. Но разговоры разговорами, а мне все время не давала покоя мысль: как бы заполучить от него статью для газеты? Наконец сказал ему об этом. Федюнинский ответил согласием. И вот статья его под заголовком "О некоторых изменениях в тактике врага" уже заверстана подвалом на второй полосе "Красной звезды".

Надо ли доказывать, что наблюдения и выводы Федюнинского были полезны другим командирам соединений, в том числе и на Ленинградском фронте, куда Иван Иванович уже вылетел.

8 сентября

В этот день газета не выходила. Накануне, в воскресенье, день был нерабочий. Но это только так говорилось - "нерабочий". В редакции - все в сборе. Правда, нас немного. Большинство - на фронте, в том числе начальники отделов, их заместители, даже некоторые литературные секретари, которым, казалось бы, положено безвыездно сидеть за редакционным столом и править поступающие материалы. Это были военные журналисты, хорошо владевшие пером, и я считал, что возьму большой грех на душу, если обреку их на сидение вдали от фронта.

Но те, кто остался в Москве, из редакции не отлучались. Еще 8 июля я подписал приказ, согласно которому уходить домой можно "только с разрешения начальника отдела и запрещается выезд за пределы Москвы без разрешения ответственного

редактора в каждом отдельном случае". Живем, как тогда говорилось, на казарменном положении.

В рабочих комнатах редакции появились железные солдатские кровати с жесткими матрацами. Одеяла и подушки тоже армейского образца.

Койки узки, Павленко прозвал их "девичьими". Сотрудники спят на них, так сказать, посменно: уезжающий на фронт уступает свою койку возвращающемуся с фронта. Кормимся все в редакционной столовой по талонам. Есть еще и буфет с очень скромным ассортиментом продуктов. Там - наличный расчет.

Казарма есть казарма - дома, конечно, уютнее. Но редко кто отпрашивался домой. Совесть не позволяла, да и работа не отпускала.

В отличие от обычного на подготовку очередного номера газеты у нас было два дня. Это позволило мне подольше задержаться в ГлавПУРе и Генштабе, детальнее изучить обстановку на фронтах. В оперативном управлении Генштаба меня оглушили страшным известием: немецкие войска прорвались к Ладожскому озеру, захватили Шлиссельбург и таким образом перерезали последние сухопутные коммуникации, связывавшие Ленинград со страной. А это означало блокада...

* * *

Незадолго до того мы командировали в Ленинград еще одного корреспондента - Леона Вилкомира. Перебросили его туда с Северо-Западного фронта.

Это был молодой поэт, питомец Литературного института. В редакции мало кто знал его стихи. Мне, например, довелось познакомиться с ними уже после войны, когда издательство "Советский писатель" посмертно выпустило единственную его книжку "Дороги". В нее вошли произведения мирных лет, главным образом те, что были написаны Вилкомиром в годы его журналистской работы в Нижнем Тагиле. В военное время он, по-видимому, не писал стихов всецело был поглощен корреспондентскими заботами, - а если и писал, то по своей скромности никогда не предлагал их нам.

Высокий, громоздкий, исключительно добросердечный, он пользовался в коллективе редакции всеобщей любовью. В шутку его называли "армейским комиссаром", хотя в действительности Вилкомир имел первичное звание политработника - заместитель политрука и на его петлицах красовались лишь четыре треугольника; издалека их можно было принять за ромбы.

Шутку эту породил курьезный случай. Своей могучей фигурой Вилкомир чем-то напоминал начальника ГлавПУРа. Как-то мы послали Вилкомира на войсковые учения. Самолет, на

котором летел корреспондент, прибыл на полчаса раньше самолета армейского комиссара. Когда Вилкомир спускался по трапу, с нему кинулись местные начальники, ожидавшие начПУРа, и стали рапортовать: "Товарищ армейский комиссар..." Потом разглядели на петлицах смутившегося и покрасневшего до корней волос Вилкомира треугольники и замолчали. С тех пор к нему и прилепилось это звание.

Во время войны у меня было мало личных встреч с Вилкомиром. Он безвыездно сидел на фронте и в Москве почти не появлялся. О его мужестве я узнавал из рассказов начальников групп спецкоров, а больше всего об этом говорили материалы самого Вилкомира.

Прибыв в Ленинград, Вилкомир сразу же прислал корреспонденцию "Ленинградцы беззаветно сражаются с врагом". Она была высоко оценена редакцией, и я отправил в Ленинград телеграмму;

"Корреспонденцию Вилкомира напечатали сегодня. Хорошая статья. Вилкомира оставить на Ленинградском фронте". А что касается того, как он добывал материал для своего очерка, можно судить хотя бы по таким строкам: "По нашей группе ударил автоматчик. Мы припадаем к земле и ползем..."

Итак, в Ленинграде, можно сказать, собралось целое подразделение наших спецкоров.

Наконец дали о себе знать Славин и Светлов. К нашему удивлению, Светлов "обскакал" старого газетного волка Льва Исаевича. Уже 6 сентября мы получили по военному проводу его стихи, из-за которых у Хействера произошла пикировка с начальником узла связи. Светлов назвал свое стихотворение "Ленинград" и сказал в нем то, что было самым главным и самым важным в те грозные дни:

Здесь земля победами дышала...
Виден всей стране издалека
Ленин у Финляндского вокзала,
Говорящий речь с броневика.
Память о бойцах и о героях
Этот город навсегда хранит.
Этот город на своих устоях
Колыбелью мужества стоит.
Песням и легендам повторяться
У застав, мостов и у ворот
Боевая клятва ленинградцев
Над великим городом встает.
Дышит время заревом пожаров,

И полки в сражение идут.
Ярость полновесного удара
Сомкнутые руки берегут.
Неприступным был он и остался
В боевые славные года.
Никому наш город не сдавался,
Никому не сдастся никогда!

Затем пришли новые стихи - "Ночь над Ленинградом". А еще через несколько дней с узла связи Генштаба нам доставили толстую пачку бланков с расклеенной на них телеграфной лентой. В конце стояла подпись "М. Светлов". Это уже не стихи, а корреспонденция о медицинской сестре Вале Чибор.

Прибыл Светлов в один из полков, стал выспрашивать об отличившихся в последних боях пулеметчиках и бронебойщиках, а командир полка говорит:

- Вы бы лучше написали стихи о нашей Вале. Чибор. Вон смотрите, она возвращается с передовой, опять везет раненых. Вам обязательно надо потолковать с ней...

Через час, после того как Валя "сдала" раненых, поэт и медсестра сидели на уличной скамейке, между ними стояли котелки с борщом, и мирно текла беседа о совсем не мирной жизни.

Вернулся Светлов в город, написал стихи - не понравились. Славин посоветовал:

- Пиши корреспонденцию - это быстрее.

Так Светлов и поступил, чем нисколько не огорчил редакцию. Корреспонденция сразу же была напечатана, а Светлову мы послали телеграмму с просьбой: впредь наряду со стихами писать и очерки, размером до подвала.

Мне рассказывали, что по поводу этой нашей телеграммы Светлов сострил, пересиживая очередную жестокую бомбежку в подвале гостиницы "Астория":

- Редактор требует от меня подвальных очерков. Где я их возьму? Вот начеркаю здесь, в подвале, что-нибудь, а вы, - обратился он к другим нашим корреспондентам, - подтвердите, что это действительно "подвальное"...

Светлов не стал очеркистом, продолжал писать для нас только стихи. Как бы оправдываясь за это перед своими товарищами, сказал им однажды:

- Я еще не дописался до настоящего, ребята.

Да, тогда он еще не написал своего знаменитого "Итальянца".

* * *

Наконец откликнулся Лев Славин. Первый его очерк назывался "Два тарана". Это - о летчиках Здоровцеве и Харитонове. Потом последовал очерк о городе, превратившемся во фронт. Славин писал:

"Пройдите на заводские окраины. Здесь нет человека, не занятого в обороне. Цехи сделались ротами, участки - взводами, бригады - отделениями. Директора заводов стали во главе отрядов. Инженеры проектируют и строят оборонительные сооружения.

Всем известно имя Жозефа Котина, сталинского лауреата, на днях удостоенного звания Героя Социалистического Труда. Молодой талантливый инженер сейчас начальник штаба обороны своего участка...

Отстоять свой город - стало заповедью каждого ленинградца!"

А о самом Славине и его друге Светлове сохранилось такое письменное свидетельство Веры Инбер:

"Были в редакции военной газеты как раз тогда, когда возвратились с передовых позиций заведующий редакцией, два наших московских писателя - Лев Славин и Михаил Светлов... Выложив на стол гранаты, приехавшие разворачивают карту и погружаются в нее. Все мрачны. Поездка была неудачна, наших потеснили. Немцы бомбили штаб нашей армии. Кроме того, все голодны".

Но случались и маленькие радости. Славину посчастливилось в один из блокадных дней вступить с передовыми подразделениями Героя Советского Союза Краснокуцкого в первый отбитый у врага городок Белоостров. Обычно неторопливый, немного даже флегматичный, Лев Исаевич на этот раз проявил поразительную изворотливость: сумел преодолеть все препоны и раньше других корреспондентов передал в "Красную звезду" боевой репортаж "Наши части отбили у фашистов город на подступах к Ленинграду". В те невеселые дни такое сообщение дорого стоило.

Не все, однако, что видел и описал Славин, будучи в блокадном Ленинграде, появилось на страницах газеты. Был, к примеру, такой случай. Отправился он в дивизию народного ополчения, которая не отступала, но и не наступала. Стояла. Вернее - лежала. Люди там были необстрелянные - в общем, глубоко штатские. Впоследствии в течение войны многие из них стали опытными и доблестными воинами. Но ведь сейчас для них только начало войны.

По пути в эту дивизию Славина обогнала кавалькада легковых машин. В одной из них ехал командующий фронтом К. Е. Ворошилов. Писатель присоединился к ним и прибыл в

дивизию вместе с Климентом Ефремовичем.

Дивизией, по описанию Славина, командовал высокий, ладно скроенный полковник. На его груди сияла "Золотая Звезда" Героя. Длинные пшеничные усы украшали лицо. Он обожал Чапаева и старался подражать ему даже внешностью. Браво отрапортовал:

- Сейчас роты будут подыматься в атаку...

Ворошилов выслушал рапорт довольно сумрачно и сказал:

- Видно, вас маршал должен водить в атаку...

А по цепям пронеслась весть: "С нами Ворошилов..." Лежавших неподвижно бойцов будто подменили. Они разом повыскакивали из окопов и неудержимо ринулись вперед.

Славин красочно описал этот эпизод. В очерке была даже писательская ремарка: "Не песня ли с той, гражданской войны "С нами Ворошилов, первый красный офицер..." вспомнилась людям?" И все же очерк мы не напечатали: операция, увы, закончилась взятием какой-то небольшой высотки...

Жуков, назначенный командующим Ленинградским фронтом вместо К. Е. Ворошилова, вылетел в Ленинград 9 сентября, и я незамедлительно командировал туда же халхингольца Зигмунда Хирена. Мы вообще старались посылать к Жукову, да и к другим командующим, тех корреспондентов, которых они хорошо знали. На руках у Хирена было мое письмо:

"Георгий Константинович!

"Красная звезда" не удовлетворена освещением боев за Ленинград. Чтобы исправить положение, командирую специально в Ваше расположение опытного корреспондента тов. Хирена З. А., которого редакция хорошо знает и Вы хорошо знаете.

Тов. Хирен назначен мною руководителем бригады корреспондентов, в состав которой входит также писатель тов. Славин...

Надеюсь на Вашу личную горячую поддержку Хирена. В нынешних условиях от мелочей зависит плодотворная работа наших корреспондентов. Прошу поэтому сделать для тов. Хирена следующее:

1. Дать указание о выделении ему легковой машины.

2. Выдать ему постоянный пропуск в Смольный, в штаб.

3. Дать указания работникам Военного совета и штаба фронта всемерно помогать ему, информировать о положении на фронте.

Горячий привет - Д. Ортенберг".

Прибыв в Ленинград, Хирен сразу же пошел в Смольный. И на моем письме появилась резолюция: "Начальнику политуправления тов. Пожидаеву. Военный совет обязывает вас повседневно оказывать практическую помощь руководителю

бригады корреспондентов "Красной звезды" в деле освещения в печати героической защиты Ленинграда".

А на следующий день отправился к Жукову и Славин. Георгий Константинович встретил его радушно, но, как заметил писатель, настроение у командующего было неважное. На Халхин-Голе Славину не доводилось видеть Георгия Константиновича таким встревоженным. А тот, словно прочитав мысли писателя, признался:

- Не скрою, сейчас мне досталось очень тяжелое хозяйство...

Лев Исаевич спросил нового командующего фронтом:

- Куда бы вы посоветовали отправиться корреспонденту "Красной звезды"?

- А вы где живете?

- В "Астории".

- Вот и поезжайте в "Асторию", - сказал Жуков с грустной улыбкой. И пояснил: - Сейчас везде одинаково плохо.

Потом все же подвел Славина к карте и показал на ней самые горячие точки...

* * *

В первых числах октября Славин и Хирен снова заглянули в Смольный. Но Жукова они уже не застали там. В связи с усложнившейся обстановкой на московском направлении Георгия Константиновича отозвали в столицу и назначили командующим войсками Западного фронта. В Ленинграде его заменил Федюнинский. Иван Иванович тотчас принял наших спецкоров, подробнейшим образом ознакомил их с обстановкой и неотложными задачами фронта, а потом обратился к ним совсем по-дружески:

- Ребята, может быть, вам что-нибудь нужно? Корреспонденты промолчали. Еще поговорили о положении на фронте, и снова Федюнинский спрашивает:

- Может быть, вам все-таки что-нибудь нужно?

- Бензин, - выпалил Славин.

Наутро у гостиницы "Астория", где проживали спецкоры, был не только бензин, но и машина, выделенная для них по собственной инициативе Ивана Ивановича.

После ожесточенных сентябрьских боев немцы вынуждены были прекратить свои бесплодные атаки на несокрушимую ленинградскую оборону и перешли к планомерному разрушению города бомбовыми ударами с воздуха и артиллерийским огнем.

Ленинград по-прежнему не сходил со страниц нашей газеты...

9 сентября

После двадцатишестидневных боев освобождена Ельня. Сегодня опубликовано официальное сообщение Информбюро о взятии этого города.

Ельнинской операции предшествовала резкая полемика между Сталиным и Жуковым. Она произошла 29 июля и повлекла за собой освобождение Жукова от обязанностей начальника Генерального штаба. В то время я узнал об этом лишь в самых общих чертах. Мне рассказали, что произошло в кабинете Сталина:

- Показал Жуков свои зубы...

Подробнее же я узнал об этом уже после войны. В середине 60-х годов мне было поручено подготовить сборник очерков "Маршалы Советского Союза". О Жукове я попросил написать Константина Симонова и вскоре получил от него такой ответ:

"Милый Давид. Со статьей о Г. К. - все сделаю. Уже был у него, говорил с ним. Он слал тебе привет, выразил желание: повидаться бы..."

Некоторое время спустя Симонов представил мне запись беседы с Жуковым. Есть там такая страничка:

"В конце июля 1941 года, еще находясь на должности начальника Генерального штаба, анализируя обстановку, я пришел к выводу, что немцы в ближайшее время не будут продолжать наступать на Москву до тех пор, пока не ликвидируют угрозу своей нацеленной на Москву группировке со стороны правого фланга нашего Юго-Западного фронта.

В связи с этим я письменно изложил свои соображения о необходимости оставить Киев, занять прочную оборону по восточному берегу Днепра, усилить правый фланг Юго-Западного фронта и сосредоточить за ним две резервные армии для парирования удара немцев. По моим предположениям, они могли нанести этот удар по правому флангу Юго-Западного фронта с выходом на его тылы.

Прочитав написанный мною документ, Сталин вызвал меня к себе. У него находился Мехлис. Сталин в его присутствии обрушился на меня, говоря, что я пишу всякую ерунду, горожу чепуху и так далее. Все это в очень грубой форме.

Я ответил:

- Товарищ Сталин, прошу вас выбирать выражения. Я - начальник Генерального штаба. Если вы, как Верховный Главнокомандующий, считаете, что ваш начальник Генерального штаба городит чепуху, то его следует отрешить от должности, о чем я и прошу вас.

В ответ на это он сказал:

- Идите, работайте, мы тут посоветуемся и тогда позовем вас.

Я снова был вызван к нему через сорок минут, и Сталин уже более спокойным тоном объявил мне:

- Мы посоветовались и решили освободить вас от обязанностей начальника Генерального штаба..."

Позже Георгий Константинович рассказал об этом обстоятельнее в своей книге "Воспоминания и размышления".

Он был смел во всем. И в разработке фронтовых операций, и в осуществлении их, и под огнем противника, и в своих отношениях с начальством, в том числе со Сталиным. В тех же записях беседы с Симоновым имеется еще один эпизод, любопытный с этой точки зрения:

"...по своему характеру я в некоторых случаях не лез за словом в карман. Случалось даже, что резко отвечал на грубости Сталина... Шел на это сознательно, потому, что иногда надо было спорить, иначе я бы не мог выполнить своего долга.

Однажды полушутя-полусерьезно, обратившись к двум присутствовавшим при нашем разговоре людям, Сталин сказал:

- Что с вами говорить? Вам что ни скажешь, вы все: "Да, товарищ Сталин", "Конечно, товарищ Сталин", "Совершенно правильно, товарищ Сталин", "Вы приняли мудрое решение, товарищ Сталин"... Только вот один Жуков спорит со мной..."

Уход Жукова из Генштаба глубоко опечалил меня. Наши добрые отношения, начавшиеся на Халхин-Голе, были очень полезны "Красной звезде". Жуков не только ориентировал нас в обстановке на фронтах, но и частенько подсказывал животрепещущие темы для выступлений в газете, давал рекомендации, куда следовало бы заблаговременно послать корреспондентов "Красной звезды". Словом, был нашим добрым советчиком.

Узнав, что он назначен командующим войсками Резервного фронта, я съездил к нему под Гжатск. Резервный фронт представлялся мне тихой заводью, и я, по правде сказать, не рассчитывал увидеть там Жукова таким, каким привык его видеть. Но он выглядел, как всегда, бодрым, деятельным, оживленным; никаких внешних признаков недовольства переменой в судьбе!

- Есть здесь твои корреспонденты? - спросил он меня. Я невзначай допустил бестактность:

- Георгий Константинович! Нам для действующих фронтов не хватает корреспондентов, а здесь резервный...

Спохватившись, попытался исправить оплошность:

- А что, может быть, настало время и сюда подбросить наших людей?

- Не мешает, - ответил Жуков.

В тот раз я впервые услышал о готовящейся ельнинской операции и понял ее значение. Немцам удалось захватить Ельню 10 августа. Так называемый ельнинский выступ был важным исходным плацдармом для наступления на Москву, и противник держался за него цепко. Жуков предложил разгромить ельнинскую группировку, срезать этот выступ. Сталин и к этому его предложению отнесся скептически, но все же дал согласие на проведение такой операции.

Осуществлялась она главным образом силами 24-й армии генерала К. И. Ракутина. Имела успех. 6 сентября Жуков доложил Сталину: "Ваш приказ о разгроме ельнинской группировки и взятии города Ельни выполнен. Ельня сегодня занята нашими войсками. Идут ожесточенные бои..."

К началу операции "Красная звезда" сосредоточила на Резервном фронте большую группу корреспондентов: Иван Хитров, Петр Корзинкин, Василий Гроссман, Василий Ильенков, Михаил Бернштейн. Кроме того, непосредственно в район Ельни были переброшены с Западного фронта Михаил Зотов и Давид Минскер. Поработали они все хорошо. Каждый день поступал материал из района боев. Но от публикации его мы некоторое время воздерживались. Уже набранные и даже сверстанные корреспонденции лежали на талере, а ставить их в полосу нельзя. Дело было в том, что замышлялось окружение и полное уничтожение ельнинской группировки противника. До завершения операции решено было ничего о ней не печатать. Однако сомкнуть кольцо не удалось - сказалась нехватка танков и авиации. Враг, неся большие потери в людях и технике, пробился все же через узкую горловину на запад. Когда это стало очевидным, то есть 9 сентября, появилось сообщение о взятии Ельни. Одновременно пошли в печать материалы и наших корреспондентов. А до этого публиковались только фотографии Миши Бернштейна с подписями, по которым трудно было определить, где же производились съемки: "N-я часть", "деревня А.", "город Е." - поди угадай!

Зато после сообщения Совинформбюро Ельня склонялась нами во всех падежах. Наряду с корреспондентскими материалами широко были представлены авторы из войск. Появилась, в частности, статья командующего 24-й армией генерала К. И. Ракутина.

Вспоминается одна драматическая история. На столе у меня лежит сверстанная на две колонки статья комиссара артиллерийского полка М. Орлова. Вычитал я ее и отправил в секретариат. Занялся следующей, только что полученной корреспонденцией. И вдруг не в глаза, а в самое сердце ударили

слова: "В боях за Ельню пал смертью храбрых комиссар артполка Орлов". Вот она, судьба людей на войне! Статью Орлова мы напечатали с врезкой: "В бою под Ельней пал смертью храбрых комиссар артиллерийского полка Михаил Васильевич Орлов. Доблестные артиллеристы вписали немало славных страниц в историю победоносного ельнинского сражения. Накануне боя герой-комиссар написал для "Красной звезды" статью. В ней он рассказывает о мужестве партийных и непартийных большевиков полка. Ниже печатаем посмертную статью комиссара М. Орлова".

Немало таких трагедий ожидало нас впереди. Эти статьи подавались нами и воспринимались читателями как завещание павших, обращенное к живым и борющимся. Не помню точно, как озаглавил свою статью сам Орлов, в последний момент мы сменили заголовок, дали другой - призывной: "Коммунисты и комсомольцы, ваше место впереди".

У каждого из наших корреспондентов, писавших о Ельнинской операции, была своя тема, свое видение боя, и людей в бою. Острый глаз Василия Гроссмана подметил многие детали, характеризующие моральный облик гитлеровцев:

"У офицерского блиндажа валяются груды консервных банок, конфетные коробки, пустые бутылки - вся эта жратва была свезена из оккупированных стран. Французские вина и коньяки, греческие маслины, желтые небрежно выжатые лимоны из "союзной", рабски покорной Италии. Банка варенья с польской наклейкой, большая коробка рыбных консервов - дань Норвегии, ведерко с медом - доставлено из Чехословакии... Жадные коричневые пауки опутали Европу, они сосут ее соки...

У солдатских блиндажей иная картина - тут уже не увидишь конфетных коробок и недоеденных сардин. Зато попадаются банки прессованного гороха да ломти тяжелого, словно чугун, хлеба. Красноармейцы, взвешивая на руке эти хлебные брикеты, не уступающие асфальту ни цветом, ни удельным весом, ухмыляются и говорят: "Да, брат ты мой, вот это хлеб!"

Иван Хитров напечатал большую, очень интересную и полезную статью со схемой "Система немецкой обороны под Ельней".

Нашел свою тему и наш художник Борис Ефимов.

ТАСС передало сообщение такого содержания: "Мировая печать отметила разгром германских фашистов под Ельней и их беспорядочное бегство из этого старинного русского города. Однако фашистская болгарская газета "Дневник" решила угодить гитлеровцам... Читатели этой газеты, привыкшие уже ко всяким ее антисоветским басням, были изумлены, когда прочли вчера, что "немцы после 26-дневных боев заняли Ельню".

Борис Ефимов дал такую карикатуру: комната, на стене висит портрет, но видны только сапоги - ясно, что это сапоги фюрера; на стол взобрался Геббельс и с умилением смотрит на редактора "Дневника", который, перевернувшись с ног на голову, пишет то самое сообщение о Ельне. Под эту карикатуру мы заверстали стихотворную подпись Михаила Голодного:

Доволен Геббельс: это - труд!
Вот это - вдохновенье!
Вниз головою подают
И факт, и сообщенья.
Подобное, как сон, впервой
Встает перед глазами:
Сидит холуй вниз головой
И брешет вверх ногами.

Ельнинские бои дали обильный материал для постоянной нашей рубрики "Герои Отечественной войны". Василий Ильенков написал очерк о командире полка полковнике Иване Некрасове. В прошлом лесоруб и строитель кораблей, потом унтер-офицер старой русской армии, он вернулся с первой мировой войны "полным георгиевским кавалером" - с тремя крестами - и с медалью за храбрость. В Красной Армии - со дня ее создания.

Воевал в гражданскую. И вот вновь воюет, не зная страха и сомнений, подавая личный пример подчиненным. В полку его сложена и поется частушка:

Страшны некрасовцы врагу
Крепки в плечах,
В бою суровы
Не знают слова "не могу"...

Ильенков пишет:

"Полковника контузило взрывной волной. Три дня он ничего не слышал, звенело в ушах. Но едва был получен приказ о наступлении, полковник поднялся. Глубоко запавшие глаза строго смотрели из-под густых черных бровей туда, где на высоте прочно окопался враг. Подступы к высоте были открыты для немецких пулеметов и пушек. Полковник знал, что огонь будет губительным. Значит, нужно действовать хитростью.

Общее наступление началось в 21 час. Немцы открыли сильный огонь. Не доходя полкилометра до вражеских окопов, полковник приказал лечь и окопаться, соблюдая полную тишину.

Немцы, считая, что своим огнем они отбили атаку, успокоились. Четыре фашистских офицера, решив, что на сегодня все кончено, ушли из окопов в блиндаж.

А в это время первый батальон некрасовцев готовился к тихой атаке. Бесшумно ползли они по клеверу и нескошенной ржи, за которой начинались окопы.

По ржаным нивам шли чуть согнувшись. Все ближе окопы, но некрасовцы идут молча, не издавая ни малейшего звука.

И страшна же была эта немая атака!.."

В тот же день, когда мы получили очерк о Некрасове, пришел Указ о присвоении ему звания Героя Советского Союза.

* * *

Да, радостно было сознавать, что наконец-то наши войска наступают. А все же при освещении Ельнинской операции мы не теряли чувство меры: тон всех материалов был строгий, трезвый. Понимали, что, хотя эта операция и важна для судьбы Москвы, не она является решающей. Общее положение на фронтах оставалось крайне тревожным: были сданы Кременчуг и Чернигов, приближалась киевская катастрофа. Я помнил звонок Сталина по поводу наших неумеренных восторгов успехами "частей командира Конева"...

12 сентября

В тот день, когда мы получили сообщение о подвиге Сковородина, Ветлужских и Черкашина, в Гомель сразу же ушла редакционная телеграмма нашим корреспондентам: прислать корреспонденцию или очерк - в своем роде литературные их портреты. Прошла почти неделя - ничего не поступило от спецкоров. А в наших сердцах не угасало волнение, вызванное геройской гибелью трех авиаторов. Хотелось какими-то особенными словами сказать об этом.

В те дни в редакцию заглянул Алексей Толстой. Мы рассказали ему о наших заботах и спросили, не напишет ли он о подвиге Сковородина и его друзей.

- Охотно, - сказал писатель. - Что говорить - великое мужество. Да, Гастелло живет в душе и сознании наших людей...

Так в сегодняшнем номере газеты появилась статья Алексея Николаевича "Бессмертие". В ней были те же факты, что и в сообщении корреспондентов и в передовице, но освященные пером большого мастера художественного слова. Толстой нашел проникновенные слова, чтобы возвысить подвиг летчиков, раскрыл его истоки:

"Война, как бы резцом гениального скульптора, изваяла перед нами, перед всем миром фигуру нового советского человека. Ему перед смертным боем есть на что оглянуться: на им самим облюбованную в мечтах и построенную, политую трудовым потом громаду государства..."

* * *

Опубликован новый очерк Вадима Кожевникова "В полете".

С очерками и корреспонденциями о пехотинцах, артиллеристах, танкистах, саперах в нашей газете дело обстояло как будто благополучно. Наши корреспонденты могли быть и были с ними рядом на переднем крае. И, даже рассказывая о летчиках-истребителях, они тоже нередко писали о том, что сами видели, - воздушные бои разыгрывались нередко над расположением наших войск или в ближнем тылу. Иначе было с бомбардировщиками. Они часто улетали далеко, и приходилось нашим корреспондентам писать о них только по рассказам летчиков.

Но вот в очерке Кожевникова читаем:

"Командир авиачасти разрешил нам участвовать в боевом вылете.

В небе белая луна и сырые, тяжелые тучи. Днем шел дождь. Почва мягкая, вязкая. Глубокий, почти танковый след от колес самолета заполнен черной водой. Каково будет стартовать из этой лужи?

Поспешно затягиваю лямки парашюта, чтобы успеть надеть его до взлета. Но мы уже в воздухе. Командир экипажа В. Филин почти мгновенно поднял гигантскую стальную птицу с размокшего поля.

Слева от меня моторы, из патрубков бьют голубые огни, глушители покраснели от накала. Больше ничего не видно! Сплошная туманная пелена. Идем в облаках".

Были и такие строки:

"Наш корабль плывет над расположением врага. На земле кружат и гаснут летающие светляки ракет. Они мелькают параболой, ярко вспыхнув, потом исчезают...

Штурман взялся за прицел. Припав к нему, глядит вниз.

Воздушная струя тяжело бьет по затылку. Цепляясь парашютом, пробираюсь назад. Бомбардировочные люки открыты. В кассетах уложены крупнокалиберные бомбы. Бортмеханик Мейстер наклоняется над люком. Сажусь с ним рядом. Внизу земля. Внизу враг.

Отрывается и падает бомба. Еще одна, еще...

Мейстер берет из ящика мелкие бомбы. И мы бросаем их с силой вниз, руками, вперемежку с большими бомбами..."

Словом, очерк Кожевникова сразу же заинтересовал нас. В редакции любили, когда корреспондент писал о том, что он видел своими глазами. Это ценили и наши читатели. Понятно, почему мы ухватились за этот очерк и немедленно его напечатали.

О том, как летал Кожевников, что делал сам, что переживал, можно было прочитать, как говорится, между строк его очерка, но многое осталось за его пределами. Узнал я об этом позже.

Кожевников несколько раз выезжал на аэродром в Юхнов, писал свои очерки по рассказам летчиков. Но почувствовал, что передать все, что происходит в воздухе, трудно, тем более что летчики по своей природной скромности не очень-то распространялись о своих боевых делах. Да это я и сам запомнил по той беседе с Талалихиным.

"Выдумывать" же писателю не хотелось, и в один из поздних вечеров, когда бомбардировщики уже были заправлены, Кожевников стал уговаривать командира полка, чтобы его взяли в полет. Командир вначале отказал, объяснив, что самолеты загружены 250-килограммовыми бомбами до предела и, чтобы взять корреспондента, надо снять одну бомбу, что нежелательно.

Потом подумал о другом. Летали они на старых бомбардировщиках "ТБ-3". Эти тихоходные, громадные и неуклюжие машины еще в довоенное время занимались главным образом тем, что перевозили всякие грузы. Но в войну им нашли применение, используя для ночных бомбардировок и полетов в тыл, к партизанам; и, надо сказать, удачно. Но об их боевых действиях очень мало писали, а кое-кто даже подтрунивал над "тихоходными авиаторами".

Командир полка пришел к выводу, что, пожалуй, корреспондент "стоит" одной бомбы. Сняли одну из них, большую, как кабанья туша. Подсчитали. Кожевников, молодой, худощавый, весит меньше. "Недовес!" Тогда решили взять еще контейнер с мелкими бомбами, которые и доверили метать вручную писателю в "заданном районе".

В полете все было: и тревожное и комическое. Командир корабля Филин поручил Кожевникову наблюдать за обстановкой: появятся ракеты - это линия фронта, докладывай. Писатель старался изо всех сил. Наблюдал. Увидел замелькавшие над самолетом желто-красные вспышки и докладывает командиру, что пересекли линию фронта. А Филин смеется:

- Линию фронта уже давно пролетели. Это не ракеты, а разрывы снарядов немецких зениток.

За годы войны наши корреспонденты не раз летали на бомбардировщиках и штурмовиках. Но первую страницу боевых вылетов журналистов и писателей нашей газеты открыл Вадим

Кожевников.

Писатель мне рассказывал, что после этого полета ему стало легче работать в авиационном полку. Летчики как бы приняли корреспондента в свою семью, считали его своим человеком, более доверительно и щедро с ним разговаривали о боевых и житейских делах. И не надо было ему спрашивать о том, что они чувствовали, что переживали в полете. Это он и сам пережил. Так было, вспоминает Вадим Михайлович, и в пехоте: лежишь в роте на передовой, кругом стрельба, шкура в гармошку собирается, но бойцы видят рядом корреспондента - и раскрывают ему свою душу.

- И потом, - как бы в "оправдание", замечает он, - писатель, журналист должен быть любопытным...

* * *

Был еще один, сугубо "земной" эпизод, о котором без улыбки вспомнить нельзя.

На второй или третий день после опубликования в "Красной звезде" очерка "В полете" ко мне прискочил наш спецкор Василий Коротеев и сообщил, что редактор фронтовой газеты "арестовал" Кожевникова за то, что он без его ведома послал очерк в "Красную звезду", нарушив этим "приоритет" его газеты, где писатель состоял в штате. Кожевников, мол, безвыходно сидит в палатке, с него даже ремень сняли.

И смех и грех!

Надо принимать меры. Вечером я был в ГлавПУРе, пожаловался на редактора фронтовой газеты. Мне сказали: "Составьте телеграмму начальнику политуправления фронта". Я набросал довольно лояльную депешу - мол, передайте своему редактору, чтобы не препятствовал сотрудничеству своих корреспондентов в "Красной звезде". Главначпура прочитал, крест-накрест перечеркнул ее и написал другой текст: "Какой чудак запретил Кожевникову печататься в "Красной звезде"?" Сейчас могу.сказать, что в тексте вместо слова "чудак" было другое, более строгое, резкое, в духе и характере армейского комиссара... Во всяком случае, Кожевникова сразу же освободили из-под "ареста".

- Эта телеграмма, - рассказывал мне писатель, - выручила всех нас, работавших во фронтовой газете, мы стали беспрепятственно печататься в центральной прессе.

13 сентября

Читатели привыкли, что каждый день или через день на

страницах "Красной звезды" печатаются искрометные статьи, памфлеты, фельетоны, заметки Ильи Эренбурга. Мне рассказывали, что, когда политруки раздают бойцам свежий номер нашей газеты, непременно кто-нибудь да спросит:

- А Эренбург сегодня есть?

Рассказывали также, что в одном партизанском отряде был отдан письменный приказ: "Разрешается после прочтения употреблять "Красную звезду" на раскурку, за исключением статей Эренбурга". Не знаю, действительно ли существовал такой приказ - сам я его не видел, - но даже если это легенда, то и она говорит о многом.

И вдруг с 6 сентября его статьи почти на неделю исчезли со страниц "Красной звезды". Читатели звонили в редакцию, спрашивали:

- Что с Эренбургом?..

Его очерк, напечатанный 13 сентября, дал исчерпывающий ответ на подобные вопросы и запросы.

В середине августа резко ухудшилась обстановка на Юго-Западном фронте. Гитлеровцы продвигались в направлении Чернигова - Конотопа - Прилук, имея целью обойти киевскую группировку наших войск. Чтобы помешать осуществлению вражеского замысла, был создан Брянский фронт. Во главе его поставили генерала А. И. Еременко. Перед войсками фронта была поставлена задача разгромить танковую группу Гудериана. Наряду с сухопутными войсками, в том числе танками и артиллерией, к этой операции привлекалось около 500 самолетов, что при тогдашних наших возможностях считалось весьма внушительной силой.

"Красная звезда" командировала на вновь созданный фронт корреспондентов - Петра Коломейцева, Павла Трояновского, Василия Гроссмана, Зигмунда Хирена и фоторепортера Олега Кнорринга. Затем собрался туда и я. Накануне отъезда, вечером заглянул в комнату номер 15. Там, как всегда, Илья Григорьевич, весь в табачном дыму, усердно выстукивал на своей машинке очередную статью. Сказал ему, куда я отправляюсь, и пригласил, если он желает, поехать со мной.

Эренбург сразу же перестал печатать, вскочил с кресла и, словно боясь, как бы я не передумал, произнес скороговоркой:

- Готов, хоть сейчас...

- Сейчас нельзя, - успокоил его я. - Сейчас нужна ваша статья - для нее оставлено место в полосе. Приходите завтра с рассветом. Я скажу начальнику АХО, Одецкову, чтобы он вас экипировал.

Илья Григорьевич давно рвался на фронт, но мы его не

пускали. Все-таки он был уже не молод и делал в редакции очень важное дело. Никто не мог упрекнуть Эренбурга за "тыловой образ жизни". А свое бесстрашие он доказал еще в Испании.

Однажды, в июле кажется, когда немецкие самолеты стали прорываться к Москве, а Илья Григорьевич - в который уже раз! - завел разговор о командировке на фронт, я предложил ему:

- Поезжайте к нашим летчикам. Чем там не фронт?

Эренбург рад был и этому. Тотчас отправился в авиаполк, сбивший уже с десяток немецких бомбардировщиков. Пробыл там день и целую ночь, а утром прямо с аэродрома зашел ко мне. Его будто подменили. Куда девались недавняя угрюмость и суховатая сдержанность! Он словно бы сбросил с плеч стопудовую тяжесть переживаний, давивших в те трудные дни каждого из нас. Увлеченно стал делиться со мною впечатлениями, навеянными поездкой. Потом поделился этим и с читателями "Красной звезды":

"Идиллические окрестности Москвы - леса, речка, лужайки с яркими цветами, запах смолы и сена. Никто не догадается, что здесь командный пункт аэродрома. Воздух Москвы охраняют смелые летчики.

Под вечер тихо. Некоторые летчики спят, другие читают газеты или валяются на траве. Близок час ночной работы. Телефон: "Группа бомбардировщиков замечена над Вязьмой". Летчики наготове. Мощные прожекторы пронизывают небо, их лучи рыщут, мечутся, настигают незримого врага. Вот он... И тотчас вдогонку несется истребитель.

Двадцать минут длится воздушный бой. Слышны пулеметные очереди. В небе огоньки. И вдруг над лесом пламя - это летит вниз "юнкерс".

Эренбург познакомился тогда с незаурядным летчиком - лейтенантом Титенковым и довольно подробно рассказал о нем в газете. Писательское чутье не подвело Эренбурга. Вскоре Константину Титенкову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Грешным делом, я рассчитывал, что эта поездка хоть на какое-то время угомонит Илью Григорьевича. Куда там! После нее он еще настойчивее стал домогаться командировки на фронт. И я решил: пусть уж едет вместе со мной, все же, полагал я, мне легче будет совладать там с ним, чем кому-нибудь другому, - где не достанет силы убеждения, выручит редакторская власть.

...Рано утром Илья Григорьевич впервые облачился в военную форму. Вид у него был далеко не бравый. Из того, что имелось на нашем вещевом складе, Василий Иванович Одецков с трудом подобрал для сутулой фигуры Эренбурга мало-мальски сносные

гимнастерку и бриджи. А вот с сапогами оказалось хуже - голенища болтались на тонких икрах, как порожние ведра. И с пилоткой не ладилось: из-под нее все время выползали космы; это раздражало Эренбурга - он сдвигал ее то к правому, то к левому виску.

Мы сразу же отправились в путь. С нами поехал еще писатель Борис Галин: редакция продолжала усиливать свою спецкоровскую группу на Брянском фронте.

Дорога пролегала по живописным местам центральной Руси: пологие спуски и подъемы, тихоструйные реки, сосновые рощи и березовые колки, села с деревянными домами и пылающими рябинами. Ночевали мы в Орле, в каком-то штабе. Эренбург улегся на диване, Галин примостился на столе. Поднялись на заре, но произошла задержка. Дома Эренбургу не понравились почему-то выданные Одецковым портянки, и его жена Любовь Михайловна заменила их какими-то бело-розовыми полосками более мягкой, что ли, материи. И вот теперь Илья Григорьевич мучился: наматывал эти полоски на ногу, разматывал, снова наматывал, пока не пришел на помощь Галин.

К полудню мы были под Брянском. Командный пункт фронта, по данным Генштаба, располагался восточнее города, в районе станции Свень. Туда мы и держали путь. Однако Илья Григорьевич попросил хотя бы на часок заехать в город. Недавно, читая радиоперехваты, писатель увидел сообщение о том, что Брянск занят войсками Гудериана 3 сентября. Эренбург располагал также неотправленным письмом убитого лейтенанта Горбаха из штаба Гудериана. Этот лейтенант еще 21 августа писал какому-то господину в Германию: "Сомкнем через Брянск и Тулу за Москвой последнее кольцо вокруг советов. Вы, очевидно, удивлены, что я открыто рассказываю об этом? Но когда вы получите мое письмо, все то, о чем я пишу, станет действительностью".

Илья Григорьевич убеждал меня, что ему обязательно надо побывать в Брянске, увидеть все своими глазами, чтобы ответить брехунам.

Что ж, повернули на Брянск. Магистраль оживленная. Обгоняем замаскированные зелеными ветками военные машины. А навстречу по обочинам дороги движутся крестьянские подводы. Это колхозники возвращаются из Брянска с базара. Преимущественно женщины и старики.

Миновали мост через Десну. На каждом шагу - следы недавних бомбежек. На многих улицах торчат одни печные трубы. Кое-где еще тлеют очаги пожаров. Но жизнь протекает здесь вообще-то нормально.

Пульс прифронтового города бьется учащенно, но паники нет. Открыты магазины, почта, телеграф. Возле горсовета очередь - там выписывают ордера на жилье тем, кто остался без крова. По улицам шагают патрули истребительных отрядов: местные рабочие с трехлинейками за плечами. На железнодорожных путях дымят паровозы. Возле них снуют машинисты со своими сундучками. Приходят и уходят поезда.

Словом, нет и не было в Брянске немцев. Не считая, конечно, пленных. Их везли на грузовиках под охраной наших автоматчиков в штаб фронта. Туда же повернули и мы.

Андрея Ивановича Еременко нашли в деревянном домике с верандой. Встретил он нас тепло, как старых знакомых. Посидели на веранде за чашкой крепкого чая. Командующий неторопливо рассказывал о делах фронтовых. Его войскам пришлось вести тяжелые оборонительные бои. Однако выстояли, задержали танки Гудериана.

- К Брянску немцы подходили? - допытывался Эренбург.

- Подходить-то подходили, - отвечал командующий, - но мы их отбросили километров на шестьдесят, а сейчас вот уже восьмой день ведем наступление. Первые успехи достигнуты. Очищен от противника правый берег Десны. Между Десной и Сожем, особенно на трубчевском направлении, наши войска нанесли немцам сильный удар.

Андрей Иванович был настроен оптимистически, а все-таки нетрудно было понять, что операция протекает далеко не так, как требовала Ставка.

Подошел еще какой-то генерал и вмешался в наш разговор. Из его реплик следовало, что у гитлеровцев все идет к развалу. Мы с Эренбургом понимающе переглянулись: хотелось бы верить! Чувствовалось, что этот генерал стремится взбодрить не столько нас, сколько самого себя.

- Все равно разобьем этого подлеца Гудериана! - в тон ему воскликнул Еременко.

Фамилию "Гудериан" Андрей Иванович произносил не иначе как с добавлением - "подлец". Что ж, подумалось мне, каждый волен по-своему выражать свою ненависть к разбойничьей фашистской армии. Вот Эренбург всех ее представителей наградил презрительной кличкой "фрицы". И кличка эта прижилась, вошла в наш разговорный лексикон, в печать.

Только после войны разгадал я окончательно, почему Андрей Иванович все время величал Гудериана подлецом. Помогла мне в этом запись переговоров Еременко с Верховным главнокомандующим, состоявшихся 24 августа 1941 года. Вот краткая выдержка из этого документа:

"У аппарата Сталин. Здравствуйте! У меня к вам несколько вопросов... Если вы обещаете разбить подлеца Гудериана, то мы можем послать еще несколько полков авиации и несколько батарей РС. Ваш ответ?

Еременко. Я очень благодарен вам, товарищ Сталин, за то, что вы укрепляете меня танками и самолетами. Прошу только ускорить их отправку. Они нам очень и очень нужны. А насчет этого подлеца Гудериана, безусловно, постараемся задачу, поставленную вами, выполнить, то есть разбить его".

* * *

После беседы за чашкой чая командующий фронтом повел нас к молодым бойцам, отправлявшимся на передовую. "С детства я был пастухом..." - так начал он свой разговор с ними. Вслед за тем рассказал, что ему довелось воевать с немцами в первую мировую войну, в годы интервенции, совсем недавно под Смоленском, а теперь вот и под Брянском. Говорил Еременко очень душевно. Между ним и бойцами сразу установился незримый контакт. Попросил и нас выступить. Речь Эренбурга произвела на слушателей не менее сильное впечатление, чем речь боевого генерала. Илья Григорьевич говорил короткими, отточенными фразами, без лишней патетики.

Появился член Военного совета фронта дивизионный комиссар Василий Макаров, приземистый, не по годам раздавшийся в ширину, мой старый, добрый товарищ. Он увел нас в полк, отбивший у противника несколько деревень. Штаб полка размещался в березовой роще. На траве, застланной плащ-палаткой, лежали "трофеи" - куча самых разнообразных вещей, извлеченных из немецких блиндажей и землянок. Чего там только не было! Старинная табакерка с французской гравированной надписью, серебряный подстаканник, дамское белье, дамские чулки, детские костюмчики... Вперемежку с вещами - бумаги.

Эренбург заинтересовался бумагами. Читает и переводит вслух:

- Кому-то из гитлеровцев адресованы шестьдесят два письма от его адвоката: он, будучи на фронте, разводится с супругой... А вот другой сутяга: судится со своей квартирной хозяйкой, с портным, с какой-то старухой, которая назвала его "селезнем"... У третьего изъяты письма брошенных любовниц и адреса публичных домов во Франции... Есть солидный набор порнографических открыток...

Слушая комментарии Эренбурга, красноармеец, охранявший все это "добро", восклицает:

- Откуда такие люди?

После Эренбург напишет: "Да, правы красноармейцы - стыдно

за землю, по которой шли эти люди. Как низко они жили!"

Борис Галин попрощался с нами и отправился в боевые части, а нас повели к пленным, столпившимся возле домика лесника. Эренбург впервые за войну добрался до живых "фрицев". Один из них с ефрейторскими лычками спрашивает:

- Что с нами будет? Нам говорили, что советы расстреливают пленных...

- Мы не гитлеровцы, не фашисты, - отвечает ему Эренбург. Красноармейцы каким-то особым солдатским кодом тоже изъясняются с пленными. Настроение у наших людей благодушное, они угощают гитлеровцев папиросами. Один из пленных с заискивающей улыбочкой бубнит: "Гитлер капут".

- Зарабатывает табачок, - поясняет Илья Григорьевич.

Какой-то унтер с расстегнутым воротником, обращаясь к красноармейцу за папироской, назвал его "комиссаром", а получив ее, отвернулся и сказал презрительно: "Русская свинья". Эренбург не замедлил перевести его реплику во всеуслышанье. Что произошло после этого, догадаться нетрудно: благодушие как волной смыло.

Воспользовавшись тем, что Илья Григорьевич увлекся беседой с пленными, я вместе с Макаровым уехал в только что отбитое у немцев село. Кое-где нам пришлось пробираться ползком под фланкирующим огнем противника.

Не успели мы оглядеться в этом селе, как были настигнуты Эренбургом в сопровождении капитана из штаба полка. Ему, как и нам, пришлось преодолевать опасную зону по-пластунски - на локтях и коленях налипли шмотья глины. Он был страшно рассержен, что мы покинули его. Бросил нам упрек:

- Я не меньше вашего повидал...

В общем, не я, а он, невзирая на "табель о рангах", устроил нам, двум дивизионным комиссарам, разнос.

* * *

На следующее утро мне хотелось съездить к Трубчевску, но Эренбург потащил в 50-ю армию, которой командовал генерал М. П. Петров. Они дружили еще с Испании.

Увидев Илью Григорьевича, командарм буквально кинулся к нему, заключил в объятия. Эренбург, по натуре своей довольно суховатый, не любивший внешнего проявления эмоций, на этот раз просиял улыбкой и тоже обнял генерала. Так они долго стояли в безмолвии.

Потом Петров стал рассказывать о боевых делах 50-й армии. Трудно здесь пришлось. Но выдержали натиск врага, остановили его, а теперь сами перешли в наступление, перерезали железную дорогу Брянск - Рославль.

Объясняя нам все это, Петров водил карандашом по карте, разложенной на столе. На несколько секунд карандаш задержался возле пометки: "47 тк".

- Чувствуете, кто тут? - спросил генерал.

- Кто? - простодушно спросил Эренбург.

- Генерал Лемельзен. Тот самый "индюк". Мы имеем дело с его корпусом.

Выходит, Петров читал и запомнил фельетон своего друга. Далее мы узнали, что после значительных потерь, понесенных на Западном фронте, корпус Лемельзена получил пополнение, а теперь опять основательно потрепан. Однако каждый день боев с ним стоит немалой крови и нашей 50-й армии...

А завтра вот снова бой. Шли последние приготовления к нему. Мы почувствовали это по телефонным переговорам Петрова с дивизиями, по докладам ему операторов штаба армии.

В углу избы тихо возилась хозяйка, высокая, дородная женщина. Конечно, этой женщине далеко не все было понятно из того, что происходило рядом с ней, в ее избе. Но и она заметно прислушивалась к разговорам военных муж-то ведь тоже воюет.

Бесшумно подошла к нашему столу, поставила на стол кувшин с парным молоком:

- Откушайте.

В соседней комнатенке, за ситцевой занавеской, чуть зашумели дети. Она бросилась унимать их:

- Тише, генералы думают...

Когда мы прощались с Петровым, он сказал Эренбургу:

- Помнишь, как было в Испании?.. Но здесь мы выстоим...

По-разному можно было истолковать это. То ли Михаил Петрович хотел уверить нас, что его армия выстоит здесь, под Брянском, и нанесет по врагу удар. То ли он имел в виду нечто большее: мол, наш советский народ, несмотря ни на что, выстоит в войне с гитлеровской Германией. Петров верил в нашу победу и все делал для того, чтобы она пришла. Но не дожил он до нее. На Брянской земле сложил свою голову...

* * *

Побывали мы и в Трубчевске. Без особых затруднений нашли там наших спецкоров Коломейцева и Кнорринга. Вместе с ними направились на передовую.

Перед нашими глазами предстало поле недавно отгремевшей битвы, усеянное подбитыми и сожженными немецкими танками, орудиями, автомашинами. Эренбург вышел из "эмки, а за ним и все мы. У самой дороги - 12 немецких танков. В небольшом отдалении - еще столько же. Писатель обходит один танк за другим, стараясь понять, как протекал здесь бой.

У одного из танков башня будто срезана острым ножом и отброшена в сторону - очевидно, прямое попадание крупнокалиберной бомбы. У другого танка - копоть и окалина на корпусе: вероятно, горел. А вот совсем целехонькая машина, только без одной гусеницы; по следу на земле видно, как она волчком крутилась. Еще один танк - лежит на боку с глубокой вмятиной на корпусе. Вокруг ни одной воронки. Нет и пробоин в броне. Эренбург разводит руками: что здесь было? Коломейцев объяснил:

- Его наш танк протаранил.

Но нашего не видно. Куда делся? Коломейцев внимательно осмотрелся вокруг, увидел глубокие следы гусениц на размокшем после дождя грунте, прошелся по этому следу до недалекого кустарника. Вернувшись, доложил:

- Наш тяжелый танк ушел своим ходом. Значит - невредим. Я подтолкнул фоторепортера:

- Смотри, Олег, чтобы вся панорама была видна.

Но Кнорингу можно было и не говорить этого - он свое дело знает.

Проехали еще несколько километров. Новое поле боя. Тоже много разбитой техники. Некоторые танки и машины превращены прямо-таки в груды металлолома. Рядом покореженные немецкие гаубицы. Вверх колесами лежит семитонный грузовик. Тут же скрученные в невероятные узлы мотоциклы. Разбросаны бочки из-под горючего, гильзы взорвавшихся артснарядов, обгоревшие пулеметы.

Нам объяснили, что здесь нанесла мощный удар наша авиация. Те самые пятьсот самолетов. За одну только неделю ими сброшено двадцать тысяч бомб!

Кнорринг снова стал "стрелять" своей "лейкой"...

Один из его снимков мы дали потом на первую полосу "Красной звезды" во всю ее ширину - с подписью: "Фашистские танки группы Гудериана, подбитые в сентябрьских боях". А на вторую полосу заверстали другой снимок: "Результаты одного из налетов советских бомбардировщиков на моточасть фашистской танковой группы Гудериана".

В тот же день мне позвонил помощник Верховного Поскребышев, просил прислать для Сталина все снимки с Брянского фронта, какими располагает редакция. После этого звонка мы взяли за правило посылать в Кремль такого рода фотографии, без запросов оттуда, без напоминаний. На всякий случай!

На долгие годы запомнилась мне та поездка. И Эренбургу - тоже. Мы с ним сами не заметили, как оказались на НП дивизии,

потом - в полку, в батальонах, в ротах. Беседовали с командирами всех степеней, с политработниками, с рядовыми бойцами. Илья Григорьевич то и дело раскрывал свою записную книжечку с желтой обложкой - заносил в нее впечатления об этих людях, сообщаемые ими факты. Позже он напишет в "Красной звезде":

"Я видел сотни героев, слышал сотни изумительных историй. Это только капли живого моря; за ними дышит, сражается, живет бессмертный народ.

Древние изображали победу с крыльями. Но у победы тяжелая нога. Она не летит. Как боец, она пробирается под огнем, пригибается, падает и снова идет - шаг за шагом. Победа - большое величественное здание. Сейчас кладутся его первые камни. С благоговением я гляжу на свежую могилу. Под этими березами покоится боец - один из зачинателей победы. Он помог занять холм над речкой, маленький холм над маленькой речкой. Он сделал великое дело - на один шаг приблизил народ к победе..."

В дождливый сумрачный день, когда мы возвращались в Москву, войска Брянского фронта еще продолжали свое наступление. Однако, как известно, разбить 2-ю танковую группу Гудериана тогда не удалось. Она прорвалась за Десну и устремилась в тыл Юго-Западному фронту.

17 сентября

Напечатана статья генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского "Сентябрьские бои под Ярцевом". Это, так сказать, - заключительный аккорд Смоленского сражения.

Имя Рокоссовского впервые появилось в "Красной звезде" 22 июля, когда был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями свыше тысячи бойцов, командиров и политработников сухопутных войск. Среди награжденных орденом Красного Знамени под номером 100 значилось: "Генерал-майор Рокоссовский Константин Константинович". В ту пору это имя не было "на виду", и мы не стали докапываться, за какие подвиги награжден генерал. Одни события опережали другие - не под силу было за всеми поспеть. Только теперь, когда писалась эта книга, я решил ознакомиться с наградным листом на Рокоссовского, хранящимся в Центральном архиве Министерства обороны. Как обычно в подобных документах, там мало эмоций, суховат язык, скупо отражены конкретные боевые дела 9-го мехкорпуса, которым командовал Рокоссовский до 11 июля 1941 года, названы только некоторые из командирских качеств Константина Константиновича. Вот текст реляции:

"9-й мехкорпус вступил с марша в бой с превосходящими силами противника 23.6.41 г., наносил неоднократные, серьезные потери противнику, принуждая его к отходу.

Находясь в войсках, тов. Рокоссовский лично руководил боевыми операциями, принимая четкие решения и проводя их в жизнь.

Личным примером, храбростью вел за собой войска частей корпуса. Неоднократно на протяжении с 23.6.41 г. дивизии сдерживали наступление врага, отбрасывая его на исходные позиции и нанося серьезные потери. Умеет организовать войска на выполнение поставленной задачи.

Пользуется заслуженным авторитетом в войсках. Обладает большими организаторскими способностями, содействующими успешному проведению боевых заданий.

За проявленную стойкость, мужество в руководстве боевыми операциями войск частей корпуса, удостоен правительственной награды орденом Красного Знамени".

В Ставке высоко оценили первые боевые успехи Рокоссовского в этой войне. Он был переброшен с Юго-Западного фронта на Западный, поставлен во главе группы войск на

опаснейшем в то время направлении, потом стал командовать 16-й армией, игравшей выдающуюся роль на всем протяжении Смоленского сражения.

Я поручил нашему корреспонденту по Западному фронту Михаилу Зотову написать об этой армии. Зотов бывал неоднократно в 16-й армии Рокоссовского, знал многих из ее героев, повидал их в деле, сделал бесценные записи в своей записной книжке и мог бы, конечно, поделиться с читателями впечатлениями. Но он, поразмыслив, решил, что будет куда интереснее, если в газете выступит со статьей командующий армией. Явился к нему, теперь уже генерал-лейтенанту, - новое звание было присвоено Рокоссовскому два дня назад. Визит пришелся не на лучший час. Рокоссовскому было явно не до статьи. Беспрерывно звонил телефон. Константин Константинович выглядел усталым, чем-то раздраженным. Выслушав корреспондента, ответил уклончиво:

- Подумаю, но большего обещать не могу, обременен другими заботами.

Зотов, по простоте душевной, предложил испытанный в подобных случаях выход:

- Вы, товарищ командующий, распорядитесь, чтобы меня познакомили с соответствующими документами. Я попытаюсь подготовить текст статьи, который вы потом посмотрите, где нужно подправите и подпишете.

Рокоссовского даже передернуло. Он посмотрел на Зотова так, что у того мелькнуло невеселое предположение: "Сейчас выставит за дверь". Но сработали воспитанность и выдержка Рокоссовского. Он ответил весьма деликатно:

- Непривычен я, знаете, к подобным методам. Если уж так необходима моя статья, давайте встретимся денька через два-три. Может быть, за это время сумею написать ее. А не сумею - не обессудьте...

На третий день Зотов получил статью. И вот она у меня на столе. В статье рассказывалось, как полтора месяца назад 7-я немецкая танковая дивизия, усиленная пехотными и моторизированными частями, обойдя Смоленск, захватила Ярцево и заняла здесь выгодный рубеж для нового броска в направлении Москвы, кратчайшим путем - по автомагистрали. Но этому броску как раз и воспрепятствовали войска Рокоссовского. Сперва они вели упорные оборонительные бои, потом сами начали наступление, освободили Ярцево, вышли на западный берег реки Вопь, где и закрепились.

Генерал писал, что своими активными действиями на ярцевском направлении 16-я армия способствовала успеху

Ельнинской операции: отвлекла на себя часть резервов противника из района Ельни.

Я не буду пересказывать всю статью. Замечу лишь, что она была не только интересна, а поучительна. Можно бы сразу ставить ее в номер. Но вот незадача: до сих пор никаких сообщений об оставлении нашими войсками Ярцева не было. Поэтому, следуя законам логики, не могло быть сообщений и об освобождении этого города. Как быть? Долго мы мучились и в конце концов вполне ясные строки в статье Рокоссовского заменили весьма туманными: "Противнику неожиданным маневром удалось выйти к городу Ярцево и занять здесь выгодный рубеж". А в том месте статьи, где говорилось об освобождении города, появилась такая "эластичная" формулировка: "Наши войска отогнали неприятеля от города Ярцево и повсюду вышли на восточный берег реки Вопь..."

Спустя двадцать семь лет маршал К. К. Рокоссовский в своей книге "Солдатский долг" подробно описал бои под Ярцевом в сентябре 1941 года. Но позднейшие его оценки этих боев совпадают с теми, что он дал в "Красной звезде" по свежим следам событий. И "прятать" Ярцево ему, как нам в ту пору, не пришлось. Кстати, это слово я как раз услышал от Константина Константиновича. Во время одной из бесед, когда мы вспомнили его статью, он, рассмеявшись, заметил:

- Плохо вы тогда спрятали Ярцево, как шило в мешке...

Тогдашняя статья Рокоссовского не обойдена вниманием историков. В фундаментальном труде "История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945" основные ее положения пересказаны со ссылкой на "Красную звезду" от 17 сентября 1941 года.

18 сентября

Алексей Толстой прислал в редакцию киносценарий под названием "Рейд энской дивизии". О том, что он пишет сценарий, мы знали давно. Были посвящены и в авторский замысел: окружение, бои в тылу врага, выход из вражеского кольца, партизаны... Эти коллизии - драматические и героические - волновали писателя на протяжении довольно продолжительного времени. Во всяком случае, он копил такой материал вплоть до 1942 года, когда мы напечатали в "Красной звезде" самое значительное, на мой взгляд, произведение Толстого о Великой Отечественной войне - "Рассказы Ивана Сударева".

Алексей Николаевич проявлял исключительный интерес к

очеркам Александра Полякова "В тылу врага", высоко ценил их автора. В известной статье Толстого о литературе и войне есть такие строки: "Все устремления советской литературы сейчас - подняться до уровня моральной высоты и героических дел русского воюющего народа. Литература наших дней - подлинное народное и нужное всему народу высокое гуманитарное искусство. Оно круто идет на подъем". Вслед за этим назывались имена признанных советских писателей и в один ряд с ними поставлен А. Поляков.

Знал я также, как Алексей Николаевич буквально штудировал статью генерала И. В. Болдина "Сквозь вражеское кольцо". Не ошибусь, наверное, если скажу, что под впечатлением именно этих материалов он и взялся писать свой сценарий.

Мы, в меру наших возможностей - увы, не таких уж богатых, "подбрасывали" ему кое-какие дополнительные материалы. Разумеется, не без "корыстной" надежды на то, что фрагменты из сценария можно будет напечатать в "Красной звезде". Об этом я прямо писал Толстому: "Как у Вас идет работа над сценарием? Когда Вы его закончите - напечатаем в газете один-два отрывка".

Из присланной Алексеем Николаевичем рукописи мы выбрали для газеты страниц десять. Они и пошли в номер от 18 сентября. А в целом это произведение Толстого не опубликовано и поныне. Кинокартина по нему не снималась. Пока готовились к съемкам, началось наше контрнаступление под Москвой, тема борьбы в окружении отошла на второй план. Сценарий этот так и лежит в литературном архиве.

* * *

Наконец-то после почти двухнедельного исчезновения объявился Константин Симонов. Получен его очерк "У берегов Румынии". Об этом стоит рассказать подробнее.

Как уже говорилось выше, в последних числах августа из Симферополя прилетел Халип с одесскими корреспонденциями Симонова и своими снимками. Через два дня он отправился в обратный путь. С ним я передал новое задание Симонову: побывать на одной из подводных лодок, развернувших на Черном море довольно активные действия, и написать очерк о ее боевых делах, ее героях.

По нашим расчетам, на выполнение такого задания Симонову достаточно было одного дня, от силы двух дней. Но прошла неделя, заканчивается другая, а очерка о подводниках нет. Нет никаких сведений и о самом Симонове. Куда он делся?

Телеграфировал сперва ему: "Дайте знать о себе". Посыпались одна за другой телеграммы Халипу: "Где Симонов?", "Разыскать Симонова!"

А Симонов все это время находился, оказывается, в подводном плавании к берегам Румынии.

Сначала у него был план слетать на одном из бомбардировщиков нашей дальней авиации, наносивших удары по военной базе гитлеровцев в Констанце. КП корпуса дальних бомбардировщиков находился в Крыму. Командовал этим корпусом полковник В. А. Судец, будущий маршал авиации. Явился к нему писатель, и между ними состоялся любопытный диалог, о котором позже рассказывали мне и Симонов и Судец.

- Посадите меня на бомбардировщик.

- Зачем?

- Хочу написать очерк для "Красной звезды".

- Они летают ночью. Что вы там увидите?

- Ничего не увижу, но почувствую.

- Вам там нечего делать. - И, рассчитывая, вероятно, на авиационное невежество корреспондента, комкор объяснил: - Самолет не может брать лишних пассажиров... - Затем, подумав немного, добавил: - Могу предложить место стрелка-радиста, но для этого надо подучиться. Если согласны пойти на курсы, это - в моих возможностях...

Но Симонов знал, что полковник располагает и другой возможностью: с его разрешения экипаж бомбардировщика найдет, где пристроить корреспондента. Попробовал сломить упрямство Судеца авторитетом ГлавПУРа извлек из кармана гимнастерки свое командировочное предписание. Однако это возымело обратное действие. Судец посмотрел на подпись заместителя наркома обороны и прямо-таки взъярился:

- Вы меня не пугайте!.. Я не из пугливых...

Словом, полет Симонова сорвался. А тут как раз подоспело редакционное задание - написать о боевом походе подводной лодки. Симонов решил сам участвовать в таком походе.

Уговорить командующего флотом вице-адмирала Октябрьского оказалось легче, чем Судеца. О полученном от него разрешении Симонов нам не сообщил с него взяли слово, что он об этом никому не скажет. К тому же Константин Михайлович сомневался, получит ли он мое согласие.

Нелегко пришлось Симонову в этом походе. Вскоре после погружения он почувствовал, что трудно дышать - не хватало воздуха. Стало очень жарко. Корреспондент наш скинул с себя все, остался в одних трусах. Моряки шутили: теперь, мол, остается новоявленному подводнику только нацепить знаки различия...

Не без юмора Симонов рассказывал потом, как он осваивал "материальную часть" лодки:

- Когда я ударялся о что-нибудь головой, плечом или носом или какой-то другой частью тела, ближайший подводник с невозмутимым лицом говорил: "А это, товарищ Симонов, привод вертикального руля глубины..." "А это клапан вентиляции..." Не заметив, что люк открыт, я шагнул и провалился до пояса в аккумуляторное отделение. Старший помощник Стршельницкий сказал: "А это аккумуляторное отделение", - и только после того протянул мне руку, чтобы я мог вылезть из этого отныне знакомого мне отделения.

Конечно, об этом Симонов не писал в очерке. Там было о другом: "Стрелка на часах подходит к четырем, я вижу в перископ румынский берег. Теперь он кажется совсем рядом - оборванные склоны гор, осыпи камней, прилипшие к скалам домики..."

Лодка занималась минированием выходов из порта. Но это являлось военной тайной: нельзя подсказывать противнику, что выходы из порта заминированы. Пришлось и в данном случае прибегнуть к эластичным фразам: "Наступила новая ночь. Мы обшариваем гавань..." "Все что нужно обшарили, возвращаемся..."

На обратном пути в открытом море встретили вражеский военный корабль и потопили его. С корабля, вероятно, успели в последний момент передать по радио координаты подводной лодки. Вскоре появились фашистские самолеты, сбросили на нее глубинные бомбы. К счастью, все обошлось благополучно.

Когда лодка вернулась на свою базу и подводники вышли на пирс, их встретила группа корреспондентов из разных газет, в том числе - флотских. Набросились на командира лодки с расспросами о походе. Он помедлил, развел руками и невозмутимо произнес:

- Что я буду вам говорить? Обо всем этом вам лучше меня расскажет ваш товарищ из "Красной звезды" - Симонов. Вон он, спрашивайте его...

Не могу и сейчас сдержать улыбку, представляя себе немую сцену на пирсе, когда журналисты узнали в худощавом парне, облаченном в морскую форму, своего коллегу - Константина Симонова!

На узле связи ему вручили разом все мои "свирепые", как он считал, депеши. Симонов решил не отвечать на них до того, как напишет о походе. Написал, передал написанное и лишь после того доложил о своем возвращении из плавания. Позже Константин Михайлович рассказывал, смеясь:

- Так я пытался самортизировать предстоящий удар. Хотя он все же последовал: за очерк получил благодарность, а за "самоволку" нагоняй - все сразу, в одной и той же телеграмме.

Очерк Симонова "К берегам Румынии" ушел в набор

немедленно. Он и впрямь сыграл роль амортизатора. Когда все наши волнения и тревоги остались позади, у меня, признаться, не хватило пороха для настоящего "нагоняя". В душе гордился храбростью Симонова, радовался, что и в эту войну, так же как на Халхин-Голе, он оставался верен неизменному нашему правилу - видеть своими глазами все, о чем намереваешься писать!

19 сентября

Этот номер газеты составлен преимущественно из "чисто" военных материалов, то есть статей на тактические темы.

Очень хороша передовая - "Уничтожать фашистскую авиацию на ее аэродромах". В ней поставлено немало важных вопросов. О том, что господство в воздухе завоевывается не только в воздушных боях, какими бы горячими они ни были; надо уничтожать самолеты врага и на земле. О тщательности разведки неприятельских аэродромов - умении отличать действительные аэродромы от ложных, боевые самолеты - от макетов. О необходимости выслеживать фашистские самолеты в воздухе при возвращении их на свои базы. Приведен такой поучительный пример. Эскадрилья бомбардировщиков капитана Сысоева, пристроившись в хвост группе "юнкерсов", в течение часа следовала за ними, оставаясь незамеченной. А когда немецкие летчики пошли на посадку, Сысоев и его боевые товарищи в несколько минут уничтожили пятнадцать бомбардировщиков и четыре истребителя.

А еще идет в передовой речь об умении выбрать время для атаки, чтобы застать противника врасплох. О правильном распределении сил штурмовой группы, чтобы застраховаться от атак неприятеля. Об эшелонированных ударах с воздуха, особенно в ночное время: первый эшелон стремится создать пожары, последующие - используют их как ориентир для нанесения точного удара. Действуя так, летчики из полка майора Юколова уничтожили на вражеском аэродроме более десятка фашистских самолетов, взорвали склады боеприпасов и горючего...

Привлекает внимание статья корреспондента по Северо-Западному фронту Викентия Дермана "Сила огня и маневра в обороне". Не последнее место занимает в ней тактика отражения так называемых "психических" атак. Противник хоть и редко, но практикует их. Автор статьи лично наблюдал одну из таких атак:

"Немцы двигались компактными массами в строю. Автоматчики первых рядов вели сильную стрельбу на ходу. Когда

стрельба автоматов утихала, из строя доносились дикие выкрики... Несколько наших подразделений, пользуясь укрытиями, отошли назад и вправо. Продвигаясь вслед за ними, немцы подставили свой фланг под огонь подразделений второго эшелона... В дивизии выработалось правило: если фашисты идут густым строем, не разгонять их преждевременными выстрелами, подпускать ближе, а затем, хладнокровно прицеливаясь, бить без промаха..."

Со статьей "Инициатива и внезапность" выступил командир батальона капитан Редюк. Он рассказывает о рейде батальона по тылам врага. В числе прочих приводится и такой интересный факт. Разгромив колонну немецких грузовиков и захватив при этом 40 пленных, батальон вынужден был принять встречный бой с превосходящими силами противника. В пылу боя некогда было думать об охране пленных. Фактически они оказались на свободе. Каково же было удивление капитана и его бойцов, когда, сосредоточившись на новом рубеже, увидели, что пленные возвращаются к ним. Все вместе, под предводительством своего обер-ефрейтора.

- Не убежали? - удивился Редюк.

- Хватит, навоевались, - ответил ему обер-ефрейтор.

Конечно, такой эпизод мог иметь и имел место в первые месяцы войны. Но из него не следовало делать скоропалительных выводов. И газета предостерегала от этого. Для добровольной массовой сдачи гитлеровцев в плен время еще не пришло и не везде придет даже в отдаленном будущем.

Наше тогдашнее предчувствие не обмануло нас. Я хорошо помню, как 38-я армия, в составе которой мне довелось заканчивать войну, доколачивала под Прагой группу Шернера, не пожелавшую сложить оружие даже после официальной капитуляции гитлеровской Германии.

* * *

В опубликованной два дня назад статье К. К. Рокоссовского было несколько весьма интересных строк о системе обороны немцев под Ярцевом и способах ее преодоления. Следовало развить эту тему пошире, проиллюстрировать конкретными примерами. Сразу же ушла телеграмма спецкору. И на второй день он прислал статью "Система немецкой обороны на реке Вопь". Даже с графической схемой. Напечатанная в сегодняшней газете, она показывает, какой крепкий "орешек" достался войскам Рокоссовского и сколько потребовалось усилий, умения, мужества, чтобы "разгрызть" его.

Потрясает корреспонденция Леонида Высокоостровского "Двуногие звери". В ней воспроизводятся изуверская инструкция и

приказ командира 123-й дивизии вермахта генерала Рауха. На советской земле, по убеждению генерала, надо чаще "прибегать к строжайшим мерам наказания, как-то: вешать казненных на площадях для общего обозрения... На виселицах должны быть таблички на русском языке с примерным текстом: "Повешен за то-то".

Столь же обстоятельно генерал-палач распорядился по части ограбления советских городов и сел:

"1. Любыми средствами должны быть захвачены меховая одежда всех видов: невыделанные меха, меховое пальто, жакеты, шапки...

2. Также должна быть собрана и сохранена другая пригодная для зимних условий одежда: зимние пальто на вате, куртки, перчатки, рукавицы, наушники, наколенники, фуфайки всех видов, теплое белье, носки, валенки..."

Этот генерал смотрел дальше своего фюрера: ощутив крах блицкрига, уже в августе забеспокоился о зимней одежде! Пройдет еще месяца два - и мы увидим немецких солдат в дамских меховых пальто, да еще с муфтами, и в так называемых "эрзац-валенках", не единожды высмеянных Ильей Эренбургом и Борисом Ефимовым.

* * *

Но это еще впереди. А пока Эренбург разрабатывает темы, подсказанные сентябрьской действительностью. Его сегодняшняя статья называется "Василиск". Тема навеяна корреспонденцией Саввы Дангулова "С листовками в глубокий тыл врага". Там рассказывалось о нелегких воздушных рейсах майора Угрюмова в Восточную Пруссию. Под обстрелом вражеских зениток, отбиваясь от фашистских истребителей, он высыпал на немецкие города сотни тысяч листовок.

Статья Эренбурга начинается так:

"Наши летчики везут немцам гостинцы. Иногда они берут не бомбы, а листовки. В листовках мы говорим немецкому народу: погляди, чем ты был и чем стал. Ты был народом Канта и Гёте, Маркса и Гейне. Ты стал солдатом шулера Геббельса, бандита Геринга, сутенера Хорста Весселя. Ты был усидчивым тружеником и философом. Ты стал кочевником и убийцей. До Гитлера ты строил больницы и школы, заводы и музеи. С Гитлером ты разрушил Роттердам и Варшаву, Орлеан и Белград...

Сосчитай, сколько твоих знакомых уже убиты в России. Пока ты еще можешь их сосчитать. Потом тебе придется считать уцелевших..."

И о василиске:

"В древности люди считали, что существует мифический

зверь василиск. По описанию Плиния, василиск - ужасен. Когда он глядит на траву, трава вянет. Когда он заползает в лес, умирают птицы. Глаза василиска несут смерть. Но Плиний говорит, что есть средство против василиска: подвести василиска к зеркалу. Гад не может выдержать своего собственного вида и околевает.

Фашизм - это василиск. Он несет смерть. Он не хочет взглянуть на самого себя. Германия боится зеркала: она завешивает его балаганным тряпьем... Но мы ее загоним к зеркалу. Мы заставим немецких фашистов взглянуть на самих себя. Тогда они издохнут, как василиск.

Кидайте бомбы, товарищи летчики! Кидайте и листовки... Гитлеровцы не уйдут от фугасок. Они не уйдут и от зеркала".

* * *

Мне позвонил Дмитрий Мануильский - секретарь исполкома Коминтерна. Ему понравилась статья Эренбурга, он сказал, что решено перевести ее на немецкий язык и забросить в тыл противника. Когда я сообщил об этом Илье Григорьевичу, он ответил:

- А я уже сам перевел ее и на немецкий, и на французский. Для радио...

Немецкий перевод мы сразу же переслали Мануильскому.

Стали появляться в "Красной звезде" партизанские материалы. Вначале шли небольшие заметки. Но уже 16 июля газета напечатала развернутую корреспонденцию украинского писателя Ивана Ле о подвиге партизан из колхоза "Красный луч", истребивших фашистский отряд. Затем опубликовали статью секретаря ЦК партии Белоруссии П. Пономаренко "Разгорается пламя партизанской войны в Белоруссии". Печатались также красноречивые документы - приказы, дневники, письма, в которых гитлеровские офицеры и солдаты вынуждены были признать, что местное население встречает оккупантов не хлебом и солью, а штыками, гранатами и топорами.

6 августа мы получили Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями большой группы советских граждан, отличившихся в партизанской борьбе на территории Белоруссии. Первые награды партизанам! Первые Герои Советского Союза из партизанских командиров Тихон Бумажков и Федор Павловский!

Вспоминаю, каким взволнованным прибежал тогда ко мне секретарь редакции Александр Карпов.

- Зевнули наши корреспонденты. О партизанах нет в нашем портфеле ничего.

- Звоните в Гомель Трояновскому и Гроссману, -

распорядился я. - И давайте думать, что можем сделать сами.

У нас уже был опыт: научились немедленно откликаться на такого рода события.

Прежде всего - передовая. Ее подготовили через два часа. Стали искать в Москве белорусских поэтов. Нашли Петруся Бровку. Показали ему Указ.

- Тихона Бумажкова я знаю, - сказал поэт. - Это один из секретарей райкомов партии. С удовольствием напишу о нем.

Вечером Бровка принес свое стихотворение "Партизан Бумажков". Мы поставили его на первую полосу, сразу после Указа. Непритязательные строки, а запомнились:

Свой отряд среди лесов
Вел товарищ Бумажков...
Сто четыре храбреца
Каждый верен до конца.
Им, отважным, не страшна
Партизанская война.
Командир их впереди,
Гнев пылает в их груди.
...
Обходя своих бойцов,
Тихо молвил Бумажков:
- Бейте гада прямо в лоб,
Загоняйте гада в гроб!
И от залпа дрогнул шлях,
Получил гостинцы враг.
- Ты за хлебом прешь, подлец?
Получай и жри свинец.
- Наш забрать ты хочешь сад?
Так отведай же гранат!
Крови жаждешь, волчий сын?
На бутылку, пей бензин!
...
Партизаны напролом
Били пулей и штыком.
И меж соснами в пыли
Двадцать танков полегли.
Враг нам смерть и ужас нес,
Но погиб кровавый пес.
И опять среди лесов
Водит хлопцев Бумажков.

А на следующий день мы уже развернулись пошире: Василий

Гроссман и Павел Трояновский прислали из Гомеля подборку разных материалов. В ней беседа с секретарем ЦК партии Белоруссии Г. Б. Эйдиновым о подвигах партизан, отмеченных наградами, очерк о Бумажкове и Павловском...

Чутье подсказывало нам: вероятно, скоро последует еще один Указ - о награждении украинских партизан. Чтобы он не застал нас врасплох, заблаговременно дали задание корреспондентам по Юго-Западному фронту: срочно сделать полосу о партизанах Украины.

Они сработали оперативно. Все материалы передали по телеграфу. Здесь и статья члена Военного совета фронта дивизионного комиссара Е. Рыкова, и дневник партизанского разведчика Николая Хромова, большой очерк Бориса Лапина и Захара Хацревина "Лесная армия" и др.

По общему мнению, полоса - от первой до последней строки - была, как у нас говорили, читабельной, то есть интересной, впечатляющей. Особенно хотелось бы отметить писательский очерк "Лесная армия". Лапин и Хацревин рассказывают о своих встречах с партизанами:

"Это было при разных обстоятельствах: на опушке леса, где появлялся бородатый крестьянин с косой на плече, прошедший в расположение Красной Армии; на траве у полевой кухни, где партизаны кормились после нескольких дней блужданий по лесу на самой линии фронта; в деревенской хате перед обратным уходом "туда"; ночью при свете пылающего пожара, на окраине села, в трагический и полный величия момент, когда только что организованный отряд колхозников прощался с красноармейцами, переходившими на новые позиции..." То есть оставлявшими это село.

Один из отрядов писатели провожали в тыл врага. Десять дней спустя им удалось снова встретить двоих партизан этого отряда:

"В дубовом лесу, невдалеке от переднего края, они сидели на траве. Парень и девушка... Сегодня ночью они пришли из фашистского тыла. Через час им предстояло снова вернуться к своим... Они приобрели все навыки старых бойцов "потайной войны". Они научились ориентироваться в темноте, спали под дождем, укрывшись ветками, пили болотную воду, перекликались друг с другом птичьими голосами..."

И дальше - рассказ о первых боевых делах отряда. И прощание с партизанами - щемящая душу пророческая концовка:

"В глубоком волнении мы глядели ему вслед. Придет время - его имя и имена боевых его товарищей будут названы перед лицом всего народа - на вечную славу..."

Однако и эта полоса, и все прочие наши публикации о народной войне в тылу врага делались не так, как мы привыкли делать для газеты фронтовые материалы, по крайней мере большую часть из них. Те писались, как правило, под впечатлением лично увиденного корреспондентом, а здесь пока только с чужих слов.

Начал я подумывать: не забросить ли кого-нибудь к партизанам? Случай такой подвернулся. Работал у нас корреспондентом по Юго-Западному фронту лейтенант Евгений Свиридов. Разговаривая с ним однажды по телефону, я высказал недовольство тем, что он не пишет о партизанском движении.

- Пошлите меня к партизанам, напишу, - отвечает Свиридов.

- Хорошо, подумаем, - пообещал я.

В тот же день позвонил в Военный совет фронта, дивизионному комиссару Рыкову, попросил его организовать переброску Свиридова через линию фронта. Рыков обещал мне сделать это и обещание свое выполнил. Первая попытка не удалась: немцы обнаружили лодку, на которой корреспондент переправлялся через реку, и потопили ее. Свиридов вернулся обратно вплавь. Через несколько дней его посадили на самолет и сбросили с парашютом далеко от линии фронта в какой-то лес. Увы, ему не повезло и в этот раз. С партизанами он связаться не сумел и вернулся с пустыми руками...

* * *

Через некоторое время получили телеграмму от нашего корреспондента по Южному фронту: "Выехал в специальную командировку. Вернусь - доложу. Лильин". Тщетно пытались мы разгадать, что это за "специальная командировка"? Через неделю все разъяснилось само собой. Лильин прислал четыре очерка под рубрикой "Письма из партизанского отряда".

Раньше чем знакомить читателей с этими очерками, хочу рассказать немного об их авторе - Теодоре Яковлевиче Лильине. Он был, кажется, единственный среди сотрудников "Красной звезды", кому довелось начать свою журналистскую деятельность еще в годы гражданской войны в армейской газете "Красный боец" на врангелевском фронте. После разгрома Врангеля были долгие годы работы в местной печати, затем более десяти лет Лильин работал корреспондентом "Правды" на Украине. Незадолго до Отечественной войны перешел в "Красную звезду" и возглавил у нас отдел информации.

Немало сделано им для привлечения к сотрудничеству в нашей газете видных советских писателей, о чем свидетельствует хотя бы такая записка:

"Уважаемый тов. Лильин! Очень обрадовало меня Ваше

любезное письмо. С удовольствием буду сотрудничать в такой замечательной газете, как "Красная звезда"... Привет тов. Ортенбергу.

С искренним уважением М. Бажан".

Когда началась Отечественная война, удержать Лильина в Москве не удалось - выпросился на фронт. Писал оттуда немало, но еще больше добытых материалов передавал в редакцию для писателей, хотя мог бы и сам написать. Но Лильину было чуждо тщеславие. Он заботился прежде всего о том, чтобы выступление газеты получило бы наибольшее общественное звучание.

Вот еще одна из характерных записок Лильину:

"Дорогой товарищ Лильин! Хочу Вас поблагодарить за присылку интересных материалов. Все то, что я не использую для "Красной звезды", даю в заграничную печать. Ваши материалы о Франции и Бельгийских легионах имели успех во Франции (даю через радио и газеты де Голля). Всегда с увлечением читаю Ваши корреспонденции.

С приветом Илья Эренбург".

Хорошо известна храбрость Теодора Яковлевича в боевой обстановке. Мне довелось видеть его при форсировании Днепра войсками 6-й армии южнее Днепропетровска. Выдержка у него была подлинно солдатская!

Дочь Лильина, писательница Лариса Исарова, рассказала мне о любопытной ее беседе с одним из бывших фотокорреспондентов "Красной звезды". Когда она назвала фамилию отца, собеседник ее отозвался о нем так:

- Жестокий, беспощадный человек! Всех нас гнал в огонь. Ему, видите ли, нужны были только подлинные боевые кадры.

- А сам он где находился в это время? - спросила Лариса Теодоровна.

- Ну, сам-то лез только на передовую. Да ведь не все же такие, как он, заговоренные.

- Вы с ним ссорились?

- Еще бы.

- Боялись, что он начальству пожалуется?

- Нет, этого он никогда не делал. Сам любил воспитывать...

Я не знал об этой истории - Лильин не подводил товарищей. Зато отлично знаю, что к самому себе он был гораздо требовательнее, чем к другим, отличался редкостной скромностью и искренностью. Позволю себе обнародовать выдержку из одного его письма жене (их обоих давно уже нет в живых):

"На протяжении двух месяцев на меня сразу свалились две правительственные награды, которые, особенно последняя,

буквально подавила меня своей неожиданностью и высоким значением. 22/IV мне был вручен орден Красного Знамени. Я просто был ошеломлен такой высокой оценкой моих заслуг. До этого, в мае, я тебе писал, не знаю, дошло ли до тебя, я получил из Москвы телеграмму, что награжден медалью "Партизану Отечественной войны". Я чувствую себя в долгу за эти награды и просто не знаю, чем их еще оправдать.

Меня особенно растрогало награждение орденом Красного Знамени, первым, учрежденным в нашей стране орденом, к которому я привык всегда относиться с огромным уважением и меньше всего думал, что когда-нибудь получу его и я. И вот в такие минуты душевной растерянности, пусть хотя и радостной, мне не хватает тебя, или, по крайней мере, твоих писем, моя любимая..."

После того немногого, что я рассказал здесь о Лильине, ни у кого, по-моему, не возникнет вопрос: почему именно он первым из сотрудников "Красной звезды" (да, пожалуй, даже первым из всех корреспондентов центральной печати) пробился к партизанам, чтобы написать о них не по чужим рассказам, а по собственным впечатлениям.

И вот опубликован первый из четырех его очерков - "В плавнях". Прежде всего автор знакомит читателей с экстремальными природными условиями, в которых действуют партизаны:

"На многие десятки тысяч гектаров раскинулись днепровские плавни. Лоза, ива, верба, высокие зеленые травы образовали здесь речную тайгу. Плавни лежат на воде. Глубина на два штыка, говорят партизаны о почве, а там снова днепровская вода. Чужому человеку в зарослях плавней - гибель. В двух шагах от вас могут скрываться люди, а вы и не заметите этого. Плавни изрезаны реками, речонками и бакаями. Бакаи - местное название небольших оврагов, всегда заполненных водой. Здесь часто глубина в человеческий рост".

Дальше рассказывается, как формировался партизанский отряд, который возглавил Федор Тихонович Рыжиков - в прошлом грузчик, перед войной директор одного из местных предприятий, коммунист с 1919 года, партизанивший всю гражданскую войну.

Непрост был путь корреспондента в партизанский лагерь.

Но об этом Лильин не желает распространяться. Ограничивается скороговоркой:

"Партизанский катер захватил нас на левом берегу Днепра... У одного из рукавов катер останавливается. Дальше мелко, и он не рискует туда двигаться. Пересаживаемся на плоскодонки и медленно плывем по тихим заводям. Много зеленой ряски,

плавают широкие, похожие на лопухи листья водяных лилий, тихо колышутся ветви склонившихся над водой серебристых ив... Нас осторожно окликают часовые. Пароль - и мы в партизанских владениях".

Основу первого очерка составляют зорко подмеченные автором специфические подробности партизанского быта, который только-только начинал складываться. В трех последующих речь идет уже о боевых делах партизан. Пересказывать и даже цитировать их не буду: теперь, когда вышло столько превосходных книг о партизанской борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, очерки Лильина могут показаться не такими уж яркими. А тогда все это было внове, своеобразное окно в неизведанное.

Эти очерки перепечатали "Правда", многие областные газеты. Их передали по радио, они вышли без ведома автора отдельной книжкой в издании "Огонька".

Да, честно заработал Лильин свою партизанскую медаль.

К слову сказать, когда мы представляли его к награждению, никаких реляций я не писал. Просто приложил к нашей просьбе четыре напечатанных нами очерка корреспондента. Этого было достаточно.

23 сентября

Немецкое радио объявило, будто бы в районе озера Ильмень германскими войсками разбиты крупные силы трех советских армий и что эти армии потеряли много людей и боевой техники. Для пущей убедительности были названы цифры наших потерь: 53 тысячи человек, 320 танков, 695 орудий.

Я пошел в Генштаб проверить эти данные. Там картина прояснилась. Да, наши войска понесли большие потери в людях: ранеными и убитыми до 30 тысяч человек. Немало потеряно и артиллерии, хотя значительно меньше, чем объявил Берлин. А в отношении танков просто бессовестное вранье: на всем Северо-Западном фронте их было несколько десятков. Но главное в другом: наши армии не разбиты, они живут, действуют, упорно сопротивляются врагу, наносят ему тяжелые потери.

Надо ответить гитлеровским брехунам. К военному проводу был вызван корреспондент по Северо-Западному фронту Леонид Высокоостровский. Я посвятил его в наши намерения и спросил: кто из фронтового начальства смог бы выступить на страницах газеты. Корреспондент сразу же назвал генерал-лейтенанта Н. Ф. Ватутина. В ту пору Ватутин был уже известным военным

деятелем: в начале войны он занимал пост первого заместителя начальника Генштаба, потом возглавил штаб фронта.

Ватутин с готовностью откликнулся на нашу просьбу и вот статья его "Правда о боях в районе озера Ильмень" - уже напечатана. В ней подытожены результаты боевых усилий армий Северо-Западного фронта на протяжении целого месяца:

"Стараясь выйти к озеру Ильмень, фашисты сгруппировали крупные силы и повели наступление в направлении Сольцы - Шимск. Они оттеснили наши части прикрытия и на узком участке прорвались в глубь обороны примерно на 12-15 километров. Так появился клин, столь излюбленный гитлеровскими генералами. Однако, говоря фигурально, клин этот был вышиблен клином же..."

Не имела успеха и другая попытка противника - обойти оборону советских войск с севера. "Если обозначить этот путь карандашом, - продолжает Ватутин, - то графически получится почти сомкнутая линия круга, в которой оказались наши части. Надо полагать, что генералы из 16-й немецкой армии именно так и рассуждали, объявляя об окружении советских войск. На самом же деле фашистские мотомехколонны прокатились лишь по нашей тыльной дороге, а затем сами попали в окружение и перешли к обороне. Концентрическим наступлением нашей пехоты враг был почти полностью разгромлен. Только небольшим его группам удалось прорваться обратно, на соединение со своими войсками".

В статье были точно названы группировки и дивизии противника, потери врага. При этом подтверждалось все трофейными документами и показаниями пленных.

После того была еще одна статья Ватутина с Северо-Западного фронта, и я все время помнил о нем как о возможном авторе новых выступлений в "Красной звезде" по крупным военным вопросам. Однако долго не представлялось случая поговорить с ним об этом. Встретились мы только зимой 1943 года в ходе Изюм-Барвенковской наступательной операции войск Юго-Западного фронта. Ватутин возглавлял уже этот фронт, а до того командовал Воронежским фронтом, силами которого успешно осуществил Острогожско-Россошанскую наступательную операцию, участвовал в Воронежско-Касторненской - тоже наступательной - операции.

Николаю Федоровичу едва перевалило тогда за сорок. Он был не по летам грузноват, но очень подвижен и деятелен. За тот день, что я провел у него и наблюдал его работу, он столько дел переделал, что диву даешься.

За скромным обедом зашел, конечно, разговор и о "Красной

звезде": в каждой поездке по фронтам я стремился проверить эффективность и прицельность выступлений газеты, их соответствие запросам действующей армии. Сказав несколько добрых и даже лестных для нашего коллектива слов, Ватутин выразил пожелание, чтобы "Красная звезда" лучше освещала опыт наступательных операций. Притом были помянуты и Острогожско-Россошанская и Воронежско-Касторненская. Я не замедлил воспользоваться этим:

- Слово за вами, Николай Федорович. Готовы дать вам целую полосу на любую из этих операций, а равно и на ту, которую вы проводите теперь. Помните, как сильно прозвучала ваша статья о боях в районе озера Ильмень? Вот так бы и сейчас...

- Сейчас - другое дело. Как можно писать о самом себе?.. А впрочем, подумаю, - пообещал он.

Интересный это был человек. Не могу забыть эпизод, связанный с назначением его на пост командующего войсками Воронежского фронта. По свидетельству А. М. Василевского, на совещании в Ставке при подборе командующего для этого фронта возникли затруднения. "Назвали несколько военачальников, но Сталин отводил их. Вдруг встает Николай Федорович и говорит:

- Товарищ Сталин! Назначьте меня командующим Воронежским фронтом.

- Вас?.. - Сталин удивленно поднял брови..."

Ах, как я жалею, что ничего не знал об этом при моей встрече с Ватутиным зимой 1943 года. Непременно бы расспросил о подробностях. Случай-то, как говорится, из ряда вон. Надо было обладать большой верой в свои возможности, свои силы и, конечно, незаурядной решимостью, чтобы сделать такое заявление Верховному, пренебрегая ради великого дела мелочными условностями. Ватутин обладал всем этим. И Верховный утвердил его в должности командующего фронтом.

...Прощаясь в тот раз с Николаем Федоровичем, я попросил у него самолет - слетать до Изюма. В Изюм меня тянуло неудержимо. И не только потому, что хотелось побывать в боевых частях. В Изюме я жил и работал в 20-е годы. Там протекала моя комсомольская юность. Там в 1922 году меня приняли в члены партии. В Изюме я впервые взял в руки рабселькоровское перо, а впоследствии там же редактировал окружную газету. Очень хотелось взглянуть, что осталось от родного мне города.

Каково же было мое изумление, когда Ватутин, так хорошо принявший меня, вдруг отказал мне. Отнюдь, как выяснилось, не по скупости, а по доброте своей и трезвости взглядов: не хотел подвергать меня необязательному риску.

Все же я уговорил его. Дал он мне и даже не один, а два

самолета.

- На всякий случай... - объяснил Николай Федорович эту свою щедрость.

* * *

Владимир Лидин принес фельетон с интригующим заголовком: "Мед и пчелки". В руки писателя попал дневник старшего фельдфебеля 305-го пехотного полка Карла Баумана. Фельдфебель с педантичной аккуратностью записывал каждый день все, что происходило на его глазах, и свои переживания. Событий было много, переживания же связывались, главным образом, с едой - автор любил пожрать, особенно обожал мед.

Вот выдержки из дневника:

"22 июня. Война с Россией. Переход через Прут в 2 часа... Говорят, в России хороший мед.

25 июня.

Наша атака отбита.

2, 3, 4 июля. Сильное сопротивление русских (Абель и Кельман убиты...).

28 июля. Убит Раумер..."

И так каждый день - то убитые, то тяжело раненные. Но при этом автор не забывал о меде:

"7 августа. Александровка. Дождь. Расположились в крестьянском доме. Наконец мы достали мед. Блаженство было бы полным, если бы не бомбежка.

11 августа. Выход в 6 часов. Отдых в фруктовом саду. Осталось немного меда из Михайловки. Мед - прекрасная вещь!..

20 августа. Прибытие в Бобринец в 6 часов. Отдых - фруктовый сад, пиво и чудесный мед. Почему я такой сластена? Решено: я остаюсь в России. Здесь можно будет даром заполучить огромную пасеку вместе с рабочими. Эмма приедет сюда, и мы будем жить как в раю".

Наконец последняя запись:

"30 августа. 9 человек убитых, 3 человека раненых. Сильный артогонь, воздушная атака..."

К этому дневнику - колючий комментарий писателя, раскрывающий суть заголовка:

"В общем, мед действительно был. А потом прилетели пчелки. Пчелка ужалила старшего фельдфебеля Баумана, и ему пришлось расстаться и со своим дневником, и с надеждами на хорошую жизнь. Любители чужого меда должны знать: наши пчелки больно кусаются".

Хотя номер газеты был уже сверстан, все же эту заметку втиснули на четвертую полосу.

25 сентября

Сводка Совинформбюро совсем краткая: "В течение 24 сентября наши войска вели бои с противником на всем фронте". За этой краткостью кроются драматические события. Армии Юго-Западного фронта бьются уже в окружении. Реальная угроза нависла над харьковским промышленным районом и Донбассом. Ленинград - в блокаде. Крым отрезан от страны. Правда, на центральном стратегическом направлении враг остановлен. Надолго ли? Нет сомнений, что немцы готовятся к новому прыжку на столицу. Не прекращаются налеты на Москву фашистских бомбардировщиков.

В эти грозные дни вновь прозвучал вдохновенный голос Алексея Толстого. Опубликована его большая статья "Нас не одолеешь!". Эта статья доставлена в редакцию из Горького. Как туда попал Толстой? А вот так.

Позвонил мне секретарь ЦК партии А. С. Щербаков и сказал, что решено эвакуировать Толстого с семьей в Горький.

- Почему?

Почувствовав в моем голосе протестующую нотку, Александр Сергеевич объяснил:

- Он ведь не только ваш корреспондент, но и... Толстой! Не можем мы рисковать его жизнью...

Признаться, не все мне было понятно в этом решении. Враг не так уж близок к Москве. А что касается бомбардировок, то все мы, и Алексей Николаевич в том числе, уже как-то приспособились к ним.

Не сомневался я, что Толстой воспримет это решение, мягко говоря, без энтузиазма. Он не в тыл рвется, а на фронт - хочет видеть войну своими глазами. Выпрашивая у меня командировку в действующую армию, не перестает повторять одно и то же:

- А знаете ли вы, что я в первую мировую войну был военным корреспондентом?

Напомнил про Испанию, где побывал в окопах под Мадридом.

Все это давно известно всей нашей редакции, и мои ответы Алексею Николаевичу тоже однообразны. Я объяснял Толстому, что и время другое, и война другая.

На второй день после моего разговора со Щербаковым Толстой пришел в редакцию явно расстроенный и, чувствовалось, был крайне смущен неожиданным поворотом в своей судьбе. Сказал негромко:

- Выгоняют меня из Москвы...

Что мог я ответить ему? Чем успокоить? Молча развел руками - это означало, что сделать ничего не могу. Алексей

Николаевич понимающе кивнул и пообещал:

- Буду там писать. Для вас, для фронта...

Через несколько дней после его отъезда редакция командировала в Горький Дмитрия Медведовского. Писатель встретил нашего посланца дружески, забросал его вопросами:

- Как Москва?

- Часто ли бомбят?

- Что нового на фронте?..

С Медведовским мы послали Толстому кое-какие материалы для статьи. Должен признаться, что они были сухи и однообразны - голые цифры и факты. Но я надеялся, что перо маститого писателя оживит их. Однако Толстой не стал "оживлять" наши материалы. Сам выехал на заводы. Встречался и беседовал там с рабочими, инженерами, партийными работниками, комсомольцами. Из огромного числа накопленных таким образом фактов Алексей Николаевич отобрал самые характерные, самые впечатляющие. Статья получилась чудесная, отличалась конкретностью. Автор намеренно избегал общих мест. Он рассказывал о героических свершениях народа лишь в одном из уголков нашей необъятной родины - Горьковском крае.

Заканчивалась статья такими строками:

"Бойцы и командиры Красной Армии из одного теста с нами, - говорит слесарь - бригадир и изобретатель, товарищ Токарев, пятьдесят три года работающий на заводе. - Эта война ужасная, конечно, но Красную Армию немцу не одолеть... Нас не одолеешь..."

Последними словами сормовского рабочего Алексей Николаевич и озаглавил свою статью.

* * *

Вместе с Толстым в этом же номере газеты выступают Илья Эренбург, Борис Галин, Елена Кононенко, Михаил Светлов. Стихи, присланные из блокадного Ленинграда, назывались "Клятва".

Здесь мы на Родину завоевали право,
Здесь в Октябре ударил первый гром,
Здесь преданность,
Здесь мужество и слава
Живут, как в общежитии одном.
Мы стали снова в боевой тревоге,
И молодость знамена пронесет,
Чтоб сквозь туман победные дороги
Опять увидеть с пулковских высот.
Мы нашу клятву повторяем снова!

Нет! В этот город не войдут враги.
Здесь не замолкнет ленинское слово,
Здесь не затихнут Кирова шаги!
Звучит приказ - и все пришло в движенье.
И пушек строй, и четкий шаг бойца,
И корабли, идущие в сраженье,
И к испытаниям готовые сердца.
В одном строю идут отец и брат твой,
И ленинградец принимает бой,
И боевою нерушимой клятвой
Советский город дышит пред тобой!

26 сентября

Более месяца назад в сводке Информбюро впервые появилось новгородское направление. Сообщалось: "В течение 19 августа наши войска вели бои с противником на всем фронте и особенно упорные на... новгородском направлении". Спустя два дня формулировка относительно боев на новгородском направлении изменилась. Совинформбюро характеризовало их как "особенно ожесточенные". Тогдашний читатель был чуток к языку сводок, хорошо понимал его. И на этот раз безошибочно понял, что немецкие войска уже прорвались к Новгороду, идет жестокий бой в городе, через три дня горестное известие: наши войска оставили Новгород.

Прошла неделя, другая, месяц. Ни о Новгороде, ни о соседствующих с ним городах нет никаких сообщений. Где же враг? Остановлен он или прорвался дальше? Если остановлен, то где? Если прорвался, то как далеко? Предположения были разные, но все сходились на том, что Новгород для противника - ворота к жизненным центрам Советской страны: на север - к Ленинграду, на юг - к Москве!

В редакции центральной военной газеты была, конечно, известна линия фронта. Но обнародовать такие сведения в газете не полагалось. Надо было как-то иначе информировать читателей о положении под Новгородом. Но как? Опыт подсказывал, что ответ на этот вопрос надо искать на месте, и я решил выехать в новгородскую армейскую группу.

Уточнил в Генштабе, где располагается командный пункт группы, и отправился в путь-дорогу вместе с фотокорреспондентом Олегом Кнорингом. По Ленинградскому шоссе, основательно износившемуся за три месяца войны - в

колдобинах и выбоинах, - мы добрались до 351 километра, свернули там влево и в густом лесу, под темными соснами, заметили несколько серых палаток. Возле одной из них я увидел хорошо знакомого мне по Монголии командующего армейской группой И. Т. Коровникова. На гимнастерке стального цвета черные бархатные петлицы танкиста, но не с генеральскими звездочками, а с ромбом комбрига. Иван Терентьевич перехватил мой недоуменный взгляд:

- Ты не удивляйся. Сам себе у нас никто званий не присваивает... Боевой командующий армией - в старом звании комбрига. Как было не удивиться!

Коровников кратко ознакомил меня с обстановкой, и мы сразу же направились на передовую. Дорога шла лесом, через волховские болотные хляби. Наши "эмки" часто застревали, да так глубоко, что приходилось рубить сосняк и жердями вытаскивать их.

- У нас есть дороги и получше, но объезд велик. Я хотел как поближе, оправдывался Коровников.

Потом лес как-то внезапно оборвался, машины выскочили на гребень высотки. Внизу зеркальной лентой извивалась река Волхов. До Новгорода отсюда - не более километра. Отчетливо виден Кремль, купола Юрьевского монастыря, зеленые пригороды. Кнорринг сфотографировал командарма на фоне этой новгородской панорамы, и мы продолжили свой путь уже пешком, скрываясь за кустами ивняка.

В бинокль хорошо различимы немцы. Они ведут окопные работы, строят блиндажи с оконными рамами, выдранными из новгородских домов. Коровников на ходу рассказывает, что гитлеровцы нередко сгоняют сюда местных жителей и прячутся за их спинами, атакуя наши позиции, - знают, что мы не будем стрелять по своим.

Оборонялась здесь 3-я танковая дивизия полковника Андреева, тоже знакомая мне по Халхин-Голу. Но танков у нее нет. Воюют танкисты "по-пешему". Коровников очень хвалил их: "...не уступают пехотинцам".

Два дня назад, после многократных попыток форсировать Волхов, противнику удалось наконец переправиться частью сил на правый берег и захватить западную окраину села Малая Глуховка. Но двумя сильными контратаками танкисты восстановили положение, уничтожив свыше трехсот гитлеровцев, остальных отбросили за реку.

Радуясь успехам танкистов, я в то же время подумал: "Сейчас они без танков. Но будут же танки! А сколько времени потребуется, чтобы подготовить новые танковые экипажи,

равноценные этим, закаленным в боях на Халхин-Голе и пополнившим свой боевой опыт в первые месяцы Отечественной войны? Не расточительно ли заменять танкистами пехоту?"

По-дружески выложил все это Ивану Терентьевичу.

- Ты ведь сам танкист, лучше меня понимаешь!..

Помолчав, он ответил со вздохом:

- Некем больше дыру заткнуть...

В окопах вместе с танкистами, превратившимися в стрелков, расположились артиллерийские наблюдатели. Вот они заметили, что к монастырю гитлеровцы тащат свои пушки. Сразу же сообщили об этом на огневые позиции батареи. Оттуда грянул залп.

Мне понравилось, как здесь ведется подсчет потерь врага от огня артиллерии. Командир батареи, молодой бравый лейтенант, доложил командующему артиллерией армейской группы полковнику Ольховику о двух уничтоженных им немецких батареях. Полковник потребовал доказательств: донесения артиллерийских наблюдателей должны быть подтверждены общевойсковыми командирами. Лейтенант имел такое подтверждение только в отношении одной вражеской батареи.

- Так вот, - заключил полковник, - одну батарею будем считать уничтоженной, а другую - только подавленной...

Немецкая артиллерия в свою очередь обстреливает боевые порядки наших войск. Иногда довольно интенсивно. Мы попали как раз на такой "концерт". Все поспешили в укрытия. Укрылись и мы в одном из блиндажей на обратном скате небольшого холмика. Нетрудно было заметить, что люди здесь привыкли к обстрелам: каждый занимался своим делом. Наиболее дотошные деловито подсчитывали - сколько выпустят гитлеровцы снарядов и какого калибра. Калибр определялся по звуку при полете снаряда и при разрыве.

- Дежурный комендант летит, проверяет, хорошо ли окопались, - подает кто-то голос из дальнего темного угла.

В это время над нашими головами, туго вспарывая застывший в осеннем мареве воздух, пролетел снаряд крупного калибра и разорвался на огородах, за линией окопов. Тут же следует новая шутка:

- Фриц помогает картошку копать...

Оборону под Новгородом держат мужественные бойцы, сила их духа непоколебима. Это было главным впечатлением от той поездки. И оно легло в основу моей корреспонденции, напечатанной в "Красной звезде" 26 сентября. Все ее содержание и даже заголовок - "Под Новгородом" - ясно давали понять, что дальше этого города немцы не продвинулись.

Но еще убедительнее свидетельствовала о том фотография Кнорринга, заверстанная над корреспонденцией. Правда, она могла бы быть лучше. Неудачна поза Коровникова с указующим перстом. "Смазаны" детали фронтового пейзажа. Что поделаешь - снимал Кнорринг в спешке.

Самое главное - на снимке был Новгород. Под фото подпись: "Под Новгородом. Командир Коровников ведет наблюдение за неприятельскими позициями. Вдали виден Юрьевский монастырь. Снимок сделан 24 сентября 1941 года".

Пройдет еще месяц - и мы снова опубликуем снимок с изображением Новгорода, на этот раз более удачный, выполненный другим нашим фотокорреспондентом М. Бернштейном. И напечатаем еще одну статью генерал-лейтенанта Н. Ф. Ватутина - "Бои под Новгородом". Самыми важными, на мой взгляд, были в ней такие строки:

"За три месяца, минувших после падения Новгорода, немцам не удалось захватить в этом районе и вершка советской земли. Три месяца враг топчется на месте, изматывая свои силы, терпя большой урон".

К этому можно теперь добавить: рубеж, на котором закрепилась армия Коровникова, враг не сумел преодолеть и в дальнейшем. Она сама успешно контратаковала новгородскую группировку противника, разгромила здесь так называемую "Голубую дивизию" испанских фашистов, в 1944 году перешла в решительное наступление и освободила Новгород.

А с воинским званием Ивана Терентьевича Коровникова дело было так. Возвратившись из-под Новгорода в Москву, я доложил Мехлису, что есть такой боевой командующий армейской группой, который все еще ходит в звании комбрига. Вскоре после того мне представилась возможность поздравить Коровникова с присвоением ему генеральского звания.

* * *

Илья Эренбург в своих мемуарах "Люди, годы, жизнь", вспоминая дни нашей совместной дружной работы, между прочим, отметил, что редактор "Красной звезды" "сам ничего не писал". Это верно, если иметь в виду только корреспонденции и очерки. Корреспонденция "Под Новгородом" была единственной, опубликованной мною в "Красной звезде" за годы войны. Что я писал, и притом нередко, - это передовые статьи.

Так было на Халхин-Голе, в "Героической красноармейской". Так было в военную зиму 1939-1940 годов в "Героическом походе". То же самое повторилось и с первых дней Великой Отечественной войны в "Красной звезде". На этот счет есть свидетельство двух других писателей - Алексея Суркова и

Александра Прокофьева, с которыми мне посчастливилось работать в "Героическом походе". Вот их дружеская эпиграмма:

Двух песнопевцев знали мы,
И оба чумовые.
Один Давид писал псалмы,
Второй - передовые.
Один пузат был, как горшок,
Другой - слегка поуже.
Псалмы читались хорошо,
Передовые - хуже.

Не скажу, что писание передовых всегда доставляло мне творческое наслаждение. Чаще это делалось по необходимости и было сопряжено с эмоциями иного порядка. Сплошь да рядом тема передовой возникала внезапно, за час-два до выхода газеты. Вдруг уже за полночь поступает в редакцию какое-то важное сообщение, на которое непременно надо откликнуться передовой. Хочешь не хочешь, а садись и пиши. Иной раз есть возможность поручить это кому-то из сотрудников, но может случиться, что такой возможности и не окажется.

Вспоминаю историю, в которую я попал на пятый день войны, 26 июня. Приношу сверстанные полосы "Красной звезды" Мехлису. Лев Захарович просмотрел их, заменил два-три заголовка и взялся за передовую. Прочитал ее и решительно перечеркнул.

- Что это за передовая? - обрушился он на меня. - Почему такой спокойный тон? Так и в мирное время писать не годится... Ставьте другую!

Мехлис привык, что в "Правде" всегда имелись в запасе пять-шесть уже сверстанных и вычитанных передовых статей. Когда он браковал одну, ему тут же давали другую. Замена всегда была. Рассказывали, впрочем, что и в "Правде" однажды возникло критическое положение. Прочитал Мехлис передовую - не понравилась, бросил ее под стол, в корзинку. Предложили другую - тоже отправил в корзинку. Так же было и с третьей, и с четвертой, и с пятой.

- Давайте следующую! - потребовал он.

А ему отвечают:

- Больше нет...

Тогда он, поплевав на пальцы, стал вытаскивать из корзинки одну за другой забракованные передовые и снова читал их, уже более снисходительно.

Не знаю, было ли так на самом деле или выдумано, но, даже

если это и выдумка, она вполне соответствует характеру Мехлиса.

"Красной звезде" трудно было тягаться с довоенной "Правдой". В лучшем случае мы имели в запасе одну-две передовых. Но в тот день никакого запаса у нас не было. Я взмолился:

- Лев Захарович! Газета не выйдет.

- Ничего, - ответил он, - выйдет. Идите в мою комнату и пишите новую передовую.

Назвал тему, дал даже заголовок - "Смерть зарвавшемуся врагу", распорядился насчет машинки и машинистки. Прошел я в комнату, где он только спал в военное время, принялся диктовать текст новой передовой прямо на машинку. Сейчас мне даже самому не верится, как это я сумел, но через 35 минут новая передовая была готова. Мехлис прочитал ее, кое-что поправил и, очевидно, для того только, чтобы ободрить меня после жестокого урока, сказал, кивнув на передовую:

- Совсем другое дело...

А теперь осталось сказать - не в порядке оправдания, а только для прояснения истины, - почему я, редактируя "Красную звезду", не писал ничего, кроме передовых. Ведь, бывая в действующей армии, я встречался и беседовал с многими интересными людьми, был свидетелем ряда важных событий, мог бы, кажется, написать о своих впечатлениях. Писал же до "Красной звезды", будучи корреспондентом "Правды", и печатался часто. Но на фронт я выезжал обычно с кем-либо из писателей. Писали они, а мое дело, казалось мне, помочь им сполна реализовать свои творческие возможности.

Отнюдь не ради нескольких строчек в газете колесил я по фронтам. То, что похвально для корреспондента, не так похвально для редактора. Редактор военной газеты должен был видеть войну своими глазами для того прежде всего, чтобы знать, чего ждут от газеты читатели, чем газета может быть полезна им.

В книге "Записки молодого человека" Константин Симонов писал, что редактор "имел привычку лично следить за работой своих корреспондентов. Лично отправлять их на фронт и вызывать оттуда, лично давать задания, лично ругать их и лично (изредка) хвалить".

Я действительно лично посылал корреспондентов на фронт, часто спускался в метро "Кировская", где размещался узел связи Генштаба, и вел с ними переговоры по бодо. Делал я это потому, что от них зависела судьба газеты. Но при этом, откровенно скажу, душу мою "точил червь", как бы кто-нибудь из тех, кто находился на другом конце телеграфного провода, не сказал и даже не подумал: лих-де редактор "снимать стружку", сидя в

Москве, а вот бы сам попробовал... И приходилось пробовать...

* * *

...Такие вот воспоминания и размышления навеяла на меня через десятки лет моя собственная корреспонденция "Под Новгородом", напечатанная 26 сентября 1941 года. Единственная за все время войны!

27 сентября

Опубликована статья Ильи Эренбурга "Киев". Столько в ней боли и гнева, что и сегодня ее невозможно читать без волнения!

"На войне нужно уметь переносить горе. Горе питает сердце, как горючее - мотор. Горе разжигает ненависть. Гнусные чужеземцы захватили Киев. Это - горе каждого из нас. Это горе всего советского народа. Его звали "матерью русских городов". Он был колыбелью нашей культуры. Когда предки гитлеровцев еще бродили в лесах, кутаясь в звериные шкуры, по всему миру гремела слава Киева. В Киеве родились понятия права и справедливости. В Киеве расцвело изумительное искусство, славянская Эллада. Берлинские выскочки, самозванцы топчут сейчас древние камни. По городу Ярослава Мудрого шатаются пьяные эсэсовцы. В школах Киева стоят жеребцы-ефрейторы. В музеях Киева бесчинствуют погромщики Гитлера.

Киев был светлым и пышным - он издавна манил к себе голодных дикарей. Его много раз разоряли. Его жгли. Он воскресал из пепла. Давно забыты имена его случайных поработителей, но бессмертно имя Киева.

Здесь кровью были скреплены судьба России и судьба Украины: истоки одной реки, корни одного леса. И теперь горе украинского народа - горе всех советских людей. В избах Сибири и в саклях Кавказа женщины с тоской думают о городе-красавце.

Мы помним героев Киевского арсенала - это были первые бои за свободу. Бури революции освежили Киев. Я был там этой весной. Я не узнал родного города. На окраине выросли новые кварталы. Липки стали одним цветущим садом. В университете дети пастухов сжимали циркуль и колбу - перед ними раскрывался мир, как раскрываются поля, когда смотришь вниз с крутого берега Днепра.

Настанет день, и мы узнаем изумительную эпопею защитников Киева. Каждый камень будет памятником героям. Ополченцы сражались рядом с красноармейцами, и до последней минуты в немецкие танки летели гранаты, бутылки с горючим. Подступы к городу залиты вражьей кровью...

Сожмем крепче зубы. Немцы в Киеве - эта мысль кормит нашу ненависть. Мы будем за многое мстить, мы отомстим им и за Киев. В восемнадцатом году они тоже гарцевали по Крещатику. Их офицеры тогда вешали непокорных и обжирались в паштетных. Вскоре им пришлось убраться восвояси. Я помню, как они убегали по Бибиковскому бульвару. Тогда они унесли свои кости. Их дети не унесут и костей...

Мы освободим Киев. Вражеская кровь смоет вражеский след. Как птица древних Феникс, Киев восстанет из пепла, молодой и прекрасный. Горе кормит ненависть. Ненависть крепит надежду. Сомкнем ряды. Нам есть за что драться: за Родину, за наш Киев".

* * *

Со временем забывается многое. Но есть события, над которыми время не властно. С первых же дней войны наши газетные страницы обильно заполнялись материалами с Юго-Западного фронта. Конечно, нам тогда неизвестен был пресловутый гитлеровский "план Барбаросса". Не знали мы, что на оперативной карте немецкого генштаба одна из главных стрел нацелена на Киев и помечен даже срок его захвата - всего несколько дней! Но и не зная этого, не надо было долго задумываться, чтобы понять, куда рвутся фашистские танки на юго-западном направлении.

Еще в августе меня вызвали в ЦК партии и спросили, кто освещает положение на Юго-Западном фронте? Я доложил, что там работают писатели Борис Лапин и Захар Хацревин, журналисты Александр Шуэр и Сергей Сапиго. Мне посоветовали усилить эту группу:

- Сталин сказал, что Киев надо отстаивать любой ценой... С Киева глаз не спускайте!..

Мы командировали туда еще троих спецкоров - Якова Сиславского, Бориса Абрамова и Алексея Крылова. Густо пошли материалы с Юго-Западного фронта. Правда, печатались они с грифом "Действующая армия", изредка указывался фронт. Но когда гитлеровцы прорвались ближе к Киеву, мы прямо и открыто сказали, что над столицей Украины нависла грозная опасность.

Впервые Киев был упомянут на страницах "Красной звезды" (без туманного обозначения "К") 7 сентября. Статья называлась "Ночные действия артиллерии на подступах к Киеву". В ней рассказывалось об опыте артиллеристов, но вынесенных в заголовок слов - "на подступах к Киеву" - было достаточно, чтобы читатель понял что к чему. В последующие дни на страницах газеты появились более конкретные материалы о битве за Киев. В их числе - репортаж Абрамова и Сиславского "Защитники Киева", очерк Лапина и Хацревина "Киев в эти дни"...

Это был последний очерк о сражающемся Киеве и последнее печатное слово Лапина и Хацревина.

"Проезда нет! - говорит постовой. Мы слезаем с грузовика и некоторое время идем вдоль оврага.

Вот он - передний край киевской обороны. Неровная линия башен и крыш. Дорога ведет прямо к немецким позициям. Она желта и светится на солнце".

Так начинается этот очерк. В нем немало щемящих сердце точных деталей из жизни Киева, ставшего прифронтовым городом. И много лирики.

"Прекрасен Киев в сентябрьские дни. На каштанах и липах пробиваются первые желтые листы. Их подожгла осень. На тротуарах новая киевская толпа ополченцы в военных гимнастерках... Мостовые перегорожены баррикадами.

Начались занятия в школах. Дети учатся прилежно, старательно, но старшеклассников тянет туда, на окраины и в пригороды, откуда доносятся глухие удары орудий, где вспыхивает внезапный огонь ночного боя.

- У меня вчера шесть ребят собрались бежать на фронт. Все взбудоражены. Один говорит: "Пустите бить фашистов, буду шесть дней воевать, а седьмой учиться", - рассказывала нам учительница Анна Федоровна Русова.

Несколько дней назад по Крещатику своим ходом прошел захваченный под Киевом тяжелый немецкий танк. На танке нарисована военная эмблема: буйвол с задранным вверх хвостом. Танк этот стоит в городском саду на забаву детям. Они... снова берут его в плен, подкрадываются к его гусеницам с бутылками. Маленькие киевляне - такой же смелый народ, как и взрослые.

...Сегодняшний Киев - суровый, трудовой, яростный, бессмертный советский город. И ополченцы, и санитарки, выносящие раненых, и старые рабочие-арсенальцы, снова приготовившиеся к боям по прошествии двадцати с лишним лет... и пушки, стоящие в глубине дворов, и части Красной Армии... и очередь у кассы цирка - все это наш Киев, героический Киев".

О том, что Киев может быть скоро сдан, и мысли не допускали. Мне сказали, что одно только упоминание о возможности оставления Киева приводило Сталина в ярость. Из Ставки в те дни одна за другой следовали на Юго-Западный фронт директивы: "Во что бы то ни стало удерживать Киев..." "Киев не оставлять и мостов не взрывать". Но когда на киевском направлении обстановка катастрофически осложнилась и над войсками, оборонявшимися там, нависла угроза окружения, Ставка приняла - увы, с опозданием! - решение об отводе наших армий. 19 сентября Киев был оставлен. Сообщение об этом

опубликовано 22 сентября. Всего две газетных строки: "После многодневных, ожесточенных боев наши войска оставили Киев".

Это горестное известие настигло меня на Северо-Западном фронте. Когда вернулся в Москву, сразу же перелистал "Правду", "Известия", другие центральные газеты. Кроме сообщения Информбюро, ничего там не нашел никаких комментариев, никаких подробностей. Секретарь редакции сказал, что было указание всем редакторам "в подробности не вдаваться".

А мы и не располагали подробностями. Ни один из семи корреспондентов "Красной звезды", работавших на Юго-Западном фронте, не прислал ни строчки. Связь с ними оборвалась.

Отправился я в Генштаб, но и там мало что узнал.

Вернулся в редакцию в тягостном настроении. В это время и зашел ко мне Илья Григорьевич. До того он успел уже просмотреть корреспондентские папки, ничего там не нашел о последних днях Киева. Спрашивает меня:

- Что же будем печатать?

Сказал я ему о том указании, насчет подробностей. Он молча сел против меня в глубокое кресло, задумался. Киев - город его детства и юности, там остались близкие ему люди. Долго сидел, опустив голову. Потом, словно стряхнув с себя оцепенение, сказал:

- Я все же напишу о Киеве... Без подробностей...

Через час-полтора Эренбург принес статью, выдержки из которой я привел выше. Статья Эренбурга "Киев" произвела столь сильное впечатление, что "Красная звезда" не отмалчивалась и в последующем, когда нашим войскам приходилось оставлять города. В одних случаях мы печатали корреспонденции спецкоров, уходивших из этих городов, как правило, с последними его защитниками. В других - опять выступал Эренбург. Эти свои статьи Илья Григорьевич озаглавливал всегда именем сданного города: "Одесса", "Курск", "Севастополь"... И потом, когда началось изгнание гитлеровцев с нашей земли, его же статьи о взятии городов печатались под аналогичными заголовками, только чередовались они, так сказать, в обратном порядке: "Орел", "Курск", "Харьков", "Киев"... Забегая вперед, отмечу, что была в "Красной звезде" еще и другая статья Эренбурга с заглавием "Киев". Появилась она так. Где-то в середине сентября сорок второго года беседовал я с Ильею Григорьевичем о разных наших редакционных делах. Вспомнили его статью, которой мы откликнулись на захват противником Киева.

- Да, вот уже год хозяйничают там оккупанты, - сказал раздумчиво Эренбург.

- Невеселая дата, - откликнулся я. - Но, может быть, надо что-то сказать по этому поводу в газете?..

Илья Григорьевич встрепенулся:

- Конечно, надо!.. И сейчас как раз нужны "подробности", документы...

За этим дело не стало. Немедленно ушла телеграмма нашим фронтовым корреспондентам, а иностранному отделу было поручено посмотреть, что пишут о Киеве немецкие газеты и журналы. 26 сентября на стол Эренбурга легла толстая пачка разнообразных материалов. В том числе - несколько фотографий. Не помню точно, то ли их прислали с Юго-Западного фронта, то ли они были опубликованы в каком-то немецком журнале. Развалины домов, босая девочка, изможденный старик на улицах Киева. На другом снимке - снова развалины, флаг со свастикой, и на угловом доме табличка: "Эйхгорнштрассе". Все это было передано Эренбургу. Из других документов мы узнали, что есть в Киеве и улица Гитлера, и улица Геринга...

В тот же вечер Илья Григорьевич принес мне статью под знакомым названием - "Киев". Горестную и яростную.

В здании украинского Совнаркома оккупанты разместили, оказывается, "Центральное торговое общество для Востока". Эренбург комментирует: "Там сидят колбасники, которым поручено содрать с Украины семь шкур и восьмую".

Из этой же его статьи миллионы людей - у нас и за рубежом - впервые узнали о существовании зловещего Бабьего Яра. "В Бабьем Яру, - писал Илья Григорьевич, - расстреляли пятьдесят пять тысяч киевлян. Расстреливали из пулеметов. С тех пор не проходит дня без казней".

Выдержка из дневника венгра Киша Иштвана о том, каким он увидел Киев: "Разрушенные дома, разбитая мебель. И все это идет на топку. На Днепре затонувшие пароходы, мост взорван. Жизни нет". И сразу вслед за этим - крик души Ильи Григорьевича: "Я вспоминаю живой Киев, веселую толпу на Крещатике, золото сентябрьских деревьев. Днепр с Владимирской горки пристань, пароходы, гудки заводов, детский смех и прекрасные, чуть изумленные глаза девушки. Где она? Расстреляна на Бабьем Яру или чистит свинарню у прусского колбасника?"

Еще один документ и комментарии к нему писателя:

"Немцы захватили Киев, но не поставили на колени древний город. Раздраженно пишет колонизатор в "Кракауер цейтунг": "Спокойствие киевлян невозможно побороть, оно сделало их нечувствительными к любым средствам принуждения". Мы знаем, что это значит, - морят голодом, пытают в гестапо, отбирают дочерей и шлют их в Германию, расстреливают, вешают..."

Эренбург не был бы Эренбургом, если бы, рассказав об ужасах в оккупированном Киеве, поставил на этом точку. Он продолжает:

"Почему "спокоен" Киев? Киев ждет. Ждет среди развалин, среди запустения, среди немецких окриков... среди обид и виселиц.

Киев слушает: что на Волге? Что на Тереке? Что на Неве?..

Мы мстим за тебя, Киев. Этим мы дышим, этим живем..."

Дошел голос писателя и в оккупированный Киев. Многострадальные киевляне слушали его статью по радио, читали в листовках и подпольных газетах.

* * *

Вернусь, однако, к событиям тех дней, когда вышла газета с первой статьей Эренбурга "Киев".

Танковые группы Клейста и Гудериана, наносившие одновременный удар с юга и севера, соединились 15 сентября в районе Лоховиц, сомкнув кольцо вокруг киевской группировки наших войск. А непосредственно на Киев навалилась самая мощная из немецких полевых армий - 6-я, имевшая в своем составе двадцать одну дивизию. Ожесточенные бои продолжались до 27 сентября. Многим удалось вырваться из вражеского кольца, многие ушли к партизанам, но десятки тысяч советских бойцов и командиров погибли в неравной борьбе.

Не миновала беда и корреспондентов "Красной звезды", работавших на Юго-Западном фронте. Из окружения удалось выбраться лишь двоим Сиславскому и Абрамову. Кроме Шуэра и Сапиго, о которых я уже рассказывал, погибли тогда же писатели Борис Лапин и Захар Хацревин. Нашлись очевидцы последних дней их жизни. До нас дошли потрясающие подробности.

Хацревин давно был нездоров. Я узнал об этом еще на Халхин-Голе, хотя он старательно скрывал свою болезнь. Перед вторым своим отъездом в Киев Хацревин в добавок еще простудился, подскочила температура. Когда он зашел ко мне вместе с Лапиным попрощаться, я не заметил ухудшения в его здоровье. И, думаю, не потому, что мне отказала элементарная наблюдательность, а потому, что Хацревин артистически разыгрывал роль здорового человека: внешне был бодр, жизнерадостен, остроумно шутил.

При выходе же из киевского котла он окончательно выбился из сил: задыхался от кашля, горлом хлынула кровь. Идти самостоятельно уже не мог его несли на плащ-палатке. Какой-то полковник с танкистскими петлицами приказал Лапину отнести Хацревина в лес, где "должен быть врач", а самому вернуться и продолжать попытки выйти из окружения. Лапин ответил на это так, как мог ответить только преданный друг:

- Я не могу, я не имею права оставить его...

В ноябре мне принесли проект приказа об исключении Лапина и Хацревина из списков личного состава "Красной звезды", как пропавших без вести. На чудо я уже не надеялся, но, щадя Илью Григорьевича Эренбурга и его дочь Ирину - жену Лапина, подписал такой приказ лишь в феврале сорок второго года.

* * *

Погиб в киевском окружении и Абрам Слуцкий - самый молодой из наших фоторепортеров. Профессиональные азы он постигал в фотокружке Московского Дворца пионеров. В "Красную звезду" пришел незадолго до войны, едва ли не со школьной скамьи. В штат редакции был зачислен учеником.

Длинноногий, по-мальчишески угловатый, с нежными чертами лица и не менее нежной душой, он производил впечатление не оперившегося еще птенца. По этой причине его звали только Абрашей. Тем не менее у Слуцкого уже тогда угадывались задатки будущего фотомастера. Он был одержимо влюблен в свою профессию. Необыкновенно воодушевлялся при появлении его снимков на страницах газеты. Обладал такими немаловажными для фоторепортера качествами, как быстрота и настойчивость. Рассказывали мне о таком эпизоде. Как-то мы командировали Слуцкого на чкаловский аэродром обслуживать какой-то важный перелет. Как ни строги были тамошние порядки, он оказался у самолета первым и оставался на аэродроме всю ночь, хотя все остальные фотокорреспонденты до утра разошлись по домам.

На фронт мы впервые пустили Слуцкого только в начале августа и то на пару с кем-то из бывалых фотожурналистов. Да и в дальнейшем он сопутствовал обычно Дмитрию Бальтерманцу, Михаилу Бернштейну, Федору Левшину, прошедшим боевую закалку на Халхин-Голе, на финской войне. Старшие товарищи заботливо оберегали его, не разрешали лезть в пекло. Иногда подшучивали при этом:

- Ты же у нас "сын полка".

Первый фронтовой снимок Слуцкого был напечатан 5 августа с таким пояснительным текстом: "Действующая армия. Орудийный расчет сержанта Дембовского громит фашистские укрепления". Это все же вдали от переднего края. Затем появилась фотография "Минометный расчет ведет огонь". Это уже поближе к передовой. Позже пошли снимки с самого "передка". Неизменно за двумя подписями - Слуцкого и кого-либо из его шефов. 21 сентября из-под Киева он прислал фотографии, подписанные только своей фамилией. Из них мы опубликовали

одну: "Пулеметчики Д. Зубов и И. Сангин ведут огонь по противнику из захваченного у немцев пулемета".

Это был последний снимок Слуцкого. Где, когда, при каких обстоятельствах он погиб - неизвестно.

28 сентября

Перечитывая этот номер "Красной звезды", невольно задерживаюсь на статье "Уманская яма". Я помню историю этой статьи так, словно все произошло только вчера.

Передали ее в редакцию наши спецкоры Николай Денисов и Петр Олендер. В одном из сел под Харьковом встретили они старшего политрука Сергея Езерского, только что вырвавшегося из немецкого плена. Захватили его гитлеровцы раненым и отправили поначалу в концлагерь близ местечка Голованевское, потом перевели под Умань в так называемую "Уманскую яму". Это огромный карьер длиною в триста метров с отвесными стенками высотой в 15 метров. Согнали туда не только военнопленных, а и множество мирных жителей - стариков, женщин, детей. Голод, пытки, истязания, травля собаками, расстрелы по малейшему поводу и без повода - все было здесь.

- Прежде я бы просто не поверил, что такое возможно, - сказал Езерский нашим спецкорам.

Корреспонденты записали его рассказ - одно из первых свидетельств о кровавых преступлениях фашистов в столь широком масштабе. Правильно оценили значимость этого свидетельства. Но как передать его в редакцию? Прямой военной связи с Москвой поблизости не оказалось. Воспользовались аппаратом "Морзе" в какой-то небольшой воинской части. Передача их беседы с Езерским велась всю ночь по очень сложной цепочке связи через два-три передаточных пункта.

Далеко не уверенные в том, что корреспонденция, отправленная таким кружным путем, дойдет до редакции, Денисов и Олендер поспешили рано утром в Харьков, на прямой провод с Москвой. При въезде в город увидели на площади возле радиорепродуктора внушительную толпу. Вылезли из машины, подошли ближе. Знакомые фразы.

- Так это же наше! - воскликнул Денисов.

Да, это была их беседа с Езерским.

Мы получили ее, когда началось уже печатание очередного номера газеты. Но ради такого материала стоило задержать ее. Остановили ротационную машину. Беседа с Езерским срочно была набрана и поставлена в номер.

Не часто мне приходилось поступать так, и потому этот случай не мог не запомниться.

Рядом с корреспонденцией "Уманская яма" очень кстати пришлись стихи Янки Купалы в переводе Михаила Голодного. Они прозвучали словно отклик на злодеяния гитлеровцев.

Партизаны, партизаны,
Белорусские сыны!
Бейте ворогов поганых,
Режьте свору окаянных,
Свору черных псов войны.
Вас зову я на победу,
Пусть нам светят счастьем дни,
Сбейте спесь у людоедов,
Ваших пуль в лесу отведав,
Потеряют спесь они.
Слышу плачь детей в неволе,
Стоны дедов и отцов,
И кровавый колос в поле
На ветру шумит: доколе
Мне глядеть на этих псов?
За сестер, за братьев милых,
За сожженный хлеб и кровь
Рвите из проклятых жилы,
В пущах ройте им могилы.
- Смерть за смерть и кровь за кровь!

Савва Дангулов принес статью генерал-майора авиации Д. Д. Грендаля.

Была в Красной Армии династия Грендалей, хорошо известная не только в военных кругах. Один из этой династии - Семен Давыдович Грендаль, крупный ученый-артиллерист, генерал-полковник, профессор, не раз выступал в "Красной звезде". Он умер в 1940 году. А вот теперь на страницах газеты появился другой Грендаль - младший брат артиллериста. Статья его называлась "Борьба с воздушными десантами врага".

Весьма авторитетный автор утверждает, что все попытки немецкого командования высадить воздушные десанты на нашу территорию потерпели полный крах! А ведь у гитлеровцев был немалый опыт десантных операций. Они широко практиковали их в Норвегии, Голландии и других странах Западной Европы.

То, что этот опыт оказался негожим в Советской стране, Д. Грендаль объясняет принципиально иными социальными условиями: прочностью нашего тыла, сплоченностью народа с

армией, высоким моральным духом наших войск.

Статья обильно оснащена фактическим материалом, яркими, запоминающимися примерами.

Во время июльских боев на Западном фронте враг высадил неподалеку от железнодорожной станции, зашифрованной автором буквой "А", два десанта парашютный и посадочный. По замыслу они должны были открыть дорогу наземным частям в ближайший город. На уничтожение этих десантов выступила дивизия полковника Гурьева. Ее артиллеристы огнем заставили десантников покинуть район высадки, оттеснили их на шоссе, а там гитлеровцы были встречены стрелковыми батальонами и полностью уничтожены.

Другой пример. Во время боев в Голландии и Бельгии немецкие парашютисты несколько раз прибегали к тактическому приему, впоследствии названному "охватом сверху": десанты сбрасывались прямо на боевые порядки противника, чтобы дезорганизовать их. За время военных действий против СССР гитлеровцы лишь однажды обратились к этому приему - в начале июля на Северо-Западном фронте. Немало парашютистов опустилось прямо на боевые порядки нашей пехоты. Этим ограничивались возможности применения против парашютистов артиллерийского и даже пулеметного огня, на что, очевидно, и делался расчет. Однако наши солдаты бросились в яростную штыковую атаку и тоже полностью истребили весь десант. После этого немцы сразу же отказались от "охвата сверху".

Убедившись в безрезультатности массовых десантов с оперативными целями, враг, по заключению автора статьи, шире стал использовать парашютистов для диверсий, главным образом для разрушения в тылу наших войск транспортных путей и средств связи. Диверсионные группы невелики по численности: 10-30 человек. Забрасываются и диверсанты-одиночки, обученные, как правило, русскому языку, переодетые в форму советских военнослужащих, милиционеров, сотрудников НКВД.

Обратил автор внимание читателей и на такой любопытный факт. Для переброски парашютистов гитлеровцы наносят на плоскости своих транспортерных самолетов опознавательные знаки советской военной авиации красные звезды. Порой это делается довольно неуклюже: была попытка замаскировать под советский самолет "Юнкерс-52", машину, которая меньше всего напоминает какую-либо из наших. Ведь "Юнкерс-52" - трехмоторный самолет, а на вооружении советской авиации уже с десяток лет не было трехмоторных машин.

Словом, статья для того времени очень полезная.

* * *

В этом же номере - новая, тоже очень актуальная статья Ильи Эренбурга - "Пожаловал барин...".

В руки писателя попал трофейный документ - приказ по 38-му мотоциклетному батальону, изданный на основании приказов немецкого верховного командования о назначении на должности так называемых "сельскохозяйственных офицеров" лейтенанта Маттерна и лейтенанта графа Кермера. В их обязанность входило: обеспечить уборку урожая и организовать другие осенние полевые работы в селах Отрадное и Митнево.

В приказе был такой пункт:

"Колхозы сохраняются как хозяйство... Крестьянам следует разъяснить, что колхозная система, как большевистская, отменяется. Однако на земле бывших колхозов будет вестись крупное хозяйство. Ничего другого не может быть. Каждый крестьянин обязан работать на общем дворе. За свою работу он будет получать через известные промежутки времени сельскохозяйственные продукты или плату... Назначаются особо подходящие унтер-офицеры, которые осуществляют надзор за работой".

Писатель комментирует:

"Некоторые думали, что немцы привезут с собой русских помещиков.

Плохо они знают гитлерячью породу: герр хапун не то что краденой земли, он даже краденой булавки никому не отдаст. В русскую деревню Отрадное пожаловал барин - граф Кермер...

Все ясно. Колхозы превращаются в крупные хозяйства немецких помещиков. Лейтенант Маттерн и граф Кермер - вот новое столбовое дворянство, им раздают русские угодья. Они получают не только русский чернозем, но и русских крепостных. В 1861 году в России под давлением народа было уничтожено крепостное право. В 1941 году герр Гитлер его восстанавливает. Унтер-офицеры ("особо подходящие") с плетками будут следить за ходом работ. А "через известные промежутки времени" граф Кермер будет швырять своим крепостным вершки от картошки и корешки от пшеницы. Для нерадивых - порка на конюшне. Для девушек - графская постель. Для недовольных - гитлеровская виселица.

Барин пожаловал к нам: герр граф Кермер. Хорошо бы устроить соревнование - кто первым уложит этого сиятельного разбойника".

Позже в наши руки попадут и сам приказ "верховного командования", и другие документы, свидетельствующие о том, что уготовано гитлеровцами нашим колхозникам в захваченных немцами районах...

* * *

В газете много материалов о работе партийных и комсомольских организаций. Под рубрикой "Герои Отечественной войны" печатаются очерки об отличившихся в боях комиссарах, партийных и комсомольских работниках. Но еще больше статей и корреспонденции о повседневной работе политических органов. Вот, к примеру, названия некоторых из них, опубликованных в последние дни: "Политотдел дивизии в боевой обстановке", "Опыт политработы в танковых частях", "Воспитание стойкости и упорства", "Политическая агитация на фронте". За этими внешне привычными названиями - живой рассказ об их работе, опыте, который был очень важен и дорог.

Вот статья начальника политотдела дивизии с Западного фронта Н. Зенюка "Политотдел дивизии в боевой обстановке". Очень своевременная и полезная статья. Автор не скрывает, что поначалу не всегда работники политорганов находили свое место в боевой обстановке:

"Инструктора политотдела распределялись по полкам, полковые политработники - по ротам. Они храбро ходили в атаку, образцово выполняли обязанности разведчиков и были твердо убеждены, что этим, собственно, и исчерпываются обязанности работника политорганов". Но шло время, приходил опыт, и постепенно работа входила в свою колею. На ярких примерах автор раскрывает методы и формы многогранной работы по идейно-политическому воспитанию личного состава. Конечно, это не исключало и того, что в критические минуты политработники по-прежнему первыми шли в атаку.

Октябрь

1 октября

Противник стянул на московское направление громадные силы. По танкам, самолетам и артиллерии он превосходил нас здесь в два с лишним раза. Значительно больше у него и пехоты. 30 сентября гитлеровцы повели наступление против войск Брянского фронта. 2 октября они ударят по войскам Западного и Резервного фронтов. Эта их наступательная операция имела кодовое название "Тайфун". По замыслу Гитлера, "Тайфун" должен был смести все на своем пути к советской столице. В немецком приказе по Восточному фронту говорилось: "Создана наконец предпосылка к последнему огромному удару, который еще до наступления зимы должен привести к уничтожению врага... Сегодня начинается последнее, большое, решающее сражение этого года..."

Неотвратимо надвигалась и даже уже надвинулась великая битва за Москву. А страницы "Красной звезды" пока еще заполняли материалы главным образом с Ленинградского, Юго-Западного и Южного фронтов.

* * *

Южный фронт представлен очерком и несколькими фотографиями К. Симонова. Ни до, ни после того Симонов не выступал в газете в качестве фотокорреспондента. Почему выступил в данном случае, объясню чуть ниже. А сейчас о его очерке.

25 или 26 сентября Симонов, как обычно, прямо с аэродрома ввалился ко мне. Его щеголеватая, длиннополая шинель была изрядно замызгана и зияла какими-то подозрительными прорехами. Я не удержался от вопроса:

- Ты где был?..

Мне, конечно, было известно, что Симонов вернулся из 51-й армии, которая в те дни вела тяжелые бои в Крыму; я сам направил его туда после возвращения из подводного плавания. Но Симонов сразу же уяснил суть моего вопроса: куда, мол, еще лазил?

Ответил с полуулыбкой:

- Был на Арабатской стрелке... С Николаевым...

Я хорошо знал Александра Сергеевича Николаева - члена Военного совета армии, человека мужественного и нетерпимого к малейшим проявлениям трусости. Знал, что он сам ходит в атаки

с пехотинцами, втягивая в это всех, кто оказывается рядом с ним. На себе испытал неотразимость его личного примера еще на Карельском перешейке зимой 1939-1940 годов. Вместе с Николаевым оказался я тогда на КП стрелкового батальона. В ходе наступательного боя залегла одна из рот. Николаев тотчас направился подымать ее в атаку. Мне ничего не сказал, но таким испытующим взглядом посмотрел на меня, что деваться было некуда, и я тоже двинулся за ним.

Это я хорошо запомнил, и когда Симонов позвонил из Крыма и сказал, что находится у Николаева, я предупредил его:

- Остерегайся ездить с Николаевым! Он тебя угробит, имей в виду...

И сейчас, разглядывая шинель Симонова, я сразу сообразил, почему в ней появились дырки. Оказывается, уже на второй день после прибытия его в 51-ю армию Николаев поехал осматривать позиции на Чонгарском полуострове. Пригласил с собой и нашего корреспондента. С полуострова они переправились на Арабатскую стрелку - длинную, узкую косу, выходящую своим острием к Геническу. Там узнали, что с передовой ротой случилась беда: ночью немцы высадились на косу, внезапно атаковали наши позиции, кого убили, кого увели. Каждую минуту они могли подбросить туда новые силы. Медлить было нельзя. Николаев повел в атаку другую роту. Вместе с ним оказался Симонов. Вначале немцы молчали, а затем открыли огонь из минометов. Мины плотно рвались впереди роты. Бойцы залегли.

Симонов потом напишет в "Красной звезде":

"Совсем рядом грохнул особенно близкий разрыв. Я прижался к земле, так же как и шедшие со мной рядом бойцы. И вдруг, подняв головы, мы в десяти шагах от себя, сквозь дым и пыль, увидели комиссара. Он шел все той же своей неторопливой, тяжелой походкой, словно вдавливал гвозди в землю. Шел спокойно, не пригибаясь, легко неся на плече такую же, как у всех, трехлинейку.

Он шел так, что, видя его, нельзя было не подняться вслед за ним. Шел так, будто ничего другого и невозможно было делать, как только идти вперед, вот так же просто и спокойно. И должно быть, то же самое чувство, что и я, испытали все лежавшие рядом со мной бойцы.

Мы поднялись и пошли за комиссаром, невольно стараясь подражать ему: идти так же спокойно, быстро и в то же время неторопливо, как он".

Вскоре к минометному огню прибавился еще и пулеметный. Некоторые бойцы снова залегли. Теперь уже не только Николаев, но и Симонов подымал их, увлекая за собой, подбадривая. Спустя

полчаса гитлеровцы были выбиты со стрелки и рота заняла окопы...

Вычитывая очерк Симонова "Смерть за смерть", я обнаружил, что автор опустил в нем многие из подробностей, рассказанных мне устно. Не было там, в частности, тех нескольких абзацев, которые цитируются выше.

- Обязательно допиши, - настаивал я. - Особенно о Николаеве. Конечно, не дело корпусного комиссара, члена Военного совета армии водить роту в атаку. Но что было, то было. Николаев боевой человек. Отличился на Хасане, на финской войне. Сейчас тоже герой из героев! Настоящий комиссар... И про себя напиши, как ходил в атаку, что переживал. Все, как было, все напиши...

Симонов посмотрел на меня с удивлением:

- А я здесь при чем?

- Очень даже при чем...

До войны в нашей газете, да и в других тоже, как-то не принято было, чтобы корреспондент ссылался на свою причастность к тому, о чем пишет: мол, и я при этом был, видел то-то, делал так-то. Это называлось у нас "яканьем", считалось дурным тоном, бахвальством. В войну - иное. Кто мог бы упрекнуть корреспондента, если он писал о своем присутствии на месте событий, о своих чувствах и переживаниях? Какое уж тут бахвальство, когда опасность и риск шагают рядом! Наоборот, считал я, это важно и нужно. Пусть читатель убедится, что корреспондент пишет свои статьи и очерки не по штабным донесениям, не по чужим рассказам, а что он был рядом с бойцами, вместе с ними переживал трудности и опасности боя и описывает то, что видел своими глазами.

Все это я изложил Симонову, добавив полушутя-полусерьезно:

- А потом пусть народ знает, какие у нас боевые спецкоры, ценит их и газету!..

Словом, Симонов дописал много интересного о Николаеве и кое-что о себе. Только Арабатская стрелка по понятным причинам не была названа, а было сказано, что действие происходит "на одном полуострове". И о должности Николаева умолчали - в очерке он просто "комиссар Николаев".

А уже после войны, отвечая на вопросы, возникшие у меня в связи с работой над книгой воспоминаний, и касаясь эпизода на Арабатской стрелке, Симонов написал мне:

"Пришлось в эту поездку быть в таком переплете, когда многое испытываешь на своей шкуре: и прицельный огонь по тебе, и ощущение человека, идущего в атаку, и ощущение человека, которого поднимают, когда он залег, и ощущение

человека, который уже сам после этого поднимает других. Все это мне потом помогло и беседовать с людьми, и давать более достоверно в очерках какие-то черточки психологии солдат и офицеров, оказавшихся в сложных боевых обстоятельствах. Крайне важная сторона работы спецкора - знать хотя бы в какой-то мере по собственному опыту то, о чем ты расспрашиваешь других. Требование редакции "Красной звезды" - видеть как можно больше своими глазами - было требованием верным и с точки зрения журналистской нравственности, и самого качества материала. Мне это редакционное правило нравилось, и я стремился ему следовать".

Кроме очерка "Смерть за смерть" на материале из 51-й армии Симонов сделал тогда для газеты еще две вещи - "Разоблаченная шпионка" и "Девушка с соляного промысла". Фотография этой боевой девушки, опубликованная вместе с очерком, принадлежит опять-таки Симонову.

И вот теперь самое время рассказать, как и почему в газете появились снимки Симонова. Дело в том, что ему пришлось на короткий срок расстаться с Халипом. Из Симферополя они разъехались в разные стороны: один - в 51-ю армию, а другой - к морякам в Севастополь. При расставании Халип сказал:

- Знаешь, Костя, пока ты "пропадал" на подводной лодке, я собрал тебе материал для очерка "Батарея под Одессой". А теперь ты потрудись на меня сделай хотя бы несколько интересных снимков там, где тебе случится быть. Вот тебе одна из моих "леек", а вот так ею надо "щелкать"...

Как уже отмечалось, очерк "Батарея под Одессой" появилея в "Красной звезде" за двумя подписями. А вот со снимками из 51-й армии получилось несколько иначе. Симонов тоже подписал их двумя фамилиями. Но в редакции кто-то, очевидно с моего молчаливого согласия, снял фамилию Халипа, дабы у читателей не возникло сомнения в авторстве Симонова.

* * *

С того же Южного фронта - заметка Бориса Галина. Всего несколько дней назад он перебрался туда с Брянского фронта. В одной из деревушек на юге Украины ему довелось встретиться с захваченными в плен итальянцами. Их было девять человек - все из той добровольческой шпаны, которая поверила в россказни Муссолини о веселой прогулке по России, все отправились на войну промышлять грабежом.

Галин пробыл с ними целый день. Обстановка сложилась так, что писателю вместе с переводчиком из разведотдела армии пришлось не только допрашивать пленных, а и сторожить их с винтовкой в руках. Один из них слезливо жаловался:

- Нас подвели. Нечем здесь поживиться: ни продуктов, ни девушек... Другой доказывал, что он появился в здешних местах потому, что должен был выбрать одно из двух:

- Или кушай солдатский суп, или бросайся в окно.

Афоризм несколько туманный, но, в общем-то, догадаться нетрудно: иди в бой - или получишь пулю в лоб...

Сергей Михалков впервые прислал нам свое стихотворение, тоже с Южного фронта.

Называется оно "Письмо" и адресовано семьям фронтовиков - их женам, детям, матерям:

Здесь, на войне, мы рады каждой строчке
И каждой весточке из милых нам краев.
Дошедших писем мягкие листочки
Нам дороги особо в дни боев.

Сто дней уже длится война. Время достаточное, чтобы загрустить о доме, о близких.

* * *

А из материалов с Ленинградского фронта самой значительной была в том номере статья полковника С. Борисова. В ней довольно точно освещались и трезво оценивались события на этом направлении за два последних месяца, верно охарактеризованы оперативные замыслы и тактические приемы противника, его силы, средства и возможности.

Сравнивая теперь эту статью с позднейшими трудами военных историков, я лишний раз убеждаюсь, насколько она была капитальна, хотя полковник Борисов не располагал и десятой долей той обширной документации, которая была извлечена впоследствии из немецких военных архивов.

Да, отличного автора нашли мы тогда в штабе Ленинградского фронта!

* * *

Прибыл небольшой, но яркий репортаж из авиационной дивизии. Случай редкий даже для щедрой на всякие неожиданности военной поры. Во время штурмовки скопления вражеских войск был тяжело ранен летчик Ревякин. Осколок зенитного снаряда разбил ему левую часть лица и выбил глаз. Напрягая всю волю и последний остаток сил, летчик сумел посадить самолет на первую подходящую для этого площадку. Однако тут была еще территория, занятая немецкими войсками. К самолету со всех сторон кинулись гитлеровцы. Ревякин очнулся от минутного забытья, подал вперед сектор газа. Струей воздуха, идущей от винта, отбросило солдат, которые уже было

ухватились за плоскость самолета. Машина пошла на взлет. Вторую посадку он совершил уже в расположении наших войск.

* * *

Опубликована карикатура Бориса Ефимова под названием "Факт, а не реклама". Это отклик художника на сообщение фашистской газеты "Фелькишер беобахтер" о том, что рост партизанского движения на оккупированной советской территории вынуждает гитлеровцев развешивать вдоль дорог предостерегающие плакаты: "Вблизи действуют партизаны, соблюдайте величайшую осторожность".

Конечно, карикатуру лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать о ней. Однако рискну пересказать ее. Она состоит из двух картинок. На первой - дерево с огромным дуплом и немецкий мотоциклист, прибивающий к этому дереву дощечку с надписью: "Осторожно, партизаны поблизости!" А на второй картинке - из дупла высовывается партизан с автоматом и, как говорится, хватает гитлеровца "за шкирку". Самое смешное - физиономия немецкого гонца. Но этого не пересказать!

Илье Эренбургу тоже подарен нынче сюжет немецкой газетой. Оказывается, в Берлине какие-то ловкачи открыли краткосрочные курсы по обучению русскому языку. На все про все отводится сто уроков. Писатель комментирует это сообщение так:

"На курсах русский язык своеобразен. Имя существительное? Курица, староста, реквизиция, порка, виселица. Глаголы? Брать, пытать, расстрелять, закопать.

Вряд ли за сто уроков берлинцы научатся даже этому ограниченному словарю. Но нужно сказать, что на фронте они кое-чему научились. Сто дней и сто ночей учили их русскому языку орудия и пулеметы. Это единственный язык, который понятен гитлеровцам, не считая языка авиабомб, мин, гранат и винтовок.

После ста уроков самые способные сдали экзамен: лежат в земле или сидят в лагерях для пленных. Об их достижениях свидетельствуют письменные работы".

Далее следуют многочисленные выдержки из писем и дневников.

Письмо фельдфебеля Гуго своему приятелю Редеру от 10 сентября: "О, ужас!.. Вчера при переправе через Днепр я насчитал 103 немецких могилы. Такого злого врага мы еще не имели".

Письмо от 12 сентября ефрейтора Теодора Гайнца: "Если бы наконец все это кончилось! Ведь после войны снова останешься тем же ослом, что и до войны... Русские все время нас обрабатывают тяжелыми бомбами. Это невыносимо!.."

Реплика писателя: "Ефрейтор Теодор Гайнц оказался на

редкость способным: после "обработки" бомбами он даже понял, что он - осел. Это отличник".

А заканчивается фельетон следующими словами:

"Честь и слава учителям: нашим артиллеристам и летчикам, всем бойцам Красной Армии. Они учат и научат".

3 октября

Этот номер "Красной звезды" делался, можно сказать, на ходу: 2 октября редакция перебиралась в другое помещение.

Вынудили нас к тому усилившиеся налеты на Москву фашистской авиации. Правда, они не были теперь такими массированными, как 22 и 23 июля. Встретив сокрушительный отпор истребительной авиации и зенитной артиллерии московской зоны ПВО, потеряв тогда большое количество бомбардировщиков, гитлеровские воздушные пираты изменили тактику, перешли к бомбардировке столичных объектов главным образом мелкими группами и даже одиночными самолетами.

В июле налеты начинались обычно поздно вечером и заканчивались порой к рассвету. В редакции и типографии это часы пик. Но выпуск газеты этим не задерживался. А в конце сентября и начале октября налеты следовали один за другим почти непрерывно - и условия работы, конечно, осложнились. Во время воздушных тревог, которым конца не было, сотрудники редакции и рабочие типографии продолжали делать свое дело, а это было небезопасно. Наше хлипкое трехэтажное здание с его полуподвалом, считавшимся бомбоубежищем по очевидному для всех недоразумению, в любой момент могло превратиться в братскую могилу. Надо было искать иное пристанище. Выбор пал на здание Театра Красной Армии.

Удивительно быстро мы перебрались туда. В подвалах установили линотипы. В репетиционных помещениях и артистических уборных обосновались сотрудники редакции. Одну из них, видимо какой-то "примы", предоставили Эренбургу, на что тотчас отреагировали редакционные остряки.

К сожалению, новоселье для Ильи Григорьевича оказалось неудачным. Возле театра были вырыты какие-то ямы, и в первую же ночь он ввалился в одну из них, основательно ушибся. Попытался отправить его домой, но Эренбург категорически отказался, сел писать очередную статью.

На новом месте мы почувствовали себя в полной безопасности. О типографии совсем не волновались - никакая бомба, думали мы, не одолеет солидные бетонные перекрытия. Да

и сотрудники редакции были уверены, что теперь они надежно защищены от вражеских бомб. Во время налетов никто не уходил в подвалы. Относительно уязвимой казалась нам только сцена, где устроились машинистки. Беспокоясь за их судьбу, я зашел туда во время одной из воздушных тревог и неожиданно встретил среди сваленных в кучу декораций постороннего человека в теплой куртке и фуражке, низко надвинутой на лоб. Спросил его:

- Вы кто такой? Что здесь делаете?

- Хренников, - представился он, - композитор... Хожу вот по знакомым местам...

Да, это был Тихон Николаевич Хренников. Я узнал его, приглядевшись внимательнее. Поздоровались, и я вдруг выпалил:

- Есть хотите?

Сам не знаю, почему задал такой вопрос. Вероятно, по выработавшейся уже привычке. Этот вопрос я задавал теперь всегда при встречах с Алексеем Толстым, Михаилом Шолоховым, Ильей Эренбургом, Петром Павленко... Знал ведь, что они не роскошествуют.

Тихон Николаевич ответил не без смущения:

- Спасибо... Есть мне действительно хочется...

Я привел его к себе в комнату. Нам принесли, как говорится, что бог послал из нашей недооборудованной еще столовки. Сидели, ели, беседовали о разных разностях. Расстались, можно сказать, друзьями. Тихон Николаевич и теперь при встречах со мной вспоминает с доброй улыбкой тогдашний свой случайный визит к нам в редакцию...

* * *

Прошло несколько дней после того, как "Красная звезда" сменила адрес. Мы продолжали благодушествовать, пока не позвонил мне командующий ПВО генерал М. С. Громадин.

- Знаете ли вы, - строго спросил он, - что ваше теперешнее помещение одно из самых уязвимых для бомбежек.

- Нет, не знаю, - ответил я. - Но под вашей защитой мы чувствуем себя как у Христа за пазухой.

Громадин не принял шутки. На второй день он прислал нарочным большой пакет, опечатанный сургучом. В пакете был сделанный с самолета снимок монументального здания Театра Советской Армии. Оно четко вырисовывалось среди прочих зданий как пятиконечная звезда с пятью расходящимися лучами. Действительно, приметный объект! Эренбург, увидев этот снимок у меня на столе и вспомнив, очевидно, наш полуподвал на Малой Дмитровке, который он назвал "презрением к смерти", наименовал наше новое пристанище "вызовом смерти"...

Ненадолго мы задержались здесь. Но об этом - разговор

впереди. А пока рассмотрим номер "Красной звезды", вышедший, когда противник уже начал генеральное наступление на Москву.

* * *

При подготовке этого номера мы еще почти ничего не знали о грозных событиях на Западном фронте. Да и о наступлении немцев в полосе Брянского фронта официальных сообщений тоже пока не было. Содержание газеты опять определялось главным образом материалами с юга. Важная корреспонденция Н. Денисова и П. Олендера - "Как бороться с просачиванием врага в тыл". Новые снимки Якова Халипа из Крыма.

На третьей полосе - подвальная статья известного историка И. Лежнева "Что скрывается за гитлеровской демагогией о фашистском национал-социализме". Там же заверстали очерк Евгения Габриловича "Дочь партизана". В нем рассказывается о юной героине, девочке Мане из села Новоселье. Ее отец Михаил Иванович Пыренко, председатель сельсовета, ушел в партизаны. Ее мать Ольгу Андреевну фашисты повесили. Проведав, что Маня получает от отца письма, гитлеровцы подвергли ее страшным пыткам домогались, где же находятся партизаны. Тринадцатилетняя Маня не промолвила ни слова. А когда стало совсем уже невмоготу, схватила нож, лежавший на столе, и ударила им в грудь одного из своих мучителей.

Корреспондент сообщает, что село Новоселье вскоре было отбито у немцев. На месте казни юной героини "наши бойцы соорудили скромный памятник: холмик, обложенный разноцветными камешками, деревянный обелиск с вырезанным на нем знаменем и красноармейской звездой. На обелиске надпись: "Девочке Мане от Красной Армии. Вечная память!"

Где оно, это Новоселье? В каких краях? И помнят ли там поныне Маню Пыренко?

7 октября

В утренней и вечерней сводках Совинформбюро - те же сообщения, что и в начале месяца: везде упорные бои с противником. О положении на Западном и Брянском фронтах - ничего нет. А уже пал Орел. Об этом я узнал в Генштабе. Это же подтвердили и прибывшие из-под Орла наши корреспонденты по Брянскому фронту Павел Трояновский и Василий Гроссман. Я видел их "эмку" - вся иссечена осколками. Возле нее собрались работники редакции - рассматривали, покачивали головами: вот, мол, досталось ребятам! Как только живыми выскочили?

Наговорившись с товарищами возле своей "эмки", Гроссман и

Трояновский зашли ко мне, рассказали о беде на фронте. Я выслушал их внимательно но, узнав, что они ничего не привезли для газеты, не удержался от резких слов. Конечно, репортаж о прорыве на Брянском фронте, о захвате врагами Орла газета напечатать не могла, пока нет официального сообщения. Однако мы считали, что в любом бою, даже с самым неблагоприятным для нас исходом, выявляются истинные герои, свершаются подвиги и о них-то можно и надо писать!

Без всяких обиняков я сказал Гроссману и Трояновскому:

- Нам нужна не простреленная ваша "эмка", а материалы для газеты. Возвращайтесь на фронт...

Наверное, это было несправедливо. Не хочу оправдываться даже сейчас, когда твердо знаю, что спецкоры чудом ускользнули от вражеского кольца. Глядя на взволнованные и растерянные лица этих в общем-то мужественных, даже отважных людей, надо было им сказать что-то другое, говорить с ними помягче. Но вспомним то время! Не до сантиментов было тогда...

Гроссман и Трояновский сразу же выехали в 1-й гвардейский стрелковый корпус генерала Д. Д. Лелюшенко, которому как раз в тот день удалось остановить врага под Мценском. А моя реплика насчет "простреленной "эмки" пошла гулять по редакционным кулуарам и даже по нашим фронтовым корреспондентским пунктам. Но, думаю, не столько для того, чтобы поддеть редактора, сколько для того, чтобы подчеркнуть непреложность неписаных законов, установившихся в нашей редакции с первых же дней войны.

* * *

Прорыв противника на Западном фронте был не менее угрожающим, чем на Брянском. А о нем тоже пока нет официального сообщения. Нет ничего и от корреспондентов, порвалась всякая связь с ними.

Мы-то знали причину их продолжительного молчания о грозных событиях на не таких уж дальних подступах к Москве. Ведь даже в Ставке нет пока полной ясности о положении в войсках Западного и Резервного фронтов - связь с их штабами тоже весьма неустойчива, а с некоторыми из армий ее и вовсе нет.

Однако негоже газете отмалчиваться. Снова мы прибегаем к испытанному уже в подобных ситуациях средству - передовой статье. Нам еще неведомо зловещее название предпринятой противником операции "Тайфун". Мы не знали тогда приказа Гитлера по Восточному фронту, о котором я упоминал выше. Но для нас очевидны устремления неприятеля, и мы высказываемся вполне определенно: немецко-фашистские захватчики переходят

в генеральное наступление.

"Перспектива затяжной войны страшит врага... Исход грандиозной битвы, развернувшейся на огромном фронте, фашистские генералы хотели бы решить до наступления зимы... Мы не должны закрывать глаза на серьезность момента..."

В условиях численного превосходства противника решающее значение имела стойкость наших войск. Этому, собственно говоря, и была посвящена передовая. Она так и называлась: "В ожесточенных боях с врагом быть стойкими до конца".

Очень злободневно прозвучал в ней такой абзац:

"В 1919 году, когда Юденич грозил красному Питеру, а Деникин взял Орел, великий Ленин говорил: "Положение чрезвычайно тяжелое. Но мы не отчаиваемся, ибо знаем, что всякий раз, как создается трудное положение для Советской республики, рабочие проявляют чудеса храбрости, своим примером ободряют и" воодушевляют войска и ведут их к новым победам".

* * *

Еще днем, при формировании номера газеты, было решено: если уж нет у нас никаких реальных возможностей сказать полным голосом о том, что происходит на Западном, Брянском и Резервном фронтах, нужно, чтобы все прочие материалы соответствовали духу передовой и насущным потребностям войск, сдерживающих сильнейший натиск противника. Этим требованиям вполне отвечала подвальная статья нашего специалиста по общевойсковой тактике подполковника Викентия Дермана - "Активная оборона". Годилась и только что полученная корреспонденция с Ленинградского фронта "Упорная оборона Ленинграда". Соответствовала нашему замыслу острая заметка "Дикие издевательства над пленными"; она еще раз предупреждала, что ожидает советского воина, если он попадет в руки врага.

Вечером Илья Эренбург принес мне три странички очередного своего памфлета - "На черепах". Автор будто бы воочию видит Гитлера на трибуне, сложенной из черепов солдат и офицеров вермахта. Прочитал я этот памфлет и хотел уже отправить в набор. Но в этот момент Илья Григорьевич сказал со вздохом, очень тихо, будто размышлял вслух:

- Завтра-послезавтра надо ждать тяжелую сводку Информбюро.

- Да, Илья Григорьевич, - подтвердил я, а затем предложил писателю: Зачем нам ждать? Быть может, стоит как-то подготовить к ней читателя. Сделайте вставку в вашей статье.

Эренбург тут же сел за мой стол и дописал такой абзац:

"Нелегко нам даются немецкие могилы. Но мы умеем пережить дурные сводки. Мы знаем, что хорошие сводки впереди. Германия сейчас бросает на зеленое сукно все свои червонцы. Германия сейчас бросает на наши поля все свои дивизии. Наша сила, которой поражен Гитлер, это - наша выдержка, наша сплоченность, простой, неприметный и трижды благословенный героизм русского человека..."

В последний час, когда газета была уже сверстана, подоспел репортаж нашего корреспондента по Западному фронту. В нем, правда, далеко не раскрывалась вся картина происходящих там событий, тем не менее корреспондент давал понять, что на Западном фронте началось большое наступление противника. Об этом говорил уже заголовок: "Ожесточенные сражения с немецко-фашистскими частями".

Писал спецкор о боевых действиях группы войск генерал-лейтенанта И. В. Болдина. В состав этой группы входили: стрелковая и танковая дивизии и еще три отдельных танковых бригады. Ставка направила ее в район Вадино - то самое место, где совсем недавно располагался командный пункт 19-й армии и где мне довелось впервые встретиться с Коневым.

Болдину вменялось в обязанность: прикрыть смоленско-вяземское направление. Войска его смело вступили в бой с противником, обладавшим подавляющим превосходством в силах и средствах. О том, как упорно они сражались, можно судить хотя бы по тому, что многие населенные пункты, в частности Холм-Жирковский, трижды переходили из рук в руки. При этом было уничтожено 38 немецких танков.

Написав свою корреспонденцию, спецкор поспешил на фронтовой узел связи. После того как она была передана в Москву, он хотел опять вернуться к Болдину, но, увы, это оказалось уже невозможным: вместе с четырьмя другими армиями Западного и Резервного фронтов армейская группа Болдина оказалась в так называемом вяземском окружении.

Общеизвестна заслуга тех наших армий и группы Болдина: своей мужественной борьбой в окружении они сковали 28 фашистских дивизий. В результате было выиграно время, необходимое для оборудования оборонительных рубежей на пути противника к Москве - в районах Можайска и Волоколамска.

* * *

Иногда рядом с бедой шагают маленькие радости. А обрадовал нас фотоочерк из партизанского края. На первой полосе заверстаны четыре снимка с таким пояснительным текстом:

"Редакция "Красной звезды" в августе направила своего

специального фотокорреспондента т. М. П. в неприятельский тыл к советским партизанам. Перебравшись через линию фронта, т. М. П. через несколько дней, идя по болотам и лесам, пришел в N-й партизанский отряд. Вчера редакция получила пересланную нашим фотокорреспондентом первую серию снимков из партизанского отряда. На снимках (слева направо): 1. Партизан-часовой следит за дорогами, ведущими к лагерю партизанского отряда. 2. Штаб отряда разрабатывает план предстоящей операции (в немецкой шинели партизан тов. Р.). 3. Партизаны-разведчики идут выполнять боевое задание. 4. Тт. Ф. и В., отличившиеся в бою с фашистами. Фото специального фотокорреспондента "Красной звезды" в N-м партизанском отряде тов. М. П.".

На второй полосе - еще два снимка того же автора. Подписи под ними: "1. Группа партизан на привале. 2. Партизаны пробираются в село, занятое немцами".

"М. П." - это Сергей Лоскутов.

Вспоминаю один из трудных дней конца августа сорок первого года. Зашел он ко мне - немолодой уже, но подтянутый, ладно скроенный старший политрук - и сразу же приступил к делу:

- Отпустите меня к партизанам, действующим по ту сторону Северо-Западного фронта. Я знаю там все ходы и выходы - проберусь в немецкий тыл.

Давно уже мы регулярно печатаем сообщения о партизанском движении: репортажи, очерки, даже целые полосы. Но снимков из партизанских отрядов не было. Ни одного! Ни в нашей газете, ни в других.

"Что ж, - рассудил я про себя, - для такого поручения лучше и надежнее человека, чем Сергей Лоскутов, не найти". Коммунист с девятнадцатого года. В гражданскую войну был комиссаром автоброневого дивизиона, затем саперного отряда. Участвовал в боях с врангелевцами, махновцами, басмачами. Успел проявить себя и в Отечественной войне: отважен, находчив, чутко улавливает потребности газеты. Его снимки с Северо-Западного фронта отличались актуальностью и выразительностью.

Мое согласие на переход линии фронта он получил. И 30 августа вместе со своими боевыми товарищами - кинооператором Сергеем Гусевым и корреспондентом фронтовой газеты Львом Плескачевским - Лоскутов, одетый под лесоруба - в черных брюках, косоворотке, стеганой телогрейке и шапке-ушанке - отправился из Валдая в неведомый партизанский край.

Путь был нелегким. По узким, едва приметным проходам через минные поля. Через болотные топи. В дождь и слякоть. По

грудь в студеной воде Ловати. Ползком, порой в нескольких десятках шагов от немецких постов.

Потом Лоскутов напишет:

"Ох, болота, болота! Долго буду их помнить. Есть болота с кочками и клюквой, болота губчатые, покрытые мхом, как губкой. Здесь еще можно идти. Но есть болота гиблые, считающиеся непроходимыми. На таком болоте все под тобой качается, словно студень. Через каждые два-три шага - ямы. Они называются окнами".

Или вот еще такая картина с натуры:

"Если бы немцы внимательно наблюдали за местностью, то, несомненно, обнаружили бы нас: над нами все время кружились три сороки. Скверные птицы! Если сорока, стрекоча, вьется в воздухе - знай: в лесу люди!

Несколько раз мы пытались отогнать сорок, осторожно кидали в них палками. Птицы улетали, но затем возвращались..."

А вот еще эпизод. Как будто смешной. Но Лоскутову и его товарищам было тогда не до смеха.

"Появилась... свинья! Да, самая обыкновенная, ничем не примечательная свинья. Она подошла к леску, хрюкая, тычась в землю пятачком, и сразу же направилась к нам. Я отогнал ее палкой. Она остановилась, потом снова, как ни в чем не бывало, пошла к нам в лесок. Четверо немецких солдат с винтовками двигались за ней, как завороженные.

А свинья, мирно хрюкая, переваливаясь, посапывая, шла к нашим елочкам... Вдруг, словно почуяв что-то... отпрянула в сторону. Побежала. Сначала тихой трусцой, потом быстрее. Солдаты бросились вслед... Первый немец прицелился. Бац! Мимо! Охотники сердито переглянулись и послали друг друга к черту. Мы искренне присоединились к этому пожеланию.

Свинья и любители свинины скрылись за кустами".

4 сентября Лоскутов прибыл наконец, в партизанский отряд с точным и выразительным названием "Гроза фашистам". В этом и других отрядах партизанского края пробыл сорок суток. Фотографировал и воевал. Первые его снимки были доставлены в редакцию по многоступенчатой цепочке партизанских связных.

10 октября

Два дня назад в сводках Совинформбюро были названы вяземское и брянское направления. 9 октября последовало сообщение об оставлении Орла. Уже теперь-то можно было полным голосом сказать об опасности, нависшей над Москвой. Но

для этого нужны были конкретные материалы с места событий, а их пока нет. Молчат наши корреспонденты.

Почему?

Сейчас на такой вопрос ответить нетрудно: общеизвестно, что, начиная операцию "Тайфун", противник нанес сильнейшие удары по фронтовым и армейским штабам, в результате чего пострадали средства связи, нарушилось управление войсками. Здесь достаточно напомнить разговор Верховного главнокомандующего с Жуковым 7 октября:

" - Я не могу добиться, - сказал Сталин, - от Западного фронта исчерпывающего доклада об истинном положении дел..."

О том же свидетельствует и диалог Жукова с командующим войсками Резервного фронта 8 октября:

" - Ты откуда? - спросил С. М. Буденный.

- От Конева.

- Ну, как у него дела? Я более двух суток не имею с ним никакой связи..."

Само собой разумеется, что в то время такого рода фактами редакция "Красной звезды" не располагала. Мы лишь интуитивно догадывались, что молчание наших корреспондентов обусловлено двумя причинами: неустойчивостью связи с Москвой и неясностью обстановки на подступах к столице.

Была еще и третья причина замедленного поступления корреспондентских материалов с важнейших в тот момент направлений. В сентябре, когда обстановка на Западном и Резервном фронтах заметно стабилизировалась, мы несколько ослабили там наши корреспондентские группы. Теперь надо было срочно усиливать их. На брянское направление мы снова командировали Петра Коломейцева и вместе с ним Евгения Габриловича. На вяземское послали Ивана Хитрова и двух писателей - Федора Панферова и Хаджи Мурата Мугуева.

Вспоминаю, как стал нашим корреспондентом Панферов. 4 октября явился ко мне человек, с которым я никогда не встречался до этого, - приземистый, широкоплечий, с каким-то пронзительным взглядом. Это и был Федор Иванович Панферов - автор хорошо известного мне романа "Бруски". Он попросил зачислить его в штат корреспондентов "Красной звезды" и откровенно рассказал при этом такую историю. Ему была предложена работа в какой-то фронтовой газете. Не помню уж, по каким причинам он не мог выехать туда немедленно, и написал об этом объяснительное письмо Верховному главнокомандующему, а тот переадресовал это послание в Партколлегию и поставил вопрос чуть ли не об исключении Панферова из партии. Я не стал вникать в подробности - никуда

не звонил, никаких справок не наводил. Сразу ответил Панферову согласием при одном обязательном условии: он должен немедленно выехать в действующую армию. У меня было твердое убеждение, что никто, в том числе и Сталин, не сможет отказать кому бы то ни было в праве подтвердить в боевой обстановке свою верность партийному долгу, пройти, так сказать, проверку огнем. Тут же был подписан приказ. Панферову выдали военное обмундирование с тремя шпалами, соответствовавшими его воинскому званию, и на следующий день он отбыл на вяземское направление.

После опубликования в "Красной звезде" первой же его корреспонденции из действующей армии мне позвонил Сталин. Ни о чем он меня не расспрашивал, не порицал и не хвалил за то, что я "самовольно" послал Панферова на фронт, сказал только, как всегда коротко и категорично:

- Печатайте Панферова.

Из этого можно было заключить, что инцидент, возникший в связи с письмом Федора Ивановича, исчерпан.

* * *

Иногда меня спрашивают, почему оказался вдалеке от Московской битвы один из самых боевых корреспондентов нашей газеты Константин Симонов? Да и сам Симонов не раз упрекал меня за то, что я не послал его тогда на Западный фронт.

Но всему есть объяснение. И этому - тоже!

Еще 27 сентября я узнал, что в районе Мурманска хорошо воюют английские летчики - они сбили семнадцать фашистских самолетов. Об этом стоило рассказать в газете. Как раз в те дни вернулся из Крыма Симонов, и я решил послать его на Север. По моим расчетам, эта его командировка могла продолжаться не более недели. В действительности же он в Мурманск добрался только на седьмой день: из-за непогоды самолет застрял в Вологде на четверо суток!

Когда развернулись грозные события на Западном фронте, Симонов прислал мне взволнованную телеграмму - просил разрешения срочно вернуться в Москву. Я на это согласия не дал. И вот почему. В ту пору Симонов только-только начинал свою журналистскую деятельность в центральной военной газете. Первые его корреспонденции из Одессы и Крыма были интересными, нужными, но все же они не являлись еще той его высокой публицистикой, которая позже так сильно прозвучала со страниц "Красной звезды" и так горячо была принята в действующей армии и во всей стране. Мне казалось, что симоновские корреспонденции с Западного фронта погоды в газете не сделают, пусть поработает на Севере.

Мурманское направление было единственным, где наши войска хоть кое-где и отступили, но ненамного, а затем закрепились и больше не отходили ни на шаг. В ту пору наших неудач на центральных и южных фронтах этот факт заслуживал широкого освещения в "Красной звезде". Так Симонов и застрял на Севере.

* * *

Пора, однако, повести речь о газете, датированной 10 октября. При подготовке этого номера, уже на исходе дня, словно бы приоткрылись где-то невидимые шлюзы - и в редакцию хлынули - по бодо, телефону, нарочными материалы наших корреспондентов с Западного и Брянского фронтов. Поначалу только первая, а затем и вторая, и третья полосы целиком заполнялись их репортажами и статьями.

На первой полосе корреспонденция "Ожесточенные бои на вяземском направлении". Спецкор сообщает: "Фашисты, сосредоточив превосходящие силы, яростно атакуют наши войска. На ряде участков неприятелю снова удалось продвинуться... Враг подбрасывает новые силы". Далее рассказывается о том, с каким упорством и доблестью обороняются наши войска.

Не менее откровенна статья "Танковые бои под Орлом". В ней сообщается о прорыве танков Гудериана в районе Глухова, о неудачном для нас исходе сражения за Орел. Но в то же время в статье содержится и обнадеживающий факт: атаки врага, устремившегося из Орла к Туле, отбиты. А заканчивается она так: "Путь на север от Орла прикрыт. Нужно сделать его совершенно неприступным для врага".

На прикрытие орловско-тульского направления Ставка выдвинула 1-й гвардейский стрелковый корпус генерала Д. Д. Лелюшенко и танковую бригаду полковника М. Е. Катукова.

Там, как уже говорилось выше, возобновили свою работу наши корреспонденты по Брянскому фронту Трояновский и Гроссман. Туда же поспешили Коломейцев и Габрилович, чуть было не угодившие в лапы противника. Вовремя остановил их "эмку" какой-то капитан:

- Куда вы, товарищи командиры? Глядите - немцы!..

Корреспонденты выбрались из машины, огляделись - действительно, в километре от них на пригорок выползали немецкие танки. Пришлось дать обратный ход. И вскоре они - милостив бог газетчиков! - наткнулись в сыром осеннем лесочке на подразделения бригады Катукова. Здесь Габрилович встретился с командиром танковой роты старшим лейтенантом А. Бурдой, совершавшим в те дни один геройский подвиг за другим.

Собрав интересный материал, но не имея под рукой никаких

средств связи с редакцией, корреспонденты приняли обычное в подобных случаях решение: не мешкая ехать в Москву. В пути над шоссе вынырнул из-за облака самолет. Вначале корреспондентам показалось, что это наш, а когда опознали врага, он уже открыл огонь. Водитель их машины успел выскочить, Габрилович тоже распахнул было дверцу, но опытный Коломейцев крикнул: "Поздно, пригнись!" Пулеметная очередь насквозь прошила машину. Одна пуля попала в приоткрытую дверцу, две - в капот, а четвертая - в рукав телогрейки, лежавшей на сиденье между Коломейцевым и Габриловичем.

Доложив мне о своих злоключениях, корреспонденты уселись за работу. Габрилович дал в номер корреспонденцию "Линия огня". От других материалов этого номера ее отличала, пожалуй, прежде всего страстность в описании действий танкистов из засад. Позже в бригаде Катукова побывали многие наши корреспонденты, мы посвятили ей однажды целую полосу, но первым открыл ее для читателей "Красной звезды" Габрилович.

Свою корреспонденцию он закончил такими строками:

"Едем обратно мимо полей, где возводятся укрепления, мимо танков, пушек, автомашин, идущих на фронт. Стальной заслон. Тот, кто видел вооружение этого заслона, эти новые современные машины, может с уверенностью сказать: горы трупов положат фашисты на пути своего наступления".

Так оно и было. На этом направлении противнику удалось несколько продвинуться вперед, занять Мценск. Но путь к Туле враг действительно усеял могилами своих солдат и кладбищами техники.

Петр Коломейцев привез из той командировки статью "Как ликвидировать танковый прорыв". Она была напечатана через несколько дней. А в том номере пошла другая большая и очень важная статья полковника К. Неверова "Обороняться стойко, упорно, активно". Она начиналась так:

"Бои, происходящие сейчас на фронте, носят подвижный характер. Но это вовсе не значит, что все сводится к безостановочному движению войск и оборонительные бои теряют свое значение. Опыт показывает, что нужно сочетать движение с обороной.

Характерная особенность обороны в нынешних боях - это ее активность во всех звеньях, полная готовность противопоставить свой маневр маневру врага..."

В статье нет слова "отступление". Мы избегали употреблять его. Пользовались иной терминологией: "движение", "безостановочное движение". Но суть-то статьи сводилась к тому, что отступление не должно быть беспорядочным. Его необходимо

сочетать с упорными боями на промежуточных рубежах.

Заголовок передовой "Преградим путь врагу!" набран необычно крупным шрифтом. Здесь мы постарались прокомментировать скупые строки сообщения Совинформбюро об ожесточенных боях на брянском и вяземском направлениях, а также на объявленном только вчера мелитопольском направлении. В передовой подчеркивалось: "Обстановка чрезвычайно серьезная. Особенно угрожающее положение создалось для важных жизненных центров западного направления и приазовских районов. Мы твердо знаем, что победа в решающем итоге будет за нами, но знаем также, что победа никогда не приходит сама, путь к ней тернист и нелегок. Ни на минуту не теряя спокойствия духа и непоколебимой уверенности в победном для нас исходе войны, мы в то же время не имеем права ни в малейшей степени преуменьшать величину опасности, нависшей над Родиной... Теперь пробил час, когда каждый верный сын Родины обязан отдать ей все, что может, не щадя своей жизни в борьбе с заклятым врагом".

В Генштабе я узнал о переброске сил на западное направление с других фронтов и из глубины страны. Когда вычитывал уже гранки передовой, мне не давала покоя мысль: надо бы сказать и об этом. Но как? Конкретность в данном случае непозволительна. В конце концов в тексте передовой появилась хоть и резиновая, но все же ободряющая формулировка:

"Вводятся в бой новые резервы. На помощь фронтовикам идут лучшие наши силы".

11 октября

Да, на Западный фронт идут новые полки и дивизии. Для него формируются новые армии. А поскольку в прошлом номере мы уже намекнули насчет этого, надо двигаться дальше.

Даем передовую - "Долг бойцов, идущих на фронт". Вчерашняя формулировка получила в ней некоторое развитие: "На помощь фронтовикам к линии огня двинуты резервы Красной Армии. Под славными воинскими знаменами спешат на фронт наши запасные части".

А вот и обращение непосредственно к тем, кто идет на подмогу фронтовикам:

"Вам, идущим теперь на фронт, предстоит решить... задачу вместе с войсками, грудью встретившими бешеные атаки фашистов. Они еще сильны, эти варвары, сидящие в танках со свастикой, несущиеся на мотоциклах с черепами, стреляющие из

автоматов. Они еще представляют серьезную угрозу. Шагая по собственным трупам, они зашли далеко и будут любой ценой пытаться двигаться дальше. Будьте же стойки, товарищи! Помните напутствие великого Ленина, звучащее и сегодня приказом Родины: "Для тех, кто отправляется на фронт, как представители рабочих и крестьян, выбора быть не может. Их лозунг должен быть - смерть или победа".

С передовой напрямую перекликается репортаж Якова Милецкого "Войска идут на Запад".

"Мы стоим на перекрестке и наблюдаем, как мимо проносятся колонны автомашин... Различные рода войск проходят мимо нас на Запад по этой фронтовой дороге. Промчался грузовик с пехотой. За ним другой, третий... Все бойцы одеты в хорошо подогнанные теплые шинели, они в зимних шапках. Им не страшны осенние холода. На них теплое белье, добротная обувь. Все новое...

Кавалеристов командира Сидорова мы едва не пропустили. Они шли лесом параллельно дороге. Тихо, незаметно. Не слышно было цокота копыт, человеческой речи. Сильные кони легко шли по размокшему лесу. Оружие приторочено к седлам. Бойцы в стальных касках словно слились со своими конями...

Мы видели танкистов, артиллеристов. Они идут на поддержку своим братьям-фронтовикам, мужественно и упорно сражающимся с оголтелым врагом".

* * *

Только что вернулся с вяземского направления Федор Панферов. Не дав ему перевести дух, прошу съездить в войска, предназначенные для пополнения сил Западного фронта. Позвонил коменданту города, попросил помочь нашему корреспонденту разыскать такую дивизию или часть. Но Федор Иванович обошелся без помощи коменданта. На Садовом кольце ему встретилась мощная пехотная колонна. Примкнул к ней и вместе с нею прошагал до заставы на западной окраине Москвы. И в газете появился еще один живой репортаж с колоритными деталями:

"Они идут по улице замечательного революционера Каляева. Шаг их четок, отбойный. На солнце блестят штыки винтовок, каски, котелки за спиной. Они идут загорелые, смуглые воины Советской страны и улыбаются Москве - сердцу страны. Все приостановлено - трамваи, автобусы, пешеходы. Дорогу бойцам!.. Шпалерами стоят москвичи на тротуарах, приветствуя их...

На повороте грянула песня - о Родине, о Советской стране. Рота за ротой, батальон за батальоном подхватили песню. Подхватили ее и жители столицы..."

* * *

Я рассказываю ныне как будто об обычном. Те, кто знает войну лишь по историческим и художественным произведениям, могут посчитать этот рассказ излишним. Сколько раз за войну уходили на фронт новые полки и дивизии, сколько формировалось новых армий! Но в те дни, о которых я повествую, когда на московском направлении образовались большие бреши и противник наращивал удары на столицу, и передовая статья, и репортаж о воинах, идущих на фронт, скажу, не боясь преувеличений, был для нашего читателя как глоток воды для путника в пустыне.

Конечно, мы печатали это с некоторым опасением - не окажем ли мы услугу немецкой разведке? Между прочим, после публикаций мне позвонил из Генштаба мой добрый знакомый, генерал Ф. И. Голиков, и задал такой вопрос:

- Не открываешь ли ты наши карты абверу?

Поскольку его опасение было выражено в вопросительной, а не в утвердительной форме, я тоже задал ему вопрос:

- У тебя есть весы?

- Какие еще весы?

- Обыкновенные, с чашками. На одну положи моральную пользу наших сообщений для наших же войск, а на другую - немецкую разведку. Какая из них перевесит? А потом попробуй подкинь абверу какой-нибудь материалец от себя, чтобы спутать все карты.

Он рассмеялся - и на том наш разговор закончился...

Федор Панферов написал нам о 316-й стрелковой дивизии генерала И. В. Панфилова, где родился всемирно известный теперь подвиг двадцати восьми гвардейцев во главе с политруком Клочковым, а Яков Милецкий - о 32-й стрелковой дивизии полковника В. И. Полосухина, отличившейся на Бородинском поле.

* * *

По-своему примечателен опубликованный в том же номере газеты за 11 октября репортаж с Южного фронта. Озаглавили мы его так: "Штаб Гитлера пойман с поличным. Разговор по прямому проводу с командующим 9-й армией генерал-майором Харитоновым". Основанием для этого выступления газеты послужило официальное сообщение вермахта о захвате в плен всего штаба нашей 9-й армии и бегстве с поля боя на самолете ее командующего. Узнав об этом сообщении 8 октября, я вызвал на фронтовой узел связи нашего спецкора Лильина и дал задание подготовить в срочном порядке убедительное опровержение вражеской лжи. Многоопытный журналист Лильин нашел

остроумный ход для решения поставленной перед ним задачи: не покидая фронтового узла связи, взял у командарма интервью. Воспроизвожу его здесь с минимальными сокращениями:

"...У аппарата корреспондент "Красной звезды".

Харитонов. У аппарата генерал-майор Харитонов.

Корреспондент. Здравствуйте, товарищ Харитонов. Немцы распространили сообщение, будто они захватили ваш штаб, а вы лично бежали на самолете...

Харитонов. Наш разговор с вами по прямому проводу из штаба моей армии сам по себе является достаточно убедительным ответом на брехню немецкого штаба. Мы никогда не были и не будем в плену у фашистов. Весь мой штаб и управления армии - со мной и продолжают руководить нашими частями. Фашисты обозлены против нашей армии за мелитопольское мордобитие, когда они не досчитались двух кавалерийских бригад и 72-й немецкой пехотной дивизии. Они желали бы расправиться прежде всего с нами. Действительно, немцам удалось бросить в тыл нашей армии свои части. Но этим они никого не испугали. Наши войска сражались мужественно, отважно, нанесли врагу большие потери и не дали себя окружить. В боях фашистам нанесен большой урон. Те, кто не дрогнул под ураганным минометным огнем и бросался в лихую атаку против презренных фашистов, всегда будут драться до последней возможности. А таких героев у нас тысячи.

Насчет себя скажу так. Конечно, фашистам лестно было бы захватить в плен командарма, но это им не удастся никогда. Люди у меня боевые, и с ними я могу смело противостоять врагу, вдвойне и втройне превосходящему нас силами. Из того пункта, где был атакован наш штаб, я выехал тогда, когда увезли из-под носа фашистов последний телеграфный аппарат. Не на самолете, а на машинах выехал со всем своим штабом. Так обстояло дело вопреки желанию фашистов. Вот и все.

Корреспондент. Каково положение в данное время?

Харитонов. Сегодня части армии вели сдерживающие упорные бои с мотомехчастями противника и нанесли врагу большие потери.

Корреспондент. Спасибо за информацию, желаем успеха. До свиданья.

Харитонов. До свиданья".

Могу добавить от себя, что именно армия Харитонова через месяц с небольшим перешла в наступление и во взаимодействии с другими армиями Южного фронта освободила Ростов-на-Дону!

12 октября

Ожесточенное сражение полыхает от верховьев Волги до Льгова. Враг захватил Гжатск, вышел на подступы к Калуге. Продолжаются упорные бои севернее Орла... В Генштабе на рабочих картах появились направления с новыми названиями: можайское, волоколамское, нарофоминское, малоярославецкое, калужское, калининское. Тяжело мне было переставлять флажки на моей карте. Мысленно соединил их одной сплошной линией образовалось полукружье, охватывающее Москву. А в газете пока фигурируют брянское и вяземское, хотя и Брянск и Вязьма уже далеко за линией фронта.

"Угрожающим продолжает оставаться положение на центральном участке вяземского направления" - это сообщение Михаила Зотова из-под Можайска. "Неприятель терпит большие потери, но это не остановило его", - сообщает Павел Трояновский из-под Мценска. "Продолжаются упорные бои. Поскольку у немцев было тройное превосходство в танках, командование отдало приказ об отходе на новые рубежи" - это из корреспонденции Ивана Хитрова с волоколамского направления.

Центральный Комитет партии провозгласил лозунг - не пропустить врага к Москве. Но газеты об этом пока молчали. Даже в нашей передовой от 10 октября с таким боевым заголовком "Преградим путь врагу!" о Москве - ни звука. Там говорится, что враг "любой ценой пытается пробиться к нашим важнейшим жизненным промышленным центрам". Надо ли объяснять, что одно дело, когда на страницах газеты звучит призыв самоотверженно сражаться за столицу нашей Родины, иное - за безымянные "жизненные центры".

Уже завязались бои на Бородинском поле. Так и просятся на страницы газеты лермонтовские строки:

Ребята! Не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!
И умереть мы обещали!
Мы в Бородинский бой.

Но об угрозе Москве мы не могли писать, поскольку об этом еще ничего не говорилось в сообщениях Информбюро. А сказать уже пора было во весь голос.

Собрались у меня в полдень Шифрин, Карпов, Вистинецкий, Гатовский. Задумались. Снова газета отстает от событий! Что делать? Зашел Илья Эренбург. Уселся в кресло, прислушался к нашему разговору. Прервал его:

- То, что нельзя сказать в передовой, позволено писателю. Я

попробую написать, а вы напечатайте...

К вечеру он принес свою знаменитую статью "Выстоять!". В ней впервые было сказано во всеуслышание:

"Враг грозит Москве. У нас должна быть одна только мысль выстоять. Они наступают потому, что им хочется грабить и разорять. Мы обороняемся потому, что хотим жить. Жить, как люди, а не как немецкие скоты. С востока идут подкрепления... Мы должны выстоять. Октябрь сорок первого года наши потомки вспомнят как месяц борьбы и гордости. Гитлеру не уничтожить России! Россия была, есть и будет".

После этого мы уже прямо писали о начавшейся ожесточенной битве за Москву. Появились одна за другой передовые - "Отстоять нашу Москву!", "Закрыть врагу путь в Москву", известная статья Алексея Толстого "Москве угрожает враг!". Корреспонденции с разных направлений под заголовками: "Враг продолжает рваться к Москве", "Ожесточенные бои в подмосковных районах", "Преградить фашистам путь к Москве!.."

14 октября

С этого номера, можно сказать, газета опять зашагала в ногу с событиями. Материалы, напечатанные в "Красной звезде" 14 октября, вполне отражают обстановку, сложившуюся на фронтах, в первую очередь - на Западном и Южном. Корреспонденты рассказывают о том, что произошло за два дня на главных направлениях: о непрерывных и яростных атаках немецких танков и пехоты, о контратаках наших войск, их бесстрашии и доблести; приводят много ярких примеров умелой организации оборонительного боя.

Вновь на страницах "Красной звезды" появились имена командира 4-й танковой бригады полковника М. Катукова, командира танковой роты старшего лейтенанта А. Бурды. О новых подвигах танкистов рассказал Павел Трояновский.

Сильное впечатление оставляет очерк писателя Хаджи Мурата Мугуева "Два дня боев на вяземском направлении". Вчера он заскочил на часик в редакцию. С волнением рассказывал о встречном бое нашей стрелковой дивизии с немецкими танками. Мугуев видел этот бой своими глазами от начала и до конца. Наша дивизия его выиграла. В очерке Мугуева оптимистическая концовка: "Темнеет. Ленивые, одиночные выстрелы смолкают. У села С. немцы вторые сутки не двигаются дальше на восток, встретив здесь упорное сопротивление".

Это были те слова, которых все мы больше всего ждали тогда,

в которых так нуждались! Они ободряли нас, но не заглушали и не должны были заглушать тогдашней всеобщей тревоги. Тут же рядом, со страниц того же номера газеты, звучали иные слова, вставали иные картины.

Зотов сообщает из района Можайска о численном превосходстве немецко-фашистских войск в людях и танках. Трояновский отмечает: "Сегодня, после того как неподалеку от пункта М. был подготовлен выгодный рубеж для обороны, танкисты Катукова организованно перешли на новое место". "М" - это Мценск. В таком переходе, даже "организованном", мало радости, это новые километры в направлении Тулы, на пути гитлеровцев к Москве. Теодор Лильин пишет о продвижении врага на мелитопольском направлении: "Немцы вышли на левобережье Днепра и пытаются пробиться дальше... им удается иногда нащупать недостаточно укрепленные места и вклиниться в нашу оборону".

Осторожно сказано, но смысл ясен: враг наступает, а мы отступаем. К Москве, к Донбассу. Настали дни великих испытаний. Об этом напоминают лозунги, которые мы печатаем теперь из номера в номер. Сегодняшний лозунг гласит: "Судьба Родины - в твоих руках, воин Красной Армии! Твой долг сдержать врага чего бы это ни стоило!"

О том же речь идет и в статье Ильи Эренбурга. Она так и озаглавлена "Дни испытаний".

Небольшая, но обжигающе сильная статья. Те же мысли, чувства, что и в предшествовавшей ей статье "Выстоять!".

"Народ не ребенок. Народ муж. Он смело смотрит правде в глаза. Настали дни испытаний. Красная Армия заслоняет собой сердце страны. Дети Волги и Дона, Днепра и Енисея отражают атаки врага. Каждый боец знает: позади Москва...

С востока идут новые части. Свежие полки вступают в бой: это - как волны на море, за одной другая. Не вычерпать моря ковшом, не одолеть немцам России!..

Участь столицы решат не только танки, ее решит стойкость каждого бойца. Малодушие раскрывает горные перевалы. Отвага делает неприступным крохотный ручеек. Сердце каждого бойца должно стать крепостью..."

Подлинно пламенная публицистика! Недаром защитники Москвы писали Илье Григорьевичу: "...думаем - как вас назвать? Одни из нас предлагали назвать вас бесстрашным минером, другие - отважным танкистом, третьи героем-летчиком, истребителем, так как Ваши статьи так же грозны для фашистов, как все эти бойцы".

Рядом со статьей Эренбурга - стихи Екатерины Шевелевой

"Будь бесстрашен!". Это уже второе ее выступление у нас. Первое стихотворение было опубликовано в середине сентября.

Юной поэтессе, по ее собственному признанию, редакция "Красной звезды" представлялась тогда неким святилищем. Неважно, что темновато было в узеньких редакционных коридорчиках. Она прошла по ним в почтительном восторге. Еще бы! Здесь же бывают Толстой, Шолохов, Эренбург... Их печатают в "Красной звезде". А посчастливится ли ей?..

Соловейчик привел ее ко мне:

- Вот, Шевелева Катя, принесла стихи...

Я стоял у своей конторки, вычитывал полосы. Повернулся, вижу светловолосая девушка с еще не успевшими угаснуть летними веснушками, рассыпанными по всему лицу. Усомнился: что она может написать о войне? Стихи ее назывались "Комбат Воеводин". Где-то прочитала, как этот комбат таранил своим танком немецкий танк, и вот написала о нем. Это был по сути своей стихотворный репортаж - не самое лучшее даже из тогдашних сочинений Шевелевой. Но такой репортаж нужен был в то время, и мы его напечатали. Вслед за тем принесла Катя другие стихи - публицистические. Еще более нужные газете. Они заканчивались так:

Родина! Ты нам всего дороже.
Родина - мой город, отчий дом,
Выбора иного быть не может:
Смерть
Или победа над врагом!

С той поры Шевелева стала, можно сказать, постоянной сотрудницей "Красной звезды". Даже ездила по заданиям редакции на фронт.

В первую фронтовую командировку поехала со мной. И так случилось, что мы попали под артиллерийский обстрел. Для нее это было в новинку. Понаслышке она знала, что, когда вблизи рвутся снаряды, надо прижиматься к земле. И легла прямо возле "эмки", а затем поползла под машину. Хоть и мне и другим моим спутникам тоже было тогда отнюдь не весело, мы рассмеялись. Смущенная девушка выбралась из-под "эмки", пристроилась к нам и в последующие минуты артобстрела держалась с большим достоинством.

При нечастых наших встречах после войны Екатерина Васильевна не раз с улыбкой напоминала:

- А помните, как я залезла под "эмку"?..

* * *

Еще кровоточили воспоминания об окружении наших армий в районе Вязьмы. У всех, от взводного до командарма, одна мысль: не допустить повторения той трагедии. Долг повелевал "Красной звезде" выступить с передовой на эту тему. Суть ее выражена в заголовке: "В любых условиях сражаться стойко!" В тексте этот призыв расшифровывается так:

"Не бояться окружения, а стойко, до последней капли крови сражаться на указанных командованием рубежах - вот что требуется сейчас от каждого воина, от каждой роты, полка, от всех наших частей и соединений... Главное - не теряться, не рассыпаться, а держаться вместе, боец к бойцу, рота к роте батальон к батальону".

Были в передовой очень крутые формулировки:

"Командиры и комиссары обязаны железной рукой поддерживать порядок в своей части и непрерывное управление боем. Они отвечают за то, чтобы при нажиме со стороны противника их части не впадали в панику, не бросали оружия, не разбегались в лесные чащи, не кричали "мы окружены", а организованно отвечали ударом на удар противника, жестоко обуздывали паникеров, беспощадно расправлялись с трусами и дезертирами, обеспечивали тем самым дисциплину и организованность своих частей.

Стойкие части, не теряющие организованности и управления, переходящие в контратаки, несут и в окружении гораздо меньше потерь, чем те, которые поддаются панике. Упорство и стойкость - всюду и везде - вот наш закон".

Этот тезис подкрепляется фактами из боевой жизни стрелковой дивизии полковника Миронова. Ей посвящен очерк Петра Павленко.

Петр Андреевич возвратился с Северо-Западного фронта. Он привез с собой документы о зверствах фашистов над пленными. Каждая строка его статьи предупреждала, что ждет советского воина, попавшего в лапы гитлеровцев, напоминала, что плен - это не только позор, но и нечеловеческие муки и гибель. Она как бы рассматривала еще одну грань поведения нашего бойца в окружении, призывала сражаться до последнего дыхания.

В тот же день Павленко выехал на Западный фронт. Он всегда остро чувствовал веление времени, умел выбрать самые жгучие темы для своих выступлений в газете. Так было и в этой поездке. Первый его очерк с этого фронта назывался "Дивизия, не боящаяся окружений". Она как раз, как бы сейчас сказали, удачно состыковалась с передовой.

Это было повествование о дивизии полковника Миронова, о ее полках, которыми командовали два прославленных командира

Батраков и Некрасов, ставшие недавно Героями Советского Союза. Эта дивизия, состоявшая из сибиряков и алтайцев, - народ "сильный и кряжистый, быстрый в движениях и ловкий на слове", - не только не давала себя окружать, но даже сама окружала немецкие части и уничтожала их.

Павленко рассказал о таком эпизоде. Когда однажды на участке стрелкового полка Некрасова повел наступление усиленный немецкий батальон, многие были удивлены, услышав приказ командира:

- Двум ротам, обороняющим центр, отойти на километр!..

На глазах у противника две роты стали отходить. Немцы ринулись за отходящими. Гитлеровцы бежали густыми цепями, во весь рост, забыв об осторожности, думая, что легкая победа уже в их руках. Когда немцы втянулись в мешок, их взяли в клещи, две отходившие роты с ходу ударили в штыки, а с флангов противнику закрыли путь к отступлению. Враг оставил на поле боя сотни трупов.

Очень важная и нужная статья.

* * *

Вернулся из партизанского края Сергей Лоскутов.

Не так-то просто он добирался к нам через линию фронта и даже по нашей земле. Прибыл он на КП Северо-Западного фронта. Начальник корреспондентской группы "Красной звезды" Викентий Дерман достал для него самолет "ПО-2" и вместе со спецкорами других центральных газет отправился на аэродром провожать своего товарища-героя. Было светлое, солнечное октябрьское утро. Высокие перистые облака, казалось, застыли в синеве неба. Такая погода, да еще в осеннюю пору, радует сердце человека. Здесь же, на фронте, она воспринималась по-другому. В воздухе господствовала немецкая авиация.

- Лететь будем над вершинами деревьев, - сказал пилот, - в случае чего, садимся на шоссе.

Когда самолет уже был в воздухе, тревожная весть дошла до Дермана: утром фашисты прорвались к Калинину, а у этого города была намечена дозаправка самолета. Лоскутов теперь вместе с самолетом попадает в руки гитлеровцев. Надо спасать товарища. Но как? Дерман сразу же связался с командующим ВВС фронта, попросил послать наперехват истребитель. Подсчитали время. Не успеть. Позвонили зенитчикам - пусть используют все средства, вплоть до заградительного огня, чтобы заставить летчика совершить посадку.

Совершить посадку заставил огонь немецкого истребителя. Самолет Лоскутова был подбит "мессершмиттом" и чудом приземлился возле Калинина. Здесь он был еще раз обстрелян и

загорелся. Летчика ранило в руку. С трудом дотащились до ближайшего медпункта. Оставив там раненого, Лоскутов на попутной машине добрался до Клина, а оттуда поездом в Москву.

Но и в Москве, прежде чем я увидел Лоскутова, произошел трагикомический случай.

В полдень звонит мне начальник железнодорожной милиции Ленинградского вокзала и говорит:

- Мы здесь задержали подозрительную личность. Сказал, что работает в "Красной звезде". Прибыл от партизан. Но не похож...

- Вы что, с ума сошли? - вырвалось у меня. - Это Лоскутов, наш герой. Сейчас пришлю за ним машину.

Я вызвал дежурившего по редакции фотокорреспондента Якова Халипа и сказал ему:

- На Ленинградском вокзале в отделении милиции сидит под арестом Лоскутов. Возьмите мою машину и привезите его.

Халип прибыл на вокзал. Зашел в отделение милиции. Увидел незнакомого человека. Одной рукой тот прижимал к себе сумку, а в другой держал гранату. Весь заросший, с всклокоченной бородой, в замусоленных стеганых штанах и такой же стеганой куртке, на ногах сапоги. Не узнал Халип своего коллегу. Но Лоскутов его узнал:

- Яша!..

Вскоре ко мне в кабинет ввалился настоящий "дед-партизан", товарищ "М. П.", Сергей Иванович Лоскутов.

Оказалось, что в железнодорожной милиции не сразу разобрались, кто он. Там сверили удостоверение с "личностью" - не сходится. Пытались отобрать у задержанного пленку. "Беда, могут засветить", - разволновался Лоскутов. Он вскочил, расстегнул стеганку, где за поясом висели четыре "лимонки", снял одну и сказал: "Если только тронете пленку, взорву гранату. Звоните редактору..."

Собрались у меня почти все работники редакции. Объятиям и поздравлениям не было конца...

Новые снимки Лоскутова тоже определяют лицо газеты, вышедшей 12 октября. На этот раз раскрыт таинственный псевдоним "М. П.", обнародованы подлинное имя и фамилия автора.

Невзначай как-то вырвалось у него сожаление:

- Вот только не все удалось заснять, что хотелось. Партизаны действуют главным образом ночью, когда "лейка" беспомощна...

Но то, что Лоскутов не смог сделать фотообъективом, он сделал карандашом. Каждый день наш корреспондент заносил в свою записную книжку все интересное из увиденного и услышанного в партизанском крае.

- Рассказываете вы хорошо, интересно, - сказал я ему. - А теперь садитесь и все это напишите.

А Евгения Габриловича попросил взять на себя литературную редакцию его записок.

Так появилась в "Красной звезде" серия очерков Лоскутова "У партизан". Мы их печатали из номера в номер на протяжении почти месяца, иллюстрируя текст авторскими фотоснимками.

Это был подвиг журналиста-солдата. Так я и написал, представляя Лоскутова к награждению орденом Красного Знамени. К реляции приложил вырезки из газеты "Красная звезда" с его снимками и очерками.

Лоскутов был первым в этой войне фотокорреспондентом, удостоенным столь высокой боевой награды.

15 октября

Все тревожнее сообщения наших корреспондентов. Репортаж спецкора с Западного фронта начинался так: "Москва в опасности. К дальним подступам нашей родной столицы стягиваются вражеские полчища..." Трояновский с тульского направления, обозначенного в газете пока еще как брянское, пишет: "Немцы продолжают наступать. Хотя и медленно, но они все же продвигаются".

С нового, калининского направления - корреспонденция Николая Бубнова: "Идут бои на подступах к Калинину".

Нерадостен репортаж Лильина с Южного фронта: оставлен Мариуполь, немцы продвигаются к Донбассу.

Вся эта информация вынесена на первую полосу газеты. А внутренние страницы заполнены корреспонденциями и статьями о боевом опыте наших войск, о героях боев.

Опубликована корреспонденция Лысова о доблести и выдержке коммунистов, их личном примере в боях под Орлом. Тут же напечатаны два красноречивых документа. Один из них - заявление рядового Изосимова в партийную организацию полка накануне контратаки: "Настал для меня час расплаты с кровавым фашизмом. В этот час я не могу оставаться вне рядов большевистской партии. Позвольте мне сражаться коммунистом". Второй документ - письмо комиссару, найденное в кармане убитого красноармейца Алексеева: "Если мне суждено умереть в бою, я умру без страха. Погибнуть за великий русский народ не жалко, не для того ли я давал присягу Отчизне. Знай, партия, что я не отступил в бою ни на шаг и шел только вперед. Дела мои строго проверьте, и если найдете их достойными, прошу считать

меня коммунистом".

Интересен очерк Денисова "Генерал". В те трудные дни очень важно было показать, что нашими войсками командуют мужественные и умелые командиры, на которых народ и армия вполне могут положиться.

Невольно вспоминаются некоторые подробности, связанные с появлением этого очерка. Писался он по моему заданию. Предварительно мне хотелось поделиться с корреспондентом кое-какими соображениями. Вызвал я Денисова по бодо, поставил задачу, спрашиваю его мнение. Ответы последовали какие-то невнятные, неопределенные. Это было совсем непохоже на Денисова. Позже, однако, все прояснилось. Оказывается, в то время рядом с ним по другому такому же аппарату вел переговоры маршал Тимошенко с командиром соединения, оборонявшегося под Богодуховом. Там решалась тогда судьба харьковского направления. И Денисов больше прислушивался к словам маршала, чем следил за телеграфной лентой с моими указаниями и вопросами.

Тем не менее задание редакции было выполнено в срок и неплохо. Николай Николаевич знал, где искать то, что нам требовалось. Чуть свет помчался в кавалерийский корпус П. А. Белова. Хатка, в которой располагался корпусной командный пункт, ходуном ходила от близких артиллерийских разрывов, по Белов вроде бы и не замечал этого. Внимательно выслушав корреспондента, неторопливо рассказал о только что проведенной корпусом операции под Штеповкой и посоветовал написать очерк о командире дивизии А. Ф. Бычковском. Его соединение нанесло мощный контрудар 25-й механизированной и 9-й танковой дивизиям врага. Противник потерял при этом до пяти с половиной тысяч солдат и офицеров, оставил в районе Штеповки более ста орудий, около тысячи грузовых и легковых машин. Почти все они в исправном состоянии.

- Сами увидите. Выбирайте любую машину, а то и две, и три, расщедрился Белов. - У нас некому эвакуировать их в тыл...

С Бычковским Денисов встречался в самом начале войны на Пруте. Был там очевидцем разгрома нашими кавалеристами румынской гвардейской королевской дивизии. С этого он и начал свой очерк. А затем широко было освещено сражение под Штеповкой. На этом боевом фоне и раскрывались черты характера по-настоящему талантливого и храброго советского генерала. Как отмечалось в приказе Военного совета фронта, генерал Бычковский "воскресил славные традиции 1-й Конной армии".

Очерком Денисова было положено начало большому делу.

Позже Сталин предложил "Красной звезде" еще шире освещать работу офицеров и генералов командиров соединений. Об одном человеке, сказал Верховный главнокомандующий, можно дать несколько статей с продолжением, а затем свести их в книжку. Тогда газета будет жить не один день, а многие годы. Такие очерки были написаны Петром Павленко, Василием Гроссманом, Евгением Габриловичем, Борисом Галиным, Николаем Асановым и другими нашими корреспондентами. Сперва они публиковались в "Красной звезде", потом издавались отдельными книжками.

* * *

Поздний вечер. В разгаре верстка газеты. Внутренние полосы уже подписаны в печать и матрицируются. Ждем сводки Совинформбюро...

В это время заходит ко мне Ерусалимский с целой охапкой перехватов берлинских радиопередач. Читаем. С упорством маньяков все дни своего нового наступления они повторяют, что немецкие самолеты ежедневно бомбят Москву и что Москва вся в огне. Потом передали сообщения о восстаниях в разных городах СССР. Во весь голос трубят, что германская армия беспрепятственно продвигается вперед, не встречая никакого сопротивления... Словом, это была широкая психическая атака, чтобы создать представление и у своего населения, и у наших союзников и друзей о сплошном триумфальном шествии немецко-фашистских войск.

Условились с Ерусалимским, что ответим берлинским лжецам. В номер уже не поспеть, решили это сделать завтра. А в это время из ТАССа приносят отчет о пресс-конференции иностранных корреспондентов, которую провел С. А. Лозовский. Он как раз и ответил фашистским брехунам. Приведу один абзац из его выразительного, остроумного, бьющего точно в цель выступления:

"Если все идет так, как это расписывает германская пропаганда, то кто же, в конце концов, продолжает ожесточенную и кровопролитную борьбу на Восточном фронте? Почему гибнет так много немецких самолетов? Почему движение немецких мотомеханизированных частей по направлению к Москве замедлилось, а на многих участках остановилось? И, наконец, почему даже итальянская газета "Стампа" от 12 октября пишет: "Борьба против России не закончена, ибо все еще существуют советские дивизии, которые не были окружены и уничтожены..." Если бы все шло так, как об этом сообщала немецкая пропаганда еще 8 октября, то почему германское командование в своем коммюнике от 11 октября сообщило: "Наши войска должны быть готовы к целому ряду предстоящих тяжелых сражений".

Понятно, что отпала необходимость нашего выступления. Все же глаз зацепился за последние строки речи Лозовского: "Когда пискливый голос павиана Геббельса, благодаря громкоговорителям и вассальным радиостанциям и газетам, превращается в рев, я вспоминаю старую персидскую пословицу: "Если бы рев имел цену, то самым дорогим животным в мире был бы осел".

Я и подумал: не выкроит ли что-либо из этого Борис Ефимов? Хотя было уже поздно, но его быстро разыскали - он вчера перебрался на постоянное местожительство в редакцию. Показал я ему отчет:

- Это, товарищ Ефимов, по вашей части...

Примостившись на краешке стола секретаря редакции, он тут же стал рисовать. И вот рядом с отчетом о пресс-конференции напечатана его карикатура "Фашистская радиовещательная психическая атака"...

16 октября

Это был драматический день. Накануне Государственный Комитет Обороны СССР принял решение об эвакуации из Москвы дипломатического корпуса, ряда правительственных учреждений, крупных оборонительных предприятий, научных и культурных учреждений и организаций.

Эвакуировался Генеральный штаб. Вчера вечером я, по обыкновению, заглянул туда для ориентировки в текущих делах, а там многие комнаты опустели. Комиссар Генштаба Ф. Е. Боков объяснил, что в Москве оставлена небольшая оперативная группа во главе с А. М. Василевским, а все остальные перебазировались на запасной командный пункт.

А утром 16 октября меня вызвал секретарь ЦК партии А. С. Щербаков и сказал, что мы тоже должны создать запасную редакцию и типографию "Красной звезды" в Куйбышеве.

Возвратившись от Щербакова, я пригласил к себе Шифрина, Карпова и секретаря парторганизации Л. М. Гатовского. Закрылись мы вчетвером и принялись делить нашу редакцию на две - "московскую" и "куйбышевскую". Подготовили приказ.

Что было на душе у меня и моих товарищей в тот момент, когда я объявлял этот приказ на общем собрании нашего коллектива, представить нетрудно. Угнетало само слово "эвакуация". С первых же дней войны оно стало как бы синонимом наших тяжких бед, потерь, отступлений. Но до сих пор эти беды и эти потери распространялись преимущественно на города и села Украины, Белоруссии, Прибалтики и смежные с ними районы России. Кто мог подумать, что оно придет и к нам в Москву?

И все-таки я хорошо помню и твердо знаю: не было в нашем коллективе растерянности, никем не овладело обезоруживающее чувство безнадежности. Не допускали мы ни на минуту, что фашистский сапог будет топтать улицы Москвы. Непоколебимо верили - и в тот день, и позже, когда обстановка на фронте стала еще хуже, - что Красная Армия отстоит Москву. Строка одной из тогдашних передовиц - "Нашу родную Москву мы ни за что не отдадим врагу", повторенная самым крупным шрифтом во всю ширину газетной полосы, была не просто лозунгом. Она жила в наших сердцах и писалась кровью сердца.

Объявив, кому уезжать в Куйбышев, кому - на фронт, а кому - делать газету в Москве, я в полушутливом тоне предупредил всех: "Приказ окончательный, обжалованию не подлежит". К этому было добавлено еще, чтобы каждый, кому предопределена

"дальняя дорога", сходил домой, захватил чемоданчик с вещами - только один, не более! - а утром явился на Казанский вокзал, где в одном из эшелонов для нашей редакции выделен специальный вагон. К слову сказать, этот "специальный" вагон оказался дачным. Но кто тогда думал об удобствах?

На собрании все сидели молча - видно, каждый думал свою думу. Но вот закончилось собрание - и началось паломничество ко мне. Все эвакуируемые шли с одним и тем же вопросом: "Почему я?.."

Пришли Евгений Габрилович и Сергей Лоскутов. Они уже начали работать над партизанскими очерками. И я объяснил им, что пока все очерки не будут напечатаны, а их, по моим расчетам, должно быть не менее пятнадцати, ни того, ни другого на фронт не пошлем. Так не лучше ли для дела и для них самих сидеть в Куйбышеве и работать в спокойной обстановке без бомбежек? Евгений Иосифович ответил на это в своей афористичной манере:

- Бывает, что в беспокойной обстановке работается спокойнее...

Совсем расхворавшемуся Федору Панферову я тоже предложил выехать в Куйбышев.

Из трех литературных секретарей у нас осталось двое - Кривицкий и Вистинецкий. Третий литсекретарь - Моран - после ранения все еще находился на излечении в госпитале. Более оперативного Марка Вистинецкого оставили в Москве. Кривицкому пришлось отправиться за чемоданом.

Теперь могу признаться: формируя запасную редакцию, я схитрил включил в нее главным образом технических работников: секретарей отделов, выпускающих, вторую смену машинисток и корректоров. Всего набралось человек двадцать - число внушительное! При докладе начальству очень обрадовался, что от меня не потребовали персонального списка эвакуированных.

Вот только с Ильей Эренбургом получилось не так, как мы хотели. Я и не думал отправлять его в тыл. Да и сам он об этом не помышлял. Но Щербаков сказал:

- Эренбург много пишет для заграничной печати, связан с дипломатическим корпусом, с иностранными корреспондентами. Они отбыли в Куйбышев, и ему надо быть там.

Уехал Илья Григорьевич. Пять суток добирались до Куйбышева, а через неделю мы уже получили оттуда первую его статью. Работал он там с удвоенным усердием, пристроив свою машинку на каком-то ящике в коридоре помещения Наркоминдела. В день "выдавал" по две-три статьи, и, конечно, в первую очередь для "Красной звезды".

Поступали к нам материалы и от других наших товарищей,

эвакуированных в Куйбышев. И там нашлось дело для каждого, только вот настроение у них было не из лучших. И вовсе не потому, что тревожились за судьбу Москвы. В несокрушимость столицы они верили непоколебимо. Еще по пути в Куйбышев раздавались реплики:

- Напрасно уехали.

- Зря раскололи коллектив.

А прибыв на место, и вовсе засомневались в существовании решения правительства насчет эвакуации редакции: мол, не от редактора ли исходит эта затея?

Несколько раз я звонил в Куйбышев, справлялся, как они устроились, подобрано ли помещение для запасной редакции и типографии. Мне неизменно отвечали одно и то же: "Ищем". А потом я и спрашивать перестал. Мой заместитель Шифрин, когда вернулся в Москву, признался, что все "куйбышевцы" даже рады были, что я перестал им звонить. В этом они видели признак того, что не придется выпускать в Куйбышеве нашу газету и что скоро их вернут в Москву. Поэтому, видимо, и помещение они искали не очень усердно. Так оно и не было подобрано...

Недолго сидели краснозвездовцы в Куйбышеве. Вскоре потихоньку одного за другим мы стали отзывать их в Москву. И к тому времени, когда запасная редакция была Упразднена официально, в Куйбышеве давно уже не оставалось никого из наших сотрудников.

...16 октября мы перебрались в здание "Правды". Редактор "Правды" П. Н. Поспелов предоставил в наше распоряжение весь пятый этаж. Это ему было нетрудно: большинство работников "Правды" тоже либо на фронте, либо в Куйбышеве.

- Забирай хоть два этажа, - предложил мне Петр Николаевич.

Но с нас хватило и половины одного. Каждому сотруднику предоставили по комнате. Самому мне достался огромный кабинет Емельяна Ярославского с комнатой отдыха в придачу. Там даже была ванна, только я ни разу так и не смог выжать из крана ни капли горячей воды.

Отапливалось помещение скупо. Работать приходилось, напялив на себя меховые жилеты, а то и в полушубках. Очень скоро холод согнал наших работников из отдельных кабинетов в общие комнаты - вместе было теплее от собственного дыхания.

Теперь, когда к Москве приблизился фронт, а с ним и вражеские аэродромы, служба ПВО не всегда успевала объявлять воздушную тревогу. Но и по тревоге мало кто из нас спускался в бомбоубежище, куда более основательное, чем на Малой Дмитровке. Не последовало перемен даже после того, как одна из бомб разорвалась у самого подъезда "Правды" и вышибла окна.

По утрам, когда выходила газета, почти все работники редакции разъезжались по разным направлениям Западного фронта, досыпая в машинах, а к полудню или к вечеру возвращались обратно и сдавали материал в очередной номер. Так же протекала жизнь и этажом ниже - в "Правде", и этажом выше - в "Комсомольской правде". Разница была лишь в том, что там по коридорам сновали или обитали в комнатах люди главным образом в пиджаках, а у нас все - в военном обмундировании, многие в портупейных ремнях, с полевыми сумками, планшетами. Редакция "Красной звезды" чем-то напоминала полевой армейский штаб...

Каждый трудился за двоих, а то и за троих. Дружно, самозабвенно, ощущая себя в первом эшелоне защитников Москвы.

В этой чистой нравственной атмосфере и рождались газетные полосы.

* * *

Много былей и небылиц гуляло по свету о положении в Москве 16 октября 1941 года. От себя я могу засвидетельствовать следующее.

Конечно, эвакуация части столичного населения была сопряжена с тревожной суматохой. Но в целом по Москве соблюдался жесткий порядок. Столица продолжала трудиться. Ставка действовала. Заводы изготовляли самолеты, автоматы, боеприпасы. Формировались новые батальоны и дивизии народного ополчения. Москву опоясывали дополнительные линии оборонительных заграждений. Москвичи готовы были грудью прикрыть родной город.

В большинстве своем они не поддались панике. Во всяком случае, сам я, поглощенный газетной горячкой, этого не видел. Правда, мои поездки по городу ограничивались довольно узким замкнутым кругом: Кировская улица, где размещались Ставка Верховного главнокомандования и ГлавПУР; метро "Кировская", где был оборудован узел связи Генштаба и куда я спускался, чтобы переговорить с нашими фронтовыми корреспондентами; Старая площадь, где находился на своем обычном месте Центральный Комитет партии; улица "Правды". Больше всего мои маршруты пролегали на запад, в Перхушково, где расположился штаб Западного фронта, в боевые части. А на этом пути все дышало порядком и дисциплиной.

Наши корреспонденты, побывавшие в разных районах Москвы, наблюдали подчас и иные картины - их информация была не столь приятная. О людях, которые, боясь опасности или усомнившись в силе Красной Армии, добыв всеми правдами и

неправдами пропуска или без пропусков, штурмовали Казанский вокзал. О тех, кто погрузив в служебные машины всякий свой, домашний скарб, устремились на восток, осаждая контрольно-пропускные пункты на Рязанском и Егорьевском шоссе. О брошенных складах с имуществом и продуктами. О пылающих кое-где во дворах и на улицах кострах - уничтожались какие-то архивы, какие-то учрежденческие документы и даже... телефонные справочники. Словом, много трагического и немало трагикомического.

Если же быть откровенным до конца, надо сказать, что одно чепе, то есть чрезвычайное происшествие, все же случилось и у нас. Было это с нашим корреспондентом-писателем, имя которого, пожалуй, не стоит называть, он понес заслуженное наказание, и этого достаточно. Мы оставили его в Москве, усадили в "эмку" и отправили на можайское направление. Прошло несколько дней, неделя, другая - нет от него никаких известий. Что случилось? Мы заволновались. Пошли запросы в политуправление фронта, военные советы армий. Никто ничего не знает. Даже не видели его. И вдруг на третьей неделе получаем его материал из... Чистополя о работе какой-то тыловой гражданской организации. Оказывается, он из Москвы на редакционной "эмке" махнул прямо в тот далекий городок. Можно представить себе, какая буря возмущений поднялась в редакции. Сразу же последовал приказ о его увольнении и предании суду за дезертирство.

Суровое, жестокое было время, которое ни для кого не делало скидок!

Самое удивительное, что этот человек как будто не был трусом, прошел гражданскую войну, а тут поддался панике, не выдержали нервы. Взвесив все обстоятельства этой грустной истории, решили мы все же обойтись без трибунала, а через военкомат отправили его на фронт, в боевую часть. Между прочим, там он показал себя неплохо, потом стал писать, и его очерки вновь появились в "Красной звезде". Но это было уже через два года.

* * *

В романе Константина Симонова есть строки, во многом объясняющие, что произошло 16 октября:

"Конечно, не только перед Москвой, где в этот день дрались и умирали войска, но и в самой Москве было достаточно людей, делавших все, что было в их силах, чтобы не сдать ее. И именно поэтому она и не была сдана. Но положение на фронте под Москвой и впрямь, казалось, складывалось самым роковым образом за всю войну, и многие в Москве в этот день были в

отчаянии готовы поверить, что завтра в нее войдут немцы.

Как всегда в такие трагические минуты, твердая вера и незаметная работа первых еще не была для всех очевидна, еще только обещала принести свои плоды, а растерянность, и горе, и ужас, и отчаяние били в глаза. Десятки и сотни тысяч людей, спасаясь от немцев, поднялись и бросились в этот день вон из Москвы, залили ее улицы и площади сплошным потоком, несшимся к вокзалам и уходившим на восток шоссе; хотя, по справедливости, не так уж многих из этих десятков тысяч людей была вправе потом осудить за их бегство история".

Что ж, к этим выводам, сделанным спустя полтора десятка лет после войны, теперь и я могу присоединиться. Но тогда я и все те, кто трудился в Москве и сражался на ее подступах, думали по-другому. И это не требует объяснения...

17 октября

Перечитывая ныне все передовые "Красной звезды" за первые сто дней войны, я пришел к твердому убеждению: одной из самых впечатляющих является та, что напечатана 17 октября, - "Отстоим Москву и Донбасс". Она точно и правдиво, не затушевывая и не преуменьшая крайне тяжелого положения, освещает события на главных тогда направлениях. И вместе с тем дышит неподдельным оптимизмом, преисполнена непоколебимой веры в неизбежность нашей победы.

Впрочем, пусть читатель сам судит о ней. Вот она, точнее - главное из нее:

"Суровые времена переживает теперь наша Родина. Часть советской территории захвачена врагом. Тысячи советских людей, не успевших уйти вместе с войсками, попали под иго фашистских убийц, мародеров и насильников. Гитлеровские орды, неистовые в своей звериной ненависти ко всему русскому, советскому, бешено рвутся к Москве, в глубь Приазовья, к Донбассу...

Советский народ может гордиться героизмом своей Красной Армии. Уже третью неделю наши войска сдерживают такой новый отчаянный напор врага, который вряд ли выдержала бы любая иная армия. Враг продвигается, но далеко не так, как намечал в своих планах германский генеральный штаб и как об этом трубил презренный выродок человечества Гитлер...

И все же враг еще не остановлен. Положение продолжает оставаться угрожающим. Опасность, нависшая над нашей Родиной, особенно под Москвой и в Донецком бассейне, исключительно велика.

В эти грозные дни особенно важно уметь правильно расценивать текущие события, не впадая ни в какую крайность. Недооценка опасности создавшейся обстановки является преступным легкомыслием, но не менее преступно и шарахаться в другую сторону, жить только сегодняшним днем, забывая о грядущем.

Никакая опасность, как бы сильна она ни была, не может затуманить перспектив нашей борьбы. Какие бы тучи ни застилали горизонт, мы твердо знаем: будет час - и для нас засияет солнце! Каких бы успехов ни достигал враг, всегда будем помнить: успехи эти - временные, победа в конечном счете будет за нами...

Внезапность нападения дала огромные преимущества врагу. Гитлер лихорадочно спешит использовать до конца это преимущество, пока оно еще существует. Он знает, что время работает против фашистов. Он старается перегнать время, ищет молниеносного решения борьбы, ибо длительная, затяжная война - гибель для фашизма. Вот почему новое, небывалое еще по яростному напору наступление немцев питается не столько их силой, как слабостью. Есть такие деревья - могучие на вид, но с прогнившими насквозь корнями. До поры до времени они надменно высятся над всем вокруг, но наступает час - и порыв ветра рушит их, как соломинку...

Но при всех этих условиях победа не придет сама. Ее надо добыть в упорных и ожесточенных боях, ценой героической и беззаветной борьбы. Победа не сваливается готовенькой с неба - ее завоевывают. Ребячеством было бы ожидать, что враг, даже чувствуя неизбежность провала своих планов, сразу покорно и беспомощно сложит руки. Наоборот: это только усиливает его ожесточение, его напор. Путь к нашей победе лежит через много суровых испытаний, жестоких и кровопролитных боев.

Воины Красной Армии должны пройти этот путь до конца. Сейчас мы еще только защищаемся. Мы бьемся с врагом не на жизнь, а на смерть, отстаивая свою свободу и независимость, отстаивая Советскую власть, спасая наших жен и детей от мук и насилий, наш народ - от рабства и физического истребления. Но, защищаясь, мы изматываем и обескровливаем фашистские орды, приближая этим час их разгрома. Чем крепче будет наш отпор врагу, чем мужественнее и упорнее будут противостоять воины Красной Армии яростному натиску гитлеровских мерзавцев, тем ближе час нашего торжества.

На каждом рубеже стойко и отважно биться с врагом, непрерывно истреблять его живую силу и технику! Отобьем натиск гитлеровских орд, сделаем подступы к Москве и Донбассу

могилой для фашистов! В наших силах добыть победу! Наше упорство и бесстрашие в борьбе остановят озверелого врага, решат в конечном счете исход войны".

Не могу сказать с полной уверенностью, кто писал эту передовую. Но хорошо помню: когда ее принесли мне, у меня был Петр Павленко. Я знал по нашей совместной работе в газете "Героический поход", какой он превосходный мастер по части передовых. Был там такой случай. Потребовалось нам в срочном порядке дать передовую о подготовке войск к действиям в непривычных для них условиях зимнего Заполярья, с его круглосуточной ночью, дремучими, заваленными снегом лесами, непроходимыми болотами, бесчисленными озерами и неприступными гранитными утесами. Решили мы с Павленко писать эту передовую вдвоем. Петр Андреевич сел за мой стол, а я по привычке прохаживался из угла в угол и размышлял вслух. Павленко писал молча и очень быстро. Так быстро, что я даже усомнился: слушает ли он меня? Минут через тридцать сорок передовая была готова. Павленко вручил мне рукопись, озаглавленную коротко и энергично. "В лес!" Прочитал я текст и ахнул от неожиданности: из всего, что я "диктовал" Петру Андреевичу, остались лишь факты. Остальное он написал по-своему, лаконичными фразами, звучащими как афоризмы, убедительно и эмоционально.

Вспомнив тот случай, я спросил его:

- Петр Андреевич, срочных дел у тебя сейчас нет? - И, не ожидая ответа, попросил: - Поколдовал бы ты над этой передовой!..

Он взял ее у меня и ушел в свою комнатку. Через два часа вернулся и вручил мне те же пять листиков, но каждый из них был испещрен его бисерным почерком, многие абзацы переписаны заново, приклеены вставки. Строки о дереве с прогнившими корнями - это одна из его вставок.

Когда передовую набрали, Петр Андреевич снова зашел ко мне, сделал в гранках несколько дополнительных поправок и отметил с шутливой улыбкой:

- Она даже мне понравилась...

19 октября

Второй день подряд печатаем мы статьи Алексея Толстого. Та, что опубликована в прошлом номере, называлась "Враг угрожает Москве". Не знаю даже, с чем сравнить это взрывной силы выступление писателя. Помнится, еще в августе на Малой

Дмитровке сидели мы вчетвером - Алексей Толстой, Михаил Шолохов, Илья Эренбург и я, - обсуждали последние вести с фронтов, делились собственными фронтовыми наблюдениями. Зашла речь о благодушном отношении наших бойцов к гитлеровцам. Толстой сказал:

- В четырнадцатом году русские солдаты были милосердны к врагу. И тогда это считалось в порядке вещей. Но сейчас другой враг и другая война. Не на жизнь, а на смерть!

В статье повторяется та же мысль. Писатель сравнивает гитлеровское нашествие с войнами "на заре истории, когда германские орды под предводительством царя гуннов Аттилы двигались на запад, в Европу, для захвата земель и истребления всего живого на них".

"В этой войне, - говорит он, - мирного завершения не будет. Россия и гитлеровская Германия бьются насмерть, и весь мир внимает гигантской битве, не прекращающейся уже более ста дней".

"Мы, русские, часто были благодушны и беспечны. Много у нас в запасе сил, и таланта, и земли, и нетронутых богатств. Но не во всю силу понимали размер грозной опасности, надвигающейся на нас. Казалось, так и положено, чтобы русское солнце ясно светило над русской землей..."

Но, порицая благодушие, Алексей Николаевич с неизмеримо большим гневом ополчается против малодушия:

"Пусть трус и малодушный, для кого своя жизнь дороже Родины, дороже сердца Родины нашей - Москвы, гибнет без славы, ему нет и не будет места на нашей земле".

"Красный воин должен одержать победу. Страшнее смерти позор и неволя. Зубами перегрызть хрящ вражеского горла - только так! Ни шагу назад!.."

Как заклинание звучат заключительные строки статьи: "Родина моя, тебе выпало трудное испытание, но ты выйдешь из него с победой, потому что ты сильна, ты молода, ты добра, добро и красоту ты несешь в своем сердце. Ты вся в надеждах на светлое будущее, его строишь своими большими руками, за него умирают твои лучшие сыны.

Бессмертная слава погибшим за родину. Бессмертную славу завоюют себе живущие".

Алексей Николаевич по-прежнему предоставлял нам полную свободу в отношении заголовков. Вот и для этой статьи он предложил три названия - на выбор: "Ни шагу назад", "Зубами перегрызть вражеское горло" и "Москве угрожает враг". Мы выбрали последний вариант.

А теперь - о статье Толстого, опубликованной в газете 19

октября. Тема сложная, но чрезвычайно важная, вытекавшая из выступления Сталина 3 июля: "При вынужденном отходе частей Красной Армии... все ценное имущество... которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться". Газеты как-то глухо сообщали о тех жертвах, на которые мы сознательно шли, взрывая и уничтожая все, что не удавалось эвакуировать. Нелегко было советским людям идти на это, потому, вероятно, и газеты молчали.

В те дни прибыл с Южного фронта Николай Денисов. Он был там, где шли бои на подступах к Запорожью, видел, как эшелон за эшелоном уходили на восток наши заводы. О драме на Днепре следовало сказать во весь голос. И не для слез. "У нас их нет, - потом напишет Толстой, - их иссушила ненависть". А ради клятвы: "За гибель - гибель!"

Опять направился наш гонец в Горький с моим письмом к Алексею Николаевичу: "Мы хотим выступить со статьей о Днепрогэсе. Статья о Днепрогэсе вызовет еще большую ненависть к гитлеровцам... Посылаем к Вам Медведовского, он все расскажет".

Тема пришлась Толстому по душе. Три дня подряд, отложив все дела, Алексей Николаевич работал над статьей. Всех гнал от себя, чтобы не отвлекали.

- Только однажды, за обедом кажется, - вспоминает Медведовский, после напряженной многочасовой работы Толстой завел было обычно очень долгий разговор на любимую тему - о своей уникальной коллекции курительных трубок. Показал их.

Но корреспонденту было не до трубок. Он помнил, с каким нетерпением ждет редакция статью Толстого, и вроде бы шутя сказал:

- Алексей Николаевич, если я задержусь, меня уволят...

- Ничего, - улыбнулся в ответ писатель, - я вас как-нибудь устрою. Однако разговор, грозивший затянуться, на этом оборвался, - Толстой снова вернулся к письменному столу и принялся размашистым почерком дописывать свою статью.

К тому времени, когда статья была закончена и поступила наконец в редакцию, обстановка на фронтах еще больше ухудшилась, немцы вышли на ближние подступы к Москве, и все наши помыслы, все заботы сосредоточились на битве за столицу. Нужно было и в статье Толстого как-то связать Днепрогэс с Москвой. Пришлось Медведовскому еще раз ехать в Горький.

Толстой быстро внес в готовый текст необходимые дополнения, и 19 октября его статья под названием "Кровь народа" появилась в "Красной звезде", заняв половину третьей полосы. Позже Алексей Николаевич отметил в своей

автобиографии, что это было одно из двух его публицистических выступлений, получивших "наибольший резонанс".

В статье прозвучали новые мотивы. Говоря о великих жертвах, на которые идет наш народ во имя победы над врагом, писатель сделал акцент на том, что являлось главным в разгар битвы за Москву:

"Но жертвы самой большой, но Москвы в жертву мы не принесем. Пусть Гитлер не раздувает ноздри, предвкушая этот жертвенный дым. Звезды над Кремлем кинжальными лучами указывают русским людям: "Вперед! Вперед на сокрушение врага! Вперед - за нашу свободу, за нашу великую Родину, за нашу святыню - Москву!"

Огромное впечатление, произведенное этой статьей на умы и сердца советских воинов, засвидетельствовал критик Александр Дымшиц, работавший тогда в армейской газете:

"Помнится, в дни, когда враг угрожал столице, поздней осенью 1941 года, в полку на Карельском перешейке агитатор читал бойцам перед строем статью Толстого "Кровь народа". Люди стояли молча, охваченные глубоким душевным волнением. Волновался и агитатор, голос его то срывался, то возвышался до крика. Чувствовалось, что от слов Толстого, ясных и веских, каждому бойцу становилось легче на душе, ибо каждый из нас верил писателю, утверждавшему, что поход Гитлера на Москву закончится нашей великой всенародной победой.

А когда агитатор дочитал статью, я услышал, как пожилой солдат с характерным псковским выговором сказал другому, молоденькому и голубоглазому, что Москву, видно, и впрямь отстоят и что "Толстой пишет крепко и доказательно".

* * *

Ведя речь о связях редакции с Алексеем Толстым в период его пребывания в Горьком, я многократно называл нашего корреспондента Дмитрия Медведовского. О нем самом тоже надо сказать немного.

Не случайно мы посылали именно его к Толстому. Писателю нравился этот боевой, неутомимый журналист, с которым он познакомился еще в 1939 году во Львове во время освобождения Западной Украины, ездил с ним к летчикам. Личные симпатии в нашем журналистском деле тоже не мало значат.

Медведовского очень ценили в редакции. И пожалуй, больше всего за то, что он мог, как у нас говаривали, хоть из-под земли добыть нужный для газеты материал. О нем можно сказать, что это был репортер от бога. Если где случалась заминка, завал, туда сразу же мчался в порядке "скорой помощи" Медведовский и с пустыми руками не возвращался.

Запомнился еще с первого полугодия войны такой случай. Дошел до нас слух, что один из парашютистов прыгнул с высоты 700 метров. Что-то случилось с парашютом - не раскрылся, но человек, упавший на землю, не получил даже повреждений. Вызвал я к себе Медведовского и говорю:

- Надо бы дать заметку об этом.

- А где такое случилось? - осведомился Медведовский.

- Вот этого я совсем не знаю. Ищите...

Он обзвонил всю Москву, все подмосковные аэродромы. Никто ничего не знает. Впервые от него, мол, услышали о таком чрезвычайном эпизоде. И все же к вечеру принес заметку. Нашел-таки воинскую часть, где служил парашютист, и там все узнал. Оказывается, ему повезло: приземляясь, он скользнул по заснеженному склону глубокого оврага и не только не разбился, но даже повреждений не получил. И не только из-за исключительности этого эпизода, но и из-за уважительности к Медведовскому заметку напечатали на первой полосе, под передовой.

Так он работал в самой редакции, и это нас вполне устраивало. Но не устраивало самого Медведовского. Он рвался на фронт, и, к нашему удивлению, не корреспондентом, а непосредственно на боевую работу. Долго я тянул, но в конце концов он добился своего. В середине сорок третьего года я вынужден был уступить ему, так же как в свое время уступил настойчивым просьбам капитана Назаренко. Медведовский получил назначение на должность заместителя командира полка по политчасти в 23-ю стрелковую дивизию. Со своим полком он прошагал до Чехословакии, не раз отличался в боях, был дважды контужен и ранен. Много можно было бы рассказать о его мужестве и доблести в бою. Но ограничусь лишь несколькими строками из книги воспоминаний бывшего начальника штаба этой дивизии, впоследствии командарма, ныне генерал-лейтенанта, Героя Советского Союза С. А. Андрущенко:

"На правом фланге бой разгорелся с еще большим ожесточением. Гитлеровцы бросили здесь до батальона пехоты при поддержке десяти танков и САУ. Пропустив машины через свои окопы, бойцы встретили пехоту дружным залповым огнем. Организовал его находившийся там заместитель командира полка по политчасти Д. Д. Медведовский, человек исключительной смелости, любимец бойцов. Само его появление среди воинов всегда вызывало воодушевление..."

Как было не радоваться нам за своего краснозвездовского однополчанина!

* * *

После почти трехнедельного молчания наконец объявился Константин Симонов. Прислал очерк. Но не об английских летчиках, для чего был послан в Мурманск, а о дальних разведчиках из морской пехоты.

Причины выяснились уже по возвращении Симонова в Москву. Он побывал в английской летной части, собрал интересный материал и даже написал очерк. Но в тот самый день, когда работа была закончена, пришла газета "Известия" - и там Симонов увидел репортаж на эту же тему. С досадой отметил про себя: "Опоздал, обскакали нас". И не стал обременять телеграф "бесполезным делом".

Да, мы не любили ходить по дорожкам, протоптанным нашими коллегами. Однако это был особый случай. Тут Симонов, пожалуй, ошибся. Вероятно, мы бы все-таки напечатали его очерк.

Но чего нет, того нет. Обратимся к тому, что есть, - к другому очерку Симонова, напечатанному в газете 19 октября. К слову сказать, этот очерк Константина Михайловича можно найти лишь в комплекте "Красной звезды". А он небезынтересен, хотя, вопреки обычному правилу Симонова, написан не по личным впечатлениям, а на основе продолжительной беседы с командиром разведгруппы лейтенантом Геннадием Карповым. Читая этот очерк, поражаешься, как много в нем деталей, которые, казалось бы, могут открыться лишь тому, кто сам при сем присутствовал. Вот, к примеру, картинка возвращения разведгруппы из привычного ночного поиска:

"Идти в обход было поздно, оставалось прорываться прямо вдоль берега. На их счастье был отлив. Во время отлива здесь, на побережье, обнажаются отмели и мелкие островки сливаются с берегом. Поддерживая истекавших кровью товарищей, прячась за каменистыми островками, разведчики по колено в воде пробирались по морскому дну вдоль берега, шли медленно, падая, срываясь со скользких, обросших морской травой камней.

Было уже под утро, когда они дошли до наших позиций. Трое здоровых поддерживали троих раненых. Один остался лежать там, в скалах Финляндии, скрестив на груди неподвижные руки. Далеко за линией фронта все еще не утихала артиллерийская канонада. Еще били немецкие орудия и минометы по каменистой сопке, будто бы занятой неуловимыми русскими и ставшей могилой для нескольких десятков немецких солдат".

Из того же очерка читатель узнает, что Карпову и его боевым товарищам приходилось порой и покруче:

"Они делали пятнадцатисуточные переходы, не разжигая костров, не кипятя воды, не варя горячей пищи. Они шли по ночам через болота по колено в воде и лежали в трясине целыми

днями, прячась и выжидая. Когда кончались запасы пищи, они все-таки шли до конца, питались полусырым мясом случайно застреленного оленя.

За сто километров в тылу врага и почти на глазах у него, зазубрив кинжалы, они перепиливали ими, как ножовкой, телеграфные и телефонные провода, валили столбы и камнями перебивали кабель. Они не только умели проходить незамеченными где угодно и когда угодно, но ухитрялись с боем брать пленных и по секретным тропам приводить их на допрос.

Закончив операцию, взбудоражив врага, они в смертельной опасности терпеливо ждали в потайных бухтах, когда погода позволит кораблю подойти и снять их. Из них вырабатывались люди, каждый из которых стоит десяти несгибаемые, бесстрашные, не щадящие своей жизни и беспощадные к врагу".

Люди эти настолько заинтересовали Симонова, что вскоре он сам отправился с ними в тыл врага, на Пикшуев мыс.

* * *

Вновь появилось в газете имя К. К. Рокоссовского. Он под Волоколамском. Армия его и здесь ведет тяжелые оборонительные бои. В ее составе знаменитый кавалерийский корпус Л. М. Доватора, стрелковые дивизии генерала И. В. Панфилова и полковника А. П. Белобородова. Наши корреспонденты сообщают, что накануне в полосе армии Рокоссовского немцы дважды предпринимали сильнейшие атаки, но успеха не имели. Однако общая обстановка под Москвой продолжает оставаться угрожающей.

21 октября

Этот номер вышел во вторник. Значит, готовили мы его два дня, начиная с воскресенья 19 октября.

О 19 октября я только что рассказывал. Однако не рассказал, пожалуй, главного. Необходимо продолжить.

У меня сидит спецкор Зигмунд Хирен. Сегодня вернулся из Ленинграда; его вызвали в Москву, чтобы усилить корреспондентскую группу на Западном фронте. Рассказывает о жизни блокадного города. Наш разговор был прерван фельдъегерем Ставки. Он доставил пакет. Обычная информация приходит к нам из ТАССа. Когда же появляется этот офицер с кубиками лейтенанта на петлицах, значит, что-то очень срочное и очень важное. Вскрываю пакет о пяти сургучных печатях. Читаю: "Сим объявляется..."

Глаза непроизвольно задержались на этих двух непривычных

в наше время словах. Начинаю читать снова:

"Сим объявляется, что оборона столицы на рубежах, отстоящих на 100-120 километров западнее Москвы, поручена командующему Западным фронтом генералу армии тов. Жукову, а на начальника гарнизона города Москвы генерал-лейтенанта тов. Артемьева возложена оборона Москвы на ее подступах...

1. Ввести с 20 октября 1941 г. в городе Москве и прилегающих к городу районах осадное положение.

2. Воспретить всякое уличное движение как отдельных лиц, так и транспортов с 12 часов ночи до 5 часов утра, за исключением транспортов и лиц, имеющих специальные пропуска...

3. Охрану строжайшего порядка в городе и в пригородных районах возложить на коменданта города Москвы...

4. Нарушителей порядка немедленно привлекать к ответственности с передачей суду военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте.

Государственный Комитет Обороны призывает всех трудящихся столицы соблюдать порядок и спокойствие и оказывать Красной Армии, обороняющей Москву, всяческое содействие.

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин.

Москва, Кремль, 19 октября 1941 г."

Это было историческое постановление ГКО о введении в Москве осадного положения. Двум командующим - генералу армии Жукову и генерал-лейтенанту Артемьеву - поручена оборона столицы. К Жукову, решил я, съезжу завтра, а как будет действовать Артемьев, надо сегодня же узнать. Я и сказал Хирену:

- Поезжайте в МВО к Артемьеву, возьмите интервью для газеты...

Умчался спецкор.

Впереди ночь, целый день и еще одна ночь. Времени немало, чтобы поразмыслить над этим необычным документом и подумать, как все это подать в газете.

"Сим объявляется..." - снова возвращаюсь мысленно к необычному началу постановления ГКО. Такой оборот речи, непривычные слова, извлеченные из глубины древности, придали постановлению особое звучание. Наверное, Сталин обратился к стилю старинных русских указов для того, чтобы все прониклись чувством исторической ответственности за переживаемые дни.

Противоречивые чувства владели нами. "Осадное положение"! Эти сжимающие горло слова психологически никак не

совмещались с нашими привычными представлениями о Москве, столице могучего Советского государства. Но в то же время все мы понимали, что Москва действительно осаждена, враг уже в ее пригородах, а значит, против него должны ополчиться поголовно все москвичи и везде обязательны образцовый порядок, строгая дисциплина, неустанный труд. Эти трезвые соображения и легли в основу передовой статьи для очередного номера газеты. Называлась она "Отстоим нашу Москву!". В ней так прямо и сказано:

"...Вся жизнь многомиллионного города отныне подчинена жизни наших войск, жизни фронта и в интересах фронта регламентируется военным командованием. Москва становится городом-воином. Весь ее быт, весь ее труд, вся ее жизнь строится отныне на воинский лад - организованный, твердый и жесткий".

Под утро вернулся Хирен. Он принес статью генерала Артемьева, а заодно и подтверждение наших догадок о том, что постановление ГКО писано Сталиным. Артемьев, вызывавшийся вчера в Государственный Комитет Обороны, рассказал корреспонденту, что подготовленный заранее проект постановления о введении в Москве осадного положения страдал расплывчатостью, неопределенностью словом, не соответствовал создавшейся обстановке. Сталин его отклонил и тут же сам стал диктовать: "Сим объявляется..." И продиктовал постановление до последней точки.

Накал страстей, в каком принималось это постановление, передался, конечно, и присутствовавшему при том Артемьеву, отразился в его статье. Она содержала такие, например, строки:

"Нужно быть готовыми к тому, что улицы Москвы могут стать местом жарких боев, штыковых атак, рукопашных схваток с врагом. Это значит, что каждая улица уже сейчас должна приобрести боевой облик, каждый дом должен стать укреплением, каждое окно - огневой точкой и каждый житель Москвы солдатом..."

"Все те, в ком бьется честное сердце советского гражданина, выйдут на уличный бой с ненавистным врагом..."

"Население города Москвы вместе со всей Красной Армией уже сейчас должно подготовиться к борьбе не только с вражеской пехотой, но и вражескими танками. Из окон, из ворот домов, из каждого закоулка посыплются на немецкие танки бутылки с горючим, связки гранат. Мы не пропустим вражеских танков..."

Так категорически и было все сказано.

Правда, эту статью мы не сразу напечатали. Меня, как редактора, смущало одно обстоятельство: не подумают ли читатели, что на фронте полная катастрофа, если мы уже

заговорили об уличных боях в столице. Прихватив статью, поехал в Перхушково, к Жукову. Высказал ему свое сомнение. Георгий Константинович прочитал весь текст статьи, подумал, потом улыбнулся и ответил мне фразой, я бы сказал, афористичной:

- Лучше быть готовыми к тому, чего не будет, чем не быть готовыми...

В тоне, каким было сказано это, я уловил непоколебимую уверенность командующего фронтом в том, что Москва будет удержана.

Статья Артемьева появилась в "Красной звезде" под заголовком "На защиту Москвы". Заканчивалась она вещими словами: "В боях за Москву мы нанесем врагу такой удар, который явится началом конца гитлеровских походов! Москву мы отстоим!"

В том же номере газеты от 21 октября мы напечатали многочисленные отклики из войск и трудовых коллективов Москвы. В их числе - письмо из "N-го дзота". Такие огневые точки появились уже на всех окраинах Москвы, и вот с одной из них на всю страну, на весь мир прозвучали мужественные слова:

"Если хоть один немецкий танк пройдет линию укреплений, мы сами ляжем под его гусеницы и собственными телами преградим ему путь в Москву. С чувством высокого удовлетворения встретили мы появившееся сегодня постановление Государственного Комитета Обороны...

Начальник N-го дзота Н. Попов".

О таком же боевом настрое сообщает наш корреспондент Яков Милецкий, побывавший в одном из подмосковных истребительных батальонов. По свидетельству Милецкого, дом, где расположился штаб этого батальона, удивительно напоминает пограничную заставу. Вот с какого-то поста доносят по телефону о задержании паникера и шкурника; он заведовал торговой базой, но бросил ее на произвол судьбы, погрузил в машину собственные пожитки, прибавил к этому несколько ящиков с уворованными с базы продуктами и пытался удрать. Задержан переодетый немецкий летчик со сбитого самолета. Задержан дезертир, бросивший оружие и товарищей... Словом, постановление ГКО в действии!

Над второй полосой газеты - призыв: "Нашу родную Москву мы ни за что не отдадим врагу. Не жалея ни крови, ни жизни, до последнего вздоха будем защищать советскую столицу". А в центре полосы заверстана на две колонки большая фотография командующего Западным фронтом генерала армии Г. К. Жукова. Появление ее на страницах "Красной звезды" необычно. 20 октября в редакцию позвонил Сталин и сказал:

- Напечатайте в завтрашней газете фото Жукова...

Такое распоряжение было для меня полной неожиданностью. До сих пор в "Красной звезде" публиковались фотографии командиров подразделений, частей, дивизий, иногда корпусов. Всегда в связи с какой-то их боевой удачей. А вот командующие фронтами... Не было еще у нас побед такого масштаба, чтобы подымать на щит командующих фронтами.

Конечно, я не стал спрашивать Сталина: "Почему? Зачем?" Но один вопрос все же задал. Вероятно, по инерции. Ведь во всех других случаях, когда в редакцию поступал какой-то официальный материал, обычно указывалось, на какое место его поставить. Вот и в этот раз у меня вырвалось:

- На какой полосе, товарищ Сталин?

- На второй... Передайте "Правде", чтобы они тоже напечатали... Я тут же вызвал фотокорреспондента Капустянского и, не вдаваясь в объяснения, сказал:

- Возьмите любую машину, быстро смотайтесь к Жукову и сфотографируйте его. Пойдет в номер...

Часа через два звонит мне Капустянский и жалуется, что Жуков отказался фотографироваться.

- Ладно, - сказал я, - идите в приемную командующего и ждите моего звонка.

Звоню Жукову:

- Георгий Константинович, нам срочно нужен твой снимок для завтрашнего номера газеты.

- Какой там еще снимок, - резко ответил Жуков. - Не до снимков...

Пришлось сказать о звонке Верховного.

- Хорошо, - согласился он. - Где твой фотограф?

- У тебя, в приемной. Ждет...

И вот снимок у меня на столе. Я бы не сказал, что для такого мастера, как Капустянский, это удача. Жуков - за столом, застланным, как скатертью, топографической картой. Командующий ткнул карандаш в какую-то точку на этой карте, а сам глядит куда-то влево. Заметно, что фотограф заставил его позировать. Но что делать? Время позднее, как получилось, так и получилось. Один снимок я передал редактору "Правды" Поспелову, а второй отправил в цинкографию. "Правда" дала под этим снимком подпись: "Командующий Западным фронтом генерал армии Г. К. Жуков". Мы - такую же, но с добавлением: "Фото специального корреспондента "Красной звезды" А. Капустянского". Хотелось подтвердить тем самым приоритет нашей газеты.

Тот звонок Сталина последовал, конечно, неспроста. Портрет

Жукова в газетах, очевидно, должен был свидетельствовать, что во главе войск, защищающих Москву, поставлен полководец, на которого народ и армия вполне могут положиться. Так мы тогда истолковали распоряжение Верховного. А теперь вот при взгляде на этот портрет Жукова в газете от 21 октября 1941 года у меня возникает и другое предположение, напрямую связанное с уходом Георгия Константиновича с должности начальника Генштаба. Конечно, тот июльский инцидент в Ставке Верховного главнокомандующего не мог не оставить горького осадка в душе Жукова. Это, несомненно, понимал и Сталин. И не исключено, что в лихой час битвы за Москву он решил дать понять Георгию Константиновичу: на той, мол, истории, тяжелой для них обоих, поставлен крест.

* * *

Из писательских материалов, опубликованных в "Красной звезде" 21 октября, хочется отметить два: очерк Федора Панферова и вторую корреспонденцию Константина Симонова с Севера.

Панферов рассказывает о подвиге казаха Бузакарова Ураза, пастуха из-под Гурьева. Ураз упорно добивался и добился, чтобы его допустили к пулемету. Аргумент он выставил такой:

- Степь наша дает нам хороший глаз. Очень хороший глаз. Видите, товарищ политрук, что делается на той вон полянке? Не видите? А я вижу. Степь учит глаз далеко видеть...

Главная идея очерка вынесена писателем в заголовок: "Командир приказал..." Верный командирскому приказу, пулеметчик Ураз Бузакаров не оставляет своей огневой позиции и никогда не оставит ее, если даже придется умереть здесь. Это наглядный пример для каждого, кто поставлен на защиту Москвы.

А корреспонденция Симонова называется "В лапах у фашистского зверя". Суть ее объясняют начальные строки: "За 4 месяца войны мне пришлось видеть много страшного. Я видел изуродованные немцами трупы детей, останки сожженных живьем красноармейцев, сгоревшие деревни, развороченные бомбами дома. И все-таки самое страшное, пожалуй, с чем пришлось столкнуться мне на войне, - это бесхитростный и простой рассказ пулеметчика Михаила Игнатовича Компанейца. Рассказ о том, как он провел две недели в фашистском плену и как из него выбрался".

Действительно, эту историю нельзя читать без содрогания. Невольно и безоговорочно присоединяешься к авторскому выводу: "Фашистские убийцы многолики. Этот рассказ открыл мне еще одно их лицо - лицо тихого садиста, может быть, самое отвратительное из всех".

22 октября

Фронт все ближе к Москве. Корреспондентские материалы идут теперь в редакцию прямо из армий - Рокоссовского, Говорова, Ефремова, Голубева, Хоменко.

Малоярославецкое направление: "Положение остается весьма серьезным. Неприятель подтягивает силы..." Можайское: "Во второй половине вчерашнего дня и в особенности сегодня утром враг усилил натиск..." Тульское направление, которое до сих пор именуется еще орловским: "Немцам удалось немного потеснить наших бойцов..."

Словом, обстановка ухудшается. И все же в сообщениях наших корреспондентов нет ноток безнадежности. Да, советские войска отступают, но упорно и беззаветно отстаивают каждую пядь подмосковной земли. Дачные поселки, деревни, рощи и перелески, так хорошо знакомые нам, москвичам, по многу раз переходят из рук в руки. Почти в каждом репортаже сообщается о больших потерях противника в живой силе, об уничтоженных немецких танках, орудиях, минометных батареях. Конечно, в заварухе боев точно не подсчитаешь потери неприятеля, тем более что поле боя остается пока за ним. Чего стоил гитлеровцам каждый их шаг по нашей подмосковной земле, мы увидим потом, когда двинемся в обратном направлении. Не удаются здесь немцам ни глубокие прорывы, ни окружения, как это было под Минском или Вязьмой. Не срабатывают у них танковые клинья...

* * *

18 октября Совинформбюро сообщило: "Наши войска оставили Одессу". Сдача любого советского города, даже по приказу Главного командования, всегда большая общенародная драма. В мыслях и чувствах наших людей остается неутешная горечь: не отстояли город, отдали его на заклание врагу. Нельзя было оставлять наш народ, и особенно защитников Одессы, наедине с той скупой строчкой официальной сводки. Не сами, не самовольно ушли войска из города. Решение об эвакуации Одессы принято Ставкой Верховного главнокомандования в связи с осложнением обстановки на юге страны и необходимостью усиления обороны Крыма.

Все это важно и необходимо было объяснить. Уже на второй день "Красная звезда" опубликовала обстоятельную статью члена Военного совета Приморской армии Л. Бочарова "65 дней героической обороны Одессы". В статье разъяснялось, что "Одесса оставлена нашими войсками после того, как они выполнили свою задачу: сковать как можно больше вражеских войск, измотать их, нанести сокрушительные удары по их живой силе и технике...".

С особой силой прозвучали в статье истинно справедливые строки: "Вся Советская страна, весь мир с восхищением следили за мужественной борьбой защитников Одессы. Они ушли из города, не запятнав своей чести, ушли, сохранив свою боеспособность, готовые к новым боям с фашистскими ордами. И на каком бы фронте ни сражались защитники Одессы - всюду они будут служить примером доблести, мужества, геройства.

Слава героическим защитникам Одессы!"

Теперь я могу сказать, что этих двух абзацев в статье Бочарова, присланной нам из Севастополя по телеграфу, не было. Естественно, что член Военного совета не мог написать такое о своей армии, а значит, и о себе самом. Эти строки мы вписали сами, в редакции.

Что поделаешь, в газете и такое бывает - очень нужное решение...

Думаю, что наши читатели не могли не вспомнить эту статью и тогда, когда была учреждена медаль "За оборону Одессы", и когда городу было присвоено звание Героя. Во всяком случае, мы, краснозвездовцы, не забыли ее.

И не только эту статью.

В те октябрьские дни немецкое радио передало лживое сообщение о боях за Одессу. Узнав об этом, мы сразу же послали депешу Ишу, нашему спецкору в Севастополь, где базировалась теперь Приморская армия: "Гитлеровское радио передало, что Одесса якобы взята немецко-румынскими войсками штурмом и что противнику достались богатые трофеи. Срочно шлите статью "Правда о боях за Одессу". Желательно Петрова".

Удивительно быстро Л. Иш справился с этим заданием. Получить статью командующего в то время, когда армия проводит перегруппировку своих сил и к тому же с ходу вступила в бой, - дело не простое. Тем более что Петров был из тех авторов, которые и мысли не допускали, чтобы кто-то писал статьи за него. Но он понимал, сколь важно его выступление именно в данном случае: дело шло о чести и достоинстве Приморской армии, которую он возглавлял в боях за Одессу и ныне возглавляет в дни сражений за Севастополь. Не исключено, что его доброе отношение к Ишу тоже сыграло роль. Словом, за ночь статья была написана, утром передана в редакцию и 22 октября появилась в газете.

Приведу несколько выдержек из нее:

"Наши части ушли из города организованно, в полном порядке и решительно без всяких потерь. Ни трофеев, ни тем более пленных красноармейцев враг в Одессе и в глаза не видел. Следует указать, что и все пленные - несколько тысяч человек -

были эвакуированы до одного...

Ровно в одиннадцать часов вечера 15 октября войска эшелона главных сил совершили посадку на суда. К четырем часам утра 16 октября все было закончено. Арьергарды, находившиеся на позициях до двадцати четырех часов, пришли в порт в четыре часа утра и через час так же благополучно погрузились. После погрузки арьергарда особо сформированные команды метр за метром проверили территорию порта - не отстал ли кто, не забыто ли что-нибудь из боевого имущества... В пять тридцать 16 октября оперативный дежурный доложил:

- Эвакуация Одессы полностью завершена. Потерь ни в людях, ни в технике нет. Важные в военном отношении объекты разрушены согласно плану...

В девять часов утра 16 октября противник произвел бомбардировку уже пустой Одессы. Наши разведчики, посланные на катере в Одесский порт, спокойно высадились на берег и до одиннадцати часов утра ходили по улицам обезлюдевшего города, не встретив ни одного вражеского солдата.

Только в шесть часов вечера, то есть через двенадцать часов после эвакуации, на дальних окраинах Одессы показались первые робкие разведывательные партии противника".

* * *

Вдогонку за статьей Петрова Иш выслал самолетом фотоснимки эвакуации советских войск из Одессы. На одном из них - ошвартовавшийся у причала большой транспортный корабль, на него организованно и спокойно подымаются по трапу защитники Одессы. Второй снимок: мощный кран погружает на транспорт 76-миллиметровое орудие. Третий снимок: море, покрытое легкой рябью, уходящие вдаль транспорты и рядом с ними - боевые корабли, охраняющие караван. Понятно, что и снимки сразу пошли в газету как документальное опровержение геббельсовской брехни.

Илья Эренбург в своих мемуарах охарактеризовал Льва Иша как "тишайшего" "чернорабочего" нашей газеты. Мне хочется добавить от себя: Иш мог блестяще выполнять в газете любую работу, но выполнял действительно самую неблагодарную - занимался главным образом литературной правкой чужих материалов. Не потому, что так уж ему нравилось заниматься этим, а потому, что умел делать это лучше других.

В июле или августе сорок первого года, правя очередную корреспонденцию с Западного фронта, Иш вдруг вскрикнул: в корреспонденции сообщалось, что в Ельне фашисты зверски замучили его отца. Иш пришел ко мне и заявил, что не может больше оставаться в Москве, попросился на фронт.

Мы командировали его в Одессу. Оттуда вместе с Приморской армией он прибыл в Севастополь и там погиб смертью героя в числе последних защитников города-крепости. Это нам стало известно уже в октябре сорок первого года. Но только весной сорок третьего я узнал некоторые немаловажные подробности.

Приехал я тогда в Краснодар, к Ивану Ефимовичу Петрову, командовавшему в ту пору Северо-Кавказским фронтом. Он хорошо знал Иша и по Одессе и по Севастополю. Наш корреспондент часто бывал у него на КП, не раз сопровождал его в поездках по войскам. Иван Ефимович слышал, какую Иш пережил трагедию, и очень сочувственно, даже, можно сказать, нежно относился к нему. Первым заговорил со мною о нем. И вот что я услышал из его уст:

- Хорошо Иш писал о героях Приморской армии и сам стоил любого из них. Честная солдатская душа, благороднейший человек! Вы знаете, он ведь мог улететь из Севастополя в последнем самолете. Мы позаботились об этом. Но Иш уступил свое место девушке-снайперу.

25 октября

В газете заведена новая рубрика - "Герои обороны Москвы". Под этой рубрикой первым напечатан очерк Василия Коротеева "Политрук Даниил Бова".

До войны Коротеев был секретарем Сталинградского обкома комсомола. Перед самой войной стал членом редколлегии "Комсомольской правды". Затем его призвали в кадры РККА и он получил назначение к нам - в "Красную звезду". Мы послали его на Западный фронт. Очерк о храбром политруке минометной батареи прислан Коротеевым с можайского направления.

Одному из героев Московской битвы посвящена передовая "Защитник Москвы Сергей Белоус". Это рядовой боец. Он разведал скопление вражеских танков, проник в их расположение и условным сигналом - ракетой - вызвал на себя огонь нашей артиллерии.

* * *

Все чаще на страницах газеты появляются статьи наших редакционных специалистов по оперативному искусству, по тактике общевойскового боя и отдельных родов войск. Это отнюдь не пересказ готовых формул из довоенных уставов и наставлений. Это - сегодняшний опыт войск и штабов, по крупицам собранный в огне боев, поистине выстраданный,

оплаченный кровью и тысячами жизней.

Вот и 25 октября напечатана подвальная статья полковника Ивана Хитрова "До конца использовать пехотное оружие". Достаточно одной-двух выдержек, чтобы убедиться в ее актуальности.

"Правильный выбор оружия для поражения той или иной цели - одно из важнейших условий мощного пехотного огня. Боевая практика часто ставит перед командирами и бойцами много новых вопросов. Но не всегда их учитывают при решении огневых задач..."

Далее речь идет о том, что увидел наш корреспондент в полку майора Шарова, в батальоне капитана Чмелевского, в роте лейтенанта Квашина; как используется там пехотное оружие - правильно в одних случаях и неправильно - в других. Статья отличается отточенностью формулировок. Афористично звучат целые абзацы: "Быстрота действий - закон орудийных расчетов. Прозевал открыть огонь - цель скроется. Замешкался на открытой позиции - будешь сбит врагом. Не успел своевременно и быстро сменить позиции - оторвешься от стрелковых взводов и не сумеешь поддерживать их в нужный момент".

Истины, на первый взгляд, прописные. Но, опираясь на убедительные факты и примеры из боевой жизни, статья приобрела особое звучание.

Запомнилась многим нашим читателям и другая статья Хитрова - "Уличные бои". В ней - рассказ о тактике в уличных боях за Ельню, Гжатск, Вязьму, Можайск.

С этой его статьей как бы перекликается выступление заместителя командира механизированного соединения Героя Советского Союза полковника Д. Погодина - "Танки в боях за населенный пункт".

Острую статью прислал с Северо-Западного фронта Викентий Дерман.

Время, кажется мне, и о нем сказать несколько слов.

Летом сорокового года я прибыл в военный городок, утопающий в зелени, известный под названием "курсы "Выстрел", центр подготовки офицерских кадров, чтобы подобрать двух-трех опытных командиров для работы в редакции "Красной звезды". Прежде всего, естественно, я встретился с начальником курсов и назвал ему несколько кандидатов. Первым среди них был майор Викентий Иванович Дерман.

Давно он был на виду у редакции. Еще в 1931 году батальон, которым он командовал, стал одним из победителей всеармейского стрелкового соревнования, организованного "Красной звездой", и тогдашний редактор Феликс Кон вручил

комбату награду - именной пистолет. Потом он был назначен командиром полка, и некоторое время служил в штабе Ленинградского военного округа. Статьи и корреспонденции Дермана регулярно появлялись на страницах нашей газеты. Если вдруг происходила пауза, на это сразу реагировали не только в редакции. Однажды Дерман получил письмо заместителя наркома обороны командарма 1-го ранга И. Ф. Федько, настоятельно требовавшего от майора новых статей.

И вот - наша первая памятная встреча. В одну из классных комнат "Выстрела", отведенную мне для беседы, вошел среднего роста майор в саржевой гимнастерке с подворотничком снежной белизны, с портупеей через плечо. Крепко сбитый, подобранный, он и внешне являл собой образец командира-строевика. По сосредоточенному взгляду серых глаз, по собранным у переносицы складкам я понял, что мое появление здесь, на "Выстреле", посеяло у него тревогу.

Не желая, однако, испытывать его выдержку, не затягиваю процедуры знакомства. Обменявшись несколькими традиционными в таких случаях фразами, спрашиваю:

- Как вы отнесетесь к переходу в "Красную звезду"?

Дерман ответил не задумываясь:

- Служба в аппарате редакции мне совершенно не подходит.

И тут же напомнил, что его "сватали" в газету еще в 1936 году, но и тогда он категорически отказался.

- Я не захотел отрываться от войск, и с этим посчитались.

Сделав вид, что прошлое меня не касается, я пытался объяснить ему:

- Сейчас, Викентий Иванович, здесь, на "Выстреле", вас слушают десятки командиров, а с переходом в "Красную звезду" ваша аудитория возрастет в тысячу раз. А насчет связи с войсками не беспокойтесь: они не только не прервутся, но расширятся и укрепятся.

Майор, состоявший преподавателем тактики на "Выстреле", внимательно выслушал меня, но согласия все же не дал, обещал лишь подумать. Дело не терпело: вызов в Политуправление РККА, затем приказ наркома обороны - и Викентий Дерман из "дозорных", как тогда у нас порой называли военкоров, вошел в состав "главных сил" редакции.

В Отечественную войну Дерману - уже в звании подполковника - как он считает, повезло: он получил назначение спецкором именно туда, куда попросился, - на Северо-Западный фронт. По месту прежней службы в Ленинградском военном округе Викентий Иванович хорошо знал этот театр военных действий и войска, которым довелось там принять боевое

крещение в первых схватках с немецко-фашистскими захватчиками.

Вместе с Дерманом и под его началом на этот фронт выехали писатели Петр Павленко и Семен Кирсанов, а также и группа журналистов. Однако в нашей краснозвездовской практике было принято, что руководитель корреспондентской бригады, так же как и его подопечные, был обязан лично писать для газеты и привлекать в "Красную звезду" авторов. Дерман одинаково хорошо делал и то и другое.

А сколько встречалось при этом непреодолимых, казалось бы, трудностей. Как часто приходилось быть под огнем!

* * *

Август сорок первого года. С рубежа реки Полисть 34-я армия наносила контрудар с целью окружить и уничтожить врага в районе Шимск - Сольцы Старая Русса. Начало было обнадеживающим: до шестидесяти километров продвинулись наши войска. Но, к сожалению, этот боевой успех не получил развития, и в конечном счете 34-я армия с большими потерями отошла назад, за реку Ловать. Надо было объяснить читателям "Красной звезды", что здесь произошло. Дерман написал обстоятельную статью, но как передать ее в Москву, в редакцию? Прямой связи нет. Где-то в Демянске был, кажется, запасной узел связи. Туда и держал путь спецкор.

В боевых порядках наших войск бреши, грозная пустота. Неожиданно у опушки леса разворачивается пушка для стрельбы прямой наводкой по машине Дермана. Лишь в последнюю минуту наводчик-украинец определил:

- Та це свои. Звидкиля ты, чертяка? Мабуть, з пекла? - сочно выругался солдат, но, увидев в машине офицеров, снизил тон и стал объяснять: - Вы, мабуть, вид нимцив, чы що? Попереду ж никого нема, а мы чекаемо фрыцив...

Наконец доехали. Здесь действительно оказался запасной узел связи, начальником отдела связи работал полковник П. М. Курочкин, хорошо знавший спецкора "Красной звезды". В то время это тоже много значило: Викентий Иванович незамедлительно получил разрешение на внеочередной разговор с Москвой. И вдруг внезапный налет бомбардировщиков врага. Один за другим сильные взрывы. Все в дыму и огне. Ранены шифровальщик, бодистка. Курочкин - в крови. Дермана отбросило к стене, оглушило. И все-таки его важная статья, хотя и с некоторым опозданием, была передана в Москву.

Надо знать приильменский край, чтобы понять, как здесь доставалось нашим корреспондентам. От переднего края до фронтового узла связи - сто километров, иногда чуть меньше,

иногда - больше. И всюду болота с узкими гатями и лежневками. Пробки, бомбежки, артобстрелы - попробуй доберись быстро до благословенного узла связи...

Но спецкор "Красной звезды" Дерман, рассказывая мне о своих фронтовых путях-дорогах, решительно отодвигал трагическое на второй план, отдавая предпочтение подробностям комического свойства:

- Лежим однажды в полузатопленной воронке от немецкой авиабомбы и с тоской созерцаем, как в нескольких шагах от нас догорает редакционная "эмка". Ее водитель Семен Мухин, обжигая руки, роется в груде обгорелого металла. Спрашиваю: "Что ищешь?" Отвечает: "Номерной знак!" - "Зачем он тебе?" - "Как это зачем? - удивился Мухин. - Как же я отчитаюсь без оправдательного документа?" Это был первый выезд Мухина на фронт, и он еще не знал, что война и не такое списывает без предъявления оправдательных документов.

А спустя несколько дней у того же Мухина немцы разбомбили вторую машину, да так, что от нее не осталось даже и номерного знака. Вернулся водитель на фронтовой КП лишь с обгорелым автоматом. Пошел Дерман к члену Военного совета фронта, корпусному комиссару В. Н. Богаткину, просить третью машину.

- Сколько же можно? Одну дал, вторую дал... И опять просите... законно возмущался Богаткин, помогавший по давнему "родству" с "Красной звездой" ее спецкорам всем, чем мог. Конечно, и в третий раз он не остался глух к просьбе Дермана. Позвонил начальнику штаба фронта Н. Ф. Ватутину, в распоряжение которого только что поступила колонна ленинградских такси. Викентий Иванович не замедлил выбрать очередную "эмку" для своей корреспондентской бригады.

Постоянно Дермана, как и других наших фронтовых корреспондентов, преследовала и еще одна трудность. Писать Дерману приходилось в любых, как правило самых неблагоприятных, условиях: на пне в лесу, или в каком-нибудь полуразрушенном сарае, битком набитом людьми, или в блиндаже, чуть освещенном мигающей плошкой. А ведь у бодисток свой регламент, да и не каждая из них была способна разобраться в корреспондентской скорописи. Неразборчивый оригинал при передаче мог подвергнуться самым невероятным искажениям.

Почти через день-два "Красная звезда" печатала оперативные корреспонденции Дермана. Мы высоко ценили его эрудицию, широкий тактический кругозор, его дальновидность. Назову хотя бы некоторые его статьи и корреспонденции, опубликованные в газете: "Обходы и охваты", "Оборона немцев в окружении",

"Маневр в ходе боя", "Командир и его начальник штаба" и другие.

Выступление Викентия Ивановича Дермана в сегодняшней газете было особым, его значение трудно переоценить. Расскажу об этом подробнее.

* * *

На Северо-Западном фронте в районе Белого Бора наша 11-я армия вынудила противника перейти к обороне в очень невыгодных для него условиях: неприятельский клин не пробился на оперативный простор, а буквально увяз в боевых порядках советских войск. Последовал приказ нашего командования: отсечь этот клин у самого основания, окружить и уничтожить врага.

Наступление началось утром, продолжалось весь день и перешло в ночь, но поставленная задача, увы, так и не была решена. Дерман, следивший за ходом боев с передового наблюдательного пункта артиллерийской батареи, подметил некоторые характерные для того периода войны недостатки.

Все это мы напечатали.

Уже потом, при первой встрече, Дерман признался мне:

- Статью послал, но, откровенно говоря, никак не думал, что ее напечатают.

Основания для сомнений у Викентия Ивановича были. Ведь даже в мирное время критика в военной газете действий командиров сопряжена с известными сложностями. А как быть в войну? Можно ли публично критиковать командира, военачальника, которому завтра надо снова вести или посылать подчиненных ему людей в смертный бой? Тут было над чем задуматься.

Отмечу, что критическое острие печати в боевых условиях мы опробовали еще на Халхин-Голе, в "Героической красноармейской". Тогда наша критика задевала главным образом рядового бойца. На финской войне в газете "Героический поход" пошли дальше - критике подвергались ошибки некоторых командиров рот, батальонов, а иногда и полков. Но правильно ли это? Об этом шли горячие дискуссии в редакциях военных газет и за их пределами. Я обратился за разъяснением к Верховному главнокомандующему. На моем письме появилась следующая резолюция:

"Фронтовые и армейские газеты могут критиковать также действия средних и старших командиров. Необходимо только, чтобы критика была не грубая и не резкая, а тактичная и товарищеская.

И. Сталин".

Мы сделали отсюда соответствующие выводы и для "Красной звезды". А Дерман своим разбором неудачного боя за Белый Бор

практически обозначил границы и формы той самой "тактичной и товарищеской" критики, на которую нас ориентировал Верховный главнокомандующий.

28 октября

Постепенно исчезают со страниц "Красной звезды" загадочные "N-е части", "N-е направления". В газете, датированной 28 октября, написано, как говорится, черным по белому, что на волоколамском направлении обороняются войска генерала Рокоссовского, на можайском - генерала Говорова, на малоярославецком - генерала Голубева... Но утешительного в этом мало. Вчера немцы захватили Волоколамск. Из армии Голубева сообщают: "Противник несколько потеснил обороняющиеся части". Из армии Говорова пришла весть о том, что "сегодня на рассвете снова начались ожесточенные атаки немцев"...

Тем не менее сопротивление наших войск не ослабевает, а усиливается. Об этом можно судить даже по заголовкам корреспонденции: "Контратаки наших войск на Западном фронте", "Удар по вражеским войскам под Москвой". С Калининского фронта поступило сообщение о переходе наших войск в наступление с целью освободить Калинин. Правда, выбить противника из города пока не удается, зато удалось сковать здесь, на этом важном северном фланге Московской битвы, значительные силы гитлеровцев.

Неделю назад первую свою статью о Московской битве Илья Эренбург назвал "Выстоять!". Заголовок новой его статьи - "Мы выстоим!".

"Нельзя оккупировать Россию, - пишет он, - этого не было и не будет. Россия всегда засасывала врагов... Может быть, врагу удастся еще глубже врезаться в нашу страну. Мы готовы и к этому. Мы не сдадимся. Мы перестали жить по минутной стрелке, от утренней сводки до вечерней, мы перевели дыхание на другой счет. Мы смело глядим вперед: там горе и там победа. Мы выстоим - это шум русских лесов, это вой русских метелей, это голос русской земли".

В те дни все помыслы каждого советского человека, куда бы судьба ни забросила его, где бы он ни находился, на каком бы фронте ни воевал, были настроены на московскую волну.

Всеволод Вишневский прислал статью "Балтийцы - Москве". В ней проникновенные слова: "Воля и мысли наши сливаются с твоими, Москва!.."

Константин Симонов передал по военному проводу с полуострова Рыбачий стихи "Голос далеких сыновей". В них отразились те же переживания:

Метель о бревна бьется с детским плачем,
И на море, вставая, как стена,
Ревет за полуостровом Рыбачьим
От полюса летящая волна.
Бьют сквозь метель тяжелые орудья,
И до холодной северной зари
Бойцы, припав ко льду и камню грудью,
Ночуют в скалах Муста-Тунтури.
Чадит свеча, оплывшая в жестянке,
И, согревая руки у свечи,
В полярной, в скалы врубленной землянке
Мы эту ночь проводим, москвичи.
Здесь край земли. Под северным сияньем
Нам привелось сегодня ночевать.
Но никаким ветрам и расстояньям
Нас от тебя, Москва, не оторвать.
В антенну бьет полярным льдом и градом,
Твой голос нам подолгу не поймать,
И все-таки за тыщу верст мы - рядом
С тобой, Москва, Отчизна наша, мать.
...
Мы верим, что среди друзей московских
Еще пройдем по площадям твоим,
В молчании у стен кремлевских
Мы, слушая куранты, постоим.
В твоих стенах еще, сойдясь с друзьями,
Победный тост поднимем за столом,
И павших, тех, что нет уж между нами,
Мы благодарным словом помянем...

Да, Симонов очень переживал, что в дни Московской битвы он далеко от нее. Я уже объяснял, почему мы задерживали его на Севере. Ему трудно было примириться с этим. Однако он хорошо понимал, насколько необходимо это для газеты. В его дневниках есть такая запись:

"Мне было почти непереносимо думать о том, что происходит там, под Москвой, и к этому еще - что греха таить - примешивались и личные чувства. В Москве оставались и мать, и отец, и все другие близкие мне люди. Но, с другой стороны, газетное чутье по-прежнему подсказывало мне, что именно сейчас

газете необходимы корреспонденции отсюда, со стабильного фронта, где не отступают, где все в порядке, и что это, по закону контраста, в такие дни особенно хорошо прозвучит в газете".

Очень обрадовались мы стихотворению Симонова. Начиная с середины октября наша газета оскудела стихами. То ли потому, что поэты, разлетевшись по стране и фронтам, потеряли связь с нами, то ли из-за того, что нас закружила заваруха и в эти тревожные дни мы сами забыли про стихотворцев. Словом, исчезли стихи.

Так продолжалось почти до декабря, пока к нам не пришло новое мощное поэтическое пополнение - Николай Тихонов и Алексей Сурков...

* * *

В газете от 28 октября много внимания и немало места уделено событиям на юге страны.

"Врагу удалось прорваться в глубь Донбасса. После взятия города Сталине фашистские войска направили свой удар через Макеевку на Горловку, стремясь распространиться на весь Донецкий бассейн. Одновременно идут ожесточенные бои за Крым и на таганрогском направлении".

Так начиналась передовая "Отстоим Советский Юг". Были в ней строки, объясняющие значение боев на Южном фронте:

"Советский Юг стал сейчас одним из важнейших участков фронта. Немцы хотят захватить Донбасс, чтобы получить наш уголь и металл. Они рвутся к нашей нефти. Они стремятся овладеть Крымом, чтобы превратить его в свою черноморскую базу... Вот почему защитниками Юга должно быть сделано все, чтобы отстоять Крымский полуостров, не пустить врага на Дон и нанести ему сокрушающий удар в Донбассе".

Опубликована также большая статья "Что происходит на подступах к Крыму". Ее автор корпусной комиссар Николаев, член Военного совета 51-й армии, тот самый, с которым Симонов ходил в атаку на Арабатской стрелке. В статье дается обстоятельный обзор первого этапа битвы за Крым в сентябре октябре сорок первого года.

Замечу кстати, что обзорные статьи крупных военачальников печатаются в газете все чаще и чаще. Вот и в следующем номере "Красной звезды" появится такого же рода статья командующего 30-й армией генерала В. Хоменко "Борьба за Калинин".

Отклики, стекавшиеся в редакцию со всех фронтов и со всех концов страны, свидетельствовали, что читатели проявляют к ним повышенный интерес. Обзорные статьи помогали осмыслить текущие события, увидеть их в укрупненном плане, в развитии и перспективе. Не могу, однако, утверждать, будто все наши обзоры

были удачны. В одних случаях для достижения полной удачи нам недоставало каких-то материалов, в других - автор не справлялся с темой, в третьих - надо было считаться с необходимостью сохранить военную тайну. Словом, хлопот и забот тут всегда было немало, а результаты получались разные.

29 октября

Обстановка на фронте трудная. Идут ожесточенные бои на можайском, малоярославецком, волоколамском направлениях... Готовим очередной номер газеты. Звонит секретарь ЦК партии А. С. Щербаков. Просит подготовить для зарубежной печати очерк о командующем одной из армий Западного фронта. О ком? Я не задумываясь называю Рокоссовского. Александр Сергеевич соглашается.

Константин Константинович Рокоссовский пользовался большой популярностью. Его армия, можно сказать, - на острие Московской битвы. Под его началом, как уже отмечалось выше, воевали здесь такие талантливые командиры соединений, как Доватор, Панфилов, Белобородов, Катуков.

Конечно, я далек от того, чтобы утверждать, будто эти яркие личности сгруппировались вокруг Рокоссовского только по его или их желанию. Но думаю, что какую-то роль сыграли все же и притягательная сила полководческого дарования Константина Константиновича, его личное обаяние.

Высокий, стройный, с мягким взглядом серых глаз, он был и весьма деликатным человеком. Помню, задержался я однажды на его КП. При мне входили и выходили разные люди. Генерал никого из них не встретил сидя садился лишь тогда, когда усаживал вошедшего. Ни на кого не повысил голоса. Нетерпимый к расхлябанности, а тем более к нерадивости, искоренял эти пороки не окриками, не "разносами", а внушениями, иногда очень строгими, но неоскорбительными для провинившегося или допустившего какую-то ошибку.

...Кого же, однако, послать к Рокоссовскому с заданием, полученным от Щербакова? В редакции осталось лишь несколько сотрудников. Хорошо, что "подскочил" из Тулы Павел Трояновский. Не дав ему оглядеться, мы опять усадили его в машину и отправили в 16-ю армию. Заодно поручили собрать материал для передовой статьи "Ни шагу назад!".

- А еще лучше будет, - сказал я, - если статью на эту тему напишет Рокоссовский. Он же наш испытанный автор!..

Трояновский не застал Рокоссовского на его КП. Командарм

находился в дивизии Панфилова. Вернулся лишь вечером, очень усталый, но все же принял нашего корреспондента. Выслушал и сказал:

- Очерки надо писать не о командующих, а о рядовых бойцах. И статью от меня не ждите. Я приказываю бойцам: "Ни шагу назад!" А в газете призывать их к этому должны другие - скажем, их же товарищи, отличившиеся в боях. А поговорить - поговорим.

По просьбе корреспондента, очень кратко, с обычной для него скромностью Рокоссовский рассказал о своем жизненном пути, о гражданской войне, о воинской службе в мирное время. Коснувшись текущих событий, заявил:

- Теперь я вот тут, где вы меня видите. Время для Отечества тяжелое, но, думаю, не безвыходное. Враг, правда, еще силен, а все-таки уже не тот, каким начал против нас войну 22 июня. Допускаю, что немцы еще могут добиться частичных успехов. Но только частичных, а не решающих... - И после короткой паузы добавил: - Надо воевать с перспективой. Вы что думаете, мы все время будем сидеть под Москвой? Нет, мы будем и в Берлине!

- Конечно! - горячо откликнулся журналист. - А не смогли бы вы, товарищ командующий, написать мне на память эти слова на карте?

Трояновский вынул из полевой сумки карту Подмосковья. Генерал взглянул на нее и позвал адъютанта.

- Попросите в оперативном отделе карту Европы. И когда та была принесена, написал на ее уголке: "Специальному корреспонденту "Красной звезды" политруку Трояновскому П. И. Воюя под Москвой, надо думать о Берлине. Обязательно будем в Берлине! К. Рокоссовский. Подмосковье, 29 октября 1941 года".

Вот так, коротко и ясно!

А ведь как раз в те дни гитлеровцы захватили Волоколамск, их нажим на этом направлении усиливался.

Под утро Трояновский вернулся в редакцию. Зашел ко мне, подробно пересказал свою беседу с Рокоссовским. Затем достал карту с надписью генерала. Долго мы разглядывали горящими глазами этот необыкновенный, прямо скажу - вещий, документ. Я посоветовал Павлу Ивановичу:

- Берегите эту карту. Пригодится.

Трояновский возил ее по многочисленным фронтам. Сберег. И в свой срок на ней появилась еще одна надпись:

"Удостоверяю, что мы в Берлине. Генерал-полковник М. Малинин, бывший начальник штаба 16-й армии, которой командовал Рокоссовский. 26 апреля 1945 года. Берлин".

Невольно из глубин памяти всплывает и другая, если не аналогичная, то, по крайней мере, в чем-то схожая история.

Воевал на Западном фронте командир стрелкового полка подполковник Бабаджанян Амазасп Хачатурович, будущий главный маршал бронетанковых войск. На второй или третий день после падения Смоленска страшно исхудавший, болезненно покашливающий подполковник сидел вместе с полковыми разведчиками в укрытии на опушке леса и видел, как хлынули в образовавшийся здесь прорыв немецкие танки. Какой-то краснощекий вражеский офицер-щеголь, желавший, видимо, избежать пыли, поднятой танковыми гусеницами и тысячами солдатских сапог, свернул с дороги. Наши разведчики подстрелили его, и через несколько минут в руках Бабаджаняна были документы убитого. В том числе записная книжка в новеньком кожаном переплете.

На первой ее странице четкими круглыми буквами были написаны немецкие фразы и тут же их русский перевод: "Вы есть пленный?", "Руки вверх!", "Как называется терефня?", "Сколько ферст до Москвы?" и т. п.

Бабаджанян, охваченный ненавистью, вынул из кармана гимнастерки огрызок красного карандаша и написал поперек этой страницы: "Не увидите вы Москву! Придет день, и мы спросим: сколько верст осталось до Берлина?"

В руки корреспондента "Красной звезды" писателя Василия Гроссмана эта записная книжка попала в те дни, когда Бабаджанян - уже командир танкового корпуса - был на подступах к немецкой столице и наши бойцы действительно спрашивали: "Сколько верст осталось до Берлина?" По дорогам наступления то и дело появлялись таблички с надписями: "До Берлина - 100 километров", "До Берлина - 50 километров" и т. д. Оставалось все меньше и меньше. И Берлин был покорен!

30 октября

В этом номере газеты выделяется статья нашего спецкора И. Васильченко "Как был оставлен Харьков". Она, конечно, не столь эмоциональна, как, скажем, выступление Ильи Эренбурга после ухода наших войск из Киева, зато изобилует важными подробностями. Битва за Харьков длилась почти полтора месяца. Гитлеровские генералы рассчитывали овладеть Харьковом с ходу, в сентябре. Но с тех пор им не раз пришлось менять намеченный срок. Расчеты их были опрокинуты упорством, героизмом, тактическим искусством советских бойцов и командиров.

В статье подробно освещен каждый этап оборонительных боев за Харьков. Особенно мощный контрудар был нанесен врагу

корпусом генерала П. А Белова под Штеповкой. Кстати отмечу, что генерал Белов был у нас на примете с первых же дней войны. С ним встретился Денисов еще в июне на Пруте, а затем под Харьковом. У него побывал Марк Вистинецкий под Москвой в дни битвы за столицу и напечатал очерк "В корпусе Белова". Был у него под Калугой Алексей Толстой, когда собирал материалы для своих "Рассказов Ивана Сударева". Заезжали к нему и наши фоторепортеры, и не раз снимки прославленного генерала и воинов корпуса, а затем и его армии появлялись на страницах "Красной звезды". И сегодня мы были рады отметить его доблесть в тяжелых боях за Харьков.

Именно в результате стойкости и активной обороны наших воинов противник, несмотря на свое численное превосходство в технике и живой силе, смог продвигаться на харьковском направлении на 1-2 километра в сутки. А тем временем шла эвакуация города. Полностью были эвакуированы тракторный и турбогенераторный заводы, завод "Серп и молот"... И об этом рассказал автор статьи.

Словом, не повторилась здесь ни вяземская, ни киевская трагедии: наши армии, оборонявшие Харьков до последней возможности, избежали окружения. И хотя тяжки были потери, они не подорвали у войск веры в свои силы.

Несколько необычно представлены в этом номере писатели. Перед нами убедительное свидетельство, что никто из писателей, работавших тогда в "Красной звезде", не чурался повседневной газетной работы.

30 октября в газете опубликован небольшой, строк на пятьдесят, репортаж Симонова с Северного фронта о морском десанте. Славин прислал почти такого же размера заметку о семейной переписке немецких солдат и офицеров: письма, изъятые у них после гибели, убеждают, что не только на фронте, но и в глубоком немецком тылу утрачены надежды на захват Ленинграда. Александр Корнейчук в краткой заметке с Юго-Западного фронта сообщает о кровавой провокации фашистских воздушных пиратов. Намалевав на плоскостях своих самолетов красные звезды, они расстреляли с бреющего полета мирных жителей села Красная Слобода и нескольких других населенных пунктов, а затем разбрасывали листовки, в которых утверждалось, будто это злодеяние совершено советскими летчиками...

Да, такого рода репортаж - будничная работа журналиста. Но и писатели порой присылали краткие сообщения, информацию, хотя редакция старалась не загружать их текущей информацией. Справедливо сказал уже после войны Николай Тихонов о стиле работы "Красной звезды": там понимали, "что писатель в газете не

только корреспондент, но и рассказчик...". И если писатели обращались к этому жанру журналистики, то потому, что считали для себя невозможным обойти те или иные события или факты, попавшие в их поле зрения. В этом также проявлялась их забота о своей "Звездочке"...

Ноябрь

2 ноября

Ушел очень трудный для нас октябрь. Немецкие войска за этот месяц продвинулись на 230-250 километров. К концу октября фронт вытянулся здесь по линии: Волоколамск - Дорохово - Наро-Фоминск - Тула - Алексин. Красная Армия понесла большие потери в людях и технике. Однако героизм, стойкость, активные действия наших войск сорвали гитлеровский план захвата Москвы в середине октября. Силы фашистских войск истощились, его ударные группировки были обескровлены, растянуты и потеряли наступательную мощь. Враг был остановлен.

Иные пошли сообщения Совинформбюро. Исчезла в них зловещая формулировка: "особенно ожесточенные бои". Ее сменила более спокойная просто "бои с противником". В репортаже наших корреспондентов с Западного фронта сказано несколько больше, чем в сводке:

"Вчера противник значительно снизил свою активность на всем фронте. Упорное сопротивление частей Красной Армии на подступах к Москве и тяжелые условия, создавшиеся в связи с наступившей осенней непогодой, измотали германо-фашистские войска".

Однако в Ставке я узнал, что враг подбрасывает на московское направление свежие дивизии и крупные резервы боевой техники, создает здесь новые ударные группировки, готовится к новому наступлению. Какие силы он подтянул? Сколько? Где именно последуют новые удары врага? Все это мы узнаем позже. А пока ясно для нас одно: угроза Москве не снята. Об этом и надо было сказать нашему читателю. В общей форме об этом говорилось на страницах газеты в репортаже с Западного фронта. Теперь необходимо объяснить задачи, вставшие перед защитниками столицы. Лучше всех это смог бы сделать, считал я, командующий Западным фронтом генерал Г. К. Жуков. Я решил съездить к нему в Перхушково.

Выехал спозаранку, сразу же как только подписал к печати очередной номер газеты, не дождавшись даже сигнального экземпляра. Еду по Можайскому шоссе и в пути вспоминаю наивные опасения, терзавшие меня в первые дни войны: как бы должность ответственного редактора "Красной звезды" не помешала бывать в войсках, видеть войну своими глазами, без чего невозможно хорошо делать военную газету. Мог ли я

предположить, что для поездки в штаб фронта мне потребуется меньше часа, а в дивизии первого эшелона - часа полтора? По иронии судьбы "Красная звезда" оказалась гораздо ближе к фронту, чем фронтовая газета "Красноармейская правда". Редакция и типография фронтовой газеты располагались в нескольких десятках километров восточнее Москвы, на железнодорожной станции Обираловка. Той самой, где кинулась под колеса поезда Анна Каренина...

Остались позади московские заставы, Кунцево. У села Перхушково, при повороте с Можайского шоссе на Власиху - бывшую помещичью усадьбу, где, собственно, и размещался штаб фронта, пришлось объехать несколько глубоких воронок от авиабомб. Их еще не успели засыпать - значит, с момента бомбежки прошло не так уж много времени. Но неказистые кирпичные и деревянные домики, занятые штабом фронта, хорошо замаскированы в лесу, фашистские бомбардировщики не обнаружили их.

Я заблаговременно поручил Хирену собрать материал для интервью с Жуковым. Он, как всегда, выполнил задание на совесть - накопил десятки интереснейших фактов и поджидал меня у начальника политуправления фронта дивизионного комиссара Д. А. Лестева. Вместе мы пошли в старинный барский дом, где работал Жуков. Георгия Константиновича застали в просторной комнате с высоким потолком. Он, видимо, только что оторвался от дел и собирался отдохнуть - сняв китель, прохаживался по комнате. Вслед за нами ввалилась могучая фигура Владимира Ставского, специального корреспондента "Правды".

Жуков встретил нас - всех троих - доброй улыбкой. Пригласил:

- Рассаживайтесь, халхингольцы!..

Многие из тех, кто пишет о Жукове, почему-то очень напирают на крутость жуковского характера. А ведь его отличали и иные примечательные черты, прежде всего - доброе расположение к людям, прошедшим вместе с ним через горнило войны. Не ошибусь, пожалуй, если скажу, что особую симпатию он питал к побратимам по Халхин-Голу, где ему впервые довелось самостоятельно руководить большой боевой операцией.

На этот раз тоже, конечно, не обошлось без воспоминаний о тех далеких уже днях, но вскоре мы приступили к делу. Хирен раскрыл блокнот и стал читать свои записи, которые, мы полагали, должны послужить фактической основой для статьи командующего фронтом или интервью с ним. Жуков внимательно слушал, продолжая шагать по комнате. Ставский иногда

прерывал Хирена нетерпеливыми репликами. Наконец Хирен выложил все, чем располагал, и умолк. Теперь мы стали слушать Жукова. Он очень обстоятельно говорил о положении на фронте, ближайших перспективах, значении боев за Москву. Хирен сумел записать его высказывания почти стенографически. Я знал эту способность Хирена и с уверенностью обратился к Жукову:

- Георгий Константинович, все, что вы сказали, записано слово в слово. Может быть, все-таки превратим эти записи в статью или интервью?

- Нет, - решительно возразил он. - Придумайте что-нибудь другое... Что за этим стояло, я уже рассказывал. Для меня было ясно, что уговаривать его бесполезно. Мы попрощались с Георгием Константиновичем и вернулись в Москву.

На мой редакторский взгляд, поездка к Жукову дала нам готовые тезисы для очень нужной и важной передовой статьи. По возвращении в редакцию мы сразу же засели за нее. Вызвал еще и Вистинецкого. Хирен читал свои записи беседы с Жуковым, Вистинецкий выстраивал абзацы, а я редактировал их. Когда передовая была готова, сам собой напросился заголовок - "Значение боев за Москву".

Перечитывая ее теперь, спустя сорок с лишним лет, я невольно задерживаюсь на том, что выделено в тексте жирным шрифтом, это слова Жукова:

"Мы вступили в самую серьезную фазу боев за Москву..."

"Отстояв Москву, мы опрокинем все расчеты фашистского злодея, еще больше ухудшим моральное состояние Германии..."

"Отстояв Москву и перемолов на ее подступах новые фашистские дивизии, мы этим самым обескровим германскую армию, истощим, измотаем ее..."

"Отстояв Москву, мы покажем путь к успеху нашим войскам, сражающимся на других фронтах Отечественной войны..."

"Отстояв Москву, мы отстоим честь нашей Родины, гордость и святыню нашего народа..."

"Ни шагу назад! - таков приказ Родины защитникам Москвы..."

После появления в "Красной звезде" эта статья в тот же день была передана по радио, ее перепечатали многие другие газеты, как военные, так и невоенные. Она вызвала широкие отклики по всей стране и за рубежом.

Запомнил ее и сам Жуков.

4 ноября

О мере откровенности, с какой мы освещаем Московскую битву, легко можно судить по репортажам с Калининского фронта. Скажем, в прошлом номере сообщалось: "На левом крыле фронта в районе самого Калинина в течение двух дней явственно обозначилось стремление неприятеля продвинуться на юго-запад к Волоколамску. Сегодня на Волоколамском шоссе снова наблюдалось большое движение автомашин, танков, артиллерии".

А теперь вот, в новом репортаже с характерным в этом отношении названием "Сорвать перегруппировку вражеских войск" приводятся и вовсе конкретные данные: "На участке обороны Масленникова ясно обозначилось стремление противника повторить неудавшийся ему в самом начале наступления маневр прорыва вдоль шоссе. На фронте отмечено появление новых немецких дивизий. По неуточненным данным в их составе - 91, 3, 41, 31, 39 пехотные полки, переброшенные сюда из-под Ленинграда..." Иногда мы задумывались: а правильно ли поступает редакция, обнародуя такие данные? Разумеется, противник и без нас знал, куда направляются его автомашины, танки, артиллерия, и не секрет для него, что с Ленинградского фронта часть сил переброшена на Калининский. Но надо ли раскрывать перед ним нашу осведомленность о его действиях и намерениях? В другое время, в иной обстановке от этого, вероятно, надо было бы воздержаться. Однако чрезвычайность тогдашнего положения подсказывала нам, что такой откровенностью перед нашими читателями мы больше выиграем, чем проиграем. Ясно представляя себе картину битвы за Москву, ощущая пульс этой битвы, защитники столицы проявляли еще большую самоотверженность.

Не менее обстоятельны материалы с Западного фронта. Они идут непрерывно. Теперь нашим корреспондентам не нужен был телеграф, а порой даже и телефон. Если прежде - скажем, месяц или даже две недели назад - все их материалы сопровождались ремаркой "По телеграфу от нашего спецкора" или "По телефону...", то теперь писали просто: "От нашего спецкора". Почти ежедневно они сами появляются в редакции, успевают за день побывать в войсках, примчаться в Москву, сдать свою корреспонденцию в очередной номер газеты и снова вернуться на фронт. Заходя ко мне, все они свидетельствуют, что противник наращивает силы, и все спрашивают:

- Писать об этом?

У меня один ответ:

- Обязательно пишите...

Хирен рассказал о встрече с жителем Наро-Фоминска, пробравшимся к нам через линию фронта. Он сообщил спецкору,

что в десятиметровой полосе, прилегающей к городу, гитлеровцы не оставили никого из местного населения всех выгнали. Туда прибывают танки, артиллерия, пехота. И снова тот же вопрос: "Писать?"

- Обязательно. Надо быть готовыми к новым испытаниям...

Вот и Илья Эренбург очередную свою статью назвал именно так "Испытание".

"Ветер гасит слабый огонь. Ветер разжигает большой костер. Испытание не задавит русского сопротивления..."

Заканчивалась статья призывом:

"Друзья, мы должны выстоять! Мы должны отбиться. Когда малодушный скажет: "Лишь бы жить", ответь ему: "У нас нет выбора... Если немцы победят, они нас обратят в рабство, а потом убьют. Убьют голодом, каторжной работой, унижением. Чтобы выжить, нам нужно победить. Если честный патриот хочет спасти родину, он должен победить. Другого выхода нет.

Россию много раз терзали чужеземные захватчики. Никто никогда Россию не завоевывал. Не быть Гитлеру, этому тирольскому шпику, хозяином России! Мертвые встанут. Леса возмутятся. Реки проглотят врага. Мужайтесь, друзья! Идет месяц испытаний, ноябрь. Идет за ним вслед грозная зима. Утром мы скажем: еще одна ночь выиграна. Вечером мы скажем: еще один день отбит у врага. Мы должны спасти Россию, и мы ее спасем".

* * *

Временное затишье перед новой бурей советское командование тоже использовало для накапливания сил и совершенствования оборонительных рубежей на подступах к Москве. В Горьком, Саратове, других городах завершалось формирование резервных армий. Об этом, конечно, в печати не сообщалось. Лишь в статье Эренбурга "Испытание" проскользнула одна строка: "В тылу готовится мощная армия".

Главным образом для этих новых армий мы стали публиковать одну за другой статьи о боевом опыте. 4 ноября напечатана статья Коломейцева "Бой танков", в ней много поучительного, в том числе из боевой практики бригады Катукова.

Рано похолодало, зима, как говорится, на носу, и к ней тоже надо готовиться. Пришел в редакцию один из работников Военно-инженерного управления Наркомата обороны, военинженер 1-го ранга И. Салащенко. Принес статью о строительстве зимних землянок с приложенным к ней чертежом. И прямо-таки взмолился:

- Напечатайте, пожалуйста, и как можно быстрее. Управление пошлет в войска директиву с этим же вот чертежом. Но вы же

знаете, как долог путь такого рода документа до исполнителя. Сколько времени уйдет на одно лишь копирование чертежа!

Конечно, эта статья имела весьма отдаленное отношение к газетной публицистике. Но военинженеру не пришлось долго уговаривать нас. Статья его опубликована под заголовком "Немедленно начать на фронте строительство землянок". Дан и чертеж таких землянок.

Вслед за тем с Ленинградского фронта поступила аналогичная статья генерал-майора Н. Соколова. Ее мы тоже напечатали под тем же заголовком: "Немедленно начать строить землянки. Ленинградский опыт".

Потом я узнал, что статью Салащенко по указанию военных советов перепечатали многие фронтовые и армейские газеты...

* * *

За четыре с лишним месяца войны в газете прошло немало материалов о комиссарах. Но, пожалуй, самым впечатляющим на эту тему был очерк Бориса Галина о комиссаре стрелковой дивизии Алексее Кузине. Писатель побывал в этой дивизии неоднократно, присмотрелся к Кузину, увидел его в деле, много хорошего услышал о нем. Понравился ему этот высокий, широкоплечий человек в потертом кожаном пальто. От него прямо-таки веяло какой-то неодолимой силой. Был он несуетлив, немногословен, но, где бы ни появлялся, чего бы ни касался, любое дело исполнялось как бы само собой. Проглядывало в нем что-то от фурмановского комиссара из "Чапаева".

Вот что пишет о нем Галин:

"Когда однажды ночью у высоты 144, простреливаемой немцами вкруговую и прозванной высотой "Пуп", часть бойцов дрогнула и даже побежала, комиссар стал на дороге в узкой лощинке, задерживая бегущих. Остановившись, бойцы растерянно молчали... Не время было митинговать. И комиссар отнюдь не митинговал! Он вплотную подошел к ближайшему бойцу...

- Середа, - с усмешкой сказал комиссар, - куда же ты, брат, бежишь? Ведь немец вон где. - Он взял Середу за плечи и повернул в ту сторону, где вспыхивали ракеты и со свистом рвались мины. - Вон куда надо идти в атаку, и там, брат, бить немца..."

Этого оказалось достаточно для восстановления порядка.

У Бориса Галина наметанный глаз. Работая до войны в редакции "Правды", он тесно общался с партийными работниками тяжелой индустрии, много писал о них. Думается, что именно поэтому Галин лучше многих других наших корреспондентов справился с "комиссарской темой" - верными, запоминающимися штрихами набросал портрет представителя партии в армии.

В тот же день мы получили очерк Федора Панферова с неожиданным названием "Рябая курочка".

Писатель продолжает работать над материалами, собранными в октябре на Западном фронте. Побывал он тогда в одной отбитой у противника деревне. Впрочем, деревни-то уже не было, были черные головешки да уродливые остовы печей. Местные жители ютились в подвалах и наспех отрытых щелях. Пожилой крестьянин Иван Степанович Емельянов рассказывал о бесчинствах гитлеровцев:

- Пришли в село, а ушли - села-то и нет. Сожгли все начисто. А чего же? Не жалко - не ихнее ведь. Жги. Чего жалеть - добро чужое.

Подошла женщина. Назвалась Машей Баландиной и добавила:

- И-и-и, чего тут немцы творили! Сначала стали отбирать коров, потом свиней, потом за хлеб взялись. А потом уже такое пошло, чего и ждать-то нельзя было. Полы во всех домах выдрали.

- Это зачем же?

- На блиндажи. А ведь кругом - лес. Так нет же, за полы взялись... Курятину любили, ух как! Как курицу увидят, так цоп ее в котелок, водки достанут и лопают!

- Одна курица на все село уцелела, - подхватил Иван Степанович. Ну-ка, сынок, - обратился он к появившемуся рядом с ним мальчонке, - дай-ка ее сюда.

Мальчик нырнул в щель, подал оттуда рябую курочку. Далее Панферов продолжает:

"На шее у курочки голубенькая ленточка, такие же, только розовые, ленточки на ногах... Курочка пошла по рукам. Ее гладили, ее называли самыми ласковыми именами: Хохлаточка, Куруша, Курынька.

Иван Степанович улыбаясь рассказывал:

- Вот ведь какая, спаслась. Чуть свет - в поле, а ночью - в щель и сидит там. Соображает: дескать, в руки немцу не попадайся, сожрет. И спаслась. Глядите, какая умница... На развод нам осталась..."

В очерке Панферова щемящая сердце концовка: "Долго-долго мы видели это погорелое село, обугленные березы, полураздетых людей и рябую курочку..."

6 ноября

В мирное время в газетах за 7 ноября преобладали обычно так называемые официальные материалы. Поэтому все остальное

- неофициальное, но тоже праздничное: стихи, очерки, публицистические статьи - редакторы стремились опубликовать накануне. Но на сей раз трудно было предугадать, какие именно официальные материалы поступят в завтрашний номер. Велик ли будет их объем? Не окажемся ли мы в затруднительном положении, если опубликуем шестого числа все самое яркое из того, чем располагает редакция?

И все же традиции мы не нарушили. 6 ноября "Красная звезда" вышла с праздничными материалами.

Передовая - "Кровь, пролитая недаром". В ней твердо и веско прозвучало: "Как бы суровы ни были переживаемые нами дни, мы встречаем свой светлый праздник с поднятой головой, уверенно и гордо..."

Очерк Славина "В рабочем батальоне". Это - о москвичах-добровольцах. Как раз накануне праздника мы вызвали Льва Исаевича из Ленинграда. Увидел я его - и ужаснулся: как он исхудал! Щеки ввалились. Синева под глазами...

Славин ни на что не жаловался, ни о чем не просил. Но я в тот же день подписал приказ о предоставлении ему двадцатидневного отпуска. Это был, пожалуй, единственный такой случай. В тот неимоверно тяжелый военный год никому в нашей редакции передышки не давалось. Для Славина сделал исключение.

Впрочем, очень скоро мне пришлось нарушить собственный приказ: попросил Льва Исаевича съездить к московским ополченцам и написать о них очерк в номер.

И вот очерк у меня:

"Он зауряден, этот батальон. Он не выдается особенно. Он типичен для большинства рабочих батальонов, во множестве организовавшихся сейчас в столице.

Люди батальона знают, на что идут. Я разговаривал со многими из них. Им понятны слова: "победить или умереть". Но произнести такие слова обыкновенному человеку трудно. И инженер Скобелев, и кровельщик Юдин, и метростроевка Нина Медведева, и повар Могин выражаются проще, но смысл их слов остается таким же сильным и возвышенным:

- Сделаем все, что нужно.

- Отступать не собираемся.

Здесь все добровольцы. Это то, что объединяет людей батальона. В остальном они разные. Разные по возрасту, по профессии, по уровню развития. Объединяет их одно сильное чувство, которое Лев Толстой называл: "Скрытая теплота патриотизма". Да, их спаивает одно желание, вырастающее до размеров страсти: отстоять родную Москву от ненавистного

врага".

Напечатали мы также и очерк Павла Трояновского из Тулы о рабочих батальонах. Он рассказал удивительную историю.

"...В одном из батальонов тульских рабочих дерется с врагами Иван Никифорович Прохоров, токарь оружейного завода. Иван Никифорович - рослый, широкоплечий человек. У него чисто выбритое, добродушное лицо и прозрачные синие глаза. Говорит он густым басом.

- Вы пришли посмотреть мою винтовку? Вот она, пожалуйста. Знаменитая винтовка у Ивана Никифоровича. Сделана его дедом в 1899 году. Дед в японскую войну воевал с ней. На ложе - 76 чуть заметных его зарубок, по числу убитых врагов. В 1914 году с ней на войну пошел Никифор Прохоров. Провоевал он только шесть месяцев, сделал 51 зарубку и был убит. Товарищи сохранили винтовку, привезли в Тулу. В 1918 году ее взял молодой, тогда еще 16-летний, Иван Прохоров. Три года Иван крушил белогвардейцев и сделал столько зарубок, что на ложе места не хватило.

- Да, сейчас надо бы прибавить еще семь заметок, - говорит за Прохорова сосед, - он уже семь фашистов подстрелил".

Недавно я спросил Трояновского:

- Павел Иванович! Ты помнишь свой очерк "В Туле"?

- Нет, - ответил он.

- А винтовку с зарубками помнишь?

- Винтовку помню.

- Сам видел ее или тебе о ней рассказали?

- Сам видел и знаю, что теперь она хранится в музее...

* * *

Как нельзя более кстати пришелся в предпраздничный номер первый из серии очерков Сергея Лоскутова "У партизан". Вовремя подоспел и новый очерк Симонова "По дороге на Петсамо" - о боевом рейде роты пограничников по тылам врага. Вот его начало:

"Каким образом они появились в тылу, немцы так и не узнали. С моря? Но в эту и в предыдущую ночь на Баренцевом море бушевал девятибалльный шторм. С воздуха? Но уже третьи сутки небо было закрыто сплошной снежной пеленой. По суше, через немецкие позиции? Но там всюду... патрули, и вот уже третью ночь не было слышно ни одного выстрела.

Словом, немцы не знали и не знают до сих пор, как появилась в их тылу рота пограничников, наделавших в эту ночь такой шум от побережья и до Петсамской дороги. А раз этого до сих пор не знают немцы, не будем лучше говорить о том, как и где прошли пограничники. На то они и пограничники, чтобы везде пройти".

И концовка очерка выдержана в том же духе:

"Сзади остались взорванный мост, 3 разрушенных казармы, 19 землянок, около десятка уничтоженных машин, 200 трупов солдат и офицеров Гитлера.

Комиссар Прохоров и командир Лихушин пересчитали своих бойцов. Через полчаса на скале никого не было. Пограничники исчезли так же внезапно, как и появились, одним только им известным путем".

Лишь через тридцать с лишним лет писатель в своей книге "Разные дни войны" рассказал, какими тропами хаживали тогда пограничники в тыл врага.

А в те часы, когда ротационная машина выдавала первые тысячи экземпляров "Красной звезды" с очерком Симонова "По дороге на Петсамо", то есть в ночь на 7 ноября 1941 года, он сам отправился с отрядом морских разведчиков в рейд на Пикшуев мыс, в тыл врага. Хотел дать еще один очерк, в номер от 8 ноября, заранее определив для него название - "В праздничную ночь".

Вернувшись в Мурманск рано утром, Константин Михайлович продиктовал свой очерк машинистке и снес на телеграф. Все, казалось, было сделано своевременно, но связь подвела. К нам этот материал поступил с опозданием на целых две недели - 22 ноября.

И все-таки мы его напечатали. Не могли не напечатать, понимая, чего он стоил автору - какого риска, каких трудов! Только заголовок дали другой "В разведке". И сопроводили примечанием: "Задержано доставкой".

Позже Симонов говорил мне, что очень огорчился бы, если бы очерк остался неопубликованным. А в своих дневниках даже... похвалил меня за "редакторский такт по отношению к своему корреспонденту".

* * *

Но вернусь к недосказанному о наших редакционных заботах накануне 24-й годовщины Октября.

Самым большим событием была, конечно, весть о традиционном торжественном заседании Моссовета совместно с партийными и общественными организациями Москвы. О том, что оно состоится, я узнал еще 5 ноября, а пригласительный билет получил лишь в полдень 6 ноября. Считал не часы, а минуты, оставшиеся до начала. На станцию метро "Маяковская", где должно было состояться это заседание, отправился пораньше.

У входа усиленная охрана. Тщательнейшая проверка пропусков. Эскалатор бесшумно несется вниз. После погруженных в тьму столичных улиц в глаза бьет нестерпимо яркий свет.

Много лет прошло с того памятного вечера, но и теперь,

когда я оказываюсь на этой красивейшей из станций московского метрополитена, меня охватывает волнение. Вспоминаются мельчайшие детали, лица людей, которых давно уже нет в живых. Отчетливо звучат их голоса...

Мое место в четвертом ряду, по соседству Александр Карпов - секретарь нашей редакции. Тут же правдисты Петр Поспелов и Владимир Ставский, редактор "Известий" Лев Ровинский, директор ТАСС Яков Хавинсон. Словом, газетчики "заполонили" первые ряды.

Сидим мы кто в креслах, принесенных сюда из ближайших театров, кто на довольно обшарпанных стульях из кинозалов. Почти все - в гимнастерках. Отличить военных от невоенных можно только по петлицам - у невоенных они "чистые": нет ни кубиков, ни шпал, ни генеральских звезд.

Сидим как прикованные к своим местам, и никто никуда не уходит. Да и ходить-то некуда: нет ни фойе, ни холлов. Есть, правда, буфет, приткнувшийся здесь же. В буфете - бутерброды и, к удивлению всех, особенно фронтовиков, - мандарины.

Тихо переговариваемся. Гадаем, откуда могут появиться руководители партии и правительства? Что скажет Сталин о главном - ходе и перспективах войны? Многие сидят молча, погруженные в свои думы.

Прибывает поезд метрополитена. Все поворачивают головы в его сторону. Движение обычных поездов по этим рельсам - в противоположном направлении: значит, прибыли члены Политбюро и московские руководители.

Они располагаются за столом, накрытым красной скатертью. Сталин в кителе с отложным воротником, без знаков различия и орденов. Выглядит он несколько постаревшим, не таким, каким мы привыкли его видеть до этого. Выражение лица, однако, спокойное, взгляд сосредоточенный. Поднявшись на трибуну, заговорил ровным, глуховатым голосом. Изредка, правда, возникают паузы, будто он не читает подготовленный заранее текст, а импровизирует, подбирает тут же нужные слова.

Слушая его, я время от времени делаю торопливые заметки в блокноте. У меня свои редакторские заботы: вот на эту тему надо дать передовую, по этим вопросам - заказать авторские статьи...

Стиль доклада строг, эмоции как бы пригашены. Лишь однажды в зале прошелестел смех. Это когда Сталин сказал, что, мол, Некоторые господа сравнивают Гитлера с Наполеоном, уверяют, что он похож на Наполеона, а в действительности-то Гитлер походит на Наполеона не больше, чем котенок на льва. Я сразу подумал: отличная тема для Бориса Ефимова. Забегая вперед, скажу, что в праздничный номер нам удалось втиснуть на

четвертую полосу карикатуру, выполненную Борисом Ефимовым. На ней - контурный портрет Наполеона, скосившего взгляд назад, а там - Гитлер, изображенный котом с облезлым хвостом, в треуголке со свастикой. Надпись под карикатурой: "Поразительное "сходство".

...Звучат последние слова доклада: "Наше дело правое - победа будет за нами!" Сейчас председатель Моссовета В. П. Пронин объявил, что заседание закрыто.

Да, он объявил об этом, но тотчас же добавил, что будет концерт. Чего угодно можно было ожидать, только не этого. До концертов ли нам!

Однако все остались на своих местах. Первый ряд заняли те, кто был в президиуме заседания, в том числе - Сталин. На импровизированной эстраде появились, сменяя друг друга, народные артисты Михайлов и Козловский, изрядно поредевший Ансамбль песни и пляски Красной Армии под управлением А. В. Александрова, ансамбль МВД, которым дирижировал Зиновий Дунаевский. Всем им бурно аплодировали и вызывали на "бис".

А тем временем, оказывается, пытались прорваться к Москве 250 вражеских бомбардировщиков. Однако ни один из них не прорвался. Потеряв 34 самолета, гитлеровская воздушная армада повернула назад...

* * *

Как в этот вечер, так и в последующие дни у каждого из редакторов центральных газет дел было невпроворот, а у меня вдобавок к этому еще и непредвиденные осложнения.

Когда Сталин коснулся в своем докладе людоедской политики и практики нацистских палачей, я уловил нечто очень мне знакомое. И тут же вспомнил одну из недавних наших публикаций: "Документы о кровожадности фашистских мерзавцев, обнаруженные в боях под Ленинградом у убитых немецких солдат и офицеров". Эти документы прислал в редакцию наш спецкор из 4-й армии, воевавшей на Волхове, Михаил Цунц. Их было пять. Публиковались они с рубриками: "Документ первый", "Документ второй"... Самым чудовищным был "Документ первый" - "Памятка германского солдата". Обнаружили эту "Памятку" в полевой сумке убитого лейтенанта Густава Цигеля из Франкфурта-на-Майне. Вот какие содержались в ней поучения, адресованные солдатам вермахта:

"У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание - убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик, убивай, этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее твоей семьи и прославишься

навеки".

Этот документ был воспроизведен в докладе Сталина дословно. После чего Верховный главнокомандующий сказал:

"Немецкие захватчики хотят иметь истребительную войну с народами СССР. Что же, если немцы хотят иметь истребительную войну, они ее получат".

Не буду скрывать, что всех работников "Красной звезды" обрадовало, что материалы, добытые нашим корреспондентом, включены в столь важный документ партии. Но день или два спустя вдруг звонит мне А. С. Щербаков и строго спрашивает:

- Откуда вы взяли документ Цигеля?

Я ответил.

- Документ у вас?

- Нет. Мы получили его текст по бодо. Есть только телеграфная лента. Оригинал должен быть у корреспондента.

"Должен быть..." Эта формулировка не удовлетворяла секретаря ЦК. Он объяснил, что аккредитованные в Советском Союзе иностранные корреспонденты поставили под сомнение подлинность документа, приведенного в докладе Сталина. Надо, сказал Александр Сергеевич, во что бы то ни стало немедленно доставить "Памятку" в Москву.

Мы сразу же стали разыскивать Цунца. С 4-й армией связаться не удалось. Послали запрос в Ленинград, нет ли Цунца в войсках Ленинградского фронта. Там его не оказалось. А мне по два-три раза в день звонит заместитель начальника Совинформбюро С. А. Лозовский, которого одолевали иностранные корреспонденты: им было обещано показать подлинник документа.

Цунца мы наконец разыскали, но, увы, документа у него не оказалось; он передал "Памятку" в 7-е отделение политотдела армии, а там в суматохе отступления ее потеряли. Где же выход?

Цунц понимал, что "Памятка", попавшая в его руки, не могла быть единственной, ее наверняка распространяли если не во всех, то во многих частях противника, сосредоточенных на Волхове. Были спешно просмотрены груды трофейных документов в полках, дивизиях и разведотделе армии. И нашли, да не одну, а несколько таких "Памяток". Цунц тут же вылетел с ними в Москву, и они были предъявлены иностранным журналистам.

7 ноября

Этот номер газеты делать было нетрудно. Первая, вторая и третья полосы заняты докладом Председателя Государственного

Комитета Обороны И. В. Сталина, отчетом о торжественном заседании и другими официальными материалами. Вот только четвертая полоса сделана сотрудниками "Красной звезды", и ее с полным правом можно назвать литературной. Здесь - статья Алексея Толстого "Родина", статья Ильи Эренбурга "Любовь и ненависть", стихи Константина Симонова "Суровая годовщина".

Накануне Октябрьского праздника я обратился к Толстому с письмом: "Работаем небольшим коллективом, трудностей много, но не унываем. Готовим октябрьский номер. Прошу написать для этого номера статью на тему: "За что мы воюем".

"Родина" - ответ на нашу просьбу. Величавый, былинно-эпический слог этой статьи волновал душу, звал на смертный бой с врагами:

"Земля отчич и дедич немало проглотила полчищ наезжавших на нее насильников. На западе возникали империи и гибли, из великих становились малыми, из богатых - нищими. Наша Родина ширилась и крепла, и ничто не могло пошатнуть ее. Так же без следа поглотит она и эти немецкие орды. Так было, так будет. Ничего - мы сдюжим!.."

Исключительный резонанс вызвала эта статья и в армии, и во всей стране. Просторечивое выражение Толстого "Мы сдюжим!" стало девизом жизни и борьбы миллионов советских людей. Эти слова я многократно встречал потом в виде заголовков во фронтовых и армейских газетах, читал на листах фанеры, выставленных вдоль дорог; они звучали как клятва - в бою, на собраниях, на митингах защитников столицы, а затем и под Сталинградом, и на Курской дуге - везде, где шла упорная борьба с врагом. Илья Эренбург выступил со статьей на международную тему. "В этот день весь мир смотрит на Москву. О Москве говорят в Нарвике и в Мельбурне. Провода мира повторяют одно имя: Москва. Москва теперь не только город. Москва стала надеждой мира".

Дальше воздавалось должное всем, кто сражается с фашизмом: "английским летчикам и морякам", "неукротимому народу Франции", "народу-воину сербам", "мученикам Праги", "храбрым грекам", "неустрашимым норвежцам", "сестре Польше"... Прославлялся вклад каждого народа в общее дело борьбы с гитлеровцами.

А концовка статьи такая:

"Час расплаты придет. И теперь, в самые трудные часы русской истории, в день омраченного праздника, мы еще раз присягаем на верность свободе, на верность Родине, на верность России. Смерть врагам! - говорит Москва. Слава союзникам, слава друзьям, слава свободным народам! За себя сражается Москва, за

себя, за Россию и за вас, далекие братья, за человечество, за весь мир".

Уникальна напечатанная в этом же номере фотография: "Эскадрилья истребителей под командованием старшего лейтенанта Чулкова патрулирует над Москвой. Слева - Кремль. Снимок специальных корреспондентов "Красной звезды" Г. Белянина и А. Боровского. Снято 6 ноября 1941 года с самолета, пилотируемого старшим лейтенантом Скорняковым".

Подпись под снимком все объясняет. Не объясняет только одного сколько мытарств пришлось преодолеть нам, прежде чем напечатали его. Было высказано сомнение: "Очень наглядное фото, стоит ли давать вражеской авиации такие точные ориентиры?" Позвонил я командующему противовоздушной обороной страны генералу М. С. Громадину, послал ему снимок. Посмотрел он, порылся в своей документации, посоветовался кое с кем из ближайших своих помощников и сказал твердо, что секретов снимок не раскрывает. Можно печатать. А для убедительности добавил:

- Мы больше надеемся на свои истребители и зенитки, чем на такие "секреты".

Читателей же наших в тот праздничный день панорама Москвы с Кремлем и Красной площадью волновала не меньше, чем очерки и статьи.

Константин Симонов прислал из далекого Заполярья стихи, посвященные Красной площади. Поэт вспоминал о праздничных шествиях перед Мавзолеем Ленина:

...Одетые по-праздничному люди,
Мы под оркестры шли за рядом ряд,
Над головой гремел салют орудий,
Теперь орудья, смерть неся, гремят.
...
Есть те, кто в этот день в сраженье
Во славу милой Родины падет,
В их взоре как последнее виденье
Сегодня площадь Красная пройдет...

Красная площадь... Праздничные шествия по ней... Парад войск...

Можно было гадать - и мы действительно гадали - состоится ли торжественное заседание, посвященное 24-й годовщине Октября? А о военном параде даже гаданий не было. Всем казалось - это исключено. Для парада прежде всего нужны войска, а их в Москве мало - они на фронте. Нужна артиллерия, а ее тоже

нет. Несколько дней назад ко мне заглянул мой добрый знакомый по Халхин-Голу - командующий артиллерией Красной Армии генерал Воронов. Предложил объехать вместе с ним огневые позиции артиллерии большой мощности на внутреннем обводе Москвы и ее западных окраинах. Могучие, большой мощности пушки и гаубицы, выбеленные мелом, стоят настороже. Подготовлены все данные для стрельбы, орудийные расчеты готовы немедленно открыть огонь по врагу, если он приблизится к городу на пушечный выстрел. Само собой разумеется, что эти орудия не могли покинуть своих позиций. Враг же - в десятках километров от Москвы. Участились воздушные тревоги: фашистская авиация все чаще предпринимает попытки прорваться к столице...

В такой обстановке, казалось, не до парадов...

А все же парад состоялся.

В ночь на 7 ноября позвонили из ГлавПУРА: "Красной звезде" выделены три пригласительных билета и один служебный пропуск. Не сказали, что на парад. Сказали: "На Красную площадь". Один из пригласительных билетов - на мое имя. Спросили: "Кому выписать остальные?" Я попросил: билеты выдать Марку Вистинецкому и Александру Бейленсону, а пропуск - фотокорреспонденту Александру Боровскому.

И билеты и пропуск были доставлены нам рано утром, когда мы только-только подписали в печать полосы праздничного номера "Красной звезды". Начало парада - в 8 утра. Из предосторожности - на два часа раньше обычного. Спать уже некогда, да и не спалось нам, даже не сиделось на месте. Отправились на Красную площадь пешком.

В пути о многом думалось. Совсем ведь недавно в редакцию поступали материалы о готовящемся параде на Красной площади немецко-фашистских войск. Такие данные содержались в трофейных документах, показаниях пленных гитлеровцев, радиоперехватах берлинской пропаганды. Сам Гитлер прокричал на весь мир, что 7 ноября он проведет парад своих "доблестных" и "непобедимых" войск на Красной площади. Некоторые генералы и офицеры вермахта поспешили вытребовать из Берлина и иных городов Германии свое парадное обмундирование. Другие в своих письмах домой с радостью сообщали, что скоро у них будут теплые московские квартиры, что после взятия Москвы им обещан отпуск. В одном из разгромленных штабов противника было найдено такое "Воззвание": "Солдаты! Перед вами Москва! За два года войны все столицы континента склонились перед вами, вы прошагали по улицам лучших городов. Вам осталась Москва. Заставьте ее склониться, покажите ей силу вашего

оружия, пройдитесь по ее площадям. Москва - это конец войны. Москва - это отдых. Вперед!"

А обернулось все иначе. Советский народ и его армия "сдюжили". И вот сами мы торопимся на Красную площадь, размышляя по пути, как-то пройдет там парад наших войск! В довоенное время все было известно заранее - наши корреспонденты присутствовали на генеральной репетиции и записывали весь сценарий парада. На этот раз генеральной репетиции не было. О параде не знали до последнего часа даже войска, которым предстояло участвовать в нем.

Был у нашей редакции.большой друг - член Военного совета Московской зоны обороны дивизионный комиссар Константин Федорович Телегин. Мне довелось вместе с ним воевать на севере зимой 1939-1940 годов. Моя дружба с Телегиным шла на пользу газете, он всегда держал нас в курсе жизни войск столичного гарнизона и всего Московского военного округа. Вот и теперь рассказал мне кое-что о подготовке к параду. Командирам частей, отобранных для парада, сказали, что москвичам очень хочется посмотреть, каковы защитники столицы. Нужно, мол, хорошенько подготовиться к такому смотру, чтобы не ударить лицом в грязь. Показать себя в строю, на марше. Смотр состоится в районе Крымского моста...

Только после торжественного заседания на станции метро "Маяковская", ближе к полночи, перед командирами частей раскрыли секрет. Лишь перед ними! А войскам было объявлено о параде уже на подходе к Красной площади.

Сколько же сил и уверенности прибавит этот парад всему советскому народу!.. А как откликнутся на него за рубежом наши друзья и наши враги? Ведь нашлись же "пророки" даже среди союзников, которые предрекали скорую гибель нашей столице, а заодно и всем нам!..

Обо всем этом мы тоже размышляли в то праздничное утро по пути на Красную площадь.

По улице Горького гуляла поземка. Все кругом белым-бело. Дома, тротуары, штабеля мешков, набитых песком, которыми забаррикадированы витрины магазинов. В небе - смутные силуэты аэростатов заграждения; они остались с ночи, в это утро их не опускали.

Прохожих немного. Среди них в этот ранний час преобладают, конечно, счастливцы с пропусками на Красную площадь. На фасадах зданий нет былых праздничных украшений, лишь флаги напоминают, какой нынче день.

Строга и величава Красная площадь. Башни и зубцы кремлевской стены припорошены снежной пылью. Колокольня

Ивана Великого и купола соборов - в утренней дымке. Памятник Минину и Пожарскому укрыт мешками с песком. Фасад ГУМа расцвечен кумачовыми полотнищами. В центре - портреты Ленина и Сталина.

Еще вчера вечером ничего этого здесь не было, площадь принарядилась за ночь. Как это происходило, видел Евгений Воробьев - сотрудник газеты Западного фронта "Красноармейская правда" и постоянный корреспондент "Красной звезды". Он единственный из журналистов провел всю ночь в здании ГУМа и потом рассказывал мне:

- До половины десятого вечера площадь выглядела совсем буднично, была пустынна. Но под пробитой осколками зенитных снарядов, стеклянной крышей промороженного ГУМа хлопотали декораторы и художники. А в Ветошном переулке дежурили пожарные машины. Лишь поздно ночью они выехали из этого переулка и приставили свои высоченные лестницы к фасадам зданий, обступающих Красную площадь. По пожарным лестницам на Исторический музей и крышу ГУМа забрались саперы, чтобы помочь декораторам. Только электрикам нечего было делать площадь оставалась во тьме. К пяти-шести часам утра на нее потянулись первые колонны войск...

Когда мы прошли на Красную площадь, войска уже выстроились для парада. Недвижны квадраты и прямоугольники рот и батальонов. Как всегда, для военного начальства отведена площадка справа и немного впереди от Мавзолея. В тот раз на ней было малолюдно. Все в полевой форме, никакой парадности.

Кремлевские куранты отбивают восемь часов. Из Спасских ворот выезжает на коне маршал С. М. Буденный. Встречает его и рапортует командующий парадом генерал-лейтенант П. А. Артемьев. Все по традиции.

Отклонение от привычного порядка происходит лишь после того, как маршал, совершив объезд войск, подымается на трибуну Мавзолея. В отличие от прошлых лет с речью выступает не тот, кто принимал парад, а Верховный главнокомандующий. Но дальше опять все идет своим чередом.

По выбеленной снегом брусчатке шагает пехота с винтовками на плечах. Бойцы очень стараются, однако равнение не такое идеальное, как в былые времена. Это понятно: тогда на подготовку к параду отводились недели, а на сей раз считанные дни и даже часы. Несколько батальонов отведено с наименее угрожаемых участков фронта и переброшено в Москву грузовиками только минувшей ночью. Мы обрадовались, увидев у них автоматы и бронебойные ружья. Правда, такого оружия в полках еще немного, но с каждым днем становилось все больше.

Слышится цокот копыт, молниями сверкают обнаженные клинки - по Красной площади проходит конница. Пересекли площадь словно примчавшиеся из чапаевского фильма лихие пулеметные тачанки. После этого очень медленным кажется прохождение мотопехоты на грузовиках - ее совсем немного. За нею следуют батальоны московского ополчения; обмундированы они по-разному большинство все-таки в гражданской одежде.

На площади становится шумнее - показалась артиллерия - гаубицы, противотанковые пушки, зенитки. За ними с громыханием катятся какие-то далеко не современные системы. Я подтолкнул локтем знакомого генерала-артиллериста:

- Это - что же?..

Генерал объяснил: да, пушки не последнего выпуска. Те - на огневых позициях...

Загромыхали танки. Сперва легкие. За ними "тридцатьчетверки" и КВ. Танков не менее двухсот. Откуда они? Другой генерал - из автобронетанкового Управления - разъясняет: на фронт следовали через Москву две танковые бригады, их выгрузили на окружной дороге и завернули на Красную площадь.

А на взлетных полосах московских и подмосковных аэродромов дожидались команды 300 самолетов, готовых подняться в воздух и появиться над Красной площадью. Но снег шел все сильнее, туман становился гуще, и воздушный парад был отменен. Это никого не опечалило. Скверная, нелетная погода была в то утро очень кстати.

По окончании парада для большинства участников путь лежал не в казармы, не на отдых, а на фронт, совсем близкий к Москве. В отличие от мирных лет пехота маршировала с подсумками, полными боевых патронов, с малыми саперными лопатами, противогазами, вещевыми мешками за плечами. Танковые экипажи - с полным боекомплектом. Танки не спускались, как всегда, на Кремлевскую и Москворецкую набережные, а, спрямляя маршрут, повернули у Лобного места на Ильинку и через площадь Дзержинского направились к фронту тремя потоками - по Можайскому, Волоколамскому и Ленинградскому шоссе.

Неизгладимое впечатление произвели и этот парад и речь на нем Верховного главнокомандующего. Ободряла проведенная в этой речи параллель между первой и двадцать четвертой годовщиной Октября: 23 года назад страна находилась в еще более тяжелом положении, но выстояла. Выдержит советский народ и новое испытание.

Запомнились слова: "Пусть вдохновляет нас в этой войне мужественный образ наших великих предков - Александра

Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!" Уже на обратном пути - с Красной площади в редакцию - прикинул, кто из писателей и историков сможет быстро откликнуться на этот призыв. В первую очередь следовало обратиться к Толстому, Сергееву-Ценскому, Петру Павленко.

И конечно же радовал оптимистический прогноз Верховного: "Еще несколько месяцев, еще полгода, может быть, годик, - и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений".

Но как это произойдет? Суждений и рассуждений на сей счет хватало.

Может быть, у Верховного главнокомандующего есть какой-то секрет, который знает только он один?!

Сразу после праздника пошли у нас передовые и статьи с такими заголовками: "Победа будет за нами", "Смерть немецким оккупантам!", "Свести к нулю превосходство немецких танков" и т. п. Так мы последовательно комментировали одно за другим положения, выдвинутые Сталиным в докладе на торжественном заседании Моссовета, и речь на параде. А что касается тех "нескольких месяцев", "полгода" и "годика", мы это... обошли, не развивали эту тему.

И, честно говоря, не потому, что нас терзали сомнения, а просто не знали, как объяснить...

12 ноября

Месяц с небольшим назад наши корреспонденты Габрилович и Коломейцев впервые побывали в танковой бригаде полковника М. Е. Катукова и рассказали читателям "Красной звезды", как самоотверженно действовали ее люди, обороняя подступы к Туле. За те бои еще 10 октября 30 танкистов были награждены орденами и медалями Советского Союза.

Теперь эта бригада так же напористо воюет на противоположном - правом крыле Западного фронта в составе 16-й армии, взаимодействуя с дивизией И. В. Панфилова и кавалерийским корпусом Л. М. Доватора. Мы решили посвятить ей целую полосу. В бригаду опять выехал Коломейцев. Вместе с ним туда же были командированы Бейленсон, Милецкий, Хирен, а также два фотокорреспондента.

Прибыли они в бригаду как раз накануне горячего дела. Командующий 16-й армией К. К. Рокоссовский, в состав которой теперь входила бригада, поставил перед Катуковым задачу:

отбросить немцев из района Скирманова и Козлова, откуда противник угрожал перерезать шоссе Волоколамск - Москва. Танкисты энергично готовились к операции. Сам Катуков только-только вернулся с передовой, забот у него было по горло. Как будто танкистам было не до корреспондентов. Но, узнав, что "Красная звезда" решила посвятить бригаде целую полосу, не пожалели для них времени.

И вот полоса передо мной. Открывает ее очерк Милецкого и Хирена. Тепло написали они о самом Катукове, о его ближайших помощниках, о героизме танковых экипажей.

В бригаде ведется строгий учет уничтоженных каждым экипажем немецких танков и другой боевой техники противника. Корреспонденты составили что-то вроде таблицы, и ее мы напечатали в центре полосы под заголовком "Героические экипажи". Длинный список, большой счет. Открывает этот список экипаж лейтенанта Лавриненко: им истреблено 7 вражеских танков, более 10 мотоциклов, 2 противотанковых орудия со снарядами, до батальона пехоты, захвачена штабная машина с документами и ценным имуществом.

Начальник штаба бригады полковник П. Рябов рассказал в своей статье о боях на реке Оптухе, длившихся непрерывно 12 часов. Только в этих боях бригадой уничтожено 43 вражеских танка.

Выступил со статьей и сам Катуков. Поделился опытом ведения непрерывной разведки и взаимодействия танков с пехотой, рассказал о новых приемах использования огневой мощи танковых подразделений и особенно подробно - о танковых засадах.

На первую полосу мы заверстали его портрет. Там он с четырьмя полковничьими шпалами, хотя накануне - 11 ноября - в "Красной звезде" было уже опубликовано постановление Совнаркома о присвоении ему звания генерал-майора танковых войск. Он еще не успел сменить шпалы на генеральские звезды.

В газете много и других фотографий из бригады Катукова. Со второй полосы улыбается молодой красивый танкист в шлемофоне. Это старший сержант И. Любушкин. 10 октября ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Первый Герой в бригаде.

На третьей полосе фото лейтенанта Д. Лавриненко и его экипажа. Корреспонденты рассказали мне любопытную историю. Когда бригада своим ходом перебрасывалась с левого крыла фронта на правое, танк Лавриненко из-за каких-то неисправностей задержался в пути. К новому месту сосредоточения бригады ему пришлось следовать в одиночку. В

Серпухове лейтенант решил побриться. Только уселся в кресло, прибегает гонец от военного коменданта города: танкистам срочно явиться в комендатуру. Там Лавриненко сказали:

- По шоссе из Малоярославца движется колонна немцев численностью до батальона. Наших войск в городе нет, но они вот-вот должны подойти. До их подхода надо задержать противника. Помогите...

Неприятельская колонна следовала в таком порядке: впереди мотоциклисты, за ними штабной автомобиль, противотанковая пушка и пехота на грузовиках. Танк Лавриненко обрушился на нее из засады. Первым делом расправился с противотанковой пушкой, а затем врезался в колонну и начал крушить ее огнем и гусеницами. А довершили все наши стрелковые подразделения, подоспевшие на помощь танкистам.

Когда пришло время возвращаться в бригаду, Лавриненко забеспокоился:

- Как я оправдаюсь перед Катуковым? Попадет мне за эту задержку.

- Оправдаешься. Еще и благодарность получишь, - успокоил его комендант и выдал на руки такой документ:

"Полковнику Катукову. Командир машины тов. Лавриненко Дмитрий Федорович был мною задержан. Ему была поставлена задача остановить зарвавшегося противника и помочь восстановить положение на фронте в районе гор. Серпухова. Он эту задачу не только с честью выполнил, но и героически проявил себя. За образцовое выполнение боевой задачи Военный совет армии всему личному составу экипажа объявляет благодарность и представляет к правительственной награде.

Комендант города Серпухова комбриг Фирсов".

Катуков действительно собирался устроить "разнос" Лавриненко, но, прочитав письмо Фирсова, "отошел" и даже в свою очередь объявил экипажу благодарность приказом по бригаде.

* * *

Номер газеты был уже сверстан, когда мы получили приказ наркома обороны о преобразовании 4-й танковой бригады в 1-ю гвардейскую.

Позже нам довелось получать и публиковать подобные приказы довольно часто. Многие полки, дивизии, корпуса и даже целые армии, особо отличившиеся в боях, становились гвардейскими. Но те приказы были очень краткими. Этот выглядел иначе. Он единственный в своем роде, и с ним стоит познакомиться.

"ВСЕМ ФРОНТАМ, АРМИЯМ, ТАНКОВЫМ ДИВИЗИЯМ И

БРИГАДАМ

ПРИКАЗ

Народного комиссара обороны Союза ССР

11 ноября 1941 г.

No 337

О переименовании 4-й танковой бригады в 1-ю гвардейскую танковую бригаду

4-я танковая бригада отважными и умелыми боевыми действиями с 4.10 по 11.10, несмотря на значительное численное превосходство противника, нанесла ему тяжелые потери и выполнила поставленные перед бригадой задачи прикрытия сосредоточения наших войск.

Две фашистские танковые дивизии и одна мотодивизия были остановлены и понесли огромные потери от славных бойцов и командиров 4-й танковой бригады.

В результате ожесточенных боев бригады с 3-й и 4-й танковыми дивизиями и мотодивизией противника фашисты потеряли: 133 танка, 49 орудий, 8 самолетов, 15 тягачей с боеприпасами, до полка пехоты, 6 минометов и другие средства вооружения. Потери 4-й танковой бригады исчисляются единицами.

Отличные действия бригады и ее успех объясняется тем, что бригадой:

1. Велась непрерывная боевая разведка.

2. Осуществлялось полное взаимодействие танков с мотопехотой и артиллерией.

3. Правильно были применены и использованы танки, сочетая засады с действиями ударной группы.

4. Личный состав действовал храбро и слаженно.

Боевые действия 4-й танковой бригады должны служить примером для всех частей Красной Армии в освободительной войне с фашистскими захватчиками.

Приказываю:

1. За отважные и умелые действия 4-ю танковую бригаду впредь именовать: "1-я гвардейская танковая бригада".

2. Командиру 1-й танковой бригады генерал-майору танковых войск т. Катукову представить к правительственной награде наиболее отличившихся бойцов и командиров.

3. Начальнику ГАБТУ и начальнику ГАУ пополнить 1-ю гвардейскую танковую бригаду материальной частью боевых машин и вооружения до полного штата.

Народный комиссар обороны Союза ССР

И. Сталин

Начальник Генерального штаба Красной Армии маршал

Советского Союза

Б. Шапошников".

Нам этот приказ добавил хлопот: надо было заново переделывать уже готовый номер газеты. Однако нас это не огорчило. Наоборот, мы радовались, потому что вместе с приказом наркома наши материалы по бригаде Катукова зазвучали куда сильнее!

Само собою пришло решение: дать в этом же номере и передовую, посвященную танкистам-гвардейцам. Писать ее поручили Коломейцеву. Он несколько смутился и даже, как мне показалось, посмотрел на меня с укором. Дело в том, что Коломейцев писал не очень быстро. Он любил поразмыслить над темой, обмозговать каждую фразу, каждое слово.

Обычно мы давали ему на передовицу день-два, а то и больше. Но вот сейчас он должен был справиться за каких-нибудь час-полтора. И ведь справился!

А пока писалась передовая, мы успели внести еще кое-какие дополнения и изменения в готовые материалы. На второй полосе дали "шапку": "1-я гвардейская танковая бригада - пример для всех частей Красной Армии в освободительной войне с фашистскими захватчиками". Сменили заголовок в очерке Милецкого и Хирена; он получил новое название - "Гвардейцы". Добавили несколько строк в корреспонденции о танковом экипаже, в котором служили два брата Матросовых: Михаил - механиком-водителем, Александр башенным стрелком. В корреспонденции сообщалось, что еще в дни боев под Орлом оба брата вступили в партию. За доблесть, проявленную в тех же боях, Александр был награжден орденом Красного Знамени, Михаил - орденом Красной Звезды. Спецкоры записали такой эпизод:

"Отец провожал их на фронт. Он видел, как его сыновья получали боевую машину. Он напомнил им:

- В гражданскую войну я был в Красной гвардии. Не посрамите отца".

Нет, не посрамили Александр и Михаил имя старого гвардейца. Это мы и отметили, добавив к тем строкам три слова: "Они стали гвардейцами".

В общем, "Красная звезда", можно сказать, оперативно откликнулась на приказ наркома от 11 ноября, широко отметила появление в наших Вооруженных Силах первого гвардейского танкового соединения. Однако должен предупредить моих читателей: неправомерно было бы считать 11 ноября днем рождения советской гвардии. Она родилась раньше.

Но речь об этом впереди.

* * *

Рано утром, захватив с собой пачку свежего номера газеты, Коломейцев снова выехал к Катукову.

На другой день в газете появилась его статья "Новые успехи гвардейской танковой бригады". Вместе с другими частями 16-й армии она выполнила боевой приказ - отбила у врага Скирманово и Козлово, сильно укрепленные пункты врага.

* * *

Кроме других сообщений с полей битвы в газете напечатана статья командующего 9-й армией Ф. Харитонова, той самой армии, которую немецкие генералы объявили уничтоженной, а ее штаб плененным. Содержание этой статьи четко выражено в ее заголовке - "Неудавшийся маневр генерала Клейста на Юге".

15 ноября

Под Москвой временное затишье, бои местного значения. Но враг готовит новое наступление на Москву. В передовой "Красной звезды" говорится о том вполне определенно:

"Враг подтягивает свежие силы. Новые группировки его войск на подходах к линии фронта... Фашистское командование стремится нанести удар по флангам обороны Москвы. В этом, очевидно, смысл натиска врага на Тулу и в районе Калинина. Расчет немцев, по-видимому, таков: захватив эти города и продолжая наступление по автомагистрали на Москву, одновременно начать окружение советской столицы с двух сторон".

Газета не ошиблась.

Конечно, в редакции были достаточно квалифицированные военные специалисты, способные правильно оценить обстановку на фронтах. Однако не хочу преувеличивать наши заслуги, приписывать газете лишнее. Ближайшие намерения противника, направление его главных ударов прогнозировались не в "Красной звезде". Мы лишь более или менее верно отражали эти прогнозы, потому что сумели установить надежные контакты с Генеральным штабом, с командующими фронтами. Всегда и повсеместно пользовались вниманием и поддержкой крупных военачальников и политорганов и наши корреспонденты.

* * *

На памяти у меня такой пример. 17 октября решением Ставки был создан Калининский фронт. Командующим назначили И. С. Конева. На второй же день редакция командировала туда двух постоянных корреспондентов. Напутствуя спецкоров, я сказал, чтобы по прибытии к месту назначения они сразу же

представились командующему.

Они потом признались в своих сомнениях на этот счет: не верилось, что Конев, у которого дел на новом фронте было невпроворот, так сразу и примет корреспондентов. Однако тот принял. И именно сразу. И сразу же безотлагательно решил почти все организационные вопросы, связанные с их деятельностью.

С очевидной пользой для дела командующий фронтом предложил одному из спецкоров поселиться рядом с работниками оперативного отдела, а другому обосноваться в политуправлении. Разумеется, при этом не исключались, а, наоборот, предполагались постоянные выезды в боевые части. Конев сам придерживался правила: лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать. И корреспондентов ориентировал на это. Однако оговаривался, что при всем желании обозреть весь фронт собственными глазами - дело немыслимое, а значит, надо уметь пользоваться оперативной сводкой, политдонесением и другими источниками.

В способностях спецкоров постигнуть суть оперативной документации Иван Степанович был почему-то не очень уверен и объявил:

- Давайте на первое время установим такой порядок: по истечении каждого боевого дня один из вас - тот, кто поселится в оперативном отделе, - будет приходить ко мне для разъяснений по итоговой оперативной сводке.

Этот порядок соблюдался незыблемо на протяжении всей битвы за Москву.

По мере приближения фронта к столице я и сам имел возможность все чаще встречаться с командующими фронтами и армиями, выслушивать их соображения о складывающейся на фронтах обстановке и задачах, которые решают войска. Продолжалось это и после Московской битвы, чему не раз был свидетелем Симонов во время наших совместных поездок в действующую армию. Позже он дал объяснение моим отношениям с командующими фронтами и армиями. Приведу выдержку из его статьи в надежде, что читатель не обвинит меня в нескромности:

"С одной стороны, беседуя с военачальниками, Ортенберг был в их глазах редактором центральной военной газеты, и этим определялась и мера откровенности в разговорах с ними, и широкий объем получаемой им информации, и вообще, если можно так выразиться, масштаб разговора. С другой стороны, этот редактор "Красной звезды" по своей натуре всегда оставался корреспондентом, человеком с потребностью как можно больше увидеть самому, оказаться как можно ближе к переднему краю,

пощупать своими руками складывающуюся на фронте обстановку. Он приезжал на фронт не для того, чтобы проверить своих корреспондентов, хотя попутно делал и это, но прежде всего он ехал на фронт для того, чтобы проверить самого себя и газету, проверить точность, прицельность печатающихся в ней материалов, действенность ее передовых, соответствие ее духа духу того, что происходит на фронте.

И мне лично казалось и во время войны, кажется и сейчас, что доверительное, товарищеское отношение к газетчику, к редактору "Красной звезды" со стороны наших генералов, к которым он ездил, возникало у них потому, что они понимали: он не только стремится увидеть все своими глазами, но и способен осмыслить увиденное как редактор газеты, отвечающий за ее линию, за правильность ее работы. Видимо, наши генералы чувствовали в нем что-то близкое себе, своему собственному обыкновению проверять одно другим: планирование и руководство операциями - поездками в войска, воздухом переднего края".

Само собой разумеется, что линию газеты определял Центральный Комитет партии. Его внимание и заботу мы ощущали повседневно. Вспоминаются почти еженедельные совещания редакторов главных центральных газет в ЦК. Здесь прежде всего нас информировали о самых важных политических и военных событиях, тщательно анализировали работу газет, отмечали удачи, порой критиковали наши ошибки и просчеты. После этих совещаний мы уходили ободренными. Теперь мы четко знали, что самое главное для газеты в настоящее время.

Таким образом, "Красная звезда" ничего не выдумывала, не гадала, как говорится, на кофейной гуще. Редакция знала, что делается на фронте, и старалась вовремя и как можно точнее, как можно обстоятельнее рассказать об этом своим читателям. В одних случаях это удавалось нам лучше, в других хуже, иной раз, пожалуй, и вовсе не удавалось, но стремления-то оставались неизменными...

* * *

В номере опубликована большая, подвального размера статья командующего 5-й армией Л. А. Говорова "Опыт боев в лесах".

Генерала Говорова все знали как непререкаемый авторитет в артиллерийских делах. Вспоминаю, что еще до войны, выступая в "Красной звезде", он изложил основные принципы артиллерийского наступления - новое слово в тактическом искусстве. Он, как известно, разработал методы и способы артиллерийского разгрома линии Маннергейма в войне с белофиннами. А вот в Московской битве он раскрылся как

талантливый общевойсковой военачальник. Понятно, что его выступление в газете высоко ценилось; к его голосу внимательно прислушивались в войсках. Тем более что тема его статьи была очень важной и нужной: на дальних подступах к Москве враг втянулся в лес, в его тактике произошли изменения.

* * *

Появились на страницах газеты разнообразные материалы и о том, каково приходится в зимних условиях гитлеровцам. В корреспонденции с Западного фронта сообщается:

"Вчера взята в плен группа неприятельских солдат. Все они одеты в летние шинели. Свитера из заменителя шерсти плохо греют. У солдат нет варежек, нет теплых шапок. У некоторых отморожены уши..."

В другой корреспонденции с того же фронта приводится такой факт:

"Прибыла танковая дивизия из Африки. Танки до сих пор окрашены в желтый цвет пустыни... Произошла полная неувязка. Солдат этой дивизии специально тренировали для боевых действий в сильную жару, а попали в московскую зиму..."

Опубликовано два любопытных снимка. С такой подписью: "Приходит настоящая русская зима с морозами, ветрами и вьюгой. Наши люди привыкли к ней сызмальства, как их-отцы и деды. Скинув гимнастерку, боец умывается в лесу, и улыбка бодрости не сходит с его лица. Посмотрите на другой снимок. Только что захваченные в плен гитлеровские молодчики нацепили на себя шарфы и кацавейки. Они ежатся на морозе. Зима берет за горло фашистов".

Словом, появился в газете комический образ гитлеровца, закутанного в одеяло, женский платок, в соломенных ботах, названных нашими солдатами "эрзац-валенками", с сосульками, свисающими с сизого носа. Это и был образ "зимнего фрица".

За него ухватился Борис Ефимов. Рождение одной из таких многочисленных карикатур описано им самим:

"Накануне поздно вечером меня разбудили и позвали к редактору...

- Вот что, товарищ Ефимов, - сказал редактор, стоявший у конторки с сырыми газетными оттисками... Он не любил обращаться по имени и отчеству ни к другим, ни к себе. - Надо сделать карикатуру к этому сообщению. Смешная штука: немцы распределяют по одной-две теплой вещи на подразделение, и солдаты носят их по очереди.

- Не поздновато ли, товарищ редактор? - спросил я.

- Успеете, - ответил он и отвернулся к своим оттискам.

Пожав плечами, направился в свой маленький кабинет-

спальню, который делил с фотокорреспондентом Боровским, по дороге мысленно набрасывая рисунок. Сюжет его был настолько ясен, что я уже видел перед глазами готовую карикатуру. "Носят теплые вещи по очереди..." Значит - очередь... Есть такое выражение: "в порядке живой очереди". Значит, так: один в шубе, остальные стоят к нему в очередь... При этом они, конечно, мерзнут, как собаки, ели живы от холода... Стоп! Вот и подпись под карикатуру - "В порядке полуживой очереди"... Есть!.."

Карикатура поспела в номер. Как весело ни рассказал о своей карикатуре Борис Ефимов, конечно, полное впечатление можно получить, лишь увидев ее. Этот столб, к которому цепями прикованы и шуба, и шапка, и муфта, напяленные на очередного "счастливца", эти "фрицы", подтанцовывающие на холоде в очереди, их физиономии с сосульками под носом... Разве это опишешь словами?..

А Илья Эренбург свою заметку на ту же тему озаглавил "Им холодно". Вот строки из нее:

"Итак, мы осведомлены, какие чувства воодушевляют германских "героев" Волоколамска и Наро-Фоминска... Теперь они думают не о земле, но о крыше, о крохотных комнатках на Арбате или Ордынке, о крохотных комнатках и большущих печах...

Вокруг них подымаются первые русские метели. Они рвутся к Москве, чтобы не замерзнуть. Москва для Гитлера - это политический триумф. Москва для немецкого рядового - это теплая нора...

Не быть им в Москве, не отогреется зверье в наших домах. Пускай зимуют среди сугробов. Одна квартира для них: промерзшая земля. Им холодно? Мы их согреем шрапнелью...

Москва у них под носом. Но до чего далеко до Москвы! Между ними и Москвой - Красная Армия. Их поход за квартирами мы превратим в поход за могилами. Не дадим дров - русские сосны пойдут на немецкие кресты..."

Вспомним, эти вещие слова писались в те дни, когда обстановка под Москвой была у нас чрезвычайно тяжелая!

Зима зимой. Фельетонам и карикатурам - свое место. Однако в передовой резонно подчеркивается:

"Русские морозы и русские снега в известной мере свяжут руки неприятеля. Но было бы неправильным думать, что одна зима сама по себе задушит немцев. Она может сузить размах операций врага, но не остановит наступление. Лишь наша стойкость, самоотверженность и активность могут задержать врага".

19 ноября

Уже третий день продолжается новое наступление немецко-фашистских войск на Москву. Сообщения с полей Московской битвы, особенно с калининского и тульского направлений, занимают все больше места на страницах "Красной звезды". Именно эти два направления стали наиболее угрожающими - враг пытается именно здесь пробиться, чтобы обойти Москву, окружить ее. Продолжается нажим и со стороны Можайска. Тревогой дышат заголовки корреспонденции:

"Враг приближается к Москве".

"Немцы усиливают натиск на калининском направлении".

"Новое наступление немцев на тульском направлении".

И такие заголовки над фронтовым репортажем:

"Не дать больше врагу сделать и шаг вперед".

"Остановить врага, рвущегося к столице"...

По газетным канонам призывные заголовки вроде бы и не годятся для информационных заметок. Но мы преднамеренно нарушили их - стараемся использовать любую возможность, чтобы каждый защитник столицы сознавал опасность и напряг бы в борьбе с врагом все свои духовные и физические силы.

Да, опасность велика. И чем ближе враг к Москве, тем она возрастает все больше. Но растет вместе с тем и сопротивление наших войск. Об этом в один голос заявляют наши спецкоры. Враг буквально истекает кровью, несет неслыханные потери в боевой технике. Его танковые клинья не срабатывают, вязнут на полях Подмосковья. Не удаются противнику и глубокие прорывы...

Об особенностях, отличительных чертах ноябрьского сражения под Москвой давно сказали свое слово военные историки и очень многие мемуаристы. Я не собираюсь их дополнять. Моя задача скромнее: представить на суд нынешнего читателя тогдашние публикации "Красной звезды". Приведу несколько цитат:

"Бои на подступах к Москве отличаются не только своим огромным напряжением и ожесточенностью - они имеют еще ряд особенностей тактического и оперативного характера. Во-первых, зима и условия местности заставляют противника прижиматься к дорогам, действовать вдоль основных трактов, ведущих к Москве. Во-вторых, плотность обороны вокруг Москвы затрудняет противнику применение широкого маневра Своими подвижными частями... Плотность и упорство нашей обороны вынуждает врага действовать более методично. Немцы, правда, по-прежнему бросают в атаки десятки танков, но танки их теперь оперируют в более тесном взаимодействии с пехотой и артиллерией, нежели раньше, когда бои шли на широких просторах. Это обязывает обороняющихся теснее увязывать огонь стрелкового и

противотанкового оружия, чтобы ни танки, ни пехота вместе или в отдельности не могли просочиться в расположение нашей обороны, не могли прорвать ее..."

Это из передовой статьи "За непроницаемую оборону вокруг Москвы".

"Немцы рвутся сейчас вперед с меньшим успехом, чем во время своего июньского и октябрьского наступлений, но с большей яростью и упорством... Темпы продвижения немцев к Москве в настоящее время не идут ни в какое сравнение с темпами июля и октября. Враг продвигается сейчас медленнее, на многих рубежах наши части его задерживают, опрокидывают, некоторые населенные пункты десятки раз переходят из рук в руки..."

Это из передовицы "Отбить новый натиск врага!"

"Но как медленно ни продвигается враг - он все же продвигается. Это увеличило угрозу Москве по сравнению с октябрем. Каждый метр вперед приближает врага вплотную к нашей столице... На войне нет ничего губительнее, чем недооценка сил неприятеля. Мы имеем дело с опасным и злобным врагом. В наступление на Москву он вкладывает сейчас всю ярость израненного и истекающего кровью зверья..."

Это из той же статьи.

Я уже говорил, что нас никогда не покидала вера в несокрушимость Москвы. Но вот что удивительно: в самые критические дни Московской битвы эта вера крепла с каждым днем все больше и больше.

В ноябре я тоже часто встречался с Г. К. Жуковым, командующими армиями Западного фронта, бывал в войсках. Ежедневно беседовал то с одним, то с другим из наших спецкоров, которые хорошо знали настроения и думы фронтовиков. Ни одна из этих встреч не обходилась без откровенного обмена мнениями о ходе Московской битвы. А вот об ее исходе если иногда и возникал разговор, то все мои собеседники твердо высказывали убеждение: Москва была, и всегда будет нашей, гитлеровцы обязательно получат поворот от московских ворот, да такой, что костей своих не соберут!

В октябре, когда враг находился гораздо дальше от Москвы, сомнения кое у кого, возможно, и могли быть. Тогда, помнится, кто-то из моих знакомых сказал однажды:

- Ты вот бываешь у Жукова. Спросил бы его: удержим ли мы Москву?

Я, однако, никогда не спрашивал об этом Георгия Константиновича. Незачем было спрашивать. Сам видел и чувствовал, с какой уверенностью и мужественным спокойствием

он ведет дело, и задавать ему тот вопрос, считал я, было бы просто нелепостью и даже кощунством.

Много лет спустя, вспоминая обстановку под Москвой осенью 1941 года, Георгий Константинович писал:

"Да, то были тяжелые времена... Греха таить не буду, были моменты, когда замирало сердце в ожидании развязки ожесточенных битв, но я не помню, чтобы возникали моменты неверия в стойкости наших войск".

Атмосфера уверенности, царившая на Западном фронте, где работники "Красной звезды", как говорится, дневали и ночевали, сам воздух тех дней укрепляли стойкость духа в редакционном коллективе. Наши статьи и наши призывы к читателям шли от самого чистого сердца...

* * *

В прошлом номере "Красной звезды" опубликовано решение Ставки главнокомандования о переименовании в гвардейские восьми стрелковых и одной мотострелковой дивизий. Наконец-то!

Советская гвардия родилась два месяца назад - 18 сентября сорок первого года. В тот день, будучи в Ставке, я сам читал приказ наркома обороны за No 308 о переименовании 100-й стрелковой дивизии в 1-ю гвардейскую стрелковую дивизию, 127-й - во 2-ю гвардейскую, 153-й - в 3-ю гвардейскую и 161-й - в 4-ю гвардейскую. Вернувшись в редакцию, сразу же усадил Вистинецкого писать передовую о советской гвардии. Мы не сомневались, что к вечеру получим из ТАССа соответствующее сообщение. Пришел и прошел вечер, наступила ночь, а сообщения все нет. Позвонил директору ТАСС Я. С. Хавинсону:

- Яков Семенович! Ты получил приказ о гвардии?

- Какая гвардия?! Какой приказ?!

Пришлось сыграть в молчанку. Не имел я полномочий рассказывать ему о том, что увидел в Ставке...

Не поступило ожидавшееся нами сообщение и на второй день. Я связался с генштабистами, но они ничего не смогли мне объяснить. На третий день позвонил Б. М. Шапошникову.

- Обождите, голубчик, - ответил он. - Позвоните мне попозже, вечером...

Позвонил вечером - и услышал такой ответ:

- Решено пока ничего не публиковать о гвардии. Не время... Приказ наркома No 308 не был объявлен даже в дивизиях, ставших гвардейскими. Скажем, командир 1-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор И. Н. Руссиянов узнал о существовании такого приказа лишь в октябре и то, как говорится, окольным путем. В его распоряжение прибыл тогда дивизион "катюш". Представляясь Руссиянову, командир этого

дивизиона стал поздравлять его.

- С чем вы меня поздравляете? - удивился Руссиянов.

- А разве вы не знаете, что вашей дивизии присвоено гвардейское звание?

- Нет, не знаю...

Правда, для Руссиянова это не было неожиданностью. 15 сентября его вызывал начальник Генштаба по каким-то оперативным делам. Во время беседы командир дивизии услышал телефонный разговор Шапошникова со Сталиным как раз о преобразовании некоторых дивизий в гвардейские. И Борис Михайлович сказал ему, что, возможно, 100-я дивизия станет гвардейской. Но поскольку это было лишь "возможно", маршал попросил ни с кем и никаких разговоров на сей счет не вести.

21 сентября последовал новый приказ наркома - о переименовании 1-й Московской мотострелковой дивизии в гвардейскую. 26 сентября Сталин подписал еще один приказ - о преобразовании в гвардейские 107, 120 и 64-й стрелковых дивизий. И это мне стало известно, а официального сообщения все нет и нет.

18 ноября стала гвардейской 316-я стрелковая дивизия генерал-майора И. В. Панфилова. Лишь после этого было дано в печать объединенное сообщение сразу о девяти гвардейских соединениях. В один день с ним мы напечатали передовую "Советская гвардия". Это было нетрудно - она, уже сверстанная и вычитанная, дожидалась своего часа два месяца. Редакционные острословы говорили о ней: "Выдержана, как марочное вино".

А 19 ноября мы посвятили советской гвардии целую полосу. С двумя материалами на этой полосе выступил Петр Павленко. Его перу принадлежали очерк о 5-й гвардейской дивизии и подвальная статья "Гвардия".

С очерком Петр Андреевич справился легко. Он бывал в 5-й гвардейской дивизии, когда она называлась еще 107-й стрелковой, знал ее боевые заслуги, лучших ее людей.

А вот над статьей о гвардии пришлось попотеть. Тема гвардии советскими военными историками до войны не разрабатывалась. Тут автору надо было идти по целине, от древней Спарты и гвардии Александра Македонского, а затем тянуть нить к древнерусской гвардии Александра Невского, гвардии Петра 1, Суворова, Наполеона...

Своеобразно начал он статью.

"Говорят, - писал Павленко, - что римский полководец Сципион в бесплодных поначалу попытках разгромить карфагенянина Аннибала создал специальные отряды из наиболее опытных воинов и поручил им самые ответственные

участки в бессмертной битве под Каннами, что отсюда надо вести историю гвардии. Едва ли это так. Гвардия существует с тех пор, как человечество ведет войны..."

Прослеживается в статье и генеалогия советской гвардии; установлена прямая связь с первыми гвардейскими отрядами Октября.

И статью и очерк я вычитывал в присутствии Петра Андреевича. Вместе что-то уточняли, что-то добавляли, от чего-то отказывались. Наконец все как будто утрясли, и я молча зачеркнул фамилию автора под очерком, а вместо нее написал: "А. Невский". Павленко весело рассмеялся. Это было для него не в новинку. Аналогичная история произошла у нас однажды в "Героическом походе". Там тоже в одном номере встретились два его материала. Тоже мы вычитывали их вдвоем, тоже все утрясли. Но как быть с подписью? Не в наших традициях публиковать в одном и том же номере газеты два материала за одной и той же подписью. Мне вспомнился случай из собственной практики, когда я работал корреспондентом "Правды" на Украине. В один прекрасный день позвонил мне заместитель главного редактора Лев Ровинский и стал выпытывать:

- Дети у тебя есть?.. Сын?.. Как его зовут?

- Вадим, - ответил я. - А в чем дело?

- В завтрашнем номере "Правды" мы печатаем два твоих материала. Один из них подпишем "Вадимов". Не возражаешь?

Так у меня появился литературный псевдоним.

Эту историю я рассказал Павленко и тоже спросил, как зовут его сына. Он задумался на минутку, потом взял ручку и сам поставил под одной из своих статей: "А. Невский". Я невольно задержал взгляд на этой подписи.

- Что, не подходит? - спросил Павленко.

- Напротив. Тоже по праву отцовства...

Дело в том, что у Петра Андреевича есть киноповесть "Александр Невский", по которой Эйзенштейн поставил фильм. Так появился у писателя псевдоним. Он не раз подписывал потом свои статьи в "Героическом походе" этим псевдонимом. А ныне "А. Невский" перекочевал в "Красную звезду".

21 ноября

В одной из разгромленных фашистских частей захвачен приказ Гитлера: "Учитывая важность назревших событий, особенно зиму, плохое материальное обеспечение армии, приказываю в ближайшее время любой ценой разделаться со

столицей Москвой". Ни более ни менее! А вывод для наших войск из этого приказа фюрера один: усилить сопротивление врагу, упорно отстаивать каждую пядь подмосковной земли.

Так мы и написали.

Напечатан репортаж Трояновского о боях юго-восточнее Тулы. Враг продолжает продвигаться. Но есть в том же репортаже обнадеживающие известия: на южной окраине Тулы и северо-западнее ее противник остановлен.

Тревожное сообщение с Южного фронта. В сводках Информбюро сказано совсем кратко: идут ожесточенные бои на Ростовском участке фронта. Корреспонденты "Красной звезды" уточняют:

"Сейчас бои идут непосредственно за город... Несмотря на упорное сопротивление защитников Ростова, фашисты проникли в город... Идут уличные бои..."

В какой-то мере объяснена и причина Наших неудач: неприятель бросил в бой значительное количество подвижных средств и особенно танков. Только на днях группа Клейста пополнилась новым корпусом.

"Потеряв надежду взять Ростов с запада и пробиться к нему через Новошахтинск и Новочеркасск, фашисты изменили направление главного удара. Сейчас они выбрали более удобное по условиям местности направление. Используя эти условия, противник пустил в ход крупную танковую группу в сопровождении мотопехоты. Все это, вместе взятое, - объясняет далее спецкор, - и дало врагу возможность прорвать нашу оборону. Отсутствие естественных рубежей затрудняло нашим частям сопротивление подвижным немецким войскам".

Оставалось только сообщить, что сегодня врагу удалось захватить Ростов-на-Дону. Но этого не сделали ни Совинформбюро, ни наша газета. И только 29 ноября, когда было опубликовано сообщение об освобождении города все стало на свое место. Я хорошо помню, почему так вышло.

21 ноября наши спецкоры прислали репортаж об оставлении войсками Южного фронта Ростова-на-Дону. Пошли мы с этим материалом в Ставку. А там сказали, что печатать не надо. И вполне резонно. Как раз в эти дни 9-я и 56-я армии Харитонова и Ремизова перешли в контрнаступление и, громя группу генерала Клейста, быстро приближались к Ростову. Город вот-вот будет освобожден. К этим боям и повернуто было наше внимание. Уже 26 ноября в газете была напечатана большая корреспонденция "Контрнаступление войск Красной Армии на Юге", в которой самым подробным образом рассказывалось о ходе этой операции.

Прошло еще несколько дней - и в газетах было опубликовано

поздравление Сталина командующим фронтами и армиями, "водрузившими над Ростовом наше славное красное знамя".

Так что умолчание об оставлении нашими войсками Ростова, когда еще не угасли бои за город, было, пожалуй, вполне оправдано, и не столько со стратегически-оперативных позиций, сколько, так сказать, с моральных, психологических. Так я думал тогда, так думаю и ныне...

* * *

В газете сообщение о гибели командира 8-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора И. В. Панфилова. До сих пор о военачальниках, павших в бою, мы, как правило, сообщений не печатали - слишком велики были потери, слишком много пропавших без вести! Хотя, откровенно говоря, можно было сделать гораздо больше, чем делалось, чтобы отдать последний долг воинам, сложившим свои головы на поле брани. Сколько в дни отступления, а порой и во время наступления оставляли мы безымянных могил! Уже после войны священным стал девиз "Никто не забыт, ничто не забыто!".

Но гибель Панфилова, как потом и гибель Ватутина, Черняховского, нельзя было обойти молчанием. Всем были известны его заслуги в обороне Москвы. Это был обаятельнейший человек, одинаково любимый и уважаемый как подчиненными, так и старшими начальниками.

Военный совет фронта прислал некролог. Подписан он был Жуковым, Рокоссовским, Соколовским и другими соратниками комдива. Георгий Константинович позвонил мне - хотел убедиться, поспел ли некролог в очередной номер газеты. Опубликовали мы его незамедлительно, с большим портретом Панфилова. Кроме того, дали обширный отчет о похоронах. В отчете воспроизведены слова Панфилова к своим бойцам в свой предсмертный час: "Умрем, но танков не пропустим!.." Есть в отчете пронзающие душу строки:

"Звучит траурная музыка. В первом почетном карауле - три генерала, а рядом с ними совсем юная девушка. На ней простая солдатская шинель и сапоги. Это Валя, дочь генерал-майора Панфилова. Она собирала отца на войну и вместе с его дивизией отправилась на фронт. Санитарка, она из уст раненых часто слышала у себя на перевязочном пункте о славных делах отца. Но вот внесли красноармейца, раненного в плечо, и он с волнением в голосе сказал Вале:

- Сестричка, ты знаешь о нашем горе? Слышала, наш генерал погиб...

Сердце девушки сжалось от боли, но она нашла в себе силы продолжать перевязку.

И вот теперь дочь генерала стоит у гроба отца. На поясном ремне у нее - маленький пистолет. Это боевое оружие отца, память об отце".

Дали мы в газете и снимок почетного караула у гроба Панфилова с Валей на переднем плане.

А через два дня "Красная звезда" сообщит, что Государственный Комитет Обороны СССР удовлетворил просьбу военных советов Западного фронта и 16-й армии о присвоении 8-й гвардейской стрелковой дивизии имени И. В. Панфилова. Кажется, на протяжении всей Отечественной войны это был единственный случай, когда соединению присваивалось имя его командира, павшего в бою.

* * *

Примечательны фотоснимки Капустянского, напечатанные на первой полосе. Под ними подписи: "Английские танки прибывают в N-ю часть. На снимке: 1. Колонна танков на марше. 2. Капитан тов. Мороз отправляет танки в бой". Это не только информация, но и выражение нашей признательности союзникам.

Однако лично у меня с этими "матильдами" связаны два не очень приятных воспоминания. Одно из них можно даже назвать очень неприятным.

Напечатали мы как-то снимок с поля боя с таким пояснительным текстом: "Фашистский танк, подбитый бойцами N-й части". А на другой день мне вдруг звонят и говорят: "Какой же это фашистский танк? Это "матильда"!" За досадную нашу ошибку ухватилось ведомство господина Геббельса - подняло вой о том, что, мол, Советам не удается одолеть немецкие танки, поэтому они выдают за свои трофеи подбитые немцами "матильды". Промелькнуло что-то в этом же роде и в прессе нейтральных стран. Обиделись и англичане.

В конечном счете я получил "готовый" приказ об увольнении фотокорреспондента и откомандировании его в войска. Жаль было терять хорошего работника, но, увы, нам пришлось расстаться с ним. Он достойно прошел всю войну, жив-здоров и ныне состоит членом редколлегии одного из популярнейших советских журналов.

Зато другой мой конфуз с английскими танками начисто лишен драматизма. Он имеет скорее юмористическую окраску.

Однажды Илья Эренбург привел в редакцию английского журналиста, который буквально замучил меня вопросами о "матильдах" и "Валентайнах":

- Как они воюют? Как отзываются о них ваши танкисты? Что вообще говорят о них в войсках?..

К сожалению, я был застигнут врасплох и ни на один из его

вопросов не смог дать вразумительного ответа. Ах, как я досадовал потом, что моя встреча с английским журналистом произошла слишком рано. Летом 1942 года я побывал у Ивана Ивановича Федюнинского, который командовал в то время 5-й армией, оборонявшей подступы к столице по автомагистрали Минск - Москва. Перед моим появлением он только что проводил гостивших у него английского и американского военных атташе. По свежей памяти он воспроизвел мне свой ответ на их вопросы относительно "матильд" и "Валентайнов":

- Машины, в общем-то, хорошие. Где-нибудь в Африке, в степях и полустепных районах да еще, скажем, в колониальной войне, когда не надо прорывать прочную оборону, они незаменимы. Для этого, вероятно, и предназначались. А у нас же местность преимущественно лесисто-болотистая, пересеченная. Для нее гусеницы этих машин узковаты. И "матильдам" и "Валентайнам" туго приходится в лесу, на крутых поворотах, подъемах и спусках - гусеницы часто сваливаются. И потом, на мой взгляд, ваши машины излишне комфортабельны - в них много гуттаперчи, которая легко воспламеняется. Впрочем, этот недостаток мы устранили.

- Каким образом? - поинтересовались атташе.

- Очень просто, - объяснил Иван Иванович, - сняли гуттаперчу и отдали девушкам на гребешки...

После такой обстоятельной информации я бы, конечно, не сконфузился перед моим коллегой из Англии.

25 ноября

В эти дни все мы жили прежде всего битвой за Москву. Но тревожило положение и на других фронтах, особенно - Северо-Западном и Южном. 8 ноября враг захватил Тихвин.

Захват немцами Тихвина на первый взгляд казался не самой трагической потерей. К сожалению, нам приходилось в то время оставлять города и побольше Тихвина. Но этот относительно небольшой старинный городок приобрел тогда важное стратегическое значение. Наступая на Тихвин и Волхов, противник рассчитывал окружить Ленинград вторым блокадным кольцом, перерезать последнюю железную дорогу, по которой шли к Ладожскому озеру грузы для ленинградцев. Были у немецкого командования и другие далеко идущие планы: завладеть Тихвином и, соединившись с финнами у Свири, отрезать от центральной России Северный фронт и Мурманск.

Сразу же после захвата Тихвина Гитлер, выступая по радио,

заявил: "Теперь Ленинград сам поднимет руки. Никто не освободится, никто не сумеет прорваться через созданные линии. Ленинграду придется умереть голодной смертью". Два дня подряд берлинское радиовещание каждые полчаса передавало сообщение о взятии Тихвина. Перед каждой передачей исполнялись бравурные марши.

Советское Верховное командование незамедлительно приняло контрмеры. Ставка потребовала от генерала армии К. А. Мерецкова только-только назначенного командующим 4-й армией, действовавшей в районе Тихвина, во что бы то ни стало отбросить немцев от города.

Наступление 4-й армии началось 19 ноября. На второй день - 20 ноября в "Красной звезде" появился интересный репортаж Михаила Цунца - "Большое сражение в районе Тихвина". Затем последовало его же сообщение с обнадеживающим заголовком: "Успешное преследование фашистских частей". А третья корреспонденция Цунца, напечатанная 25 ноября, свидетельствует уже о боях наших войск в самом городе. Она называется "Уличные бои в Тихвине".

Отмечу, однако, что материал о боях за Тихвин подавался в газете скупо. Генштабисты просили нас не "раздувать" эту операцию: противник не должен знать ни ее целей, ни масштабов. В сводках Совинформбюро о тихвинском наступлении даже не упоминалось. Пришлось беспощадно сокращать репортаж Цунца.

Под Тихвином прекрасно воевала 65-я стрелковая дивизия, прибывшая туда из Забайкалья. Командовал ею полковник П. К. Кошевой. О ее боевых делах Цунц прислал большой очерк, но напечатать его мы смогли лишь по завершении Тихвинской операции, да и то со значительными сокращениями. Выпал, в частности, живописный рассказ о том, как Мерецков "приучал" к войне командный состав дивизии, еще не побывавший под огнем, в том числе и полковника П. К - Кошевого, впоследствии маршала Советского Союза. Думается не лишним будет воспроизвести его по авторскому оригиналу:

"...Мерецков ознакомил командира дивизии с обстановкой. Показал все на карте. Северная железная дорога. Линия фронта. Тихвин. Подступы к Ладожскому озеру. Река Волхов - вот куда надо отбросить врага, чтобы Ленинград вздохнул свободнее. Ясно?

Казалось, беседа окончена. Кошевой уже хотел проститься. Но Кирилл Афанасьевич встал, подошел вплотную к собеседнику:

- А ты был, товарищ полковник, на войне?

- На гражданской был.

- А на этой?

- Нет, товарищ командующий.

- Надо еще до первого боя побывать тебе под огнем... Вот что, Петр Кириллович. Покрась свою машину в белый цвет и езжай на передний край. Он тут совсем рядом, около Астрачи.

- Что же мне там делать, товарищ командующий?

- А ничего. Понюхай пороху. Заберись в ямку и посиди. Там бомбят все время. Смотри, как летят бомбы. Та, что брошена над тобой, - не твоя, не обращай внимания, и пуля, что просвистит, - тоже не твоя, не кланяйся ей. Та, что попадет, не свистит. Испытай и артиллерийский обстрел, и минометный... Понимаешь, времени у нас совсем нет, а тебе я даю на акклиматизацию целый день - это немало. Но командир, который побывал под огнем, пусть хоть чуть-чуть, это тоже много значит... Пусть в полках знают, что командир дивизии не трус, что он первым в дивизии обстрелян... И еще учти: нужна не только смелость, но и осторожность.

Прощаясь, Мерецков сказал:

- Как стемнеет, выбирайся с передовой и - ко мне. Расскажешь, как и что.

Едва забрезжил рассвет, Кошевой был уже на передовой. Первое, что его поразило, - близость противника, до его позиций было не больше трехсот метров. "Юнкерсы" с воем обрушивали бомбы на наши передовые позиции, потом появилась группа "хейнкелей", они заставили поглубже забраться в щель. Минометный огонь враг вел почти непрерывно. Свистели осколки артиллерийских снарядов. Автоматные очереди большого впечатления не произвели: огонь бесприцельный. Ползал Кошевой по траншеям, перескакивал из воронки в воронку. Беседовал с солдатами... С наступлением темноты, совершенно оглушенный, выбрался из траншеи, поехали в деревню, к командарму.

- Ну, как? - спросил Мерецков.

Посмотрел пристально. Заметил, что солдатский полушубок, в котором был Кошевой, задело осколком.

- Значит, бегал, прятался?

- По обстановке.

- Страшно?

- До предела, товарищ командующий, - сознался Кошевой.

Мерецкову понравился новый командир дивизии: в нем чувствовалась и воля и прямота. Оба эти качества Кирилл Афанасьевич ценил высоко.

- Завтра, - сказал он Кошевому, - отправь на передний край своих командиров полков. Пусть испытают то же, что и ты, увидят все своими глазами. Только предупреди, чтобы не собирались в

кучу...

На третий день на передовой побывали командиры батальонов. А еще через день вся дивизия заняла свое место в первом эшелоне армии".

Напечатать этот рассказ нам не удалось. Узнал о нем Мерецков и попросил:

- Не надо писать о командующем. Не все мы еще сделали...

* * *

Несколько неожиданно получили мы телеграмму о награждении Цунца медалью "За отвагу". Сообщение это не только обрадовало нас, но и удивило: такими медалями награждались ведь, как правило, рядовые бойцы и сержанты за истинно солдатские подвиги. Вскоре, однако, все разъяснилось.

В ночь на 8 ноября, когда наши войска оставили Тихвин, корреспонденты "Красной звезды" Цунц и Минскер обнаружили в опустевшем штабном помещении забытые там ящики с секретными документами. В городе уже полыхали пожары, рвались вражеские снаряды и мины, на окраинные улицы прорвались первые немецкие танки. Но Цунц принялся грузить штабную документацию в редакционную полуторку. Его примеру последовали Минскер и водитель машины Липатов. Закончив погрузку, они пристроились к какой-то автоколонне. Уже на выезде из города ее атаковали танки. Липатову удалось увернуться от них. Круша легкие частоколы, он вывел машину на огороды; миновав их, выскочил к оврагу, казавшемуся в темноте пропастью, каким-то чудом преодолел его, и все закончилось относительно благополучно. К утру секретные документы, вывезенные из-под носа у противника, были доставлены в штаб армии.

Свою медаль Цунц получал в Кремле. Перед тем Михаил Иванович Калинин вручал награды Героям Советского Союза. Светились "юпитеры", щелкали фотоаппараты, жужжали кинокамеры. Когда очередь дошла до других наград, вся эта фотокиносуматоха постепенно стихла. "Юпитеры" погасли. Но, как только была названа фамилия Цунца, они вновь вспыхнули. Сидевшие в зале думали, что это какой-то особый герой. А произошло такое потому, что наш фотокорреспондент Сергей Лоскутов, работавший здесь, решил увековечить на пленке получение медали своим товарищем.

После вручения наград Калинин попросил Цунца задержаться, добавив при этом: "Если не спешите". Калинина заинтересовало то, что и нас, редакцию, за что корреспондент удостоен солдатской медали.

- Вы литератор, журналист. Почему "За отвагу"?..

Цунц за словом в карман не лез:

- Михаил Иванович! Это ведь вы меня награждали...

Калинину ответ понравился - он рассмеялся. Потом долго расспрашивал Цунца о житье-бытье фронтовых корреспондентов. Под конец с похвалой отозвался об их мужестве. Помянул добрым словом и "Красную звезду".

* * *

Вот уже несколько дней не поступает оперативная информация о битве за Донбасс. Все наши корреспонденты, работавшие на Южном фронте, устремились под Ростов. Остался в Донбассе лишь Борис Галин. Нельзя сказать, что он мало писал. Мы все время получаем от него интересные материалы, главным образом очерки о героях сражений с фашистскими захватчиками. В номере напечатан его очерк "Два товарища" - о комсомольцах-артиллеристах: маленьком, плотном Егоре Козлове и сухощавом, русоволосом Павле Зиме, который любит читать вслух Байрона.

Но где же репортаж о боях в Донбассе?

Этого Галин не присылает, и повернуть его на репортерскую стезю, по-видимому, невозможно. Пришлось послать ему в помощь нашего корреспондента из числа журналистов.

Сразу же стали поступать информация, репортажи. Среди них оказался переданный через линию фронта приказ коменданта города Красноармейска. Совсем еще "свежий" - от 24 октября 1941 года.

Такого рода трофеи сразу же передаются Илье Эренбургу. Уж он их умеет "обработать".

Так появилась его небольшая заметка "Мы им припомним".

Илья Григорьевич процитировал этот приказ:

"Гражданское население города Красноармейска, встречая германского военнослужащего, должно приветствовать его путем снятия головного убора.

Все лица, не подчинившиеся этому распоряжению, будут наказаны согласно германским военным законам".

Эренбург дал к этому документу свои комментарии:

"Они наводят револьверы: "Снимай шапку, а то застрелю!" Потом они умиленно пишут в своих газетах: "Русские приветствуют немцев, обнажая головы". Им мало убить - они хотят еще унизить. Они не знают русской души. Мы все им припомним. Мы припомним не только разрушенные города, мы им припомним и нашу смертельную обиду. Шапками они не отделаются - придется им расплачиваться головой".

Из такого рода выступлений и возникало то, что тогда назвали наукой ненависти!

27 ноября

Накануне днем, когда готовился этот номер "Красной звезды", в редакцию прибыл наш корреспондент по Западному фронту Милецкий. Он привез тяжелую весть: гитлеровцы заняли Красную Поляну и соседние с ней деревни Пучки и Катюшки. Посмотрели мы на карту - и всполошились: от Красной Поляны до центра столицы - всего 27 километров. Враг настолько приблизился к Москве, что с высокого холма за Пучками в ясную погоду мог увидеть Кремль, его колокольни и купола. Отсюда он имел возможность начать обстрел столицы тяжелой артиллерией.

Тревожно было в Ставке. Уже после войны Константин Симонов и Евгений Воробьев, готовя известный фильм "Если дорог тебе твой дом", взяли интервью у К. К. Рокоссовского. Маршал вспомнил Красную Поляну. Вот что было записано на фонограмме, а потом прозвучало с экрана: "Меня вызвал к аппарату ВЧ Верховный главнокомандующий и задал вопрос: "Известно ли вам, что Красная Поляна занята врагом?" Я ответил: "Да, я недавно получил сообщение, принимаем меры к тому, чтобы ее освободить..." - "А известно ли вам, что, отдав Красную Поляну, мы даем возможность немцам обстреливать Москву, вести огонь по любому пункту города?" Я сказал: "Известно, но примем меры, чтобы не допустить такого обстрела..." На рассвете следующего дня ударом с двух направлений Красная Поляна была освобождена от врага. Командующий артиллерией 16-й армии Василий Иванович Казаков доложил мне: захвачены два 300-миллиметровые орудия, которые действительно предназначались для обстрела города..."

Это было на следующий день, а когда мы делали газету, датированную 27 ноября, Красная Поляна была еще в руках гитлеровцев. Милецкому я сказал, чтобы написал репортаж - тревожный, но без паники. Вистинецкого усадил за передовую "Ни шагу назад!". Сдали в набор статью Хитрова "Борьба за населенные пункты под Москвой". Очень важная статья - бои шли в густонаселенной местности. Поставили в номер поучительную статью командира танковой бригады полковника П. А. Ротмистрова, будущего главного маршала танковых войск, о применении танков в оборонительных боях за столицу.

Газета делалась в обычном темпе, но из головы не выходила Красная Поляна. Я сидел словно на иголках и, как только вычитал полосы, сразу же умчался в Перхушково, к Жукову.

Была уже ночь, когда я встретился с ним. Думалось, что увижу его взволнованным, расстроенным последними неудачами. Ничуть не бывало. Не знаю, быть может, я плохой физиономист,

но мне показалось, что Георгий Константинович совершенно спокоен и даже оживлен. Признаюсь, тогда я даже подумал, что чересчур спокоен. Как обычно, я готовился услышать от него сжатую характеристику обстановки на основных направлениях Московской битвы, и, конечно, меня в первую очередь интересовала Красная Поляна. Но Жуков повел речь о другом - о кризисе немецкого наступления на столицу и вытекающих отсюда задачах. Он не произнес слова "контрнаступление", но весь смысл его рассуждений сводился к этому.

Вот что я записал тогда в своем блокноте:

"Не немцы, а мы закончим войну полным разгромом врага, и этот разгром должен начаться под Москвой. Остановить теперь противника на подступах к нашей столице, не пустить его дальше, перемолоть в боях гитлеровские дивизии и корпуса означает нанести Германии такой сокрушительный удар, который положит начало полному разгрому немецко-фашистских войск.

Московский узел является сейчас решающим. Он должен быть разрублен нашими войсками. Было бы неправильным успокаивать себя тем, что враг продвигается сейчас во много раз медленнее, чем в июне или в октябрьском наступлении. Нам дорог каждый метр советской земли. Всюду, а здесь, в Подмосковье, в особенности. Тем более теперь, когда фронт так приблизился к Москве.

Враг еще силен, но уже подточен изнутри, и каждый час нашего сопротивления все больше ослабляет его. Немцы ведут наступление уже одиннадцатый день. Ясно, что они не могут вести его бесконечно. Они же несут огромные потери! Пройдет еще немного времени - и наступление врага на Москву должно будет захлебнуться. Он это сам понимает и потому напрягает все силы, чтобы сделать последний бросок. Нужно во что бы то ни стало выдержать напряжение этих дней. Нужно задержать врага, выпустить из него кровь.

Стойкой и самоотверженной обороной Москвы мы положим начало разгрому врага".

Как только Жуков кончил говорить, я сразу же стал прощаться. Георгий Константинович улыбнулся:

- Что? Опять передовая?..

Да, он не ошибся.

* * *

В Москву я вернулся во время воздушной тревоги. Прожекторы и зенитный огонь полыхали над городом. Полагалось остановить машину и уйти в ближайшее убежище. Но газета ждала неотложную передовую, и водитель понял меня без слов, он выжимал из машины все, что мог, благо на улицах не

было ни души. Как назло, что-то случилось с колесом нашего "ЗИСа" - оно выло, словно сирена. Из подворотен выскакивали укрывавшиеся там патрули, свистели, пытаясь остановить машину, бешено мчавшуюся с каким-то чудовищным воем.

Прорвавшись через все заслоны, я прибыл в редакцию часам к трем. Первый вопрос секретарю редакции:

- Как газета?

- Полосы в машине. Сейчас получим сигнальный и начнем печатать, ответил он, полагая, что меня беспокоит опоздание.

А я сказал:

- Остановить ротацию...

Тут же в чрезвычайной спешке мною были продиктованы пять страничек текста новой передовой, в которой излагалось и соответственно комментировалось все то, что рассказал мне Георгий Константинович. Ее мы озаглавили "Разгром врага должен начаться под Москвой".

В то утро "Красная звезда" вышла с большим опозданием. Но зато принесла войскам, всей стране особенно дорогие тогда слова.

Вспомним, какие это были дни. Когда я, как обычно, возвратившись из Генштаба, переставил флажки на своей карте, картина была чрезвычайно безрадостной. По флажкам видно было, как изогнулся фронт в дугу, концы которой упирались на севере уже за Клином, а на юге - у Тулы и Каширы; у Красной Поляны немцы подошли к столице на пушечный выстрел. И вдруг передовая с таким многозначительным заголовком: "Разгром врага должен начаться под Москвой"!

В редакцию в этот день было немало звонков. Звонили и редакторы некоторых центральных газет.

- Как это понять? - спрашивали они.

- Как понять? Как написано, так и надо понимать, - отвечал я уклончива.

О готовящемся в ближайшие дни контрнаступлении наших войск под Москвой распространяться не полагалось. Я этого еще точно и сам не знал. Да если бы и знал, все равно пришлось бы пока придержать язык за зубами...

* * *

На второй день я пригласил к себе сотрудника нашей редакции Михаила Романовича Галактионова, рассказал ему о своей поездке в Перхушково и просил написать статью, для которой уже был готовый заголовок - "Кризис сражений".

Должен сказать, что Галактионов был человеком с примечательной биографией. Прапорщик первой мировой войны. Коммунист с 1917 года. Гражданская война. Комиссар

оперативного отдела Генштаба. Автор ряда исторических работ... Но в 1938 году он был уволен из армии и оказался не у дел.

Летом 1941 года он пришел в редакцию, изъявив готовность выполнять любую работу. Стал рассказывать о себе, но я прервал его:

- Сейчас война, и это не только главное, это всё...

Назначить его, в прошлом видного политработника, дивизионного комиссара, на должность рядового литсотрудника было как-то неудобно. Оставался у нас рудимент мирного времени - вакансия начальника отдела запасных частей и вузов, ее и "закрыли" Галактионовым. Фактически же он работал в отделе пропаганды, под началом Льва Марковича Гатовского - тогда доктора экономических наук, а ныне члена-корреспондента Академии наук СССР.

Во внешности Михаила Романовича ничего не осталось от бывшего прапорщика и вообще от бывшего военного. Это был довольно мешковатый, невысокого роста седенький человек в изрядно поношенном темно-синем пиджачке, тихий, скромный, очень аккуратный во всем. Поначалу сам он ничего не писал, а трудился над чужими материалами. Статья "Кризис сражения" была первым его выступлением в "Красной звезде".

Процитирую ее начало:

"Во всяком сражении наступает рано или поздно кризис, знаменующий поворот к победе или поражению. В этот момент борьба достигает наивысшего напряжения и решает исход сражения. Опыт истории учит уменью уловить этот кризисный момент. Наступающая сторона может рассчитывать на успех лишь в том случае, когда она сделает решающее усилие в этот решающий момент. Прорыв не терпит перерыва. Если наступление не достигает основной цели до момента своего наивысшего подъема, оно неизбежно начинает падать по нисходящей кривой. То, что упущено в критический момент, впоследствии возместить уже не удастся. Обороняющаяся сторона, в свою очередь, должна использовать кризис сражения, проявить в этот момент наибольшую активность, выдержать натиск врага и повернуть в свою пользу ход сражений. Весьма часто кризис сражения возникает внезапно - в нем сказываются глубокие силы, действующие до поры до времени скрытно".

Далее автор обращался к опыту наполеоновских войн, затем к сражению на Марне в 1914 году. Материал этот он знал хорошо. В числе прежних печатных трудов Галактионова была книга "На Марне". Она вышла незадолго до войны - в 1939 году.

Статья получилась содержательная, но, так сказать, чисто теоретическая. Надо было приблизить ее к Московской битве.

Сидели мы с Галактионовым вдвоем, думали, как это сделать. И в конце концов то, что надумали, вылилось в такие строки:

"Перейдя критическую точку без решающей победы, германское наступление под Москвой неизбежно пойдет на убыль, и тогда выявятся все слабости во вражеском стане.

Обстановка, сложившаяся на фронте... дает все основания полагать, что разгром врага должен начаться под Москвой".

Собственно говоря, соль статьи и состояла в этих двух абзацах.

А когда началось наше контрнаступление, передовицу и статью вспомнили...

Этим своим выступлением Галактионов сразу же громко заявил о себе. В "Красной звезде" стали появляться другие его статьи. А в 1944 году произошла такая история. Поздно ночью из ТАССа поступило постановление Совета Народных Комиссаров о присвоении М. Р. Галактионову звания генерал-майора. Я в то время уже не работал в газете, а служил на 1-м Украинском фронте, но мне рассказывали, что это было совершенно неожиданно и для редакции, и для самого Галактионова. Он узнал, что стал генералом, лишь наутро раскрыв свежий номер газеты. Его хорошо знал В. М. Молотов, в аппарате которого Галактионов работал в довоенное время. Вскоре его ввели в состав только что созданной редколлегии "Красной звезды", а после войны Михаил Романович заведовал военным отделом в "Правде".

В этом же номере газеты напечатана подвальная статья командира танковой бригады полковника П. А. Ротмистрова, будущего главного маршала бронетанковых войск "Танки в обороне и наступлении". Очень поучительное выступление. Хотелось бы привести некоторые мысли, высказанные в этой статье, раскрывающие тактику применения танков на полях Московской битвы.

"С того момента, когда танки противника прорвали передний край обороны, необходимо, если имеется возможность, срочно ввести в бой наши танковые части. Отсюда ясно, что во всех случаях танковую часть, предназначенную для парирования удара противника, необходимо располагать в глубине обороны на таком удалении и в таком районе, откуда она смогла бы своевременно выйти на помощь нашим обороняющимся пехотным частям. Исходя из личного боевого опыта, мы считаем возможным удалять в таких случаях наши танки не более как на 12-15 километров от линии фронта.

Второе, что требуется от каждого танкового начальника, - это заблаговременно продумать, как он будет действовать, получив

задачу на уничтожение прорвавшихся танков противника и ликвидацию прорыва. До сих пор обороняющейся стороне обычно рекомендовали уничтожать танки огнем с места. Способ этот, конечно, хороший, в особенности в бою с превосходящими силами противника. Но современная война внесла некоторую поправку. Она показала, что отнюдь не во всех случаях выгодно таким способом вести бой с прорвавшимися танками противника".

Один из таких случаев и приводит Ротмистров:

"Если танковая атака противника сопровождается массовой авиационной бомбежкой, нашим танкам выгоднее уничтожать боевые машины врага не дальним огнем с места, а на малых дистанциях с коротких остановок, для чего смело идти на сближение с противником. Только такими смелыми действиями наши танки смогут нарушить взаимодействие танковых частей противника с его авиацией. Сократив до минимума дистанции, можно заставить врага либо совсем прекратить бомбежку, либо в одинаковой мере бомбить как наши, так и свои танки".

Это было не голым, так сказать абстрактным, рассуждением. О целесообразности такой тактики свидетельствовал собственный боевой опыт.

В районе Медное комбриг своевременно выдвинул против превосходящих танковых сил немцев несколько своих тяжелых танков, и завязали бой на сближенных дистанциях. Бомбардировочная авиация немцев сразу же прекратила бомбежку. Немецкие пикирующие бомбардировщики носились над полем боя, но никакой помощи своим танкистам оказать не могли.

Воспользовавшись тем, что взаимодействие между авиацией и наземными войсками противника нарушилось, две наши тяжелые машины смело врезались в боевые порядки немцев и в течение нескольких минут уничтожили пять тяжелых танков. Этого оказалось достаточно. Враг немедленно приостановил свои танковые атаки и постарался быстрее выйти из боя.

Много других вопросов было освещено в статье: и об использовании легких и малых танков, и о взаимодействии танков с мотопехотой и др. Есть в ней и любопытный и поучительный рассказ о бое бригады за опорный пункт, показывающий, какими сложными и трудными являются бои за столицу.

Материал, конечно, сам за себя говорил. Но значение имело и то, кто был автором статьи. Ротмистров уже в те дни был большим авторитетом в танковых войсках - высокообразованный командир-специалист, профессор. Поговаривали, что в одной

беседе со Сталиным именно Ротмистров выдвинул идею о "тысяче танков в кулаке", то есть о массировании танков. Когда после войны спросили его об этом, он отмолчался, но о своем пристрастии к танковым войскам, начавшемся с мечты, написал мне. Приведу это любопытное письмо:

"Мечта! Честно говоря, ведь без мечты не стоит жить. Всегда надо к чему-то стремиться, ну, конечно, в той области, в которой ты наиболее подготовлен, и, безусловно, к благородной цели.

Вот я, например, когда еще был мальчиком и жил в деревне со своими родителями, мечтал быть ямщиком. Подчеркиваю, ямщиком, а не кучером. Наша деревня была расположена на "большаке", то есть на большой дороге, а значение таких дорог в то время было очень велико. Вблизи железной дороги не было, поэтому много русских троек носилось через деревню с ямщиками. Про ямщиков ведь и песен много сложено на Руси. В жизни ямщиков меня с детства влекла какая-то удаль нашего народа. Затем, когда я поступил добровольцем в марте 1919 года в Красную Армию, хотя я и стремился попасть в кавалерию, но не попал. В войсковой конной разведке служил, но я отлично понимал, что это не та конница. Прошло немного времени, и на многое у меня изменились взгляды, и все же, когда я попал в тот род войск, который действительно отвечал моим давним стремлениям, но уже на другом уровне, я считал, что моя мечта осуществилась.

Самое любопытное заключается в том, что я, обладая уже военным кругозором, начал службу в танковых войсках не где-либо, а в Военной академии бронетанковых войск. В эту академию я был назначен на должность преподавателя тактики и вступил в эту должность только после того, как изучил танки и технику танковых войск, их тактико-технические возможности, когда глубоко понял, на что способны танки в современном бою.

Вот как нелегко дается мечта, если, конечно, ты хочешь ее осуществить. Если же мечта не воплощена в жизнь и не может почему-либо стать реальностью, а человек продолжает жить ею, то она обычно превращается во фразерство, а бывает и того хуже: человек с замечательной мечтой, ничего путного не достигнув, превращается во всезнайку.

Мой жизненный опыт говорит о том, что всегда нужно стремиться к одной цели, не разбрасываясь, и тогда достигнешь этой цели, а иначе даже и при хороших способностях можешь превратиться в дилетанта. Плохой исход! Дилетант в обществе личность вообще не очень положительная, а в армии, в принципе, вообще неприемлемая.

Я доволен своей судьбой, и если бы мне пришлось начинать

сначала, я все равно пошел бы на службу в танковые войска.

С уважением

главный маршал бронетанковых войск П. Ротмистров".

Укажу, что мы снова встретились с Ротмистровым уже под Сталинградом. Газета посвятила ему тогда специальную передовицу "Мастер вождения танковых войск". Позже мы его застаем на посту командующего танковой армией, а после войны - начальником бронетанковых войск Советской Армии.

Словом, мы знали, что к голосу полковника - а потом генерала, а затем и маршала - в войсках прислушиваются и рады были появлению его статей в нашей газете.

А однажды он сказал нашему корреспонденту, обратившемуся к нему за очередной статьей:

- Что ж, придется зачислить меня в ваши штатные сотрудники...

Значит, поняли мы, автор у нас непоколебимый...

28 ноября

Есть у Константина Симонова стихотворение "Безыменное поле". И есть в этом стихотворении такие строки:

Ведь только в Можайском уезде
Слыхали названье села,
Которое позже Россия
Бородином назвала.

То же самое можно сказать о разъезде Дубосеково. Кто знал о существовании его до войны? А теперь вот знает вся Россия, знает вся страна. И даже за пределами нашей страны широко известен подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев, стоявших насмерть у разъезда Дубосеково, преграждая путь к Москве немецким танкам.

Первым написал об этом подвиге наш корреспондент Василий Коротеев. Его корреспонденция "Гвардейцы-панфиловцы в боях за Москву" напечатана в "Красной звезде" 27 ноября 1941 года. Приведу ее полностью - ныне это, можно сказать, исторический документ:

"Десять дней, не стихая, идут жестокие бои на Западном фронте. Особенно мужественно и умело сражаются с врагом наши гвардейцы. На могиле своего погибшего командира генерал-майора Панфилова бойцы гвардейской дивизии поклялись, что будут еще крепче бить врага. Они верны своему слову. За

несколько последних дней боев они прославили дивизию новыми подвигами. Гвардейская дивизия имени генерала Панфилова уничтожила около 70 танков противника и свыше 4000 солдат и офицеров.

Гвардейцы умрут, но не отступят. Группу бойцов пятой роты N-го полка атаковала большая танковая колонна неприятеля. 54 танка шли на участок, обороняемый несколькими десятками гвардейцев. И бойцы не дрогнули.

- Нам приказано не отступать, - сказал им политрук Диев.

- Не отступим! - ответили бойцы.

Меткими выстрелами из противотанковых ружей они подбили 7 танков и остановили вражескую колонну. Разбившись на три группы, немецкие танки вновь пошли в атаку. Они окружили горсточку смельчаков с трех сторон. Танки подходили все ближе и ближе. Вот они у окопа - 47 танков против горсточки бойцов! Это был действительно неравный бой. Но не дрогнули гвардейцы. В танки полетели гранаты и бутылки с горючим. Загорелись еще три машины.

Более четырех часов сдерживала группа бойцов пятой роты 54 немецких танка. Кровью и жизнью своей гвардейцы удержали рубеж. Они погибли все до одного, но врага не пропустили. Подошел полк, и бой, начатый группой смельчаков, продолжался. Немцы ввели в бой полк пехоты. Гвардейцы стойко отбивались, защищая позиции Диева. В результате боя противник потерял 600 солдат и офицеров и 18 танков.

- Ни шагу назад! - повторяют гвардейцы слова боевого приказа и несгибаемо твердо стоят и удерживают рубежи обороны. В битвах за Москву растет доблесть панфиловской гвардейской дивизии".

Должен сказать, что в тот день, когда готовился номер газеты, датированный 27 ноября, глаз мой как-то не зацепился за эту заметку, помещенную на третьей странице под скромным заголовком. Только утром, когда газета уже вышла, перечитывая ее, я глубоко задумался, но и тогда еще не пришел ни к какому решению.

Днем поехал в ГлавПУР. Как обычно, просматривая там последние донесения политорганов, вычитал в одном из них такой эпизод:

"16 ноября у разъезда Дубосеково двадцать девять бойцов во главе с политруком Диевым отражали атаку танков противника, наступавших в два эшелона - двадцать и тридцать машин. Один боец струсил, поднял руки и был без команды расстрелян своими товарищами. Двадцать восемь бойцов погибли как герои, задержали на четыре часа танки противника, из которых подбили

восемнадцать".

Сразу же вспомнилась корреспонденция Коротеева. Ясно было, что в политдонесении речь идет о том же бое панфиловцев с танками. Здесь меньше подробностей, но зато указан район боев. И еще вот эта суровая правда о двадцать девятом бойце, струсившем в беспощадном бою...

Уйти от этих двух сообщений, которые как бы скрестились и в моем уме и в сердце, я уже не мог. Когда вернулся в редакцию, у меня уже созрело вполне определенное решение. Вызвал Кривицкого, протянул ему выписку из политдонесения, спросил:

- Читали сегодня в газете репортаж Коротеева? Ведь это о том же?

- Все сходится, - подтвердил он и уставился на меня в ожидании, что последует дальше.

- Надо писать передовую, - сказал я. - Это пример и завещание всем живущим и продолжающим борьбу.

Обсудили, как быть с двадцать девятым. В те дни сказать истинную правду о нем было гораздо труднее, чем умолчать о самом его существовании. Вероятно, по этой причине и в корреспонденции Коротеева ни слова не было о двадцать девятом. Но на этот раз нам хотелось быть точными и объяснить все, что там происходило.

Я посмотрел на часы и предупредил:

- Имейте в виду - передовая в номер.

К полуночи она лежала у меня на столе. Над ней заголовок - "Завещание 28 павших героев". Пример панфиловцев был назван завещанием, то есть той святой волей умершего, какую принято исполнять безоговорочно.

Передовая вызвала многочисленные отклики. Одним из первых позвонил мне Михаил Иванович Калинин и сказал:

- Читал вашу передовую. Жаль людей - сердце болит. Правда войны тяжела, но без правды еще тяжелее... Хорошо написали о героях. Надо бы разузнать их имена. Постарайтесь. Нельзя, чтобы герои остались безымянными...

Затем мне сообщили, что передовую читал Сталин и тоже одобрительно отозвался о ней.

Надо было продолжать хорошо начатое и очень благородное дело. Мы командировали спецкора в панфиловскую дивизию. С помощью работников политотдела, комиссара полка, командиров подразделений ему удалось восстановить всю картину боя у разъезда Дубосеково. Мы опубликовали имена 28 гвардейцев. Была уточнена и фамилия политрука, названного Диевым и в репортаже Коротеева, и в политдонесении. Так, оказывается, прозвали бойцы своего политрука Василия Клочкова.

Гвардейцы! Братьев двадцать восемь!
И с ними вместе верный друг,
С гранатой руку он заносит
Клочков Василий, политрук,
Он был в бою - в своей стихии...
Нам - старший брат, врагу - гроза.
"Он дие, дие, вечно дие",
Боец-украинец сказал,
Что значит: вечно он в работе.
В том слове правда горяча,
Он Диевым не только в роте
В полку стал зваться в добрый час.

Вскоре редакция получила для опубликования Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза большой группе воинов, отличившихся в боях за Москву. Читая этот Указ уже в полосе, я увидел там вперемежку с другими знакомые имена всех участников боя у разъезда Дубосеково. Подивился, почему они не выделены в особый Указ?

Позвонил Жукову. Он был удивлен не меньше меня. С кем после этого говорил Георгий Константинович - не знаю, быть может, с Калининым, а возможно, и со Сталиным, но через несколько часов мы получили новый вариант указов. Присвоение звания Героя Советского Союза двадцати восьми гвардейцам-панфиловцам было оформлено отдельным Указом.

Этот подвиг сам просился в стихи, в поэмы. Забегая вперед, укажу, что в марте сорок второго года из Ленинграда приехал Николай Тихонов. Мы попросили его написать такие стихи, хотя, говоря откровенно, было как-то неловко взваливать это дело на человека, вырвавшегося всего на несколько дней из неслыханно тяжелых условий ленинградской блокады. Николай Семенович горячо откликнулся на нашу просьбу. Вечером 21 марта он уже читал нам в редакции свою поэму "Слово о 28 гвардейцах":

Нет, героев не сбить на колени,
Во весь рост они стали окрест,
Чтоб остался в сердцах поколений
Дубосекова темный разъезд...

Полосы очередного номера газеты к тому времени были сверстаны, но освободили для поэмы три колонки на третьей полосе, и на второй день это волнующее произведение дошло до

участников Московской битвы, разлетелось по всей стране. Отголоски этого события долго жили в сердце поэта. Спустя три месяца Николай Семенович писал мне:

"Я еще раз горячо пережил все воспоминания о тех днях, когда я писал о 28-ми героях... Как Вы были правы, что ее надо писать в Москве и немедленно".

Итак, первым открыл для нашего народа подвиг 28 панфиловцев Василий Коротеев, хотя он по своей скромности никогда не называл себя первооткрывателем, считая, что эта заслуга не одного человека, а всего коллектива "Красной звезды".

Подвиг панфиловцев вошел в историю Великой Отечественной войны и в историю Коммунистической партии Советского Союза.

* * *

Вернусь, однако, к ноябрьским событиям сорок первого года, к тому, как они отражены в "Красной звезде" за 28 ноября. В сводке Совинформбюро сказано: "...наши войска вели бои с противником на всех фронтах". В сообщениях наших корреспондентов об этих боях рассказано подробнее. Милецкий и Хирен пишут с Западного фронта: "Немцы по-прежнему стараются вырваться на ближайшие подступы к столице с севера и юга, не отказываясь, видимо, от замысла совершить глубокий обход Москвы... Наиболее ожесточенные бои происходили вчера на волоколамском и клинском направлениях. Они характерны более упорной обороной промежуточных рубежей, многочисленными контратаками, активными действиями наших автоматчиков и истребителей танков. Однако под напором превосходящих сил врага наши части после ожесточенных боев сдали ряд населенных пунктов..."

С Калининского фронта более обнадеживающий и, пожалуй, более конкретный репортаж Зотова: "Сегодня в 10.00 войска Калининского фронта перешли в наступление... Под прикрытием авиации и артиллерийского огня передовые подразделения Юшкевича вышли на противоположный берег реки Тьмы и завязали упорные бои внутри оборонительной полосы противника".

С тульского направления Трояновский телеграфирует: "В районе Тулы немцы предприняли несколько атак местного значения. Атаки отбиты..."

По-своему примечательна опубликованная в том же номере газеты относительно небольшая статейка "Мой фальшивый двойник".

Работал в "Красной звезде" военный журналист, в прошлом командир батареи, а до армии рабочий паренек из подмосковного

депо Леонид Высокоостровский. Начал он войну батальонным комиссаром, закончил полковником. Среднего роста, с чуть впалыми щеками, по-девичьи стройный, был он, можно сказать, прирожденным спецкором, с острым пером, неуемной энергией.

За спиной у него был опыт финской войны. Он тогда работал с нами в газете "Героический поход", но там я с ним встречался не часто, реже, чем с кем-либо другим, - он почти безвыездно сидел в дивизиях и полках, посылая оттуда боевые корреспонденции. Поэтому в Отечественную войну ему не надо было начинать сначала. Как действовать спецкору в военных условиях, он знал уже по собственному опыту.

В первые дни войны Высокоостровский выехал на Северо-Западный фронт и сразу же в газету стал посылать свои репортажи, корреспонденции, статьи. Первая его корреспонденция, опубликованная в "Красной звезде" в июле сорок первого года, называлась "Стойкой пехоте танки не страшны". Она появилась очень кстати: в те дни не было более важной задачи на линии огня, чем бороться с "танкобоязнью" и уничтожать вражеские танки.

Запомнилась и другая его корреспонденция, опубликованная в то же время: "Совместные удары пехоты, авиации, артиллерии". Хотя речь шла о действиях в небольшом масштабе, приведших к освобождению лишь пяти населенных пунктов, автор справедливо увидел в маленькой победе зерно грядущих больших побед и к тому же полезный урок военного мастерства, проявленного в крайне неблагоприятных условиях.

Корреспонденции Высокоостровского первых месяцев войны примечательны не только своей точностью, насыщенностью фактами. Спецкор стремился извлекать из каждого боевого события поучительные выводы, информировать о случившемся так, чтобы это способствовало и укреплению духа, и повышению мастерства наших воинов. Разумеется, он был не одинок в этом стремлении, такова была линия всей "Красной звезды" в самые тяжелые периоды военных действий. Однако написанное Высокоостровским выделялось своим боевым накалом - будь то, к примеру, корреспонденция об управлении огнем в бою, очерк о ночных засадах, статья об участии саперов в наступлении, подготовленные на основе личных наблюдений.

Особенно тщательно разрабатывал Высокоостровский тему о снайперах. Они привлекали его своим стрелковым мастерством, которым он сам владел неплохо. О снайперском огне в обороне и наступлении. О маскировке, выборе цели, тактике их боевых действий, о прославленных снайперах фронта. Среди них у него было много друзей, он приходил, вернее приползал, на огневые

позиции, своими глазами видел работу снайперов. И не упускал ни одной возможности, чтобы не сказать о них доброе слово.

В те же дни, когда горячее дыхание войны пронизывало, казалось бы, все кругом, наш спецкор находил время подготавливать и небольшие критические корреспонденции по вопросам внутриармейской жизни. Одна из них появилась под заголовком "Так ли надо присваивать звания фронтовикам?", другая называлась "Беспризорные курсы" и т. д. Продиктованные теми или иными интересами воинов, они к тому же напоминали всем без лишних слов о незыблемости законов и устоев нашей армейской службы, что, как нетрудно догадаться, имело тогда свой немалый резон.

Корреспонденции Высокоостровского были полны ненависти к фашистским извергам. Неизменно верный своей внешней сдержанности, даже некоторой суховатости тона, слога, автор искал выход своим чувствам не в опаляющих словах, а в фактах, документах, обнажающих омерзительную суть фашистов. Помню, какое множество писем получила "Красная звезда" с фронта и из тыла после опубликования его корреспонденции "Двуногие звери", о которой я уже рассказывал.

В октябре сорок первого года мы вызвали Высокоостровского в Москву с намерением перебросить его на одно из подмосковных направлений. Но как раз в это время из столицы стали вывозить детей. Нам тоже посоветовали отправить ребятишек работников редакции и типографии в глубь страны. Ребятишкам требовался надежный провожатый, а в редакции и без того мало людей. Подвернулся под руку Высокоостровский, и я сказал ему:

- Вы тоже отец, и вам, надеюсь, понятны чувства родителей, отправляющих куда-то в Сибирь малолетнего сынишку или дочку. Надо не только довезти их до места целыми и невредимыми, а и хорошо устроить там. Возлагается это на вас.

Мне было ясно, что даже временная командировка в тыл малоприятна для Высокоостровского, и потому я поспешил добавить:

- Это не столько мой приказ, сколько просьба коллектива "Красной звезды". Все у нас убеждены, что, если вы поедете с ребятами, за них можно не беспокоиться.

Уехал Высокоостровский с детским эшелоном на восток и вернулся из командировки лишь 27 ноября. А за неделю до того другой наш спецкор по Северо-Западному фронту - Викентий Дерман - рассказал мне такую историю:

- Был я третьего дня в политотделе армии. Меня обступили политотдельцы, спрашивают: "С вами ездил Высокоостровский, где он сейчас? Почему в газете публикуются теперь только ваши

статьи, а его нет? Кто он такой?" Я рассказал все, что знал о Высокоостровском. Объяснил, что он сейчас выполняет другое задание, и в свою очередь спросил, чем вызван их повышенный интерес к нему? В ответ мне вручили пачку листовок. Смотрю на подпись: "Бат. комиссар Л. Высокоостровский". Вот, полюбуйтесь теперь и вы...

Викентий Иванович положил на мой стол желтоватого цвета листовку. У нее клишированный заголовок: "Боевой листок - красноармейская газета". Дата: 12 ноября 1941 года. В тексте утверждается, что Красная Армия разбита, сопротивление бесполезно. И под конец - призыв сдаваться в плен... во имя спасения России.

- Вот таким чтивом с самолета ночью была засыпана вся местность, объяснил мне Викентий Иванович.

Эта грязная листовка сочинялась, понятно, геббельсовскими подручными, но должна была она выглядеть как листовка, написанная кем-то из советских людей. Ход рассуждений гитлеровских пропагандистов нетрудно разгадать. Обычно каждые два-три дня в "Красной звезде" появлялись статьи и корреспонденции Высокоостровского с Северо-Западного фронта. Вдруг его имя исчезло с ее страниц. Что случилось? Убит он, ранен, уволен? Нет его - и все. "Надо этим воспользоваться", - решили они.

Такие листовки были для нас не в новинку. Всякие ставились под ними подписи. Изредка - действительных предателей Родины, а чаще - вымышленные или взятые, как говорится, напрокат из документов убитых или пленных наших соотечественников. Однако подпись корреспондента "Красной звезды" была использована таким образом впервые и, к слову сказать, единственный раз за все время войны.

Я взял листовку и спрятал в ящик письменного стола до возвращения Высокоостровского. Он вернулся, как уже сказано выше, через неделю. Я внимательно выслушал подробный его рассказ о нашей детворе. А в конце беседы протянул ему эту самую листовку:

- Читайте...

Читая ее, он все время менялся в лице - то белел, то краснел. Под конец взглянул на меня прямо-таки растерянно.

- Прочитали? Теперь пишите...

Он не дал мне закончить фразу:

- Что же писать, чего объяснять? Вы сами знаете...

Ему подумалось, что я требую официального объяснения.

- Не объяснение, а странички две для газеты. Высечь надо этих брехунов. Пойдет в номер...

Высокоостровский всегда писал быстро, а в этот раз молниеносно набросал пару страничек текста с метким заголовком "Мой фальшивый двойник". Вот этот текст:

"Со мной приключилась история, которая бывает только в старых легендах или сказках. У меня неожиданно появился двойник. В середине ноября фашистский самолет разбросал над нашими частями Северо-Западного фронта идиотскую листовку... В заголовке написано: "Положение на фронте". А под ним наворочена куча глупейшей и смрадной лжи. Подписана эта чепуха: "Бат. комиссар Л. Высокоостровский" - моим именем, уворованным в "Красной звезде".

Совершенно ясно, что этот мой двойник не поспел за мной ни в каких отношениях.

Во-первых, с 10 октября по 25 ноября 1941 года я находился в Сибири, командированный туда редакцией "Красной звезды". Во-вторых, я, настоящий Л. В. Высокоостровский, 4 ноября получил звание старшего батальонного комиссара, а он, мой двойник, продолжает именовать себя "бат. комиссаром".

В листовке все фальшиво от начала и до конца. Все - грубая подделка. В заголовке изображен какой-то гитлеровец в каске, который должен сойти за красноармейца. Дует он в трубу, какой никогда не было в Красной Армии. Эта труба явно срисована фашистами с пионерского горна. И флажок на ней ребячий, пионерский. Текст - сплошной подлог, подделка под русский язык, безграмотный перевод с немецкого. Попадаются такие фразы: "Подвозы теперь вполне недостаточны", "Это стоит нас сотни тысяч убитых и раненых и все окружение целых армий"... Только геббельсовский дурак может подумать, что русские примут это фашистское изделие за подлинную красноармейскую газету. Маскировка сделана так неуклюже, что никого она не введет в заблуждение.

Фашисты грабят у советского народа все, что можно украсть. Они воруют белье и одежду, сапоги, женские блузки. Но это впервые, кажется, они украли имя советского журналиста. Зачем им понадобился мой фальшивый двойник? Ясно: от хорошей жизни этого не сделаешь. Сознание слабости и толкает их на глупые проделки...

В Берлине папаша Геббельс врет оптом. На фронте его детки врут по мелочам.

Пусть теперь будет известно, какова истинная цена немецким листовкам".

Таким было "объяснение" нашего корреспондента, и стояла под ним не фальшивая, а настоящая подпись: "Старший батальонный комиссар Л. Высокоостровский".

Это был радостный день.

На первой полосе мы дали "шапку": "Доблестные войска 9-й и 56-й армий освободили Ростов-на-Дону от немецко-фашистских захватчиков. Сильнее удары по врагу! Смерть оккупантам!"

Ниже напечатано поздравление освободителям Ростова:

"ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ЮГО-ЗАПАДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ МАРШАЛУ ТОВ. ТИМОШЕНКО

КОМАНДУЮЩЕМУ ЮЖНОГО ФРОНТА, ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКУ ТОВ. ЧЕРЕВИЧЕНКО

Поздравляю вас с победой над врагом и освобождением Ростова от немецко-фашистских захватчиков.

Приветствую доблестные войска 9-й и 56-й армий во главе с генералами Харитоновым и Ремизовым, водрузившие над Ростовом наше славное советское знамя.

И. Сталин

Москва, 29 ноября 1941 г."

Это, можно сказать, - прообраз будущих поздравительных приказов Верховного главнокомандующего, которые появлялись время от времени в 1941-1943 годах и почти беспрерывно - в последующие два года войны. Сначала они были краткими, но постепенно видоизменялись - адресовались уже не только командующим фронтами и армиями, но и командирам корпусов, дивизий, даже отдельных частей, а позже - по просьбе А. М. Василевского - и начальникам их штабов. С 5 августа 1943 года, после освобождения Орла и Курска, загремели артиллерийские залпы салютов.

* * *

Но вернемся к последнему дню ноября 1941 года.

Почти вся вторая полоса газеты посвящена освобождению Ростова. Три колонки занимает обстоятельная статья "Как наши войска отбили у немцев Ростов-на-Дону". Это тоже "прообраз будущего" - тех обзоров, какие печатались потом в "Красной звезде" при освобождении Сталинграда, Орла, Киева...

Многие из наших коллег удивлялись, как "Красной звезде" удалось выступить с таким большим и содержательным материалом о боях за Ростов в один день с поздравительным посланием Верховного и сообщением Совинформбюро. Ведь оба документа поступили в редакции центральных газет почти в полночь. Секрет прост. В первый же день операции спецкоры наши сообщили нам, как она готовилась. На второй или третий день мы получили от них подробные сведения о прорыве обороны противника. В каждый из последующих дней поступили

сообщения о продвижении 9-й и 56-й армий от рубежа к рубежу. По завершении же операции достаточно было передать лишь ее результаты и краткие выводы. К этому времени в редакции уже лежала почти готовая статья, смонтированная из предварительных "заготовок". Ее мы и опубликовали одновременно с официальными документами об освобождении Ростова.

Единственно чего нам не хватало для полного газетного триумфа снимков из района боев. Они появились в газете лишь пять дней спустя.

Кроме панорамы разгромленной техники врага, были еще два довольно любопытных снимка. Один - с такой подписью: "Южный фронт. Танки, захваченные нами во время беспорядочного отступления группы Клейста. Внутри одного из танков наши бойцы обнаружили украденного у колхозников гуся. Гитлеровцы не успели его сожрать - бежали в панике". Пояснительный текст ко второму снимку гласил: "Итальянский солдат образца ноября 1941 года, пехотинец 1-го батальона 82-го полка дивизии "Торино", взятый в плен под Ростовом". Смешной снимок: стоит человек, напяливший на себя какие-то лохмотья. Не солдат, а огородное чучело!

В последний день ноября появился в "Красной звезде" и очерк Константина Симонова "Общий язык" об английских летчиках, написанный еще в октябре. Читатель, наверное, помнит, что Симонов не послал его в редакцию, увидав аналогичный материал в "Известиях". Но, как говорится, нет худа без добра. Позавчера было опубликовано сообщение о награждении английских летчиков орденами Советского Союза. Узнав об этом, писатель извлек очерк из своей полевой сумки, передал его в Москву по военному проводу, и он пришелся очень кстати.

Есть в этом очерке интересные подробности. Вот что сказал командующий морской авиацией генерал-майор Александр Кузнецов, когда Симонов спросил его, как он оценивает боевую работу английских летчиков:

" - Хорошо оцениваю. Они приехали сюда драться и дерутся как настоящие солдаты, самоотверженные и дисциплинированные. Одна беда - не любят барражировать, говорят, скучно, все просятся сопровождать бомбардировщики и штурмовать немцев. Впрочем, это общая болезнь. Наши тоже не любят барражировать и тоже просятся штурмовать. Дорвавшись до боя, англичане дерутся наравне с моими орлами... Вон они опять пошли по фронту...

И действительно, над нашими головами высоко проходили рядом "ястребки" и "Харрикейны", русские и английские летчики,

нашедшие в воздухе общий язык".

Вот откуда и заголовок этого очерка.

* * *

Таким был последний ноябрьский номер "Красной звезды". Наступал декабрь. Месяц величайших событий в Отечественной войне...

Декабрь

3 декабря

Ставка Верховного главнокомандования утвердила план контрнаступления наших войск. Оно начнется через несколько дней. Главные удары будут нанесены по наиболее опасным немецким фланговым группировкам, угрожающим Москве. На Западный фронт из глубины страны выдвигаются крупные резервы. Прибыли 1-я ударная, 10-я и 20-я армии, несколько соединений из других резервных армий.

Мы тоже стали стягивать в столицу свои корреспондентские силы. Отозвали из Мурманска Симонова, с других фронтов Павленко, Высокоостровского, из Куйбышева Габриловича...

Поздно вечером вызвал я Габриловича и сказал ему, что ночью на Казанский вокзал прибывают из Сибири эшелоны свежей дивизии, хорошо бы написать о ней. Составили план действий: писатель должен отправиться на вокзал, разыскать командира и комиссара дивизии, познакомиться с одной из рот и следовать с нею на фронт, а потом написать, как необстрелянные бойцы обживаются на войне.

Через пару часов Габрилович с вещевым мешком, именуемым "сидором", был уже на вокзале, встретил сибиряков. В новеньких полушубках и валенках, с новенькими автоматами, парни крепкой сибирской кости выстраивались в колонну. Габрилович присоединился к одной из рот и зашагал вместе с ней по ночной Москве. Путь лежал через Красную площадь. Многие из бойцов впервые увидели ее. Слышалось:

- Так это она и есть?

- Она.

- Красная площадь?

- Она самая, Красная...

Так пешим строем шли через затемненный город до станции метро "Сокол". Там погрузились в машины. Вместе с сибиряками Габрилович прибыл в прифронтовую деревушку, с пулеметчиками прополз в одну из ячеек переднего края. И на долгие годы запомнил первую реплику, услышанную там:

- Слышь, Коля, вставай! Смена пришла. С тылу. Только что сшитые...

Еще на Казанском вокзале Габрилович приметил маленького, вихрастого, быстрого на слово и расторопного в делах сержанта. Писатель не расставался с ним. Там впервые у него возникла

мысль написать о нем повесть. Позже мы дали Габриловичу творческий отпуск, он написал ее. Отрывки из этой повести печатались в "Красной звезде". Главным героем ее стал некий сержант Кройков - образ, навеянный тем сибиряком. Впоследствии этот же сибиряк стал героем кинокартины "В трудный час", снятой по сценарию Габриловича. К нему не раз обращается писатель и в своих воспоминаниях "Четыре четверти".

* * *

Подготовка контрнаступления не должна была, однако, ослабить заботы о стойкой обороне подступов к Москве. Противник хоть и обескровлен, измотан, но атак не прекращает. 1 декабря фашистские войска прорвались в самом центре Западного фронта и устремились к столице по Можайскому шоссе; правда, им не дали набрать инерцию, остановили на первом же промежуточном рубеже. На Ленинградском шоссе неприятель овладел Крюковом. В районе Яхромы гитлеровцы форсировали канал Волга - Москва, но тоже были остановлены.

Об этих боях и рассказывают спецкоры в номере от 3 декабря. Наш танкист Коломейцев, которого в редакции добродушно называли "танковым профессором", напечатал статью "Бои с танками в лесах Подмосковья". В ней немало полезных советов. Для иллюстрации приведу один из них, опирающийся на боевой опыт. Думаю, что это будет интересно не только специалистам военного дела:

"Известно, что немцы не рискнули пробиваться танками через Брянские леса... Почему же они пускают свои танки по лесам Подмосковья? Объяснение этому найти нетрудно. Вообще говоря, противник избегает вести затяжной бой в лесах и старается обходить их. Лишь в тех случаях, когда немцы рассчитывают закончить операцию быстро, они вступают в лесной бой, вводя в дело танки. Когда же бои грозят затянуться, фашисты оставляют в лесах лишь прикрытие и переносят центр удара в другое место, где можно применить широкий танковый маневр, то есть просто обойти леса. Пытались это делать немцы и под Москвой. Вначале они рвались по шоссейным дорогам. Те оказались прикрытыми обороной. Теперь немцы ищут решение в малых и больших обходах. И вот танки устремляются по лесным дорогам, параллельно шоссе, чтобы затем снова выйти на него и отрезать таким образом обороняющихся от их тылов...

Закупорьте плотно дорогу, и вы заставите противника искать другие пути для своих машин. Поэтому огромное значение для борьбы с танками в лесу имеет устройство всех видов заграждений вдоль дорог... Опыт показал, что лесные заграждения должны быть достаточно глубокими. Такие

заграждения на некоторых участках фронта под Москвой остановили танковые колонны немцев..."

Есть сообщения из района Тихвина. Враг там упорно сопротивляется. Наступление войск генерала Мерецкова замедлилось. Суточное их продвижение вперед исчисляется сотнями метров.

Обилен поток материалов с Южного фронта. Наши спецкоры работают там, как хорошо отлаженная машина. Напечатана беседа Лильина с командующим войсками фронта генерал-полковником Я. Т. Черевиченко. До сих пор "Красная звезда" почти не пользовалась этим мобильным жанром журналистики. У нас отдавалось предпочтение авторским статьям. Но Лильин, старейший репортер "Правды", не мог отрешиться от своих былых "привычек". Что ж, "привычки" не плохие. Он умело провел беседу с Черевиченко. Из нее мы узнали, что войска Южного фронта продолжают преследовать группу Клейста и приближаются к Таганрогу.

Со статьей "После Ростова" выступил Илья Эренбург. Он прокомментировал сводку германского командования. Вот текст немецкой сводки:

"Войска, оккупировавшие Ростов, в соответствии с полученными приказами, эвакуировали кварталы города, чтобы предпринять ставшие необходимыми беспощадные репрессивные меры по отношению к населению, которое вопреки правилам войны приняло участие в боях, направленных в спину германских войск".

А вот эренбурговский комментарий к этому документу:

"Суровое у нас время - нам не до смеха. Но здесь давайте посмеемся!.. Они уверяют, что ушли из Ростова назло нам. Они ушли потому, что им нужно расправиться с населением... Чтобы вешать жителей Белграда, они не уходят в Загреб. Чтобы терзать парижан, они не перекочевывают в Лилль. Если они ушли из Ростова, это потому, что их из Ростова выгнали. Это понятно даже немецким дуракам, которых девять лет отучали думать... Они повторяют: "Мы ушли из Ростова, чтобы наказать Ростов". Браво, эсэсы! Вам придется "наказать" и всю Россию - уйти прочь..."

Со статьей Эренбурга удачно "состыковалась" карикатура Бориса Ефимова "Неприятный сюрприз". Поднятый русскими штыками на воздух, с разбитым носом и наклейками на шее, в развалившихся при длительном бегстве сапогах, битый генерал Клейст предстал перед разъяренным фюрером. На столе изогнувшийся вопросительным знаком Геббельс. Оба вперили глаза в генерала - мол, как же ты посмел отступать? И подпись: "Рапорт генерала Клейста о "добровольном очищении Ростова".

Много в газете материалов о зверствах фашистов в Ростове. Они напечатаны под заголовками: "Расстрелы, убийства, пытки", "Что увидели наши бойцы в Ростове". Да, мы увидели воочию, что несут фашисты нашей стране, нашему народу...

Напечатана также трехколонная статья "Зеленая шинель".

Накануне пришел в редакцию худощавый, с изможденным лицом человек в селянской свитке и Капелюхе, в дырявых сапогах. Представился: Борис Ямпольский, писатель. Он прошел пешком около тысячи километров через всю Киевщину, Полтавщину, Харьковщину.

- Сорок пять суток, - рассказывал он, - шел я по земле, захваченной немцами. Сорок пять дней и ночей шел точно по кладбищу. Я побывал не менее чем в ста селах и хуторах и всюду видел картину страшного разорения и запустения, бесчинства людей в зеленых шинелях - гитлеровских извергов...

Выслушали мы писателя и сказали: "Пишите".

То, что было рассказано на страницах сегодняшней газеты, вызвало новый взрыв ненависти. В этом также и смысл передовицы "Расстрелы в Киеве и Ростове".

6 декабря

Настал долгожданный день: началось наше контрнаступление под Москвой. На Калининском фронте - 5 декабря, а на Западном и правом крыле Юго-Западного фронтов - 6 декабря.

Уже к концу ноября стало ясно, что обескровленные и измотанные нашей активной обороной немцы исчерпали свои наступательные возможности. Фронт был растянут. Резервы иссякли. И когда в начале декабря советское командование почувствовало, что противник не в силах больше выдержать контрудары, наши войска сразу же, без паузы перешли в контрнаступление, подготовленное еще в ходе оборонительных боев.

О постепенном назревании перемен можно проследить даже по заголовкам публикаций в "Красной звезде".

Еще 2 декабря корреспонденция Хитрова называлась "Тяжелые бои на новых участках под Москвой". Это на стыке 5-й и 33-й армий в центре Западного фронта, где противник неожиданно прорвал нашу оборону и повел наступление на Кубинку. В следующем номере газеты репортаж того же Хитрова озаглавлен: "Приостановить наступление немцев под Москвой". 4 декабря у Высокоостровского: "Смелые контратаки наших частей". Это о боях на канале Волга - Москва у Яхромы.

В том же номере радостная весть от Трояновского с тульского направления: "Конногвардейцы отогнали немцев на 45 километров от дальних рубежей Москвы". Это о 1-м гвардейском кавалерийском корпусе генерала П. А. Белова, действующем совместно с 50-й армией против танковой армии Гудериана.

Рядом - снимки Кнорринга. Один из них - "Конная атака". Великолепный снимок. Не верится, что это фотография, кажется, что картина художника-баталиста. Второй снимок тоже хорош - это комкор Белов в черной бурке. Он наблюдает за боем. Вот только с подписями получилось неловко. В репортаже-то Трояновского все предельно засекречено: "Части Белова", "конники Белова", "город N"... А подпись под снимком все рассекретила: "Западный фронт. Тульское направление. На снимке: командир 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-майор П. Белов наблюдает за своими орлами"... Чего только не случается в газетной спешке!..

В сегодняшней, как и во вчерашней, газете нет уже призывов: "Ни шагу назад!", "Стойко оборонять каждую пядь подмосковной земли". Другие заголовки, другой текст: "Крепче удар по врагу", "Активность наших войск возрастает на всех направлениях. На отдельных участках инициатива перешла в наши руки..." Это еще о наших контратаках, которые завтра перерастут в контрнаступление.

* * *

Поздним вечером в редакцию приехали Милецкий и Хирен. Привезли отличную боевую информацию - "Контрудар наших войск в районе Наро-Фоминска". Над заголовком поставили рубрику: "В последний час". Заметка эта действительно поступила к нам в последний час, даже в последние минуты перед сдачей номера в печать. Но рубрика озадачила секретаря редакции Карпова:

- Не попало бы нам за эту самодеятельность...

Дело в том, что под такой рубрикой обычно печатались официальные сообщения Ставки и Совинформбюро. Я тоже заколебался было, а потом все же оставил рубрику в надежде, что начальство в большой претензии не будет, а читатели и подавно. Претензий действительно не последовало.

Получили мы и фотографии с того же направления, но из-за позднего времени в номер они не попали. Напечатали их на следующий день - 6 декабря. На одном - панорама подбитых и захваченных немецких танков в районе Наро-Фоминска. На втором - снежное поле, усеянное трупами гитлеровцев. Внушительный предвестник нашего контрнаступления...

А с Калининского фронта спецкор прислал и вовсе боевой

материал. Напечатали мы его на первой странице под большим заголовком "Войска Калининского фронта начали наступление". В тексте же сообщались такие подробности: "Операция начала развертываться ночью... В 11 часов утра после мощной артиллерийской подготовки перешли в наступление войска, занимавшие оборону северо-западнее Калинина... Наша часть, действующая в непосредственной близости к восточной окраине Калинина, ворвалась на территорию кирпичного завода... Другая часть, атаковавшая город с севера, очистила от противника Исаевский и Литейный переулки..."

В редакции царило необычное оживление. Готовя очередной номер, мы с нетерпением ждали сообщений о контрнаступлении войск Западного фронта. Корреспонденты "Красной звезды" разъехались, - кажется, по всем его армиям. К вечеру они должны были вернуться с полным коробом материалов. Зарезервировали для них первую и вторую полосы.

Но под вечер меня и редакторов других центральных газет пригласили к А. С. Щербакову. Вижу на столе у него "Красную звезду" с материалом о наступлении Калининского фронта.

- Вы забегаете вперед, - сказал он мне. И добавил, обращаясь уже ко всем приглашенным: - В Ставке считают, что пока не следует печатать сообщений о нашем наступлении. Обождем. Пристраивайтесь к сообщениям Информбюро...

Мы поняли, что это - прямое указание Сталина. Александр Сергеевич в подобных случаях редко ссылался на Сталина. Но мы все же догадывались, когда он говорит от себя, а когда передает указания Верховного.

Вернулся я в редакцию, рассказал товарищам о совещании в ЦК партии, и принялись мы в спешном порядке "перестраивать номер", заполнять полосы, предназначенные для сообщений о контрнаступлении, иными материалами.

Пожалуй, за все время Московской битвы у нас не было такой блеклой информации о ней. Да и сводка Совинформбюро такая же бесцветная: "В течение 6 декабря наши войска вели бои с противником на всех фронтах". И ни слова о контрнаступлении под Москвой.

Ничего не поделаешь! Торопливость в данном случае действительно может оказать плохую услугу войскам. Ведь контрнаступление только началось. Мы верили в его успех. Однако понимали, что не только такая большая операция, а и любой бой - уравнение с многими неизвестными.

Утром я поехал к Жукову "поплакаться в жилетку". Георгий Константинович сочувственно выслушал меня и посоветовал:

- Потерпи немного...

7 декабря

Хоть и не хватает в этом номере материалов о Московской битве, все-таки нельзя назвать его сереньким. В нем широко представлены наши писатели - Илья Эренбург, Федор Панферов, Константин Симонов... Симонов только вчера вернулся с Северного фронта. Вечером мы встретились. Он стал рассказывать об увиденном там, о пережитом, но вдруг прервал этот свой рассказ:

- Хочешь, прочитаю тебе стихи?..

Я не успел ответить - он уже выхватил из полевой сумки пачку исписанных листиков и начал чтение. Громко, словно перед большой аудиторией. Это была поэма "Сын артиллериста". Прослушав все до конца, я молча отобрал у него рукопись и на уголке первой странички написал: "В номер". Симонов обрадовался, даже глаза заблестели. Обрадовался и я - давно у нас не было стихов Симонова.

До глубокой ночи затянулась наша беседа. Много любопытного рассказал мне Симонов о своем двухмесячном пребывании на Севере, но еще больше узнал я потом из его дневников, которые хранились у меня в сейфе. Тут, наверное, требуется небольшое разъяснение. Во время войны всему личному составу действующей армии запрещалось вести дневники. Причины понятны. Понимали их и я и Симонов. Но писатель, очевидно, не может обойтись без каких-то записей своих впечатлений, наблюдений. Однажды Симонов принес мне целую пачку таких записей. Я прочитал их, они мне понравились. Больше всего - за честность суждений, за откровенность. По всем правилам воинской дисциплины, я должен был бы наказать его за нарушение запрета и отобрать дневники. Я их и отобрал, но... по ходатайству самого Симонова. Он попросил меня хранить их "на правах секретных документов"; это, мол, будет безопаснее и для него, и для дневников. Я спрятал их в своем сейфе, и с тех пор по возвращении из каждой своей командировки Симонов приносил мне новые и новые записи, а я складывал их в сейф рядом с прежними.

Опубликованы они были лишь в 70-е годы в виде двухтомника под общим названием "Разные дни войны". На подаренном мне экземпляре этого двухтомника автор сделал такую надпись: "Давиду Ортенбергу - первому лорду-хранителю этих не печатанных тогда дневников - с любовью и дружбой. Твой Костя"...

* * *

А теперь вернусь к тому, на чем прервался.

...Глубокая ночь на 7 декабря 1941 года. Все хлопоты с очередным номером газеты закончены. Вот-вот должны принести из типографии сигнальный экземпляр. Я дожидаюсь его по обязанности. А Симонов, конечно, потому, что в этом номере идет его поэма.

Он сидит напротив меня в удобном кресле, попыхивает своей трубкой, начиненной каким-то третьесортным табаком, и все рассказывает и рассказывает мне о Севере, о Северном фронте, Северном флоте. Я смотрю на него и думаю: "До чего ж он отощал и измотался в этой двухмесячной командировке!" Спрашиваю:

- Тебя что, не кормили там?

- Головами сушеной трески кормили, - отвечает шутливо Симонов.

За этой шуткой - далеко не шуточная история. Получив наш вызов в Москву, Симонов и работавший с ним в паре фотокорреспондент Бернштейн добрались поездом до Кандалакши, а там пересели на лесовоз, следовавший в Архангельск. По пути этот лесовоз затерло льдами. На нем кроме команды и наших спецкоров было две с половиной тысячи жителей Архангельска, возвращавшихся домой с оборонных работ на Северном фронте. Восемь суток провели они во льдах. Запасы еды кончились. Съели все, включая несколько бочек голов сушеной трески, предназначавшихся для изготовления клея. Начался голод. Появились больные. Лишь на девятые сутки подоспел на выручку ледокол...

После этих злоключений и предшествовавшей им напряженной работы в суровых северных условиях надо было дать Симонову хоть чуточку отдохнуть. Я объяснил ему, что в ближайшие два-три дня нам не придется широко освещать Московскую битву. Вот эти два-три дня и предоставляются ему для отдыха, а заодно и для того, чтобы отписаться, если что-то осталось в запасе. Забронировали для него номер в гостинице "Москва" и отправили туда. Однако он только переночевал в гостинице, а затем собрал свои пожитки и перебрался в редакцию. Комната для него, конечно, нашлась; пустых комнат было тогда больше, чем занятых...

* * *

Итак, в газете от 7 декабря опубликована поэма Симонова "Сын артиллериста". Заняла она чуть ли не половину полосы. Нечасто мы бывали так щедры для поэтов. Помнится, только еще одна поэма заняла в "Красной звезде" два подвала - это "Мария" Валентина Катаева.

Сам Симонов отнюдь не переоценивал художественных достоинств той своей поэмы. Даже удивлялся, почему она после

войны стала одним из наиболее популярных его произведений, особенно среди школьников. "Сына артиллериста" включили в школьные учебники, и к Симонову хлынул поток писем. В большинстве из них задавался вопрос: жив ли Ленька - главный герой баллады? Спустя много лет Симонов разыскал Леньку, узнал, что он по-прежнему служит в артиллерии, уже в звании подполковника.

Отмечу, между прочим, что в последующих изданиях поэмы автор исключил строки:

При свече в землянке
В ту ночь мы подняли тост
За тех, кто в бою не дрогнул,
Кто мужественен и прост.
За то, чтоб у этой истории
Был счастливый конец,
За то, чтобы выжил Ленька,
Чтоб им гордился отец,
За бойцов, защищавших
Границы страны своей,
За отцов, воспитавших
Достойных их сыновей!

Так и было в тот вечер, в землянке на полуострове Среднем, где командир артиллерийского полка рассказал Симонову эту историю; там тогда они и подняли чарку за "счастливый конец".

Что ж, право автора переделывать и сокращать свои стихи. Но в тот день, когда поэма сдавалась в набор, ни у меня, ни у самого Симонова не было сомнений, что они и к месту, и ко времени.

* * *

Очерк Федора Панферова назывался "Убийство Екатерины Пшенцовой". Об этой героической женщине из деревни Вилки писателю рассказали партизаны.

- Екатерина у нас богатырь во всех смыслах: на работе в поле первая, да уж если и на собрании сказать надо, скажет так, что и деваться некуда. Огонь-баба...

Когда трое ее сыновей ушли на фронт и туда же отправился и председатель колхоза, все единогласно утвердили Екатерину председателем.

Но вот в одно ненастное утро в деревню пришли гитлеровские солдаты. Сорок человек и с ними один штатский - господин Ганс Кляус, под власть которого был отдан колхоз. Этот господин потребовал, чтобы колхозники убрали и обмолотили хлеб. Екатерина подумала: "Чего ради какому-то мерзавцу

достанутся все наши труды?" Пошла по избам, всем сказала: "На работу не выходить". Какими только способами не пытались оккупанты заставить Екатерину подписать бумажку, обязывавшую односельчан немедленно выйти на работу! Господин Ганс Кляус пригрозил, что, если колхозники не выйдут на работу, он отдаст двух дочек ее "на потеху солдатам". И это не помогло. Тогда раздели самоё Екатерину...

Услышав душераздирающие крики Пшенцовой, вся деревня снялась и скрылась в лесу. Под утро туда же принесли закутанную в одеяло мертвую Екатерину. Она была исколота штыками, изрезана. Волосы у нее были спалены. Но выражение лица оставалось суровым и непреклонным.

А на следующую ночь в деревню Вилки ворвались партизаны и забросали гранатами хаты, в которых расположились гитлеровцы.

Тему для очередного фельетона Ильи Эренбурга подарил Геббельс. 2 декабря он обратился к немецкому народу по радио с таким воззванием: "Наши солдаты изнывают вдали от Германии среди безрадостных просторов. Жертвуйте патефоны и побольше граммофонных пластинок".

Эренбург предлагает "повеселить" оккупантов, соскучившихся "среди безрадостных просторов". Прямо адресуясь к нашим бойцам пишет:

"Товарищи бойцы, немцы соскучились по музыке. Придется для них исполнить на орудиях, на минометах, на пулеметах... траурный марш".

* * *

С того же числа - 7 декабря - начали мы публиковать путевые заметки летчика-инженера П. Федрови "Англия в дни войны". Это тоже был весьма актуальный материал: последние месяцы 1941 года проходили под знаком развития и укрепления антигитлеровской коалиции, расширения контактов с союзниками. "Красная звезда" старалась и тут сослужить посильную службу. Мы не могли ограничиться лишь очерком Симонова об английских летчиках, воевавших на нашем Севере, хотели продолжать разработку темы боевого содружества с прогрессивными силами Запада. Настойчиво искали для этого новых достойных авторов.

И вот на Центральном московском аэродроме произошла неожиданная встреча Саввы Дангулова с только что вернувшимся из командировки в Англию военинженером 1-го ранга Павлом Федрови. Они были давними товарищами. Федрови принадлежал к славной когорте летчиков-испытателей, работавших до войны в авиационном научно-исследовательском институте.

"На ловца и зверь бежит", - обрадовался Дангулов, увидав на трапе самолета этого смуглого, рослого, стремительного человека, обладавшего широким кругозором и неплохо владевшего пером.

В августе сорок первого года Федрови послали в Великобританию для изучения английской авиационной техники и знакомства с боевой деятельностью союзнической авиации. Дангулов знал об этом и сразу же, еще на аэродроме, сказал товарищу как о деле, давно решенном:

- Надо тебе садиться писать. И немедленно.

- Полагаешь, что у нас может получиться что-то стоящее? - спросил Федрови своей обычной скороговоркой. - Не знаю, не знаю... Будет ли интересно?

У Дангулова на этот счет сомнений не было. Да, вероятно, и сам Федрови только скромничал. Он вернулся с богатым запасом впечатлений об английских авиационных заводах, о союзнических авиачастях, в том числе о польском авиаполке, участвовавшем в боях за Англию. Вместе с нашим послом И. М. Майским был на танковом заводе, выполнявшем "заказ сражающейся России", стал там очевидцем митинга с участием Черчилля. Побывал в Лондоне, Глазго, Бирмингеме, Манчестере. Словом, видел Великобританию в труде и военных бедах. Да, беды не миновали и ее. Это было время жестоких атак на Британские острова с воздуха.

Возвращался Федрови на Родину морским путем - на английском транспорте с боевой техникой для СССР. Об этом тоже было что рассказать читателям "Красной звезды".

Под энергичным нажимом Дангулова Федрови написал интереснейшие, эмоциональные и в то же время политически заостренные очерки. Они заняли в газете пять "подвалов".

- Конечно, дело не в Черчилле, - сказал как-то Федрови, когда цикл его заметок увидел свет. - Всегда благодарно рассказать о народе, тем более если у этого народа с тобой один враг, если народ этот твой союзник.

Федрови нашел верные слова: его очерк об Англии в дни войны был именно рассказом о народе.

Приведу здесь лишь несколько любопытных деталей.

Федрови увидел военный Лондон. На улицах противотанковые препятствия, вдоль улиц - бомбоубежища. Много людей в военной форме, почти у всех сумки с противогазами и каски. Часто встречаются женщины в серых комбинезонах, в шутку называемых здесь "костюмом воздушной тревоги"...

Однажды Федрови заглянул в кино на окраине Лондона. Там

показывали советскую фронтовую хронику. Когда на экране появилось крупным планом лицо красноармейца, зал содрогнулся от аплодисментов. Раздались возгласы:

- Да здравствует красноармеец - наш брат!..

Братские чувства лондонцев к советскому народу Федрови испытал и на отношении к себе. Если узнавали, кто он, не было отбоя от просьб оставить на память автограф. "Пришлось, - рассказывает он, - расписываться на книгах, в блокнотах, на дамских сумочках, на чемоданах. Один шофер даже снял свою фуражку и попросил оставить автограф на тыльной стороне козырька".

В дни пребывания Федрови в Англии там издали напечатанные в "Красной звезде" очерки А. Полякова "В тылу врага". Одна из лучших фирм "Лондон-Путнем" выпустила их одновременно двумя изданиями, тиражом в 300 тысяч экземпляров.

Много интересного рассказал Федрови о своих встречах с английскими летчиками. Он не только увидел их профессиональную выучку, но и себя показал - сам слетал на "Спитфайере". Его, конечно, предостерегали: незнакомая, мол, машина, стоит ли рисковать? Но для такого опытного летчика-испытателя, как Федрови, риск в данном случае был минимальным.

"...Через семь-восемь минут полета, - пишет он, - мы с машиной перешли на "ты". Я бросал самолет из одной фигуры в другую. "Петля", "бочка", "иммельман", "штопор" возникали в воздухе. Наконец, снова набрав высоту, я ввел "Спитфайер" в пике. Стремительно завертелись стрелки альтиметра, скорость нарастала неудержимо. Когда до земли осталось 50 метров, я выхватил машину из пике и круто пошел в гору. Потом на высоте 1500 метров перевел ее в спокойный горизонтальный полет..."

Когда Федрови приземлился и выключил мотор, к нему бросились с поздравлениями все офицеры во главе с командиром части.

А вот что рассказывает Федрови о своих встречах с польскими летчиками:

"Я обратил внимание на старшего из них - маленького, очень подвижного, с пухлыми руками. Он был одет в обычный офицерский френч, только на отворотах виднелись кресты. Под френчем вместо светлой сорочки - черная блуза с крахмальным воротничком. Я узнал в этом человеке полкового ксендза... Он говорил по-русски, сохраняя темп польской речи:

- У нас сейчас общий враг, но не это одно связывает наши народы. Люди моего поколения хорошо понимают, что польская

интеллигенция исстари формировалась под сильным влиянием русской общественной мысли. Сердцу каждого славянина такие русские имена, как Пушкин, Тургенев, Толстой, близки. Русский язык для многих из нас не менее дорог, чем язык наших предков. Вот, например, наш командир Рогоза. Он учился в петроградской гимназии и навсегда сохранил истинные симпатии к России...

Зашел разговор о создании польской армии в СССР, о ее кадрах, вооружении. Командир полка Рогоза - высокий светловолосый красавец, с лучистыми серыми глазами - произнес почти торжественно:

- Мои люди жаждут попасть в Россию. Предложите - все пойдут...

Беседу эту прервал сигнал тревоги. Рогоза сказал на прощание:

- Не теряю надежды встретиться с вами в России...

Через несколько дней Федрови снова побывал на том же аэродроме. Польские летчики встретили его радушно, но не было среди них Рогозы. Случилась обычная на войне трагедия.

- Он погиб на прошлой неделе во время полета к Эмдену, - сообщили его боевые товарищи. - Сопровождал бомбовозы. Над Ла-Маншем эскадру атаковала стая "мессершмиттов". Рогоза защищал бомбовозы яростно. Было сбито девять немецких машин, остальные обратились в бегство...

Трогательную минуту пережил автор очерков на одном из авиазаводов во время обеденного перерыва:

"К началу обеда в столовую прибыл солдатский оркестр из соседней воинской части. Он дал концерт, тепло встреченный рабочими. Когда концерт подходил к концу, на авансцену вышел капельмейстер - ив зал ворвались звуки нашей "Песни о Родине", такой близкой сердцу советского человека..."

11 декабря

Шестой день продолжается наше контрнаступление под Москвой. Обилен приток корреспонденции с Западного фронта. Далеко не все сразу идет в номер. Значительная часть материалов складывается в редакционные папки "дожидаться своего часа". Из тех рукописей, что печатаются, тщательно вычеркивается слово "контрнаступление", но оставляются или даже вписываются заново другие слова и фразы, которые дают понять, каков масштаб операции.

9 декабря в корреспонденции Хитрова сообщалось: на ряде участков Западного фронта наши войска выбили противника из

некоторых населенных пунктов, 3-я, и 4-я танковые дивизии противника отброшены. В следующем номере - его же сообщение: "Всюду идут напряженные бои, особенно на северных подмосковных рубежах и южнее столицы". А в номере за 11 декабря еще более конкретные данные: "Клинский участок фронта - один из тех, где наши войска настойчиво атакуют врага и, продвигаясь вперед, захватывают один населенный пункт за другим". И в качестве наглядного свидетельства фотоснимки Виктора Темина "На клинском направлении" - сотни изуродованных немецких танков, автомашин и другой боевой техники.

Сдана в набор для следующего номера газеты обстоятельная корреспонденция, где есть такие строки: "За вчерашний день было освобождено от фашистских захватчиков на всем протяжении фронта большое количество населенных пунктов..."

Не надо быть большим знатоком военного дела, чтобы понять: если две танковые дивизии "отброшены", если освобождено много населенных пунктов "на всем протяжении фронта", если на фотографии не счесть боевых трофеев, доставшихся нашим войскам, значит, это уже не контратаки с ограниченными целями, а крупная наступательная операция. На эту же мысль наталкивает и передовая - "Смелее брать инициативу в свои руки". Словом, кто умел читать между строк, тот все понял...

8 декабря было освобождено Крюково, превращенное противником в мощный опорный пункт, на самом близком расстоянии от Москвы. С этой радостной вестью прибыл ночью Хитров. Его статью об этом мы набрали, сверстали, вычитали и отложили пока про запас, или, как говорится у газетчиков, "в загон".

Ясно, что через день-два последует сообщение о контрнаступлении. Надо быть готовым к этому. В Тулу ушла депеша Трояновскому, чтобы позаботился о статье командующего 50-й армией генерал-лейтенанта Болдина. Вистинецкого командировали в 1-й гвардейский кавалерийский корпус. Он уже вернулся и пишет очерк "В штабе генерала Белова". Остановка только за сообщением Совинформбюро - "В последний час".

Под этой рубрикой в предшествовавшие два дня печатались сообщения с других фронтов: войска генерала армии К. Мерецкова освободили Тихвин, а на другой день войсками генерал-лейтенанта Ф. Костенко был взят Елец. На первой полосе газеты за 11 декабря напечатаны портреты Мерецкова и Костенко. Кстати, с этого дня стало традицией рядом с сообщениями "В последний час" печатать фотографии командующих фронтами и

армиями. Позже, правда, эта традиция нарушилась: для портретов командармов, отличившихся в наступательных боях, не стало хватать места на первой полосе газеты. Волей-неволей пришлось ограничиться лишь портретами командующих фронтами.

* * *

Одновременно с сообщением Совинформбюро об освобождении Тихвина мы напечатали большую статью Михаила Цунца - "Тихвинский разгром". Все эти дни он был в войсках 4-й армии. В числе последних уходил из Тихвина и вместе с ее передовыми частями вступил в город.

Спустя много лет после войны Михаил Зиновьевич рассказал мне любопытную историю. На улицах города еще шли бои, когда он пробрался в Тихвинский монастырь, где прочно обосновалась группа наших разведчиков под командованием Николая Моисеенко. Удалой разведчик, не робевший перед гитлеровцами, очень был смущен первой встречей с представителем "Красной звезды" и прямо-таки обрадовался внезапно вспыхнувшей перестрелке на прилегавшей к монастырю площади. Он вежливо извинился и улизнул от Цунца. Но в 1971 году, когда Тихвин праздновал тридцатилетие своего освобождения, судьба свела их снова на том же самом месте - в Тихвинском монастыре. Профессор Ленинградского университета имени А. А. Жданова доктор экономических наук Николай Моисеенко узнал Цунца и предложил шутливо:

- Что ж, продолжим интервью. Вот теперь нам, пожалуй, никто не помешает, наговоримся вдоволь...

* * *

...И к официальному сообщению об освобождении Ельца тоже подоспела большая статья - "Елецкая операция". Она в особенности интересна потому, что о наступлении наших войск на этом направлении до сих пор в газете не было ни слова. Наоборот, всего несколько дней назад печатались корреспонденции о тяжелых боях в этом районе, о продвижении неприятеля, угрозе окружения. И вот сообщение о победе.

Я узнал о ней, конечно, пораньше читателей. Мне позвонили из Генштаба и сказали об этом, когда мы с. Константином Симоновым корпели над его очерком, написанным в те два дня, которые он получил для отдыха. Это был очерк о замечательном летчике - старшем лейтенанте Александре Коваленко, воевавшем на Севере. Не могу отказать себе в удовольствии воспроизвести здесь выдержку из разговора Коваленко с писателем:

" - Я как-то больше люблю насчет истребителей, мне их больше нравится сбивать, чем бомбардировщики. Я "сто десятый"

люблю, хорошая машина, в том смысле, что большая, есть куда попадать. А потом у нее огонь сильный, она не так боится в лоб идти. А нашему брату это только и нужно. Я первый удар всегда в лоб встречаю. Иду навстречу. Он не выдержит, под самый конец отвернет в сторону... А я, пока он заворачивает, наваливаюсь на стрелка сзади, переворот сделаю и бью по нему. В этот момент я его обычно и сбиваю".

Тут у Симонова есть ремарка:

"Он рассказывает все это без улыбки, со спокойствием и деловыми подробностями профессионала, мастера своего дела. И ему веришь, что он действительно "любит" сто десятый Мистер, как он фамильярно называет "Мессершмитт-110", любит за то, что это сильная машина и что он чаще идет в лоб, чем "Мистер сто девятый".

В полку Коваленко прозвали "истребителем истребителей". Так назвал свой очерк и Симонов.

Телефонный звонок из Генштаба ненадолго отвлек меня от симоновской рукописи. Но сам Константин Михайлович уже не пожелал возвращаться к ней. Елец был первым относительно крупным городом, освобожденным от противника в ходе Московской битвы. Услыхав об этом, Симонов загорелся желанием немедленно ехать или лететь туда.

* * *

Вместе с ним мы командировали Высокоостровского и двух фоторепортеров - Бернштейна и Темина. Достали для них два самолета "ПО-2" и обязали непременно вернуться к вечеру в редакцию, чтобы материал их тоже пошел в номер. Однако к вечеру они не вернулись. Не вернулись и на второй день и даже не дали знать о себе. Мы не на шутку встревожились.

Они и впрямь не избежали происшествия, но, к счастью, без роковых последствий. Дело в том, что при тогдашней очень причудливой конфигурации фронта кратчайший путь в Елец лежал через Рязань. В Рязани потребовалась дозаправка самолетов. Пока хлопотали с дозаправкой, совсем смерклось. Пришлось заночевать. А ночью разразился страшный буран.

Самолеты их снесло ветром на обочину аэродрома, изрядно подломав при этом. Продолжать полет было не на чем.

Перед корреспондентами возникла дилемма: либо добираться в Москву с пустыми руками, либо заскочить в освобожденный к тому времени другой наш город, Михайлов. До него от Рязани было не так далеко. Добыли полуторку и махнули туда. Уведомить о своем решении редакцию не смогли - на это ушло бы лишнее время.

Зарезервированное для их материалов место в очередном

номере газеты заняли другие корреспонденции и статьи, в том числе имеющая прямое отношение к Московской битве статья командующего ВВС Западного фронта генерала (впоследствии маршала авиации) С. Худякова - "Фронтовая авиация под Москвой". Она давала исчерпывающие ответы на многие неясные или не вполне ясные вопросы относительно обстановки в московском и подмосковном небе, содержала смелые выводы и прогнозы.

Я уже отмечал, что с середины октября налеты фашистской авиации на столицу участились. Каждый день или через день печатались сообщения об этом. Вначале такие: "...часть самолетов, прорвавшихся в районы города, беспорядочно сбросила фугасные бомбы на жилые помещения. Имеются убитые и раненые". Позже: "...одиночные самолеты прорвались на Москву. Имеются жертвы". А в последние дни ноября и в начале декабря налеты вроде бы совсем прекратились; во всяком случае, в печати сообщения о них не появлялись. Что же произошло или происходило?

Худяков отвечает на это так:

"Противник теперь с большой опаской совершает налеты на Москву. Немцы бросают листовки, будто хотят занять "целую Москву", дескать, поэтому они не бомбят. Но фашистские звери, конечно, оставили бы от Москвы груду развалин, если бы не получали от наших истребителей зубодробительных ударов. Достаточно сказать, что в один из недавних дней в налете на Москву участвовало больше 150 самолетов противника, и ни один из них не был допущен к городу. За этот день 35 вражеских самолетов было сбито в воздушных боях... Бывали дни, когда вблизи Москвы происходило больше 40 воздушных боев..."

От себя добавлю: позже было подсчитано, что только в течение ноября бомбардировщики противника свыше сорока раз пытались прорваться к Москве, в этих попытках участвовало около 2000 самолетов, а прорвалось к городу лишь 26.

Кроме потерь в воздушных боях противник потерял немало самолетов на земле - в местах базирования.

"Наша авиация, - пишет Худяков, - наносила систематические массированные удары по аэродромам противника, причиняя ему значительный ущерб. В итоге этих ударов немцы отказались от базирования своих самолетов на площадках вблизи передовых позиций. Авиация врага находится сейчас от фронта дальше, чем в первые дни ноябрьского наступления. Попытки врага, несмотря ни на что, приблизить свою авиацию к линии фронта потерпели неудачи. Лишь на днях на одном из прифронтовых немецких аэродромов наши штурмовики и истребители сожгли 30

неприятельских самолетов..."

Вспоминаю, что меня несколько смутило очень уж категорическое утверждение автора о том, что "германо-фашистская авиация начинает выдыхаться. Можно смело заявить, что на Западном фронте немцы не имеют превосходства в воздухе".

Я пригласил Денисова, доставившего статью Худякова. Спросил:

- Где доказательства?

Теперь-то доказательства есть. Точно подсчитано, что к началу нашего контрнаступления под Москвой в составе трех, участвовавших в нем фронтов у нас было вдвое меньше, чем у противника, артиллерии, на треть меньше танков, мы уступали ему численно и в людях, а вот в численности авиации действительно существовало небольшое превосходство: мы имели 860 самолетов, а он - 600. Но тогда такими точными цифрами мы еще не располагали. И Денисов смог привести в доказательство лишь один аргумент:

- Худяков - сведущий генерал.

Я не удовлетворился таким ответом, позвонил в Перхушково Жукову, прочитал ему абзац из статьи Худякова, показавшийся мне сомнительным:

- Все верно, - подтвердил Георгий Константинович.

Все сомнения отпали, и для статьи Худякова мы отвели самое видное место на второй полосе.

Выступили на страницах газеты и другие военачальники. Генерал И. Е. Петров напечатал очень интересную и важную статью "30 дней обороны Севастополя".

"Уже месяц, - пишет он, - немецкие захватчики, ворвавшиеся в Крым, стоят у ворот Севастополя. За это время, если верить гитлеровским брехунам, они дважды брали город штурмом, трижды до основания разрушили его бомбежкой с воздуха. Нет, не удалось немцам ни овладеть городом, ни разрушить его "до основания"...

Двести дней мужественно сражались защитники Севастополя с врагом. Статья Петрова рассказывала о тех днях, когда только-только занималась слава Севастополя, о его первых героях.

С не меньшим интересом читалась и статья командующего новгородской группой советских войск генерала И. Т. Коровникова "Правда о "Голубой дивизии". Радиоперехват принес сообщение германского командования о том, что какой-то батальон испанцев якобы разбил три советских батальона и взял много пленных. Это сообщение мы переслали Коровникову и попросили его откликнуться статьей. Своеобразная это была

статья. Она состояла главным образом из фактов, цифр, трофейных документов, дневников, показаний пленных. Они неопровержимо свидетельствовали, что от самой "Голубой дивизии" остались лишь рожки да ножки.

13 декабря

"Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы. Поражение немецких войск на подступах к Москве". Под этим крупно набранным заголовком сегодня опубликовано обширное сообщение Совинформбюро. Не было еще за время Отечественной войны вести радостней этой! Не было вести и значительней. Победе под Москвой посвящен весь номер "Красной звезды". Под текстом сообщения - фотографии командующего Западным фронтом генерала армии Г. К. Жукова, командармов - Д. Д. Лелюшенко, В. И. Кузнецова, К. К. Рокоссовского, Л. А. Говорова, И. В. Болдина, Ф. И. Голикова и командира 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала П. А. Белова. Все они в парадной форме. Один только Белов - в полевой. Фотографиями командармов мы предусмотрительно запаслись, а о фотографии Белова заранее не побеспокоились - не предполагали, что в сообщении будет назван и командир корпуса. Пришлось воспользоваться тем, что нашлось у наших фотокорреспондентов, побывавших недавно в корпусе...

Эмоциональные строки передовой словно заглядывали в наше близкое и далекое будущее: "Защита Москвы навеки войдет в историю как беспримерное проявление массового героизма. Страна никогда не забудет 28 гвардейцев, которые, не дрогнув, вступили в единоборство более чем с пятьюдесятью немецкими танками. Страна никогда не забудет, как в самые трудные дни, когда наступательный порыв врага еще не был подорван и превосходство в силах оставалось еще за ним, сотни и тысячи защитников Москвы до последней капли крови отстаивали каждый рубеж, проникнутые непоколебимой решимостью победить или умереть. Кровь лучших сынов Родины, пролитая на подступах к Москве, не пропала даром..."

Это - все на первой полосе. А на внутренних - статьи авторов из войск и сообщения наших корреспондентов. Выделяется статья командующего 50-й армией генерала Болдина - "Разгром дивизий Гудериана". Давно ли танки Гудериана держали в страхе всю Западную Европу? Давно ли в Германии объявляли его непобедимым. А теперь вот - разгром!

Не было тогда еще в наших руках оперативных планов

гудериановского штаба, однако Болдин правильно определил их: "В середине ноября немецкое командование начало новую наступательную операцию против Тулы... Главный удар немцы намечали нанести восточнее Тулы - на Узловую, Сталиногорск, Венев и Каширу. Затем в зависимости от обстоятельств главные силы должны были, вероятно, идти или прямо на Москву, или (если в Кашире будет мощное сопротивление) резко повернуть на запад и перерезать шоссе Тула - Москва. К этому времени западная группировка немцев должна была начать наступление от Алексина и тоже выйти к шоссе Тула - Москва. В случае удачи немцы решали сразу три важных задачи: окружение тульской группировки войск, ликвидация тульского узла сопротивления и захват дороги на Москву".

Такова была смертельная опасность, угрожавшая Москве с этого фланга. Болдин и рассказывает, как от этапа к этапу шли оборонительные бои его армии, контрнаступление и - победа!

"7 декабря утром, - пишет Болдин, - нами был перехвачен панический запрос по радио штаба 3-й танковой дивизии Гудериану. Гудериан ответил: "Машины сжигать, самим отступать на юго-восток..."

На этой же полосе заверстана фотография Военного совета 50-й армии. На ней рядом с командармом - секретарь Тульского обкома партии В. Жаворонков и бригадный комиссар К. Сорокин. Конечно, могут спросить: почему Военный совет только 50-й армии? Не знаю, насколько мое объяснение будет убедительным, но все же я его изложу.

Прежде всего снимок вполне сочетался со статьей о разгроме дивизий Гудериана. Далее, нам было известно, как много сделал для обороны Тулы Жаворонков, и это хотелось отметить. И еще одно обстоятельство. Передавая по телефону статью Болдина, Трояновский мне сказал, что над ней работал весь Военный совет. Откровенно скажу, это не могло не радовать и даже льстить редакторской душе. Человеческая слабость - куда ее денешь!

Словом, выслушав Трояновского, я ему сказал:

- Там у вас Кнорринг. Передайте, чтобы сделал снимок Военного совета армии и сегодня же доставил в редакцию.

Позже мы печатали снимки военных советов и других армий, и даже фронтов. Но началось это с Тулы.

Событиям на противоположном крыле Западного фронта посвящена статья Хитрова "Бои за Крюково". Этот небольшой дачный поселок, на месте которого ныне вырос прекрасный город Зеленоград, рассматривался тогда как важный опорный пункт врага на подступах к Москве с северо-запада. Бои здесь носили исключительно кровопролитный характер и в дни нашей

обороны, и в дни контрнаступления. Двое суток штурмовали Крюково наши танкисты и кавалеристы. Лишь на третий день им удалось выбить противника из поселка. Гитлеровцам был нанесен большой урон, но и нам Крюково стоило немалой крови. Хитров провел на этом участке фронта длительное время, все видел своими глазами и описал без прикрас эти тяжелые бои.

Разящими строфами откликнулся на успехи наших войск в Московской битве Алексей Сурков:

На Запад трусливо бежит убийца,
Оставив кровавый след.
От гнева народа нигде не скрыться,
От мести спасения нет.
Немецким насильникам нет пощады!
Разящая сталь строга.
Сквозь ветер и холод идут отряды
По волчьим следам врага...

Этим стихотворением - "Расплата" - Алексей Александрович Сурков и вошел в нашу краснозвездовскую семью. С большой радостью встретили мы его. Особенно рад был я. Мы подружились еще в газете "Героический поход". Сурков был мужествен во всем и везде - и в стихах, и в повседневной жизни, и в бою. За это и любили его все в нашем редакционном коллективе.

Когда началась Отечественная война, Сурков каким-то непонятным образом "выскользнул" из моих рук - очутился в газете Западного фронта. Сразу забрать его оттуда в "Красную звезду" не удалось: возражал член Военного совета фронта Н. Булганин, с мнением которого очень считались. Не хотелось мне "обижать" и моего доброго товарища - начальника политуправления фронта дивизионного комиссара Дмитрия Лестева. Лишь весной 1942 года я обратился в ГлавПУР с проектом приказа о назначении Суркова специальным корреспондентом "Красной звезды". Приказ был подписан.

А до тех пор мы считали Суркова нашим, так сказать, нештатным корреспондентом.

* * *

На исходе ночи, а точнее сказать - уже утром 13 декабря, как только была запущена ротация, я отобрал с десяток экземпляров газеты и отправился в Перхушково. Хотелось поздравить Жукова с победой, а заодно посмотреть, как живет и действует в эти дни его штаб, узнать последние фронтовые новости.

Георгия Константиновича застал бодрствующим. На лице

никаких следов усталости, хотя спал он, вероятно, всего лишь несколько часов. Хорошие вести, говорят, снимают усталость. У карты в полстены с красными стрелами, рвущимися на запад, и синими, повернутыми вспять, корпел штабной офицер, нанося цветными карандашами новые, только что полученные данные. Входили и выходили операторы. Звонили многочисленные телефоны.

Поздравить Жукова мне не удалось - не та была обстановка на его КП. Я молча положил перед ним на стол свежий, остро пахнущий типографской краской экземпляр "Красной звезды", где было опубликовано сообщение о разгроме гитлеровцев на Западном фронте и напечатан его, Жукова, большой, на две колонки, портрет в окружении командармов. Георгий Константинович улыбнулся - и этим все было сказано.

Тогда же я услышал разговор Жукова с командующими армиями.

- Хорошо, что бегут. Хорошо, что преследуете. Но не давайте им выскользнуть... Бейте по флангам, смелее прорывайтесь в тыл... Уничтожайте...

Сразу мне вспомнились часы, проведенные у Жукова на Хамар-Дабе в Монголии во время нашего наступления на Халхин-Голе. Там был у него почти такой же разговор: "Не давайте противнику уйти... Не допускайте отхода... Окружать!.."

И теперь, понял я, Жуков не очень доволен, что дают неприятелю ускользнуть, отвести свои войска на новые рубежи. Я это намотал себе на ус. Попрощался и пошел к начальнику политуправления фронта В. Е. Макарову. Тот сидел у телефона и все теребил начпоармов, требуя от них информации, в частности о подвигах.

- Когда в обороне сидели, - упрекал он их, - донесений было много, а сейчас от вас не добьешься. - И, обращаясь ко мне, объяснял: - Говорят, что в обороне легче было, чем в наступлении, сейчас войска в движении и "канцелярия" скрипит, хотя геройств не перечесть...

Вернувшись в редакцию, я тотчас же вызвал наших "военспецов" Хитрова и Коломейцева, рассказал им об услышанном в кабинете Жукова и попросил выехать в войска и внимательно посмотреть, что там и как получилось с тем самым "ускользанием" противника...

16 декабря

Новые сообщения об отбитых городах и поселках - Клин,

Ливны, Ефремов, Ясная Поляна... Обширная информация со всех направлений Западного фронта. Но каждому, кто развернет этот номер газеты, прежде всего бросится в глаза корреспонденция Трояновского "Что увидели наши войска в Ясной Поляне". Уже несколько дней назад стало очевидным, что немцы вот-вот будут изгнаны из Ясной Поляны. Главная задача состояла в том, чтобы спасти ее от разорения, сохранить там по возможности все связанное с жизнью великого писателя. Командующему 50-й армией генералу Болдину звонили по этому поводу и начальник Генштаба Б. М. Шапошников, и командующий фронтом Г. К. Жуков советовали, как "по-умному" взять Ясную Поляну. В штабе армии тщательно разрабатывалась организация боя, с таким расчетом, чтобы ни один снаряд не попал в усадьбу Толстого.

Трояновского мы обязали побывать в Ясной Поляне сразу же после изгнания оттуда гитлеровцев и немедленно передать в редакцию подробный репортаж. Он заблаговременно прибыл в дивизию Трубникова, выдвинутую на подступы к Ясной Поляне, и следовал с ее передовым отрядом. В атаку пошли по глубокому снегу. Ломившийся через сугробы рядом с Трояновским лейтенант Василий Зотов подбадривал бойцов:

- Ребята, впереди же Ясная Поляна!..

И вдруг упал, обливаясь кровью.

Враг отходил, отстреливаясь. В спешке он не успел прихватить с собой всю свою боевую технику, автомашины, боеприпасы. А вот поджечь здешние достопримечательности успел. Огнем была объята знаменитая школа, основанная Толстым для крестьянских детей. Пылала больница. Черный дым валил из окон двухэтажного жилого дома Толстого. Местные жители с риском для жизни бросились спасать его. Подоспевшие бойцы помогли им ликвидировать пожар. Но в доме-музее все-таки выгорели библиотека, спальня Льва Николаевича и комнаты Софьи Андреевны...

Наш корреспондент встретился и поговорил с хранителем дома-музея Сергеем Ивановичем Щеголевым, с научной сотрудницей Марией Ивановной Щеголевой, с многими из местных жителей. Они рассказали о чудовищных злодеяниях фашистских варваров. Гитлеровцы пришли в Ясную Поляну 29 октября. А до этого в течение двух дней безжалостно обстреливали и бомбили усадьбу. Погибло много женщин, детей. Убит был и Павел Давыдович Орехов, председатель местного колхоза, в прошлом ученик Льва Николаевича Толстого.

Потом музей превратили в казарму. В садике перед ним новые хозяева начали резать коров, свиней, гусей, кур, развели костры. Ломали изгородь, срывали с петель двери, рубили и жгли

мебель. Для чего-то вспороли диван, на котором родился Лев Николаевич. Изрезали ковры. Часть музейных экспонатов отправили в Германию. Осквернили могилу писателя, устроив возле нее свалку.

Все это записал Трояновский и помчался в Тулу - передавать свою корреспонденцию в редакцию. Во время передачи я случайно зашел на редакционный узел связи. Вижу - мучается наша стенографистка Муза Николаевна, по нескольку раз переспрашивает каждую фразу.

- Откуда передают?

- Из Казани.

Странно! В этом тыловом городе у нас вроде никого нет. Снова обращаюсь к Музе Николаевне:

- Кто передает?

- Трояновский!

Павел Трояновский в Казани?! Как он там появился? Ведь ему же приказано быть в Ясной Поляне. Я взял телефонную трубку, спрашиваю:

- Трояновский! Почему вы в Казани?

Сквозь треск и писк пробился голос Трояновского, и все разъяснилось. Оказывается, из Тулы нет прямой связи с Москвой. Опытного корреспондента это не обескуражило.

- А с кем есть связь? - спросил он телефонисток.

- С Рязанью

- Вызывайте Рязань.

Вызвали, но там тоже нарушилась связь со столицей, предлагают соединить с Куйбышевым. Однако и Куйбышев не утешил:

- Москва на повреждении.

- С кем же имеете связь?

- С Казанью.

- Дайте Казань...

Вот таким кружным путем и пробился к нам Трояновский. Диктовку своей корреспонденции он закончил в два часа ночи. Газета уже сверстана, вот-вот должна была уйти в печать. Пришлось задержать. Корреспонденция о Ясной Поляне стоила того. Она вызвала у советских людей, в том числе и в войсках, громивших противника под Москвой, новую волну испепеляющего гнева против изуверств фашизма.

Откликнулся на эту корреспонденцию и Алексей Толстой, знавший каждый уголок усадьбы Льва Николаевича, где "расправлял крылья его гений", где "рождались страницы, над которыми мы смеялись и плакали и учились быть лучше, чем мы были".

Алексей Толстой дал точное объяснение злодейству гитлеровцев в Ясной Поляне, определил меру вины и меру ответственности за это и солдатни Гитлера и самого Гитлера, очень убедительно сказал о глубине их нравственного падения:

"Это не варвары, ибо варвары не виноваты в том, что еще не поднялись на ступень цивилизации. Не оскорбляйте варваров, называя этим именем солдат Гитлера. Не обижайте природу, называя дикими зверями солдат Гитлера. Они просто - падшая сволочь".

* * *

Контрнаступление советских войск под Москвой поставило в крайне трудное положение не только гитлеровских генералов, но и гитлеровских пропагандистов, чем не замедлили воспользоваться наши сатирики. В "Красной звезде" от 16 декабря очень удачно выступил старейший из фельетонистов "Правды" Д. И. Заславский. Он выписал в хронологическом порядке декабрьские сообщения департамента Геббельса, противоречившие одно другому, истинному положению вещей и здравому смыслу. Вот как выглядят эти выписки:

"Германские круги заявляют, что германское наступление на столицу большевиков продвинулось так далеко, что уже можно рассмотреть внутреннюю часть Москвы через хороший бинокль" (Германское информбюро, начало декабря).

"Восточный фронт представляет в настоящее время только лишь тактический, а не стратегический интерес" (11 декабря).

"Германское командование издало строгий приказ воздерживаться от наступательных действий" (12 декабря).

"По сообщению советского информбюро, наши части якобы начали отступление... Эти сообщения ни в коем случае не соответствуют действительности..." (14 декабря).

"...Наши войска немного отходят назад..." (В тот же день).

"То, что русские называют бегством, это не что иное, как планомерное оставление позиций" (В тот же день).

Весь этот вздор напомнил сатирику известную басню Ивана Андреевича Крылова о Лисе и винограде. Фельетон так и называется: "Старая басня". Стоит его повторить здесь:

"Одна жадная и хитрая лиса увидела однажды на Востоке в большом чужом саду прекрасный виноград. У лисы на этот чужой виноград разгорелись глаза и зубы.

- Это мое жизненное пространство! - сказала лиса и бросилась в чужой сад.

Она наступала большими прыжками и приблизилась к стенам сада.

- Ура! - крикнула лиса. - Мое око уже видит виноград без

всякого бинокля. Еще один прыжок, гам! - и я съем эти чудесные гроздья, которые горят, как яхонты.

Но сад был окружен очень высокими стенами и охранялся зоркими сторожами. Напрасно лиса бросалась на стены. Она лишь понесла большие потери зубами, ушами, хвостом. Кроме того, ей набили такую оскомину, что она не могла уже прыгать, и ползла на брюхе.

Лиса посмотрела на виноград и сказала:

- Что-то пропал у меня к нему стратегический аппетит, а есть только тактический интерес. Я интересуюсь тем, как я выберусь отсюда.

И лиса тактически поползла, как рак: задом наперед. Она говорила:

- Я немного отступаю.

Потом она поползла скорее и сказала:

- Люди называют это бегством. А я называю это планомерной победой в обратном направлении.

У нее уже не было сил ползти. Она еще раз посмотрела на виноград издали и сказала:

- Этот виноград имеет только местное значение. Я в таком месте винограда не ем.

Тут ей еще раз набили оскомину, и хитрая, но глупая лиса с воем покатилась на карачках".

"Старую басню" автор снабдил подзаголовком: "Новый перевод германского информационного бюро".

17 декабря

Освобожден Калинин! На первой полосе "Красной звезды" рядом с сообщением Совинформбюро "В последний час" - портреты командующего Калининским фронтом И. С. Конева и двух командующих армиями - И. И. Масленникова и В. А. Юшкевича.

Бои за этот город были трудными. С самого начала они проходили в замедленном темпе. Войска Калининского фронта не имели численного превосходства над противником ни в живой силе, ни в технике. Им не удалось с ходу форсировать Волгу. Враг упорно сопротивлялся. Только за 7-9 декабря было отражено до 20 неприятельских контратак. Наши войска несли значительные потери, но наступательный порыв не остывал.

Это отмечено и в нашей передовой "Освобождение города Калинина", и в материалах второй полосы, которая открывается обзорной статьей Зотова "Бои за Калинин". По правде говоря, мы

рассчитывали на другой материал. Зотову поручалось организовать статью командующего фронтом. Она была готова своевременно. Перед отправкой ее в редакцию Конев внес в текст последние уточнения и надписал чуть выше заголовка: "Передать немедленно".

С чувством уже выполненного долга Зотов отправился на узел связи, но вскоре его опять вызвали к Коневу. За широким дубовым столом, какие встречались тогда во всех крестьянских избах, рядом с командующим сидел член Военного совета фронта корпусной комиссар Д. С. Леонов.

- Как с передачей статьи? - поинтересовался Иван Степанович.

- Заканчивают, - доложил Зотов.

- Знаешь что, - сказал Конев, - пусть эта статья идет за твоей подписью... Делали-то мы ее вместе.

Корреспондент пытался возразить:

- В редакции ждут не мою, а вашу статью.

- Пускай дадут твою, так будет лучше, - настаивал Конев. - Я при случае все объясню редактору.

Зотов позвонил мне по телефону и упавшим голосом рассказал о происшедшем.

- Ничего не поделаешь, - ответил я, - дадим статью за вашей подписью.

Почему Конев принял такое решение, разгадка пришла на второй день. Другая статья Конева об освобождении Калинина появилась в "Правде". Тут не обошлось без "фитиля" со стороны корреспондента "Правды" по Калининскому фронту Бориса Полевого. Оказывается, "Правда" тоже заказала Коневу статью об освобождении Калинина. Иван Степанович посчитал, что неудобно ему выступать одновременно в двух газетах, и выбрал, понятно, "Правду". Но не без "помощи" Полевого...

Очевидно, именно этот случай и имел в виду Борис Николаевич, сделав на одной из своих книг, подаренных мне, такую надпись: "Генералу от журналистики Давиду Иосифовичу Ортенбергу - славному фитильщику среди редакторов на добрую память от фитильщика среди корреспондентов. Дружески. Б. Полевой. 24 октября 1966 г."

* * *

В том же номере газеты с большим очерком выступил и другой наш спецкор по Калининскому фронту Леонид Лось. Его потрясла драма, разыгравшаяся под Калининым. Собственно, здесь повторилось то же, что и под Ельней во время августовских боев, о чем писал тогда Михаил Шолохов в своей статье "Гнусность". Чтобы остановить продвижение наших войск на

Калинин, гитлеровцы пригнали на поле женщин из окрестных деревушек и за их спинами пошли в контратаку. Знали, что не станем мы стрелять по своим. И все-таки контратака не удалась. Командир нашей части сумел сманеврировать: навалился на гитлеровцев с флангов, отсек "заслон" и. учинил над изуверами такую расправу, какой они заслуживали. Лось встретил спасенных женщин, разговаривал с ними. Две были ранены. Одна, совсем молодая, поседела. Но все держались с достоинством. Сказали спецкору:

- Мы шли впереди их и кричали нашим: "Стреляйте, стреляйте же! Бейте этих разбойников! Бейте гадов!.."

"Милый парень Ленька Лось". Так называли у нас в редакции этого талантливого журналиста. Недолго, однако, довелось ему поработать вместе с нами. Пришел он в "Красную звезду" из "Комсомольской правды" в начале октября, а в январе его уже не стало.

Он был безотказен в работе. Ему не занимать было храбрости. Тем не менее прав, наверное, один из ближайших товарищей Лося, охарактеризовавший его так: "Какой-то он очень уж домашний. На войне ему много труднее, чем любому из нас. Мы вон свои корреспонденции походя пишем, а ему непременно стол требуется и чтоб тихо было".

А все же Лось прислал с Калининского фронта немало хороших материалов. После очерка, о котором речь шла выше, мы получили от него интересную корреспонденцию "Как они отступают". 16 января сорок второго года опубликовали его же очерк о командире партизанского отряда. Это было последнее печатное выступление Леонида Лося.

Кажется, в тот же день, а может быть, накануне, был я в ГлавПУРе. Мне прочитали несколько строк из донесения политуправления Калининского фронта. Сообщалось, что где-то под Ржевом колхозники перекололи вилами гитлеровцев и тем помогли нашим бойцам взять деревню.

- Вы это знаете?

- Нет. Корреспонденты пока не сообщали.

- Узнайте. Случай исключительный...

Действительно, прямо-таки страничка из истории Отечественной войны двенадцатого года! Сразу же ушла телеграмма корреспондентам Калининского фронта: выехать или вылететь кому-нибудь в ту деревню, рассказать об этой истории обстоятельно.

Полететь вызвался Лось. Достали для него "У-2", проводили на аэродром. Забравшись в кабину, он помахал рукой, и самолет взял курс на Ржев. Ждали Лося к вечеру - не вернулся. Товарищи

забили тревогу, стали разыскивать его. Командующий ВВС фронта генерал М. М. Громов трижды посылал самолеты по тому же курсу, и всякий раз они возвращались ни с чем. В той деревне, куда полетел Лось, опять хозяйничали оккупанты.

Конев отдал приказ наземным войскам: немедленно сообщить, не видел ли кто-нибудь гибели самолета "У-2"; если видел, то где и когда? Из одной дивизии сообщили: близ Ржева один такой самолет рухнул в лес, занятый противником.

После того как этот лес был очищен от противника, там удалось разыскать обломки самолета и два сильно обгоревших трупа. По бляхе ремня, подаренного Лосю Зотовым, было установлено, что один из погибших - Лось...

* * *

Вчера вечером раздался звонок с московского аэродрома. Звонил Симонов. Наконец-то нашлась "пропащая душа"! Сразу же послали за ним машину - и через час он был у меня. В полном зимнем фронтовом обмундировании - в полушубке, валенках, меховых рукавицах, но... без шапки. Обветренный, раскрасневшийся, даже какой-то сизый. Стал объяснять, почему не попали в Елец, доложил, что был в 10-й армии генерала Голикова, наступавшей на Михайлов - Епифань - Богородицк. Хотел рассказать, что видел там, как добирался в Москву. Но я прервал его:

- Потом расскажешь. Садись и пиши. Пойдет в номер. Ровно триста строк... А где твой экипаж?

- Подъедут завтра...

Свой очерк Симонов не писал, а прямо диктовал на машинку. До двух часов ночи. Назвал его "Дорога на Запад".

Очерк удался.

Насмотрелся на разор в отбитых у противника исконно русских городах Михайлове, Епифани, Богородицке, на сожженные дотла села и деревушки и заглянул в их будущее: "Город Епифань. Вернее, то, что было городом Епифанью, и то, что будет городом Епифанью. Да, будет! Потому что исчезнет с земли вся эта фашистская сволочь, все эти убийцы, мародеры, насильники, а русские города, разрушенные ими, восстанут из праха, как они восставали уже не раз, и будут стоять еще века на тех самых местах, где они уже веками стояли".

О чудовищных зверствах гитлеровцев. И о величии духа советских людей: "В том же Гремячем односельчане еще не успели похоронить только что снятых с виселиц пятнадцать человек своих родных и соседей. Эти люди не хотели быть холуями у немцев. Они вели себя с достоинством русского человека, а этого было достаточно, чтобы немцы их повесили и не давали снять с

виселиц трупы до своего ухода".

Симонов уже достаточно повидал пленных гитлеровцев - и на Западном фронте, и в Крыму, и на Севере, но никогда не писал о них с такой взрывной ненавистью и даже проклятием, как в этот раз: "Два красноармейца ведут по улице выжженного города семерых немцев. Они ведут их далеко в тыл, через сожженные города и деревни, через разрушенные села. Они поведут их и доведут, потому что такой приказ, но они с удовольствием, не сделав и трех шагов, воткнули бы штык в глотку каждому из этих мерзавцев. Они поведут их через сожженные деревни, мимо женщин, которые будут проклинать врагов и плевать им в глаза, они должны будут защищать врагов от народного гнева, от стариков, которые готовы повесить их на первом дереве или задушить своими руками. Красноармейцам захочется зайти в избу погреться, но они должны будут взять с собой в избу этих семерых негодяев, которые день или два назад вытащили из этой избы все, что смогли, и повесили на стропилах ее хозяина. Красноармейцы доведут их, потому что таков приказ, но я не знаю, у кого из нас поднялась бы на конвоиров рука, если бы они не выполнили этого приказа".

Прочитал я последнюю фразу, уткнул в нее карандаш и задумался. Симонов, стоявший рядом у моей конторки, поспешил объяснить:

- Я не зову нарушать приказ. Я стараюсь отразить чувства людей, их настроения. Так и будет понято. Побывал бы ты там, увидел бы, что они натворили!..

Уговорил: оставили как есть. Тем более что несколько выше я уже зачеркнул нечто подобное. А было там вот что. Стояли Симонов и командующий армией генерал Ф. И. Голиков возле догоравшей избы в деревне Колодязная под Богородицком, беседовали. В это время к Голикову привели двух гитлеровцев, только что поймали за соседними домами - не успели сбежать с остальными, увлеклись дожиганием уцелевшего. Их схватили с пучками горящей соломы в руках. И Симонов прокомментировал этот случай так:

"Разве можно их назвать пленными, этих убийц и поджигателей, да и вообще, разве применимо к ним какое-нибудь человеческое слово? Пуля в лоб единственное, что они заслуживают.

Поджигателей было приказано расстрелять".

Вот эту фразу я и зачеркнул. Симонов посмотрел на вымарку, сделанную красным карандашом, разволновался:

- Ты что - против?..

- Нет, - ответил я, - почему же? Но просто не влезает в подвал.

Надо же что-то сокращать...

Симонов посмотрел на меня с укором. Он понял меня...

Очерк пошел в набор. Я распорядился, чтобы его разделили на несколько линотипов и верстку доставили не позже чем через час. Симонова попросил дождаться верстки, вычитать ее и, если окажется "хвост", сократить.

- А пока расскажи о своем путешествии, - предложил я. - Почему без шапки?

И тут мне довелось услышать, как дьявольски трудно добирался Симонов в Москву в этот студеный день. Были использованы все виды фронтового транспорта: и попутные подводы, и попутные грузовики, наконец - самолет "У-2". В открытой кабине этого самолета лететь зимой в любом случае - не сахар. А тут еще попали опять в буран, ветром сорвало с головы и унесло неведомо куда шапку.

- Чтобы вовсе не окоченеть, - говорил Симонов, посмеиваясь, - я всю дорогу тер лицо рукавицей и хлестал себя по щекам...

Принесли верстку. Очерк действительно не уместился в "подвал". Оставался "хвост" строк в пятьдесят. Хоть и жаль было, но пришлось резать, можно сказать, по живому. Выпали строки, где вновь выплеснулась неудержимая ненависть к гитлеровцам:

"Мы делали посадку в одном из сел, и, сдернув шлем, летчик связного самолета говорит мне глухим голосом:

- Не могу больше. Буду просить перевести в штурмовую авиацию. Хочу их сам, своими руками, чтобы чувствовать, что сам их убиваешь!

Да, он прав. Я его понимаю. Вот именно такое чувство и у меня, и у каждого из нас, кто видел все это: убивать их своими руками, хоть одного но непременно своими руками".

Невольно вспоминается опубликованное в "Красной звезде" стихотворение Алексея Суркова из его цикла "Декабрь под Москвой":

Человек склонился над водой
И увидел вдруг, что он седой.
Человеку было двадцать лет.
Над лесным ручьем он дал обет:
Беспощадно, яростно казнить
Тех убийц, что рвутся на восток.
Кто его посмеет обвинить,
Если будет он в бою жесток?

Жалко было расстаться и с такими строками, ярко рисовавшими обстановку тех часов и минут:

"Генерал Голиков отправляет вперед одного из своих штабных командиров. Командир на секунду задерживается:

- Товарищ генерал, сообщите сегодняшний пропуск.

- Пропуск? Сегодняшний пропуск - Богородицк. Понимаете - Богородицк! И отзыв тоже - Богородицк, и не возвращайтесь ко мне без донесения о том, что Богородицк взят! Ясно?

- Ясно".

Наконец верстка подписана, полосы ушли в печать, я отправил Симонова в его "картотеку". Так он назвал комнату в редакции, где жил, - она была заставлена ящиками с какими-то карточками.

Но уже в 7 часов утра вместе с фоторепортером Капустянским он вылетел на "Р-5" в только что освобожденный Калинин со сверхсрочным заданием: вернуться сегодня же вечером с очерком и снимками.

- Пойдет в номер! - таким был и на этот раз редакционный пароль. - В номер!

18 декабря

Вернулись с Западного фронта наши "стратеги" - Хитров и Коломейцев. Их так называли у нас все. В составе редакции была значительная группа опытных военных специалистов, к которой принадлежали и эти двое. А кроме них наш собственный, внутриредакционный "генштаб" составляли: Павел Ризин, Николай Денисов, Викентий Дерман, Михаил Галактионов, Михаил Толченое, Виктор Смирнов, Петр Олендер, Леонид Высокоостровский. Наверняка каждый из этих подготовленных офицеров мог бы успешно работать в крупных штабах или командовать полком, а иные, может быть, и дивизией...

После того как я вернулся из Перхушкова четыре дня назад, у меня не выходит из головы категорическое требование Жукова, высказанное по телефону кому-то из командармов: "Не давайте противнику выскользнуть!" Как указывалось, я тотчас же послал в войска Хитрова и Коломейцева посмотреть, как там выполняется это требование? И вот они вернулись, переполненные свежими впечатлениями. А суть дела сводится к одному: освобождение подмосковной земли осуществляется преимущественно "способом выдавливания противника". За десять дней нашего контрнаступления неприятель отброшен на значительное расстояние, но не была еще окружена и полностью уничтожена ни одна из его крупных группировок. Гитлеровцы несут большие потери, а все-таки многие ускользают из кольца. Конечно, у нас нет численного превосходства, недостает механизированных частей. Но беда не только в этом. Беда еще и в том, что некоторые командиры частей и соединений чрезмерно тяготеют к фронтальному давлению на неприятеля. При фронтальном наступлении риска меньше, проще управлять войсками, легче осуществлять взаимодействие, но труднее достигнуть конечного результата боя - окружения и полного разгрома врага.

- Пишите передовую, - попросил я Хитрова и Коломейцева. - Пишите все так же откровенно, как рассказали мне. Смело и прямо пишите...

Этой передовой с решительным заголовком "Окружить и истребить врага", и открывается номер "Красной звезды" от 18 декабря. Проблемы поставлены остро и принципиально.

"Характер действий Красной Армии в войне с гитлеризмом определяется тем, что война эта - истребительная. Только истреблением всех немецких оккупантов до единого можем мы достигнуть решающей победы. Вот почему все усилия наших

войск, все оперативное и тактическое искусство наших командиров должно быть направлено теперь к тому, чтобы окружать и истреблять гитлеровские полки и дивизии".

И дальше:

"Мало заставить врага отступить - надо еще разгромить его силы... О доблести войск надо судить не только по тому, сколько сел и городов отбили они у врага, а и по тому, как выполняют они решающую задачу - истребление вражеских батальонов, полков, дивизий. Если неприятель сумел вывести из-под удара большую часть своих сил, значит, наступающий сделал не все, не выполнил своего боевого долга до конца. В то же время уничтожение вражеских войск само по себе решает и задачу освобождения временно захваченных немцами территорий".

Коснувшись соотношения сил, авторы сослались на исторический пример: "Древнее сражение при Каннах, когда Ганнибал, сжав в кольцо превосходящего по численности неприятеля, полностью уничтожил его, вошло в военную историю синонимом окружения. Все бои и операции войск Красной Армии пронизывать идеей больших и малых Канн!"

Была в передовой критика тех командиров, которые чрезмерно тяготеют к фронтальному давлению на противника. Были подняты вопросы о смелости, инициативе, действиях подвижных групп. "Окружить и истреблять немецких захватчиков - таков теперь высший долг и закон воинов Красной Армии" - так заканчивалась статья.

Вернулись из Калинина Симонов и Капустянский. Эта командировка тоже не обошлась без приключений. Они начались с первого же часа: в глубоком снегу застряла "эмка" и корреспондентам пришлось тащиться пешком до ближайшего полевого аэродрома. Там для них охотно выделили самолет, но осложнилось дело с заправкой - бензовоз тоже застрял где-то в сугробах. Потом летчик стал обучать Симонова стрельбе из авиационного пулемета, а время-то бежало...

И все-таки задание было выполнено в срок. Очерк Симонова и фотоснимки Капустянского поспели в очередной номер газеты.

Днем на редакционной летучке высоко была оценена оперативность корреспондентов, но одновременно отмечалось, что калининский очерк Симонова слабее того, который он привез из Михайлова. Симонов согласился с этим, выставив в свое оправдание лишь такой аргумент:

- Трудно два дня подряд писать очерки об одном и том же.

В ответ на это подал назидательную реплику Петр Павленко:

- Наберись, Костя, терпения и сил. Много еще городов будет до Берлина...

Все заулыбались. После речи Сталина на Красной площади 7 ноября многие подумывали о дороге на Берлин. А в дни контрнаступления под Москвой мечты о скорой и окончательной победе над немецко-фашистскими захватчиками еще сильнее овладели нашими умами и душами. Никто тогда, если говорить откровенно, не думал, что война продлится бесконечных четыре года и будет стоить нам таких огромных жертв.

Почти две полосы "Красной звезды" от 18 декабря 1941 года занимает Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении фронтовиков. Среди них опять встречаю знакомые фамилии: командир 56-й стрелковой дивизии Кошевой, командир 46-й танковой дивизии халхинголец Котцов. Оба отличились под Тихвином.

Есть репортаж с Западного фронта. В нем сообщается, что за один только вчерашний день очищено от противника 200 населенных пунктов.

Опубликованы фотоснимки Кнорринга из Ясной Поляны. Страшная картина разрушений, пожарищ, разгрома...

Как всегда, остроумна карикатура Бориса Ефимова. На ней изображен командующий 9-й немецкой армией генерал-полковник Штраус. Подпираемый советскими штыками, он убегает, выделывая танцевальные па. Подпись: "Новый "вальс Штрауса" под городом Калинином".

У Бориса Ефимова работы сейчас невпроворот...

19 декабря

Совинформбюро сообщает: "На ряде участков Западного, Калининского и Юго-Западного фронтов наши войска, ведя ожесточенные бои с противником, продолжали продвигаться вперед и заняли ряд населенных пунктов". Названия пунктов не приводятся. Очевидно, в их числе нет ни одного города. А мы уже так привыкли к тому, что каждый день наши войска отбивают у противника то один, а то и несколько городов! Судя по репортажу Хитрова, вот-вот должна быть взята Руза: в городе уже идут уличные бои. Известно также, что в районе Рузы действует 2-й гвардейский кавкорпус генерала Л. М. Доватора. А там, где Доватор, всегда можно рассчитывать на успех.

Боевая слава Доватора загремела еще в дни Смоленского сражения. На рассвете 28 августа под его командованием сводная кавалерийская группа кубанских, донских и терских казаков, общей численностью 3500 сабель, прорвала оборону противника и вышла в район Демидов - Духовщина. Перед Доватором была

поставлена задача дезорганизовать тылы 9-й немецкой армии. Казаки совершали дерзкие налеты на тыловые гарнизоны противника, громили его штабы, нарушали линии связи, взрывали склады и мосты на важнейших коммуникациях. Их боевая деятельность не на шутку переполошила неприятельское командование. Последовали грозные приказы о непременном окружении и уничтожении группы Доватора. Для этого противнику пришлось в разгар боев под Ельней снять с фронта до двух пехотных дивизий, 40 танков, значительное количество бомбардировщиков и штурмовой авиации. А цель так и не была достигнута. Кавгруппа выскользнула из готового уже сомкнуться кольца и относительно благополучно вновь перешла линию фронта, вернулась к своим.

Наши корреспонденты Хирен и Милецкий перехватили Доватора у самой линии фронта. Хирена он знал хорошо, и беседа о рейде сразу, как говорится, пошла на лад. Только в ходе ее Доватор все время почему-то очень пристально приглядывался к Милецкому. Наконец узнал и его. При этом вначале сердито свел брови, но тут же и рассмеялся:

- Что, опять будете критиковать?

Оказывается, они встречались до войны в казармах Московского гарнизона. Доватор, тогда еще подполковник, служил начальником штаба кавбригады. Милецкий побывал в этой бригаде в качестве корреспондента "Красной звезды", обнаружил там какие-то недостатки и написал о них довольно резкую корреспонденцию. Вот о ней и вспомнил Доватор при новой встрече с Милецким. Тот пустился было в объяснение, но Лев Михайлович прервал его дружески:

- Ладно, ладно. После войны сочтемся...

Не довелось, однако, Доватору пережить войну. В тот самый день, когда мы напечатали репортаж Хитрова о наступлении 2-го гвардейского кавкорпуса на Рузу, 19 декабря 1941 года, Доватор погиб в бою. А еще через два дня будет опубликован Указ о присвоении ему звания Героя Советского Союза.

* * *

Я позвонил Константину Константиновичу Рокоссовскому и попросил его написать для нас статью, которая подвела бы первые итоги нашего контрнаступления. Обычно, когда мы обращались к Рокоссовскому с такими просьбами, он не сразу давал согласие, обещал подумать. Но на этот раз, будто ждал моего звонка, только спросил:

- Когда нужна статья?

- Сейчас, однако если получим завтра, тоже будем рады.

- Хорошо. Постараюсь...

Получили ее даже раньше, чем ожидали. Сразу же поставили в номер.

В ней дан краткий обзор оборонительных боев 16-й армии на волоколамском направлении. Затем идет рассказ о контрнаступлении - боях за Крюково, Красную Поляну, Истру.

Достоверно отражена в статье суровая правда войны. Нелегко достается победа. Особо отметил автор подвиг 9-й гвардейской стрелковой дивизии Афанасия Павлантьевича Белобородова на подступах к Истре. Стремясь задержать дальнейшее продвижение этой дивизии, противник взорвал дамбу Истринского водохранилища. Однако не задержал.

"На моих глазах, - пишет Рокоссовский, - в сильный мороз, под огнем врага дивизия Белобородова форсировала бушующий водяной поток. В ход были пущены все подручные средства: бревна, заборы, ворота, резиновые лодки все, что только могло держаться на воде. Герои-сибиряки сделали, казалось бы, невозможное и обратили в бегство врага...

Константин Константинович будто предугадал, что скоро в лексиконе гитлеровских военачальников и господина Геббельса появится призрачный "генерал Зима", на которого они попытаются свалить всю вину за свое поражение под Москвой. "Дело не в зиме, - утверждает Рокоссовский, - а, с одной стороны, в просчетах немецкого командования, а с другой - в могучих ударах, которые нанесли немецким захватчикам наши славные воины..."

Позже эту же мысль разовьет и конкретизирует Илья Эренбург: "Не генерал Зима гонит гитлеровских вояк, а другие генералы - Рокоссовский, Говоров, Белов, Болдин, Мерецков, Федюнинский. Зима - зимой, а война войной".

Любопытнейший трофейный документ приведен в статье командующего 16-й армии: приказ по дивизии СС "Империя". Там так охарактеризовано поведение наших бойцов в оборонительный период битвы за Москву: "...умирают, не оставляя своих позиций". Теперь о наших бойцах с полным правом можно сказать, что они обладают железным упорством не только в обороне, а и в наступлении.

Не могу не отметить, что опубликование этой статьи Рокоссовского было сопряжено с некоторыми затруднениями. Есть там такие строки:

"Не раз и не два Верховный главнокомандующий находил время для того, чтобы непосредственно снестись с частями, действующими на нашем участке.

Это было в критические дни, когда мы отходили под напором превосходящих сил неприятеля. Неожиданно меня вызвали к

телефону. Я услышал: "Говорит Сталин. Доложите обстановку". Подробно, стараясь не упустить ни одной мелочи, я обрисовал положение на нашем участке фронта. В ответ раздался спокойный голос: "Держитесь крепче. Мы вам поможем".

Буквально на следующий день мы ощутили все реальное значение этих слов. Меры, принятые Сталиным, позволили нам прекратить отход и, в конечном счете, перейти в контрнаступление".

Нынче эти строки никого не смутят. Все здесь правильно, все естественно. Немало таких и подобных строк содержится в книгах Г. К. Жукова, А. М. Василевского и, наконец, самого К. К. Рокоссовского. Но в военное время любое упоминание в открытой печати о переговорах со Ставкой требовало согласования в самых высоких инстанциях.

Уже набранную статью я послал на такое согласование в 10 часов вечера. Не очень-то мы рассчитывали на быстрый ответ, а все-таки решили не отправлять вторую полосу в стереотипный цех до двух часов ночи. Ровно в час мне позвонил помощник Сталина Поскребышев и сказал:

- Можете печатать...

Позже при встрече с Рокоссовским я поделился с ним этой нашей "редакционной тайной". Он улыбнулся:

- Причинил вам хлопоты...

- Побольше бы таких хлопот, - в тон ему ответил я, имея в виду здоровое стремление каждой уважающей себя газеты раньше других рассказать своим читателям о том, что их очень интересует.

...Рядом со статьей Рокоссовского мы напечатали фото с подписью: "На Военном совете 16-й армии - К. К. Рокоссовский, член Военного совета дивизионный комиссар А. А. Лобачев, начальник штаба генерал-майор М. С. Малинин и начальник политотдела бригадный комиссар А. И. Масленов". Автор снимка Капустянский остался верен обычной своей схеме: опять на столе топографическая карта, опять карандаш уткнулся в какую-то точку, а все остальные, как по команде, смотрят в ту же точку.

Умел Капустянский командовать теми, кого фотографировал. Невзирая на ранги - от рядового до маршала...

* * *

По указанию ЦК партии Алексей Толстой переселен в Ташкент. Из-за дальности расстояния наша связь с ним, может быть, чуточку усложнилась, но не прервалась. Нам хорошо известно, как он живет, как трудится. В одной из телеграмм Алексей Николаевич сообщал нам: "Был занят организацией концерта в пользу эвакуированных детей, которому придаю

большое значение... В настоящее время продолжаю работать над "Русской правдой". Вышлю в ближайшие дни".

А вот сегодня напечатана его статья "Первый урок". Это отклик писателя на провал гитлеровского плана захвата Москвы.

"Один немецкий пленный будто бы сказал: "Не знаю, победим мы или нет, но мы научим русских воевать".

На это можно ответить только: "Мы победим - мы знаем, и мы вас, немцев, - навсегда отучим воевать".

Школу войны Красная Армия проходит не у немецких профессоров. В исключительно трудной обстановке отступлений под натиском отмобилизованной для завоевания мира фашистской армии и контрударов по ней Красная Армия не только не растеряла боевых качеств, не превратилась в бегущее стадо, как на это надеялся Гитлер и как об этом вопил Геббельс во все микрофонные завертки, но крепла с каждым месяцем..."

Как перекликается это с тем, что мы читали потом в романе Константина Симонова "Живые и мертвые"! Помните диалог Серпилина с пленным немецким генералом? "К сожалению, - говорит тот генерал, - мы, кажется, научили вас воевать". На что Серпилин отвечает: "А мы вас отучим!.."

* * *

Впервые выступил на страницах "Красной звезды" Владимир Ставский. Читатели уже знают, что я и он делили радости и печали, труды и заботы еще в "Героической красноармейской", а потом на финской войне. По всем "законам" фронтового братства мы и теперь, казалось бы, должны были работать в одной газете. Не получилось так: в первый же день Отечественной войны Ставского прикомандировали к "Правде".

Но мы часто встречались. Приезжая с фронта, Ставский непременно заглядывал ко мне - поговорить было о чем. Вот и вчера зашел. Рассказал поучительную историю из боевой жизни одного артиллерийского полка.

Четыре связиста во главе с сержантом Николаем Микуровым заняли в березовом лесочке старый блиндаж и разместили там промежуточный пункт связи. Два дня работали спокойно, если не считать артобстрелов, а на третий день появились гитлеровцы, стали забрасывать блиндаж гранатами. Раздался окрик: "Русс, сдавайсь!" В ответ связисты открыли огонь из винтовок и сразу уложили двоих неприятельских солдат. Затем - третьего. Те начали планомерную осаду блиндажа. А тут, как назло, нарушилась связь с полком помощи ждать неоткуда.

Один из связистов запаниковал:

- Не спасемся! Все равно смерть!

Сержант сурово одернул его:

- Какая смерть! Что ты раскис! Будем отстреливаться. Сколько немцев уже убито. Их стало меньше. Сдаваться не будем. Позор - и потом замучают... Последняя пуля для себя. Ясно?

Но паникер выскочил из блиндажа с поднятыми вверх руками и был пристрелен кем-то из своих товарищей. Их осталось трое.

Они продержались до вечера. А к вечеру подоспела подмога. Блиндаж был деблокирован, бойцы, верные своему долгу, спасены.

- Об этом я только что написал очерк, - заключил Ставский.

- Ты что же, пришел меня дразнить? - спросил я. - Давай сюда твой очерк.

- Как давай? А Поспелов?..

- Это беру на себя. Обожди...

Оставив Ставского в своей комнате, я спустился этажом ниже к главному редактору "Правды". Жили мы дружно, одной семьей, и я рассчитывал, что уговорю Петра Николаевича отдать очерк Ставского "Красной звезде". Поспелов уже познакомился с рукописью, она готовилась в набор. Моя просьба как будто запоздала. Но Петр Николаевич вдруг предложил:

- Давай оба его напечатаем.

Так очерк Ставского был опубликован одновременно в "Правде" и "Красной звезде". В двух номерах - за 19 и 20 декабря.

20 декабря

С начала нашего контрнаступления прошло две недели. Времени не так уж много, но у войны свои измерения. За пятнадцать дней многое увидено, многое осмыслено и переосмыслено. Вот напечатана еще одна статья Коломейцева "Бой на окружение". Вроде бы продолжение старой темы. Тема-то старая, а опыт новый. Автор высказал немало ценнейших в данный момент соображений.

Обрадовал Высокоостровский: прислал из 10-й армии статью командующего генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова "Фланговый удар по войскам Гудериана". Она созвучна недавней нашей передовице. Автор свидетельствует:

"Опыт первых дней наступления научил нас многому. Он прежде всего показал, что наступающие войска должны по возможности избегать лобовых атак. Надо умело находить фланги противника, стыки между его частями и смело устремляться туда. Это позволяет не просто теснить противника, но обходить его, окружать и уничтожать полностью. Немцы очень чувствительны к охватам. Они воюют преимущественно вдоль дорог, имеют

большое количество автотранспорта и других подвижных средств, зависящих от дороги, и поэтому крайне болезненно воспринимают выход даже небольшого нашего отряда на их коммуникации".

Среди других острых проблем в статье был освещен извечный вопрос - о месте штаба в бою:

"Практика первых дней наступления еще раз подтвердила необходимость максимального приближения штабов к своим войскам. Это облегчает связь с частями, ставит штабы в центр всей боевой деятельности, дает возможность правильно и своевременно учитывать обстановку. У нас был случай, когда командование одной части не поняло этого важнейшего требования наступательного боя. Что же получилось в итоге? Подразделения этой части вплотную подошли к важному населенному пункту, но приказа о взятии его из штаба не поступало. Как потом выяснилось, штаб оторвался от своих наступающих подразделений. Растерявшийся вначале противник уже начал было приводить себя в порядок и подтягивать резервы для контратаки. Пришлось действовать через голову штаба части..."

Генерал Голиков из-за скромности умолчал, что "действовать через голову штаба части" пришлось ему. Об этом нам рассказал Высокоостровский, который был рядом с командармом во время той баталии. Рассказал нам спецкор, что то был штаб не части, а дивизии, а подразделения - полки. Но решили ничего не менять, оставить так, как написал Голиков...

Должен сказать, что каждая статья командующего фронтом или командарма расценивалась у нас как "гвоздь" номера. Мы знали, что эти статьи принимались в войсках с вниманием и интересом. Это знали и они, и нет сомнений, что поэтому считали выступления в газете своим долгом, а быть может, и делом чести.

Статьи столь авторитетных авторов не залеживались. Вот сегодня мы получили статью Голикова, и завтра, 21 декабря, ее уже будут читать в войсках. Сегодня же мы получили еще одну статью командарма, и она тоже ушла в набор для завтрашнего номера газеты.

Сразу после освобождения Ростова-на-Дону корреспонденту по Южному фронту Лильину было дано задание: просить у командующего 56-й армии генерал-лейтенанта Ф. Т. Ремизова статью об опыте Ростовской наступательной операции. Ремизов согласился, но предупредил, что напишет не вдруг: надо, мол, поразмыслить. Получили его статью через неделю. Называлась она не больно оригинально: "Поучительная операция". Однако

действительно содержала много поучительного.

Жуков, просматривая "Красную звезду", где напечатаны статьи двух командующих армиями, сказал:

- Ишь расписались наши командармы!..

Сказано это было с явным одобрением. Я, воспользовавшись случаем, снова завел разговор о его выступлении в "Красной звезде". Но опять безрезультатно.

* * *

В газете по-прежнему туговато со стихами. И нетрудно представить, как мы обрадовались, когда Симонов выложил сразу три стихотворения. Напечатали мы их под общим заголовком "Возвращение". Первое стихотворение "Товарищ" - хорошо известно. Симонов его сам любил и включал во все свои поэтические сборники и собрание сочинений. Сюжет был навеян трагическим событием, с которым столкнулся Симонов в августе, когда вместе с членом Военного совета 51-й армии корпусным комиссаром А. С. Николаевым оказался на Арабатской стрелке. Напомню, что ночью туда внезапно высадились немцы и уничтожили нашу стрелковую роту, оборонявшую эту узенькую полоску советской земли. Не у кого было даже спросить, как здесь все происходило. Всматриваясь в поле недавнего боя, показывая на павших, Николаев сказал:

- Эти лежат лицом вперед, на Запад. Приняли смерть в бою, сражались до конца...

Его слова глубоко запали в душу поэта и вот вылились в стихи:

На пятый день под яростным огнем
Упал товарищ к Западу лицом.

Прочитав эти стихи, я спросил Симонова:

- Это оттуда, с Арабатской стрелки?

- И оттуда, и отсюда, - ответил он. - Везде, в каждом бою так...

Второе стихотворение - "Дорога" - является как бы второй частью его знаменитого "Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...", но только

Дорога стала не такой,
Какой видал ее в июле,
Как будто сильною рукой
Мы вспять ее перевернули.

Эти стихи навеяны наступлением на Михайлов - Богородицк

армии генерала Голикова. В них есть и тот самый эпизод с двумя факельщиками, поджигавшими деревню и расстрелянными по приказу командарма. Его, как, наверное, помнит читатель, я вычеркнул из очерка Симонова. А вот в стихах ему нашлось место. Стихи - не "документ"!

Третье стихотворение, тоже хорошо известное, - "Майор привез мальчишку на лафете...". В "Красной звезде" оно имело заголовок "Воспоминание" и начиналось строфой, которой в книгах нет:

Сейчас, когда по выжженным селеньям
Опять на Запад армия пошла,
Я вижу вновь июньские сраженья,
Еще не отомщенные дела.

Снял Симонов и последние два четверостишия:

За тридевять земель, в горах Урала,
Твой мальчик спит. Испытанный судьбой,
Я верил - мы во что бы то ни стало
В конце концов увидимся с тобой.

Но если нет - когда придется свято
Ему, как мне, идти в такие дни,
Вслед за отцом, по праву, как солдату,
Прощаясь с ним, меня ты помяни.

* * *

Много лет спустя я спросил Симонова, почему он отказался от этих строк. Ответ последовал такой:

- Понимаешь, в художественном отношении они не того...

Я пожал плечами:

- На войне они были вполне... того!..

- Спорное суждение, - возразил Симонов. Но спорить ему явно не хотелось, и он добавил, улыбнувшись: - Словом, это право автора...

* * *

Очередная статья Ильи Эренбурга выдержана, я бы сказал, в едко-саркастическом тоне:

"Мы не зря пережили тяжкую осень. Мы не зря узнали горечь отступления. Мы закалились. Мы научились бить немцев... Не все им кататься в танках, не все пировать... Завоеватели Парижа удирают из Ливен. "Герои" Фермопил теряют штаны в Алексине. Затаив дыхание, весь мир смотрит, как "непобедимая" германская армия откатывается от Москвы... У немцев не только танки, у них есть пятки, и эти пятки красиво сверкают...

Они пишут: "Русские просто заняли пункты, очищенные нами

по соображениям высшей стратегии". Нет, мы не "просто" заняли Ростов и Тихвин. Пришлось предварительно перебить десятки тысяч немцев. Да и немцы не "просто" очищали наши города. Они пробовали удержаться. Их выгнали из Клина. Их выбили из Калинина. "Высшая стратегия"? Объяснение для... остолопов. Когда выполняют стратегические операции, не бросают орудий, орудия не окурки, не теряют танков, танки не булавки... Гитлер может выдать фельдмаршалу Рунштедту орден за очищение Ростова. Он может подарить золотую шпагу фельдмаршалу Леебу за бегство из Тихвина. Он может осыпать бриллиантами мундир фельдмаршала фон Бока за Клин, за Калинин, за Сталиногорск. Он может сказать, что климат Ростова вредоносен для немцев, что гитлеровцы, поглядев в бинокль на Москву, нашли ее малопривлекательной, он может сказать, что зимний ветер дует в спину, это приятней, чем когда дует в лицо. Битый еще может хорохориться..."

У нас в редакции говорили: надо быть Эренбургом, чтобы так разделать главарей третьего рейха, пытающихся скрыть от своих же соотечественников и всего мира масштаб декабрьского поражения!

Имелись в этой статье и такие строки, над которыми редактору следовало бы, пожалуй, призадуматься: "Скоро черед Харькову", "Ленинград, кольцо вокруг тебя разжимается", "Близится час облавы"... Да и сама статья озаглавлена "Близится час". Но... все мы люди-человеки. Все порой увлекаемся сверх меры - и писатели, и редакторы, и даже стратеги...

Однако восторги восторгами, увлечения увлечениями, а и в трезвости Илье Григорьевичу отказать нельзя. В той же статье он предупреждает:

"Мы знаем, что впереди еще много испытаний... Путь наступления долгий путь: деревня за деревней, дом за домом. Немцы понимают, что их ждет. Они будут отчаянно защищаться. Они, возможно, еще не раз попытаются прорвать наш фронт и перейти в контрнаступление... У немцев еще сотни дивизий. У немцев еще тысячи и тысячи танков..."

* * *

С Западного фронта вернулся Василий Гроссман. Он был в прославленной 1-й гвардейской стрелковой дивизии, у генерала Руссиянова. Об этой дивизии и в дни наступления, как и в дни обороны, можно было писать без конца. В номер газеты Гроссман не успел написать, да его и не подгоняли. Мы знали, как он работал. Хотя он приучил себя писать в любой обстановке, в самых, казалось бы, неблагоприятных условиях - в блиндаже у коптилки, в поле, лежа на разостланной постели или в набитой

людьми избе, - писал он не торопясь, упорно вкладывая в этот процесс все силы без остатка. По-другому он просто не мог.

Для сегодняшнего номера Василий Семенович принес очерк "Гвардия наступает". Конечно, это еще не было тем широким художественным полотном, которым писатель одарил нас на втором году войны. Вернее говоря, это еще репортаж, но и в нем просматривалось искусство большого мастера портретных характеристик, пейзажа, деталей. Вот начальные строки очерка:

"Поздно ночью пришли мы в штаб дивизии - генерал сидел с начальником штаба за картой. Лицо генерала горит от ветра. Он недавно приехал из полка, глаза улыбаются - и лицо его, и голубые, улыбающиеся глаза удивительно напоминают те лица и глаза, что мы видели в снежной метели, - твердые, уверенные, довольные".

А вот и концовка очерка:

"Гвардейцы идут вперед. Суровый зимний ветер воет над степью, белые облака снега заполняют воздух, земля дымится от поземки - днем и ночью движутся, преследуя врага, гвардейцы Руссиянова, одетые в меховые шапки со спущенными ушами, в большие яловые сапоги, в теплые, пухлые рукавицы. Их молодые лица раскраснелись от ветра, они улыбаются - светлоглазые, белозубые, вдруг выходящие из светлого облака".

* * *

Снимки Бернштейна и Темина из 10-й армии появились в газете с опозданием на три дня. За это мы им обоим "выдали". Они пробовали оправдать задержку многими причинами: самолет был неисправен, непогода. Но им сказали:

- А как же Симонов?..

Вину свою Бернштейн и Темин несколько искупили тем, что привезли хорошие снимки. На фотографиях внушительно выглядит та самая дорога на Запад, о которой писал Симонов. И еще была одна репортерская находка: на сани, в которые впряжена лошадь, погружен малолитражный автомобиль. Под снимком этим подпись: "Зимний тягач" последнего немецкого образца, брошенный при отступлении немцев из г. Епифань".

21 декабря

Накануне вечером заехали в редакцию, чтобы сдать очередной свой репортаж, Милецкий, Хирен и Капустянский. На мой вопрос: "Когда возьмете Волоколамск?" - ответили пожатием плеч, развели руками. Потом не без юмора рассказали, как сами пытались узнать об этом у Рокоссовского. Явились к нему на КП

вместе с корреспондентами других газет. Генерал принял их приветливо. А они молчат, ничего не спрашивают: не принято задавать такие вопросы. Рокоссовский, конечно, догадался, зачем пришли журналисты, но тоже молчит. Так помолчали-помолчали, да и стали прощаться. Уж вдогонку командующий сказал:

- Спокойной ночи. Далеко не уходите...

В ту же ночь - с субботы на воскресенье, когда верстался этот номер газеты, - армия Рокоссовского овладела Волоколамском. Я созвонился с редактором "Правды" Поспеловым и редактором "Известий" Ровинским, предложил им съездить туда. Для меня и Ровинского отлучиться из редакции в воскресенье относительно легко - в "Известиях" и "Красной звезде" этот день считается выходным. Поспелову труднее: "Правда" выходила без перерыва. Поехал, однако, и он, пригласив с собою Ставского. А я прихватил Темина. В многоместной машине "ЗИС-101" пятерым пассажирам было отнюдь не тесно. Только тяжеловесна она, как трактор, пришлось нам понатужиться, выталкивая ее плечами из ухабов разбитой фронтовой дороги.

Чем ближе к Волоколамску, тем ощутимее дыхание фронта. Много разбитых немецких танков и орудий, смятых, искореженных автомашин. Немало автотранспорта брошено противником из-за отсутствия горючего. По обочинам присыпанные снегом трупы гитлеровцев. Дорога выглядит словно вдруг остановившийся на ходу конвейер гигантской битвы: все застыло здесь в каком-то противоестественном положении.

Ставский старательно подсчитывал вражеские танки и пушки. Не доезжая до Волоколамска, он, однако, сбился со счета: цифра была уже трехзначной. Временами Владимир Петрович просил остановиться и тащил нас всех осматривать трофеи. У одной огромной немецкой пушки мы задержались несколько дольше, чем у других: там при нас красноармейцы выволакивали из погребов прислугу, не успевшую унести ноги.

Дорога то круто взмывает на пригорки, то скользит вниз по лесному коридору. На перекрестках указатели на немецком языке. Всюду могильные кресты - в касках и без касок. Попадаются целые рощи березовых крестов с табличками. На табличках готическим шрифтом выжжены имена и даты. Судя по датам, все это наколочено в октябрьских боях. Выходит, хорошо потрудились наши бойцы в те грозные дни, сдерживая натиск врага.

На центральной площади Волоколамска - виселица, а внизу, на снегу, восемь снятых с нее трупов. Местные жители рассказали, что казненные провисели с месяц - гитлеровцы не разрешали захоронить их. Сегодня этих мучеников будет

хоронить весь город. В числе казненных - две девушки. Одна из них лежит с открытыми глазами, будто до сих пор удивленно глядит окрест. Свидетели казни говорили нам, что, когда гитлеровский палач надевал ей на шею петлю, она крикнула на всю площадь:

- Я умираю за Родину!..

Сняв шапки, мы почтили память этих тогда еще безвестных защитников Родины. И тут же решили рассказать всему миру об увиденном нами здесь собственными глазами. В газетах появились статьи, полные испепеляющей ненависти к нацистским людоедам. "Красная звезда", кроме того, напечатала передовую "Восемь повешенных в Волоколамске".

Побывали мы и у дома No 3/6 по Пролетарской улице, где гитлеровцы расстреляли и пытались сжечь шестьдесят пленных красноармейцев. Они лежат в ряд, словно в строю. Для них рыли неподалеку братскую могилу.

В домике с разбитыми снарядом сенями мы нашли командный пункт полка, освобождавшего город. Командир полка оказался хорошим знакомым Ставского, и наша беседа сразу приобрела непринужденный характер.

Узнав подробности боев за Волоколамск, разговорились и с другими находившимися здесь командирами и бойцами о наших газетах. Получилось нечто вроде импровизированной конференции читателей трех ведущих центральных газет. Кажется, интересной для них и, несомненно, полезной для редакторов.

В это время Ставский куда-то исчез и вернулся лишь часа через два-три. Он, оказывается, успел побывать на противоположной окраине города, еще не совсем очищенной от противника. На упреки наши ответил шуткой:

- Я бы мог, конечно, взять с собою одного из вас, но рисковать тремя редакторами центральных газет...

Командир и комиссар полка сказали, что им пора уже сниматься отсюда, двигать вперед, а нас к вечеру ждали неотложные дела в редакциях. Тепло попрощавшись с новыми друзьями, мы отправились в обратный путь.

23 декабря

Очередная поездка в Перхушково.

Зашел к Г. К. Жукову. У него - генерал В. Д. Соколовский, начальник штаба фронта. Настроение у обоих хорошее. В такие минуты нам, газетчикам, легче с ними разговаривать.

Генералы сидят над оперативной картой. Жуков водит по ней своим длиннющим карандашом, называет населенные пункты и номера дивизий, действия которых надо поддержать артиллерией, авиацией. Оба заняты своим делом, вроде меня здесь и нет. А я сижу в сторонке, чутко прислушиваюсь к их деловым репликам и жду, когда можно будет задать свой традиционный вопрос: на что газете обратить внимание, какая задача в эти дни главная?

Наконец ушел Соколовский, настал мой черед.

- Главная задача?.. - Георгий Константинович прочно сидит в кресле и словно сам с собой рассуждает. А я все записываю. Чего не успеваю записать - стараюсь запомнить. Очень любил я слушать Жукова: говорил он всегда ясно, четко, немногословно. И снова - в который уже раз! - то ли с подковыркой, то ли с одобрением спросил:

- Передовую строчишь?

- Да, Георгий Константинович. Так ее и назовем - "Главная задача".

* * *

Из Перхушкова я позвонил в редакцию. Сказал, чтобы Вистинецкий никуда не отлучался и задержались бы с отъездом на фронт Хитров и Коломейцев. Пожалуй, ни одна наша передовая не писалась такой многочисленной "бригадой", как эта. Оно и понятно, уж очень категорическое и ответственное у нее название - "Главная задача!".

В чем же она?

Вот что было записано мною во время беседы с Жуковым и вошло в передовицу:

"Мы продолжаем развивать наступление. Враг откатывается назад. Борьба вступила в новую, выгодную для нас фазу, но упорная битва продолжается. Наша задача состоит теперь в том, чтобы предельно использовать все преимущества, полученные в результате последних побед. Немецкое командование напрягает все усилия, чтобы спасти живую силу. Оно считает, что потери в технике в известной мере могут быть восполнены, новых же солдат и офицеров, вышколенных и подготовленных, не так-то просто найти. Замысел противника ясен. Отступая под нашими ударами и чувствуя опасность разгрома, гитлеровские генералы хотят перебросить свои потрепанные дивизии на новые, выгодные рубежи и там организовать мощную оборону. Но для этого нужно время. Это время они стараются выгадать любой ценой. Поэтому надо быстрее двигаться вперед, не давая врагу передышки, не позволяя ему вывести свои войска из боя - такова главная задача.

В первое время после нападения Германии на Советский Союз

Гитлер во всеуслышание заявил, что он исключает позиционную войну. Он предал позиционную войну анафеме. Теперь, после многочисленных неудач на Восточном фронте, фюрер и его присные мечтают о позиционной войне, рассчитывая, что она спасет их от разгрома. Лишить гитлеровцев какой бы то ни было возможности перейти к позиционной войне, гнать и уничтожать так стремительно, чтобы они не могли закрепиться и использовать преимущества оборонительных рубежей - в этом главная задача.

Надо еще решительнее, еще упорнее навязывать противнику свою волю. Если он не хочет драться, значит, тем более необходимо заставить его драться. Не давать ускользать от удара, во что бы то ни стало задерживать его боем и истреблять. Обстановка, сложившаяся на фронтах, говорит нам: надо торопиться. Теперь больше, чем когда-либо, боевые качества наших воинов, подразделений, частей будут оцениваться не только по тому, сколько территории они освободили, но и по тому, насколько своевременно, быстро и успешно решена главная задача - истребление немецкой группировки, уничтожение ее техники".

* * *

В газете много оперативного материала с важнейших сейчас фронтов: с Западного, Калининского, Юго-Западного, Ленинградского. На этих фронтах наши войска успешно продвигаются вперед.

А как Севастополь? 21 декабря Лев Иш сообщил: "после недолгой передышки гитлеровцы предприняли наступление крупными силами, на отдельных участках немецким войскам ценой колоссальных потерь удалось несколько продвинуться".

Хорошо известно, что означало "несколько продвинуться". Но в сегодняшней газете - новая корреспонденция Иша, ободряющая: "Атаки на Севастополь отбиты".

Эренбург прислал статью "Солнцеворот". Он все еще в Куйбышеве. Не по своей и не по нашей воле.

Но в "Красной звезде" с прежней регулярностью - каждый день, либо через день - печатаются его материалы на самые животрепещущие темы дня. Все, что он пишет для нас в Куйбышеве, передается по военному проводу в редакцию вне всякой очереди. Приказа об этом нет. Это делается по личной инициативе офицеров, несущих дежурства на военных узлах связи. Имя Эренбурга для них как бы пароль. Единственная задержка бывает из-за того, что, прежде чем передать статью Ильи Эренбурга, ее непременно прочитывают. Телеграфисты - первые читатели Эренбурга и в Куйбышеве, и в Москве.

Казалось бы, какая разница: пишет ли Эренбург в Куйбышеве или в столице? Язык, стиль, накал страстей тот же. Однако его отсутствие в редакции мы чувствуем. А я, пожалуй, больше всех.

Отношения у меня с ним были отнюдь не идиллические. Не просто было работать с Ильей Григорьевичем. И он сам отлично понимал это. Хранится у меня его книжка "Война", подаренная автором в 1943 году. Он написал на ее титульном листе: "Д. Ортенбергу. На память о "войне" в "Красной звезде".

Когда я служил уже в 38-й армии, Илья Григорьевич прислал мне письмо, в котором наряду с другими, очень дорогими для меня словами есть и такие: "Я вспоминаю героический период "Красной звезды", где мы с вами часто и бурно ругались, но были увлечены одной и той же страстью".

Ругаться мы, пожалуй, не ругались. Я, во всяком случае, не помню, чтобы мы употребляли сильные выражения. Но споры были. И порой очень бурные.

За свою долгую редакторскую жизнь я встречал разных авторов. Были такие, кто безропотно сносил любую редакционную правку. Были и такие, кто не давал и запятую заменить.

Эренбург принадлежал ко вторым. Очень ревниво относился к тому, что писал. Каждая фраза была продумана, прочувствована, и он яростно отстаивал каждое слово.

Илья Григорьевич правильно, по-моему, считал, что ни один редактор не безгрешен и не может быть абсолютным авторитетом в оценке той или иной статьи или фразы. Но он не отрицал права редактора на иную точку зрения, не совпадающую с авторской, и видел ключ к решению спорных вопросов только в доводах, в логике. Быстротечные дискуссии между мною и писателем порой вспыхивали в самое неподходящее время. Я, однако, понимал их необходимость и ни разу не пожалел о потраченных на это минутах. Позиция Эренбурга в таких спорах всегда была достойной. Он мог ошибаться, мог чрезмерно горячо реагировать даже на незначительные поправки, но никогда, на моей памяти, в нем не говорило ущемленное самолюбие, никогда он не исходил из соображений престижа.

Эренбург не любил существующую в редакциях наших газет много ступенчатую систему прохождения рукописи. Мы понимали его, хотя вообще-то такая система вполне естественна - главный редактор просто физически не может лично подготовить к опубликованию все материалы номера. Для Эренбурга, как и для Алексея Толстого, было сделано исключение: свои рукописи он приносил прямо ко мне.

С теплым чувством вспоминаю вечера и ночи в течение

долгих месяцев войны, которые мы проводили вместе, стояли бок о бок у моей конторки, за которой так удобно было работать вдвоем. По условиям военного времени не все из того, что писал Эренбург и что мы сами очень хотели бы напечатать, попадало на газетную полосу. И все же Илья Григорьевич спустя уже много лет после войны письменно засвидетельствовал, что пожаловаться на редактора не может: "...порой он на меня сердился и все же статью печатал... часто пропускал то, что зарезал бы другой".

Алексей Сурков как-то напомнил мне об одном таком эпизоде:

- Помнишь, зашел я к тебе в кабинет, а вы с Эренбургом спорите, вышагивая оба по комнате и все время прикладываясь к графину с водой. Сами не заметили, как весь графин выпили, после чего ты вызвал Таню Боброву и накинулся на нее: "Почему в графине никогда воды нет!" Она удивленно развела руками: "Как нет? Был целый графин!" Все мы дружно рассмеялись, и разговор пошел в более спокойных тонах...

А один раз дело едва не дошло до разрыва. Не договорились мы с ним по какой-то формулировке в его статье. Илья Григорьевич потребовал:

- Давайте перенесем вопрос в ЦК партии.

- Зачем же в ЦК? - возразил я. - ЦК мне доверил редактировать газету, и мы с вами сами должны решать такие вопросы.

Рассердился Эренбург, забрал статью. А через несколько минут прибегает ко мне заместитель секретаря редакции Герман Копылев и взволнованно говорит:

- Эренбург попрощался с нами, забрал машинку и ушел. Он внизу, его еще можно вернуть...

Уехал Илья Григорьевич. Газета вышла без его статьи. Целую ночь вся редакция переживала это, прямо скажу, чрезвычайное происшествие. Жаль было Ильюшу - мы его горячо и нежно любили. Жаль было и газету. Утром я позвонил писателю, будто не зная, что он уехал "насовсем", и говорю:

- Илья Григорьевич, есть у меня такой вариант поправки. Как вы думаете?

- Что ж, - отвечает, - надо обсудить... - И чувствую, что обрадовался моему звонку.

- Хорошо, Илья Григорьевич, сейчас пришлю за вами машину... Через час влетает тот же Копылев - на сей раз радостный - и докладывает:

- Илья Григорьевич вернулся. С машинкой...

На второй день, к нашему общему удовольствию, статья Эренбурга появилась в газете...

В другой книге, подаренной мне Ильей Григорьевичем, дарственная надпись гласит: "Страшному редактору - от всего сердца. И. Эренбург". К слову "страшному" есть пояснительная сноска: "Миф будет разоблачен". Эта надпись дает мне основание думать, что наши деловые споры не оставили досады и горечи в душе писателя.

То была живая жизнь, где без споров и даже драки не обойдешься.

* * *

Итак, статья Эренбурга "Солнцеворот" - одна из тех, которую справедливо ставят в один ряд с его публицистическим шедевром "Выстоять!".

Известно, что разгром немцев под Москвой стал началом поворота в ходе Отечественной войны. В статье Эренбурга нет слова "поворот". Оно вообще появилось гораздо позже. Писатель нашел другое, поэтичное слово, содержащее тот же смысл: "Солнцеворот"! Он напоминал, что было полгода назад. "Всего полгода..."

Надо знать свой народ, любить его, верить в его силы, чтобы сказать о нем так, как сказал Эренбург:

"У нас тогда были седые люди с детской душой. Теперь у нас и дети все понимают. Мы выросли на сто лет. Ничто так не возвышает народ, как большое испытание. Нашу верность проверили каленым железом. Нашу гордость испытали танками и бомбами. Мы выкорчевали из сердца беспечность. Мы выжгли малодушье. Легко мы расстались с уютом и покоем. Шли месяцы. Враг продвигался вперед. Жестче становились глаза. Люди молчали. Но молча они думали об одном: мы выстоим.

Все короче становились дни. Вот и новый солнцеворот. Самая длинная ночь в году покрыла снежные просторы. По белому снегу среди черной ночи идут наши бойцы. Они идут вперед. Они преследуют отступающего врага. Мы выстояли".

Надо всей душой ненавидеть фашистов, знать их волчью сущность, чтобы так изобличить врага:

"Немногие из немецких солдат, перешедших 22 июня нашу границу, выжили. Шесть месяцев тому назад они весело фыркали: война им казалась забавой. Они восторженно грабили первые белорусские села. Они обсуждали, какое сало лучше - сербское или украинское. Они думали, что они - непобедимы. Разве они не побывали в Париже? Разве они не доплыли до Нарвика? Разве они не перешагнули через горы Эпира? Они пришли к нам посвистывая. Где они? В земле... Где их былая спесь? Они не поют, они дрожат от холода. Они мечтают не о московских ресторанах, но о хате, о крыше, о хлеве..."

Надо обладать широким кругозором, понимать масштабность происходящего, чтобы так оценить значение нашей победы под Москвой, под Ростовом-на-Дону:

"В эфире звучат имена наших побед: Ростова и Ельца, Клина и Калинина. Это звенит рог победы. Он доходит до всех материков. От Америки до Ливии, от Норвегии до Греции об одном говорят люди: немцы отступают. Выше подняли головы французы. Чаще грохочут выстрелы сербских партизан. С восхищением смотрят на Красную Армию наши друзья и союзники. Не зря древние лепили победу с крыльями: она облетает моря. Наши победы - это победы всего человечества. В тяжелые октябрьские дни, когда враг наступал, когда Гитлер готовился к въезду в Москву, мы повторяли одно: "Выстоять!". Победа не упала с неба. Мы ее выстояли. Мы ее выковали. Мы ее оплатили горем и кровью. Мы ее заслужили стойкостью и отвагой. Нас спасла высшая добродетель: верность.

Героев Ростова благодарит Париж. За героев Калинина молятся верующие сербы. Героев Ельца приветствует Нью-Йорк. Героям Клина жмут руки через тысячи верст стойкие люди Лондона. Русский народ принял на себя самый тяжкий удар. Он стал народом-освободителем".

"Народом-освободителем"! Как точно и верно сказал писатель! Далеко смотрел он вперед!

Наконец, надо было иметь трезвый ум, чтобы в то же время напомнить:

"Враг еще силен... Впереди еще много испытаний. Нелегко Германия расстанется со своей безумной мечтой. Нелегко выпустит паук из своей стальной паутины города и страны. Они не уйдут из нашей земли. Их нужно загнать в землю...

22 декабря. Солнце - на лето, зима - на мороз. Добавим: война - на победу".

Такой была статья "Солнцеворот"!

26 декабря

Наше наступление как бы вошло в свои берега, и это сказывается на содержании и даже внешнем облике "Красной звезды". В ней все больше статей тактического плана. Вот характерные заголовки в сегодняшнем номере:

"Преследование врага".

"Советская пехота в наступлении".

"Тактика отступающих немецких частей".

"Больше дерзости и упорства в действиях мелких групп".

Эти статьи отличаются, однако, от тех, какие часто появлялись у нас до войны. Те представляли интерес лишь для ограниченного круга читателей, а остальных вряд ли задевали за живое. А эти читаются если не всеми, то уж, во всяком случае, подавляющим большинством командиров, политработников, да и бойцами тоже. И не только потому, что "на войне все по-другому", все всех затрагивает, всех касается, всех волнует. А еще и потому, что делаются эти статьи иначе. В них - не только "чистая методика". В них - живая жизнь на войне, во всем ее многообразии, осмысление новейшего опыта, добытого в трудных боях, ценой тяжелых жертв. В этом отношении не представляют исключения ни статья генерал-майора технических войск Г. Невского "Инженерные войска на фронте", ни статья генерал-майора интендантской службы А. Лобова "Опыт снабжения частей фронта", ни статья армейского хирурга военврача 1-го ранга профессора И. Жорова "Некоторые вопросы хирургической помощи на фронте".

Мы, однако, старались делать эти статьи более читабельными. Принес мне как-то Николай Денисов свою собственную статью - "Бой с новыми немецкими самолетами". Прочитал я ее и говорю:

- Авиаторы, вероятно, разберутся. Но ведь тема-то вашей статьи интересна и для общевойскового командира. Как бы сделать статью понятной и для него?

Стали думать. И кое-что придумали. Отчасти за счет улучшения текста, отчасти за счет графики.

В последнее время при публикации материалов по тактике и оперативному искусству мы все чаще дополняем текст графическими схемами.

* * *

Милецкий доставил в редакцию любопытный приказ по 23-й немецкой пехотной дивизии. Совсем свежий приказ, от 19 декабря, подписанный генералом Гельмесгербертом. Он гласит:

"Общее состояние ведения войны повелительно диктует, чтобы происходящее сейчас отступление было остановлено.

Дивизия прочесывает в настоящее время все свои тылы и возвращает в полки отставших солдат. В дальнейшем требуются энергичные действия всего личного состава, чтобы каждый берег свое и собирал брошенное оружие.

В каждом солдате должны вновь проснуться и укрепиться воля к обороне и вера в нашу собственную силу и превосходство. Дело идет о жизни и смерти..."

Документ этот мы напечатали на первой полосе с соответствующими комментариями. Опубликована также

подборка писем немецких солдат. В них досказано то, о чем умолчал в своем приказе генерал Гельмесгерберт. Вот строки из письма санитара Бернгарда Эббена от 7 декабря:

"Наша часть утратила боеспособность. Нервы больше не выдерживают".

А вот из послания от 8 декабря то ли сына, то ли мужа некоей Христине Лопиан: "Русские нас почти окружили и ежедневно атакуют. У нас большие потери... Если бы только выбраться из этого дьявольского кольца живым!.."

* * *

Василий Гроссман прислал из Ельца очерк "Проклятые и осмеянные". Это о том, что писатель увидел и услышал в селе, где немецко-фашистские оккупанты пробыли всего лишь четыре дня.

Почему они прокляты, догадаться нетрудно: здесь они, как и во всех иных селах и городах, грабили и убивали мирных жителей. А почему подверглись осмеянию, придется пояснить несколькими краткими выдержками из очерка Василия Семеновича.

Вот картинка их вступления в это русское село:

"Головы солдат были повязаны платками. Некоторые надели под черные шлемы детские капоры и вязаные женские рейтузы. Многие солдаты волочили за собой детские салазки, груженные одеялами, подушками, мешочками с едой. Некоторые впрягли в детские санки жеребят и подгоняли их...

Колхозники смотрели на эту необычайную колонну войск. Древние старики прятали в бородах умную, злую усмешку... Немцы разбрелись по избам, злые, голодные, одновременно страшные и смешные, людишки-хорьки. Наш мудрый народ сразу подметил, что эти кровавые солдаты стали смешными. И в рассказах об ужасах оккупантов, о бесчинствах, о зверствах фашистов вместе с гневом проскальзывают нотки народной издевки и презрения".

Одна из колхозниц рассказывала писателю:

- Не видала я, чтобы люди столько жрали. Цельный день грабят народ собирают харчи и жрут. А ночью вызовут из сеней: "топи, топи!" - кричат - и опять жрать... Стыда у них никакого - голыми при женщинах ходят. Котелки полощут и на пол помои выливают, кости гложут - и все на пол...

Другой рассказ:

- Набились в хату, стоят у печки, как кобели, худые, стучат зубами, трясутся, руки прямо в печку суют... Только обогрелись, стали чесаться... Ужас смотреть и смешно... Как собаки лапами чешутся...

От себя писатель добавляет:

"Четыре дня простояли немцы в этом селе. Дальше они не пошли. Их погнали назад. Лежат их мертвые тела, полузасыпанные снегом, валяются каски, снарядные ящики, патроны, стоят разбитые машины, брошенные ими пушки... Возле убитых лежат фотографии, десятки, сотни фотографий. Вот солдаты маршируют по улицам пылающего Белграда, вот они стреляют в цель по картинам в польском замке, вот идут по площади Парижа, вот купаются они в бассейне перед мертвым, сгоревшим дворцом, вот они на развалинах крепости, вот их самодовольные, пьяные лица выглядывают из-за батареи бутылок в ресторане побежденного норвежского города. Эти фотографии, наверное, размножены, висят на стенах немецких домов, заполняют семейные альбомы на столиках.

Теперь преступной романтике гитлеровской армии, отравившей душу Германии, пришел конец. Те, кто изображен на этих фотографиях, лежат мертвыми на снежных полях, либо идут по дорогам, волоча саночки с крестьянскими одеялами и подушками. Идут крикливые, прожорливые, вшивые, проклятые и осмеянные русским народом, идут убийцы детей и стариков".

29 декабря

Почти каждый день публикуются сообщения Совинформбюро о новых и новых населенных пунктах, отбитых у противника. Одни из них, скажем, Одоев, Наро-Фоминск, Белев, Тим, обозначены на картах кружочками, другие помельче - еле заметными точками. Но каждый из них нам дорог. Это освобожденная родная земля, вызволенные из фашистской неволи советские люди, еще один шаг к Победе.

Высокий класс оперативности показали в эти дни наши корреспонденты. Но некоторые из них настолько "замотались", что стали допускать досадные промахи.

Об освобождении Белева нам стало известно поздно вечером. И хоть мы знали, что где-то там находятся Симонов и Кнорринг, получить от них какие-то материалы о Белеве именно в тот вечер никто не рассчитывал. Вдруг появляется неведомый нам летчик и вручает пакет с собственноручной надписью Кнорринга: "Город Белев, освобожденный частями Красной Армии. Снимок сделан с самолета, пилотируемого летчиком Туловым". Восторгам нашим и похвалам Кнорringу не было, как говорится, ни конца ни края. А чуть позже выяснилось, что Кнорринг, увидев этот свой снимок в "Красной звезде", в отчаянии схватился за голову: снят был с воздуха не Белев, а Одоев, куда он летал вместе с Симоновым за

три дня до того. Хотели мы было дать поправку, но сравнили белевскую пленку с одоевской и отказались от этого: и в Одоеве и в Белеве разрушения были очень схожими.

Ох уж этот Одоев! Запомнился он мне.

В романе Симонова "Так называемая личная жизнь" есть очень впечатляющая сценка размолвки с редактором главного героя этого произведения Лопатина по возвращении из только что освобожденного Одоева. Позволю себе воспроизвести ее здесь с некоторыми несущественными в данном случае сокращениями:

"Не заходя к редактору, чтобы тот не сбил его, Лопатин заперся и к вечеру написал очерк "В освобожденном городе"...

- Я уже знаю, что ты вернулся, - сказал редактор, когда Лопатин с очерком в руках вошел в его кабинет, - но приказал тебя не отрывать. Есть одна важная новость для тебя, но давай сначала прочтем.

Фразу насчет новости Лопатин пропустил мимо ушей, - наверное, еще какая-нибудь поездка, которую редактор считает особенно интересной - и, став у него за плечом, стал следить, как тот читает очерк.

Редактор поставил сначала одну птичку, потом вторую, потом третью, жирную, - против слова "испуг". Поставил, повернулся к Лопатину, словно желая спросить его: что же это такое? Но раздумал и уже быстро, не ставя никаких птичек, дочитал очерк до конца.

- Хорошенькая теория, - сказал он, бросив на стол очерк, и быстро зашагал по комнате. - Большой подарок немцам сделал бы, напечатав твое творение...

- Почему подарок?..

- А потому, - сказал редактор, - что немцы возьмут очерк и перепечатают во всех своих вонючих оккупационных листках, мол, не бойтесь, дорогие оккупированные граждане, милости просим, служите у нас, даже если потом опять попадете в руки Советской власти, все равно вам за это ничего не будет... Ты только подумай, к чему ты, по сути, призываешь в своей статье...

- К тому, чтобы всех не стригли под одну гребенку, только и всего.

- А гребенка тут и должна быть только одна - служил у немцев или не служил! Время военное, все эти "с одной стороны, с другой стороны" надо оставить, по крайней мере до победы.

- Допустим, - упрямо сказал Лопатин, - а все-таки как надо было поступать этому инженеру-коммунальнику, о котором я пишу?

- Не знаю, - отрывисто сказал редактор. - Не надо было оставаться или не надо было на работу являться... Самому

думать, как поступать. А раз остался, пусть теперь расхлебывает кашу...

- Что значит "пусть расхлебывает"? Что же, эти люди виноваты, что ли, что мы отступили почти до Москвы? Мы отступили, а они пусть расхлебывают?

- Надо было отступать вместе с армией, - отрезал редактор, злясь от сознания собственной неправоты.

- Матвей...

- Что Матвей?

- А то, что у тебя пять корреспондентов в окружении остались, не сумели выйти, а ты хочешь, чтобы эта женщина с грудным ребенком и матерью-инвалидкой вместе с войсками ушла?! Ты хочешь, чтобы от границы до Москвы все успели на восток уйти, когда немцы летом танками по сорок километров в сутки перли... Кому ты говоришь? И ты, и я это своими глазами видели! А теперь пусть "расхлебывают"...

- Разговор твой не ко времени. Увидел пять взятых городов и расчувствовался, а мы, между прочим, не Берлин берем, а под Москвой еще сидим, если глядеть правде в глаза. Рано разнюниваться! Сейчас без железной руки не только то, что отдали, не вернем, но и то, что вернули, между пальцами упустим... В общем, хватит! - сказал редактор. - Совесть надо иметь! Когда вам от меня достается - это вы знаете! А что мне за вас бывает - это одна моя шея знает! - Он сердито хлопнул себя по шее. Забирай к чертовой матери свой очерк и считай, что у нас не было этого разговора. - Редактор снова схватил очерк со стола и на этот раз, почти скомкав его, сунул Лопатину. - Забирай, иди и высыпайся, завтра под Калугу поедешь!.."

Эта сцена воспроизведена Симоновым в романе, можно сказать, с натуры. Только заменены имена редактора и корреспондента. Такой или почти такой разговор произошел между мною и Симоновым.

В Одоеве судьба свела Симонова с двумя, по всем признакам, честными советскими людьми: инженером-коммунальником и бывшей машинисткой райисполкома. Первый, по требованию оккупационных властей, восстановил что-то в городском коммунальном хозяйстве, отчего выиграли не столько оккупанты, сколько все население города. А вторая, чтобы спасти от голодной смерти троих своих детей, вынуждена была поступить на должность машинистки в городской магистрат. Их поставили потом в один ряд с изменниками Родины. Симонов усмотрел в этом несправедливость и восстал против нее в своем очерке, который так и назывался "В освобожденном городе".

Должен признать теперь, что Симонов в общем-то был прав,

он смотрел вперед. Много, очень много городов и сел нам предстояло освобождать, и нельзя было ни тогда, ни позже уйти от проблемы, которую поднял писатель. Не могу сказать, что я безучастно отнесся к ней. Но такое выступление военной газеты едва ли было бы понято и поддержано тогда. Гораздо вероятнее то, что оно было бы осуждено. И дело не в том, что я опасался неприятностей. Всякий редактор, если он хочет быть редактором в высоком партийном понимании этого слова, не должен бояться, как у нас говорили, "ходить на острие ножа", ставить жгучие вопросы. Я остерегался другого болезненного восприятия такой постановки вопроса в войсках, борющихся с врагом не на живот, а на смерть, охваченных священной ненавистью к нему и непримиримостью к тем, кто вольно или невольно служит фашистам...

* * *

В этом же номере опубликован большой очерк Бориса Галина "Казаки". Когда мы получили очерк и я его прочитал, невольно вспомнил, как Галин начинал свою работу в "Красной звезде".

В нашем коллективе за Борисом Галиным закрепилось имевшее в войну хождение добродушно-веселое звание "рядовой, необученный". В армии он никогда не служил и к военному делу приобщен не был. В молодости Галин работал в одной из московских типографий печатником, получил серьезную травму руки, и с воинского учета его списали начисто. Когда началась Отечественная война, Галин встревожился: не окажется ли он, всегда находившийся на переднем крае пятилеток, вдруг где-то в тылу, позади главных событий войны.

Помочь Галину вызвался его товарищ еще по Донбассу Борис Горбатов. Батальонный комиссар Горбатов уезжал во фронтовую газету, и Галин упросил его взять с собой. Однако Галин понимал, что ему уже не "шестнадцать мальчишеских лет", когда можно было попросту "сбежать" на фронт, и на всякий случай послал телеграмму начальнику Главного политического управления, который хорошо знал и ценил писателя еще по "Правде". Галин просил послать его в действующую армию. На второй день ему позвонили из ГлавПУРа и предложили явиться на Малую Дмитровку, к нам в редакцию.

Так неожиданно для себя Галин стал корреспондентом "Красной звезды". Числился он поначалу в звании рядового. Немного позже появились на его петлицах шпалы старшего политрука. В то время как у всех коллег Галина периодически, в соответствии со стажем и заслугами, менялись знаки различия на петлицах, а потом - количество звездочек на погонах, наш "рядовой, необученный" проходил в одном и том же звании всю

войну.

Галин не был военнообязанным, и звание старшего политрука редакция "присвоила" ему самовольно, даже не приказом, а обозначив это только в удостоверении личности. Шпала, хотя и одна, имела все же большую пробивную силу, столь необходимую корреспонденту, чем петлицы рядового.

Прослужил Галин верой и правдой все четыре года войны в "Красной звезде", но, надо сказать, строевого внешнего блеска так и не приобрел.

Но если со строевой выправкой у Галина ничего не выходило, то фронтовая закалка пришла к нему довольно быстро. Всю войну он почти безвыездно провел в действующих армиях и чести краснозвездовцев не посрамил.

Надо заметить, что при всей внешней субтильности Галин был неимоверно вынослив. Многие завидовали его работоспособности на фронте. После трудного дня и бессонной ночи мог с ходу засесть за очерк или корреспонденцию и передать материал в номер. Для "вдохновения" ему требовался лишь стакан теплого чая и кусочек сахара.

"Стихией" Галина были полк, рота, окопы, солдатские землянки и блиндажи. А всегдашнее кредо: пишу то, что вижу, или, как говорили старые артиллеристы, не вижу - не стреляю. Эту фразу не раз слыхал он от Горбатова и любил ее повторять.

Человек на войне - такую стезю избрал Галин. Он не искал сенсаций, не стремился удивить читателя. Его "сенсацией" были люди. Он "открывал" человека, и это ему, к счастью, удавалось.

В этом отношении из всего, что Галин написал за прошедшие полгода, очерк "Казаки" наиболее характерен, типичен и для устремлений, и для стиля писателя. В очерке, переданном с Южного фронта, рассказывается об одной примечательной истории. И вновь Галин оставался верен себе - написал не столько о делах оперативных, сколько о душевных, о внутреннем мире людей, их характере, чувствах, переживаниях, о том, что было ближе и понятнее всего "штатскому" корреспонденту.

Писатель повествует о двух командирах полков - братьях Батлуках из старинного казачьего рода. Батлуки были знамениты с давних времен и особенно тем, что в гражданскую войну весь их род - три брата, четыре сестры, отец и мать - ушли в партизанский отряд. В эту войну старший брат, майор Никифор, и младший, капитан Иван, сформировали из добровольцев два казачьих полка и, разъехавшись в разные стороны великого фронта Отечественной войны, доблестно сражались с гитлеровцами. В дни нашего наступления на Ростов-на-Дону они встретились, и полк Ивана стал правым соседом полка Никифора.

Галин описал их встречу:

"Ночью, когда Батлук вместе с начальником штаба Парамоновым разрабатывали план предстоящей операции, дверь избы скрипнула - и на пороге в клубах морозного воздуха показался казак. Он был закутан башлыком почти до глаз. Подняв свечу над картой, майор Батлук долго всматривался в черную фигуру кубанца. Вошедший засмеялся тихим смехом, затем, распахивая бурку и протягивая вперед руки, вдруг сказал:

- Никифор, браток!..

Опрокидывая стол, майор Батлук кинулся к брату навстречу. Они молча обнялись. Высокие, худощавые, кареглазые, они казались близнецами. Только седина чуть выделила младшего брата. Старший молча указал на орден Ленина, сиявший на груди Ивана. Младший сказал тихо: "За Днестр..." Потом, когда улеглась радость первой встречи, братья склонились над картой..."

Целую неделю пробыл Галин в казачьих полках. Ходил с братьями Батлуками в поход, делил с ними трудности и опасности фронтовой жизни, ел, как говорится, из одной миски, подружился с боевыми командирами. Любовь и уважение к ним и родили его повествование. Быть может, поэтому он и назвал свой очерк "Братья Батлуки". Правда, в газете он появился под другим названием - "Казаки". И не случайно. Дело в том, что, прорвавшись в казачьи районы, фашисты распространяли брехню, что казаки якобы приветствуют приход немцев. Очерк Галина красноречиво свидетельствовал, что казаки встречают гитлеровцев не хлебом-солью, а свинцом. А наш заголовок, решили мы, сразу же и привлечет к этому внимание...

31 декабря

Последний номер "Красной звезды" в 1941 году. В мирное время в таких номерах обычно идет разговор об успехах, достигнутых за пройденный год. На этот раз газета выглядит иначе: в ней отражены успехи лишь самых последних дней. Опубликовано сообщение Совинформбюро о высадке десанта на Крымский полуостров, освобождении от противника города и крепости Керчь, а также Феодосии.

Этому отрадному событию посвящена вся первая полоса. Кроме сообщения Информбюро здесь же заверстаны телеграмма Верховного главнокомандующего командующему Кавказским фронтом генерал-лейтенанту Д. Т. Козлову и командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Ф. С. Октябрьскому, фотографии генералов и адмиралов, осуществивших эту

операцию, и передовая статья "Вперед, бойцы Кавказского фронта!".

Лучшей праздничной полосы и придумать нельзя!

С Западного фронта вестей было мало - продвижение небольшое. Шире представлен Ленинградский фронт. Напечатана статья генерала И. И. Федюнинского "Волховская операция 54-й армии". По масштабам эта операция, конечно, уступала Московской, но значение ее тоже велико: как уже говорилось выше, от успеха или неуспеха этой операции в значительной мере зависела судьба Ленинграда.

Подобающее место заняли на газетных полосах писательские материалы.

Напечатано стихотворение Николая Тихонова "Пощады нет!".

Пощады нет, и, мстя, мы твердо знаем
Она пройдет - смертельная пурга.
Последний залп над Рейном и Дунаем
Сразит насмерть последнего врага.

Это первое с начала войны стихотворное выступление Тихонова в "Красной звезде". За ним последовали его поэмы, рассказы, корреспонденции, очерки, в том числе знаменитые "Письма" из Ленинграда. Мы очень радовались его сотрудничеству с нами. И Тихонов был рад. В своих послевоенных воспоминаниях он отметил:

"Я видел своими глазами, как читают "Красную звезду" с первой до последней страницы на переднем крае, какой популярностью она пользуется в массах и как велика сила ее вдохновенного слова. Большой гордостью для меня было печататься в такое время в такой газете, за которой следил миллионный, необыкновенный читатель, с оружием в руках громивший фашистских захватчиков".

Стихи Тихонова "Пощады нет!" были о том, что особенно жгло душу народа. По мере продвижения наших войск вперед раскрывались все новые и новые злодеяния гитлеровцев, обнаруживались чудовищные документы, свидетельствовавшие, что убийства и истязания мирных жителей, расстрелы пленных, грабежи, поджоги - не случайность, а тщательно продуманная и организованная система. В трофейных документах, захваченных при разгроме 512-го пехотного полка, был обнаружен такой приказ:

"Всякий раз оставляемая нами местность должна представлять собой зону пустыни. Чтобы произвести основательные разрушения, надо жечь все дома... Каменные

постройки взорвать. Подвалы уничтожать. Мероприятия по созданию зоны пустыни должны быть беспощадно и полностью подготовлены и выполнены".

Те, кто пережил войну, отлично помнят, какие ответные чувства будили у наших людей все эти варварства. Чувства народа ярко выражала и наша поэзия. За день до выступления Николая Тихонова "Красная звезда" опубликовала три стихотворения Алексея Суркова под общим заголовком "Наша ненависть". Одно из них, начинавшееся строкой "Человек склонился над водой", я уже приводил. О том же и другое стихотворение "Старуха". А вот третье:

Грузовики, рыча, неслись куда-то,
Валялись трупы беженцев в пыли.
Два пехотинца пленного солдата
С передовой в армейский штаб вели.
У самого шоссе, воронку вырыв,
Убила бомба четверых ребят.
И, побледнев, один из конвоиров
Занес над немцем кованый приклад.
Другой взглянул в глаза и понял сразу,
И на плечо легла его рука.
- Уйми себя... Не надо... По приказу
Мы в штаб живым доставим "языка".
Был день. Был зной. Горела ярко хата.
Вой "мессершмиттов" замирал вдали.
Два пехотинца пленного солдата,
Скрипя зубами, по шоссе вели.

При чтении этого стихотворения сразу же вспоминается очерк Симонова "Дорога на Запад". Почти такая же ситуация.

И Сурков и Симонов, неутомимо шагавшие и колесившие по дорогам войны, одинаково верно отразили суровую правду жизни, увиденную собственными глазами. Один - стихами, другой - и стихами и прозой.

Оригинален репортаж Евгения Габриловича.

На обширное поле, неподалеку от поселка Крюково, наши трофейные команды свозили всевозможную боевую технику противника. Делалось это без далеко идущих целей, просто для порядка и учета. Совершенно неожиданно там образовалась своеобразная выставка трофеев.

Писатель ходил по этому полю, словно по некоему музею - из отдела в отдел. А потом талантливо описал это кладбище машин смерти и жалкие следы жизни тех, кто управлял ими.

Вот "отдел" танков. "Они стоят тесными рядами. У некоторых перебиты гусеницы, у других разворочены башни. Рядом с танком, захваченным в полной сохранности, стоит танк, расколотый снарядом пополам - две разодранные, отделенные друг от друга половины. Тут же танк с начисто вырванными внутренностями..."

Габрилович заглянул внутрь танков, потом тщательно осмотрел автомашины, автоприцепы. Чего там только не было! Свертки всяческого домашнего скарба, награбленного по нашим городам и весям, замысловатая курительная трубка с надписью: "Память о Белграде. Смерть сербам!" Внутри одного из танков прямо на броне записаны названия городов, которые он разрушал огнем и гусеницами: "Прага. Варшава. Роттердам. Салоники. Минск..." Последней записана Вязьма.

По понятным причинам, писатель проявил повышенное внимание к содержимому штабных автомобилей. Увы, оно мало отличалось от содержимого грузовиков и танков.

"Конечно, - пишет Габрилович, - господа штабисты не интересуются крестьянскими юбками. Будем справедливы: в штабных машинах не видно ни старых штанов, ни будильников, ни кастрюль... Интересы господ штабистов сложнее и монументальней. В одной из штабных машин мы видим швейную машину, аккуратно запакованную в ящик; в другой - две хрустальные вазы, завернутые в солому. В третьей - рулон материи для обивки мебели. Тонкие интересы!"

Еще один "отдел" - пушки и гаубицы. Среди них два гигантских орудия. Те самые, которые были предназначены для обстрела Москвы. Они не успели произвести ни одного выстрела - нами захвачены не только эти пушки, но и целехонькие снаряды к ним. На упаковке одного из них черной краской выведено: "Подарок Москве".

"Придет час, - прозорливо прокомментировал писатель, - мы возвратим такой же подарок Берлину". Евгений Иосифович как в воду смотрел. Через три с половиной года в "Красной звезде" был напечатан репортаж о встрече на кольцевой автостраде "Берлин-ринг" с артбатареей капитана Чирьева. Эти наши артиллеристы везли ящик с двумя снарядами, на которых белой краской было написано: "Для Берлина". А к снарядам приложена записка двух работниц завода боеприпасов - Минченко и Бураковой - с настоятельной просьбой к солдатам "доставить подарок по адресу". Снаряды не остались в ящике, как те немецкие в сорок первом году. Они были доставлены по адресу...

* * *

После возвращения из Калинина мы задержали Симонова в

Москве. Наших спецкоров из резерва, так сказать, редакционного "главного командования" мы теперь придерживали для больших городов. И вот мне стало известно, что на днях 50-я армия должна освободить Калугу. Правда, там были наши испытанные корреспонденты Павел Трояновский и Олег Кнорринг. Однако писательское подкрепление не помешает. Решили послать Симонова. Напутствие было кратким:

- Поезжай в 50-ю армию. Возьмешь Калугу и вернешься...

Не удалось Симонову "взять" Калугу. Вспоминаю, что через день-два из Тулы раздался звонок. Звонил Симонов.

- Ты почему застрял в Туле? Где твоя Калуга? - ошарашил я его.

Он объяснил. Выехал на "эмке". Разыгралась пурга. Пробиться не смогли. Вынуждены были вернуться в Тулу. Нужен самолет...

- Хорошо, Костя. Жди самолета, - пообещал я. Командующий ВВС выделил "У-2". Посадили в самолет Темина. Но и авиация оказалась бессильной перед метельной стихией. Добрался Темин в Тулу лишь на третий день. А в Калуге уже идут уличные бои. Надо торопиться. Полетели туда Симонов и Темин. Снова сплошной снегопад. Вскоре метель перешла в бурю. Летчик заблудился и сел на какой-то безвестной поляне. Потеряли ориентиры. Единственный выход, решили они, вернуться в Тулу и все начать сначала. Но не так-то легко это было сделать. Полдня они раскачивали самолет, чтобы освободить из плена лыжи, застрявшие в глубоком сугробе. А когда прилетели в Тулу, Симонов еле дополз до койки. Врачи установили растяжение мышц; по всем данным, он надорвался, раскачивая самолет. Медицина приказала лежать и не шевелиться.

Симонов все же рассудил, что нет смысла валяться здесь, в Туле, на попутной "эмке" вернулся в Москву и сразу же явился ко мне. Трояновский меня уже предупредил о "приключениях" Симонова, и без лишних разговоров я отправил его в "картотеку" отлеживаться.

Кстати, Трояновский просил меня не беспокоиться: калужский материал будет. Корреспонденция готова, сейчас он отправляется в Калугу, и как только город очистят от немцев, он допишет концовку и передаст в Москву. Начальник штаба армии полковник Аргунов пишет обзорную статью о боях за Калугу. Будут и фото. А мы знали, что Трояновский любыми средствами - на вездеходе, верхом, на самом черте или дьяволе - доберется в город и газету не подведет.

Через пару дней Симонов поднялся с койки, зашел ко мне. Как раз в это время мы сидели над планом номера газеты последнего дня декабря и последнего дня сорок первого года.

Писатель посмотрел на макет полос и глубоко вздохнул, словно чувствовал себя в чем-то виноватым: ничего он не привез из последней поездки, и ничего не было у него для предпраздничной газеты. Я понял его настроение.

- Почему нет? Помнишь, ты мне рассказывал о своей первой поездке на фронт - в июне и июле. Как тяжело и горько тогда было. О наших жестоких неудачах и уроках, о горестных дорогах, по которым мы отступали. Тогда мы не смогли напечатать. А сейчас пиши прямо, как все было. И о Кутепове напиши - мы ведь о нем еще ни одного доброго слова не сказали. Сейчас есть с чем сравнить, что было тогда и что - теперь... Пойдет в номер, - заключил я.

Симонов снялся со своего места, а я, вспомнив наш разговор с ним в октябре по его возвращении с Арабатской стрелки, крикнул вдогонку:

- И про себя напиши. Все, что тогда делал и пережил. Больше веры будет...

Умчался Симонов. Вскоре зазвучал его голос, словно с трибуны - он диктовал машинистке свою статью "Июнь - декабрь".

Совершенно неожиданно для меня и, полагаю, для самого Симонова эта статья, занявшая два подвала, оказалась "гвоздем" предновогоднего номера "Красной звезды". Этой статьей Симонов открылся нам и как блестящий публицист. Это было самое лучшее, как мы считали и как он сам считал, из всего написанного им за первые шесть месяцев войны.

Потом появятся статьи, которые подведут итоги того полугодия, если можно так сказать, в стратегическом, оперативном и тому подобных разрезах. В статье же Симонова подводился нравственный итог увиденного и услышанного писателем за первое военное полугодие. Впервые с такой откровенностью прозвучали его слова о трудных днях наших отступлений и поражений. И с такой непоколебимой уверенностью было заявлено о повороте, который произошел под Москвой и потряс наше собственное сознание, а еще больше, пожалуй, сознание гитлеровских войск, не знавших до того подобных поражений.

Есть в статье и слово "перелом", вокруг которого впоследствии разгорелись жаркие дискуссии. Ведь даже в начале сорок третьего года, когда Илья Эренбург написал статью о нашей победе на Волге и озаглавил ее "Перелом", мы долго думали-гадали и все же решили назвать по-другому: "Сталинград - важнейший этап войны". Лишь позже было установлено, когда надо писать "начало перелома", когда - "перелом", а когда - "коренной перелом"...

Что ж, историкам, как говорится, и карты в руки. Историки правы, и Симонов по-своему прав. В той его статье сказано: "Произошел великолепный гигантский перелом в психологии наших войск, в психологии наших бойцов". Это действительно было так.

* * *

На третьей полосе - очерк Василия Гроссмана "Шагай быстрей!". Сюжет таков.

Служил в полку писарем рядовой Матвеев, донецкий шахтер. Он крайне тяготился этой должностью. Не раз обращался к своему начальству с просьбой послать его в разведку:

- Товарищ капитан, как хотите, только я этим писарством больше заниматься не могу. Во-первых, ребята смеются... Во-вторых, воевать хочу. Козин, знаете, какой он грубый, говорит: у тебя даже морда в чернилах, и зовет меня "ведомость". "Ведомость, дай закурить". Разве это мыслимо терпеть? Я - рабочий Донбасса, за что вы меня обрекли?..

А тем временем в пятнадцати километрах от расположения полка развернулся полевой госпиталь. Из этого госпиталя Матвееву доставили записку. Писала жена: вот, мол, в разговоре с раненым узнала случайно, что ты тут, рядом, попроси разрешения повидаться. И Матвеев вдруг сразу получает два разрешения: от лейтенанта Озерова - навестить жену, а от капитана - сходить с разведчиками в ночной поиск. Возникает конфликт между чувством и долгом. В конечном счете верх берет долг: Матвеев уходит в разведывательный поиск.

Этот очерк, разверстанный на две колонки, не умещался в отведенное ему место. Оставался хвост строк в двадцать. Надо было сокращать. А сокращать написанное Гроссманом не так-то легко: у него все фразы и абзацы связаны железной логикой.

На мое счастье, зашел Симонов. Я возьми и попроси его сделать это сокращение, а заодно спросил: не выглядит ли надуманной ситуация, в какую попал Матвеев, жизненна ли она? Симонов, прочитав очерк, ответил:

- Ситуация, может быть, и не слишком жизненная, но психологически правдоподобная. Наверное, каждый из нас поступил бы так же, как Матвеев.

Сократив те двадцать строк, которые не влезали, Симонов стал прощаться; утром он собирался в Свердловск. Я разрешил ему слетать туда на два дня к родным.

Не успел Симонов выйти из моего кабинета - принесли сообщение о высадке наших войск на Крымский полуостров. Надо срочно посылать туда кого-то из корреспондентов. Я сказал Симонову, что пошлю Павленко. Пригласил Петра Андреевича к

себе - он жил и работал в соседней редакционной комнатке. Пришел Павленко, сгорбленный, кашляющий. Здоровьем он никогда не мог похвастаться. Вечно глотал какие-то порошки. Всегда его знобило. А тут, вижу, совсем он расхворался. Посылать его, даже в Крым, в таком состоянии, конечно, нельзя. Кого же послать?..

О том, как был разрублен этот гордиев узел, рассказал в своем дневнике Симонов:

"Я пошел в буфет пить чай.

Прошло, наверное, минут пятнадцать. Я успел выпить несколько стаканов чаю, когда в буфет позвонил Ортенберг.

- Слушай, Симонов, зайди ко мне. Я хочу все-таки послать в Крым тебя. Больше некого. Павленко заболел.

Когда я зашел, на редакторском столе еще лежал сокращенный рассказ Гроссмана.

- Так вот, - сказал Ортенберг, - выходит, некого послать. В крайнем случае я могу еще кого-нибудь найти - не Павленко и не тебя, но мне не хочется. Тебя я не заставляю. Как ты решишь, так и будет. Своих слов обратно не беру - можешь лететь в Свердловск. Ну? - Он нетерпеливо посмотрел на меня.

Я задумался. Очень уж я был, как говорится, одной ногой в Свердловске. Потом мы посмотрели друг на друга, наши глаза сошлись все на том же рассказе Гроссмана, и мы оба невольно улыбнулись.

- Ну что ж, - сказал я, - раз это психологически правдоподобная ситуация, то придется ехать. Только, если можешь, соедини меня перед этим по телефону со Свердловском..."

* * *

Со Свердловском я его соединил, хотя пришлось просить об этом самого наркома связи СССР. Первый разговор Симонова, как я понял, глядя на его скучное лицо, был не из приятных. Я снова соединился со Свердловском, сам поговорил с его близкими, объяснил им все и дал возможность Симонову второй раз переговорить с ними. Потом Симонов запишет в своем дневнике: "Второй разговор вышел не лучше первого, но я никогда не забуду Ортенбергу этого доброго поступка". Прочитав эти строки еще во время войны в оригинале дневников Симонова, я понял, что мое решение послать его на юг не оставило в душе Константина Михайловича досады и обиды...

* * *

Ротационная машина еще заканчивала печатание последнего номера "Красной звезды" за 1941 года, а редакция уже начала работу над первым номером 1942 года. Пришла корреспонденция

Трояновского об освобождении Калуги. Вслед за ней поступила статья начальника штаба 50-й армии Аргунова "Бои за Калугу". Это тоже вполне праздничный материал.

Вычитывается статья Героя Советского Союза, знаменитого летчика А. Белякова "Наша авиация". Пишется передовая - "К новым победам!". Ушли в набор статьи Ильи Эренбурга "С новым годом", Петра Павленко - "1941-1942", Ванды Василевской - "Ненависть". Алексей Толстой сообщил, что тоже выслал нам свои материалы - писательские раздумья об итогах минувшего сорок первого года и перспективах будущего сорок второго...

В редакционной суете мы не заметили, как обе стрелки часов одновременно коснулись цифры "12", перешагнули в новый год.

Отпраздновали мы его необычно. Фронтовым корреспондентам была послана телеграмма, обязывавшая их провести новогоднюю ночь в боевых частях. И я знаю, что одни из них ушли на передний край к пехоте, другие - к танкистам, третьи летали в ту ночь на бомбардировщике бомбить вражеские позиции. Не задержались в редакции и те, кто делал газету в Москве. Как только ротация выбросила первые тысячи экземпляров новогоднего номера, каждый из нас - от литературного сотрудника до редактора, - прихватив пачку газет, тоже отправился на фронт, чтобы разделить с героями битвы за Москву радость побед, наши тревоги и наши надежды.

Наступление советских войск продолжалось...

notes

Примечания

1

Здесь, очевидно, ошибка поэта: А. Г. Железняков погиб 26 июля 1919 г.